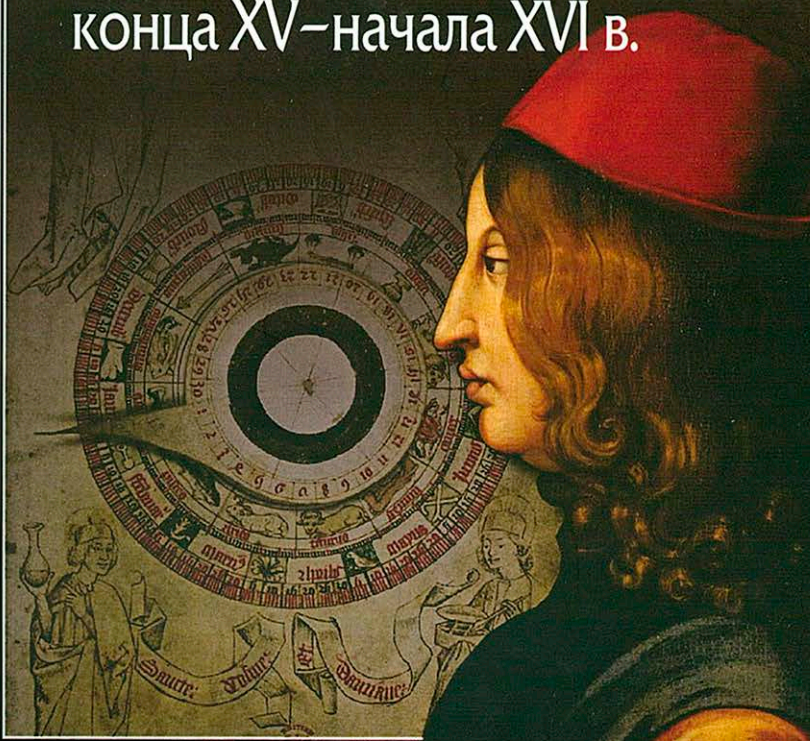

О.Л. Акопян

Волки в овечьих шкурах

«Рассуждения против
прорицательной астрологии»
и ренессансная мысль Италии
конца XV–начала XVI в.

Волки в овечьих шкурах

О.Л. Акопян

Ovanes Akopyan

Wolves in Sheep's Clothing:

*the Disputationes adversus
astrologiam divinatricem
and Italian Renaissance
Thought in the Late
XVth–early XVIth Centuries*

Center for humanitarian initiatives
Moscow–Saint-Petersburg
2018

О.Л. Акопян

Волки в овечьих шкурах:

«Рассуждения против
прорицательной астрологии»
и ренессансная мысль Италии
конца XV–начала XVI в.

Центр гуманитарных инициатив
Москва–Санкт-Петербург
2018

УДК 94(100-87)(09)
ББК 63.3(0)4
А40

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:
д.и.н., проф. И.А. Краснова
д.и.н., в.н.с. ИВИ РАН М.А. Юсим

Акопян О.Л.

А40 Волки в овечьих шкурах: «Рассуждения против прорицательной астрологии» и ренессансная мысль Италии конца XV–начала XVI в. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. — 256 с. — (MEDIAEVALIA).

ISBN 978-5-98712-835-0

В книге рассматриваются споры о статусе астрологии, которые развернулись в ренессансной Италии конца XV–начала XVI в. Причиной дискуссии послужила публикация в 1496 г. последнего трактата Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) «Рассуждения против прорицательной астрологии». Выделявшийся образованностью и широтой интересов даже на фоне своих современников и еще при жизни ставший легендой, Джованни Пико подверг астрологию сокрушительной критике. Его поддержали Джироламо Савонарола и племянник Джованни Пико Джанфранческо Пико делла Мирандола, после смерти дяди готовивший «Рассуждения» к печати. Правда, публикация трактата встретила сильную оппозицию, в частности, со стороны главы неаполитанской Академии Джованни Понтано. Наконец, отголоски полемики донесли до Руси, где против астрологических прорицаний выступил Максим Грек, в момент публикации «Рассуждений» находившийся в Италии и поддерживавший тесную связь с Джанфранческо Пико и Савонаролой.

Книга адресована историкам, филологам и философам, а также всем интересующимся культурой ренессансной Италии и Европы в целом.

ISBN 978-5-98712-835-0

© Акопян О.Л., 2018

© Гладков А.К., составление серии, 2018

© Центр гуманитарных инициатив, оформление, 2018

Содержание

Предисловие	7
Часть I. <i>Scientia naturalis</i>, каббала и небесные сферы: астрологические воззрения Джованни Пико делла Мирандола (1486–1493)	13
§ 1. Комментарий к «Канцоне о любви» Джироламо Бенивьени	22
§ 2. Трилогия	27
§ 3. «Гептапл» и «Комментарии на Псалмы»	35
Часть II. От признания к отрицанию:	
Джованни Пико делла Мирандола против астрологии	43
Глава I. «Рассуждения против прорицательной астрологии»: особенности и структура текста	45
Глава II. Читая тексты: Джованни Пико делла Мирандола и его источники	50
Глава III. «Лучший из худших»: Птолемей и «астрологическая традиция» в «Рассуждениях против прорицательной астрологии»	67
§ 1. Критика астрологических практик	73
§ 2. «Столбов» Псевдо-Птолемея в «Рассуждениях против прорицательной астрологии»	80
§ 3. «Великие конъюнкции», Абу Машар и «другие астрологи»	89
§ 4. Астрология на службе религии?	95
Глава IV. Назад к Аристотелю? Натуральная философия в «Рассуждениях против прорицательной астрологии»	110
Глава V. Грехи молодости: Джованни Пико делла Мирандола против «древней теологии»	134
Часть III. Астрология после «Рассуждений против прорицательной астрологии»: <i>pro</i> и <i>contra</i>	151
Глава I. Теология для народа: Джироламо Савонарола и трактат «Против астрологов»	153
Глава II. «Предзнание», «древняя ересь» и астрология: Джанфранческо Пико делла Мирандола между дядей и учителем	167
Глава III. С «латинянами» против «латинского нечестия»: Максим Грек и рецепция астрологических споров на Руси	187
Глава IV. Отвечая по пунктам: Лучо Белланти и «христианская астрология»	200
Глава V. Переводчик, поэт, политик: Джованни Понтано против Джованни Пико делла Мирандола	211
Заключение	230
Библиография	232
Указатель имен	249
Summary	253
Contents	255

Моим учителям

Предисловие

В широком сознании астрология редко ассоциируется с академическими исследованиями. Автору этих строк неоднократно приходилось оправдываться: нет, интерес к тому, как к астрологии относились в Средние века и эпоху Возрождения, никак не связан с верой в ее действенность и носит исключительно научный характер. Беглого взгляда достаточно, чтобы понять — влияние астрологии на европейскую средневековую культуру было чрезвычайно сильным: после XII в., когда на Западе появились многочисленные тексты, переведенные по большей части с арабского на латынь, вплоть до XVII столетия оккультные науки служили источником для многих философских и художественных произведений. Астрология в этот период не воспринималась в категориях сегодняшнего дня. По утверждению сторонников ее применения, предназначение астрологии — быть спутницей астрономии, подобно техническому инструменту на службе теоретических изысканий; поэтому вплоть до «научной революции» XVII в. четкого разделения между этими двумя областями знания не существовало. Нередко в заглавиях средневековых трактатов по астрономии можно встретить слово «астрология»; равно как и наоборот. Это, несомненно, повышало статус астрологии. Более того, до момента своего угасания она претендовала на связь с философией природы и даже с теологией.

Нельзя также забывать о теснейшей связи оккультных дисциплин — и особенно астрологии — с зарождающейся наукой¹. В своей статье 1955 г., небольшой по объему, но фундаментальной по замыслу, Л. Торндайк, автор монументальной 8-томной «Истории магии и экспериментальной науки»², предположил, что значение средневековой и ренессансной астрологии определяется тем, что она способствовала последующему развитию астрономии³. Та же мысль проходит и через весь знаменитый многотомник: по мнению Торндайка, наука раннего Нового времени могла родиться лишь в недрах магических спекуляций предыдущих эпох. В XVI–XVII вв. те области, которые прежде были теснейшим образом связаны с разного рода оккультными штудиями, например,

¹ Этому историографическому вопросу я посвятил статью: *Акопян О.Л.* От споров об астрологии к новой астрономии? К вопросу об одной историографической проблеме // *Вопросы истории естествознания и техники.* 2015. № 4. С. 625–641.

² *Thorndike L.* A History of Magic and Experimental Science. N.Y., 1923–1958. Vol. 1–8.

³ *Idem.* The True Place of Astrology in the History of Science // *Isis.* 1955. Vol. 46. № 3. P. 273–278.

астрологическая медицина или алхимия постепенно лишаются подобных примесей и делают серьезный шаг в сторону более точного знания.

С другой стороны, тезис Торндайка, несомненно, страдает упрощением. Во-первых, по его мнению, средневековые магические спекуляции следует рассматривать как трамплин к науке Нового времени, что мешает уже нам, современным комментаторам, воспринимать реальные интенции авторов, посвящавших себя этим вопросам. Кроме того, нельзя забывать, что в их числе были не только практикующие маги, астрологи или алхимики, но и крупные философы и теологи — Альберт Великий, Роджер Бэкон, Петр из Аيي и многие другие⁴. Трудно представить, чтобы мыслители такого масштаба не пытались использовать новое для себя знание, видоизменяя его и адаптируя к собственным нуждам.

Наконец, из предположения Торндайка может возникнуть искусственное разделение на две эпохи: магическую и научную, как будто очищенную от любых форм оккультизма. Очевидно, что это не соответствует действительности. Нам хорошо известно, что во времена Николая Коперника астрология пользовалась огромной популярностью; как верно заметил один современный исследователь, в XVI–XVII вв. астрономы отнюдь не обладали монополией на изучение неба, а астрологи нередко были влиятельнее и известнее своих ученых коллег⁵. Иоганн Кеплер, Тихо Браге или Джироламо Кардано были практикующими магами⁶. Галилео Галилей пытался составлять гороскопы, хотя далеко не всегда преуспевал в этом занятии⁷. Наконец, Исаак Ньютон на протяжении всей своей жизни занимался алхимией⁸.

Ввиду того, что сейчас оккультные дисциплины, в частности, астрология, переживают очевидное возрождение, было бы полезно понять, что двигало ренессансными предшественниками наших суеверных современников. Ренессанс оказался заложником слишком прогрессивных интерпретаций: традиционно его воспринимают как время

⁴ О средневековой астрологии см.: *Pompeo Faracovi O. Scritto negli astri: l'astrologia nella cultura dell'Occidente*. Venezia, 1996. P. 169–198; *Boudet J.-P. Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l'Occident médiéval (XII–XV siècle)*. P., 2006.

⁵ Этому вопросу посвящена замечательная книга Р. Уэстмана: *Westman R.S. The Copernican Question. Prognostication, Skepticism, and Celestial Order*. Berkeley; Los Angeles; L., 2011.

⁶ *Boner P. Kepler's Cosmological Synthesis: Astrology, Mechanism and the Soul*. Leiden; Boston, 2013; *Thoren V. The Lord of Uraniborg: A Biography of Tycho Brahe*. Cambridge, 1990; *Grafton A. Cardano's Cosmos. The Worlds and Works of a Renaissance Astrologer*. Cambridge, MA, 1999.

⁷ *Rutkin D. Galileo Astrologer: Astrology and Mathematical Practice in the Late-Sixteenth and Early-Seventeenth Centuries // Galilaeana. Journal of Galilean Studies*. 2005. Vol. 2. P. 107–143.

⁸ Общие сведения об этом см. в: *Dobbs B.J.T. The Foundations of Newton's Alchemy or "The Hunting of the Greene Lyon"*. Cambridge, 1975; *Figala K. Newton's Alchemy // The Cambridge Companion to Newton / Ed. I.B. Cohen and G.E. Smith*. Cambridge, 2004. P. 370–386.

господства рационализма и начала формирования новоевропейской науки. Этому зачастую противопоставляют «темное» Средневековье, с крестовыми походами, инквизицией и охотой на ведьм, забывая, к слову, что знаменитый «Молот ведьм» был составлен в то же самое время, когда во Флоренции возрождали Платона, Сандро Боттичелли писал «Венеру», а ренессансные поэты изощрялись в стихосложении на латинском языке. Так же дело обстоит с пресловутым ренессансным «рационализмом». На конец XV в. пришелся форменный бум астрологической и магической литературы, который продолжался в XVI столетии. Вполне вероятно, что он был связан с все более распространявшимися в обществе эсхатологическими настроениями и ересями⁹; умами же простых людей — а иногда и их душами — постепенно овладевали разнообразны «пророки». Например, широкое освещение в литературе получила фигура «герметического пророка» Джованни Меркурия из Корреджо¹⁰. Не способствовало здоровой обстановке и состояние римской Церкви. Ярким ответом на духовные вызовы времени стали проповеди Джироламо Савонаролы. С другой стороны, решение насущных вопросов искали видные интеллектуалы. Одним из них был флорентиец Марсилио Фичино, первый переводчик Платона и Плотина на латинский язык, в учении которого религиозная догматика тесно переплеталась с неоплатонической философией и магией¹¹. Предложенная Фичино теория «древней

⁹ О духовной обстановке того времени см. в первую очередь: *Vasoli C. Temi mistici e profetici alla fine del Quattrocento // Idem. Studi della cultura del Rinascimento. Manduria, 1968. P. 180–240; Idem. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Wroclaw, 1974. P. 16–29; Idem. Prisca theologia e scienze occulte nell’umanesimo fiorentino // Storia d’Italia. Annali 25: Esoterismo / A cura di G.M. Cazzaniga. Torino, 2010. P. 175–205; Edelheit A. Ficino, Pico, and Savonarola: The Evolution of Humanist Theology. 1461/2–1498. Leiden; Boston, 2008; Акоюн О.Л. Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV–начала XVI вв.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. № 57. С. 76–92.*

¹⁰ *Kristeller P.O. Marsilio Ficino and Lodovico Lazzarelli: contributo alla diffusione delle idee ermetiche nel Rinascimento // Idem. Studies in Renaissance Thought and Letters. Roma, 1956. Vol. 1. P. 221–247; Idem. Ancora per Giovanni Mercurio da Correggio // Ibid. P. 249–257; Idem. Lodovico Lazzarelli e Giovanni da Correggio, due ermetici del Quattrocento e il manoscritto II. D. 4 della Biblioteca comunale degli Ardenti di Viterbo // Ibid. Roma, 1993. Vol. 3. P. 207–225; Ruderman D.B. Giovanni Mercurio da Correggio’s Appearance in Italy as Seen through the Eyes of an Italian Jew // Renaissance Quarterly. 1975. Vol. 28. P. 309–322.*

¹¹ О философии Фичино см. прежде всего: *Marcel R. Marsile Ficin (1433–1499). P., 1958. Allen M.J.B. Synoptic Art. Marsilio Ficino on the History of Platonic Interpretation. Firenze, 1998; Euler W.A. Pia philosophia et docta religio: Theologie und Religion bei Marsilio Ficino und Giovanni Pico della Mirandola. München, 1998; Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. M.J.B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln, 2002; Kristeller P.O. Il pensiero filosofico di Marsilio Ficino. Firenze, 2005; Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.*

теологии» стала попыткой не просто обогатить традиционное христианство новыми, зачастую оккультными смыслами, но и найти выход из этой безрадостной обстановки. В любом случае мнение известного отечественного философа А.Ф. Лосева о том, что флорентийский платонизм был сугубо светской теорией, которая «переживалась во Флоренции легко и непринужденно, а большей частью даже празднично и торжественно», а «флорентийским неоплатоникам жилось очень привольно и беззаботно», необходимо отбросить как анахронизм¹². С другой стороны, как верно замечает тот же Лосев, критикуя И.В. Пузино, было бы крайне неверно и неосмотрительно рисовать доктрину Фичино красками толстовства¹³. Подобные синкретические воззрения оказались в высшей степени востребованы в конце XV в. и позднее, после смерти Фичино, в Италии и за ее пределами.

Эта книга будет посвящена не Фичино, но его младшему современнику и, пожалуй, самому заметному мыслителю ренессансной Флоренции конца XV в. — Джованни Пико делла Мирандола. В его творчестве наиболее полно отразились те интеллектуальные веяния, которыми наполнилась столица итальянского Возрождения XV в. Несмотря на ряд существенных расхождений с Фичино в вопросе интерпретации Платона и Плотина, Джованни Пико оказалась близка доктрина «древней теологии», которую он обогатил практически неизвестным¹⁴ для Фичино источником — еврейским мистицизмом и каббалой. Результатом этого интереса стали не только пропитанные каббалой философские сочинения Пико, но и его опыты библейской экзегезы, в которых следование христианской экзегезе сочеталось с отсылками к еврейской традиции. Наконец, на позднем этапе своего непродолжительного, но насыщенного пути (он прожил всего 31 год) Пико был под влиянием Савонаролы. В последний год своей жизни он начал работать над масштабными «Рассуждениями против прорицательной астрологии». Хотя внезапная смерть в 1494 г. оборвала работу, «Рассуждения» принято считать самой внушительной атакой на астрологию до наступления «научной революции»¹⁵. «Рассуждения» — единственный текст

¹² Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 343.

¹³ Там же. С. 333–334. См. также: Пузино И.В. О религиозно-философских воззрениях М. Фичино // Исторические известия. 1917. № 2. С. 91–111.

¹⁴ Idel M. *Prisca theologia* in Marsilio Ficino and in Some Jewish Treatments // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy. P. 137–158. В. Рис недавно высказала предположение, что Фичино мог происходить из еврейской религиозной семьи. Ее работа скоро выйдет в очередном номере журнала *Accademia* (*Revue de la Société Ficin*). Я искренне благодарю ее за то, что она поделилась со мной своей находкой.

¹⁵ *Vanden Broecke S. The Limits of Influence: Pico, Louvain, and the Crisis of Renaissance Astrology*. Leiden; Boston, 2003. P. 55. «Рассуждения» изданы: *Pico della Mirandola G. Disputationes adversus astrologiam divinatricem / A cura di E. Garin*. Torino, 2004. Vol. 1–2. Латинский оригинал сопровождается переводом на итальянский язык, выполненным Э. Гарэном. До сих пор это единственный перевод трактата Пико на современный европейский язык.

Джованни Пико, специально посвященный астрологии, но он коснулся вопроса о ее легитимности практически во всех основных своих сочинениях. Таким образом, астрология у Джованни Пико интересна нам в двух ипостасях: с одной стороны, «Рассуждения против прорицательной астрологии» стали важной вехой в истории споров о статусе астрологии; с другой, — изменение его отношения к астрологии прямо коррелирует с трансформацией его собственных философских ориентиров и воззрений. Раскрывая астрологические взгляды Пико, за восемь лет, очевидно, прошедшие эволюцию, мы, пусть и не до конца, приближаемся к пониманию его мысли.

Предлагаемая вниманию читателей книга — итог длительных изысканий в области ренессансной философии, астрологии и магии. На втором курсе обучения в Московском университете восторженный юноша, твердо уверенный в собственном желании изучать итальянское Средневековье и историю папства, оказался на семинаре, где речь зашла о Джованни Пико. С этого момента обратного пути уже не было: первая встреча с будущим научным руководителем, Лидией Михайловной Брагиной, определила следующие восемь лет.

Эта книга была бы невозможна без десятков людей, сполна выразить всю благодарность которым я вряд ли когда-либо смогу. Тем не менее, четверых, коих я по праву могу назвать своими учителями, надлежит выделить особо. На протяжении долгих лет обучения на кафедре Средних веков и раннего Нового времени Московского университета Лидия Михайловна Брагина была наставником, о котором можно только мечтать: ее терпение, профессиональные советы и всегда благожелательное отношение к не самому радивому ученику помогли сперва подготовить дипломное сочинение, а затем преодолеть все трудности написания диссертации.

В 2009 г. во время трехмесячной стажировки во Флоренции мне посчастливилось познакомиться со Стефаном Туссенем. Человек исключительной эрудиции и интеллектуальной тонкости, не говоря уж о личном обаянии, он стал моим проводником в мир западных исследований ренессансной философии. По его протекции я решил поступать в Уорикский университет к Мод Фанхелен. Ее опека и постоянная поддержка сделали мое пребывание в этом академическом парадизе незабываемым и на редкость продуктивным.

Наконец, *last but not least*, я хотел бы поблагодарить своего отца Льва Акопяна. Сложно найти более подходящий образец беззаветной верности своему академическому долгу. Надеюсь, этот скромный труд станет хотя бы частичной платой за его бесконечные терпение и помощь.

На протяжении всего этого времени меня поддерживали друзья и коллеги — С.Ю. Агишев, Д.А. Баяк, А. Волкофф, В.М. Володарский, О.С. Воскобойников, А.К. Гладков, Т.П. Гусарова, М.С. Гутник, О.В. Дмитриева, А.В. Доронин, Н.И. Колпакова, О.Ф. Кудрявцев, О.В. Рукавовский, Н.А. Селунская, И.И. Тучков, И.С. Филиппов, Н.А. Хачату-

рян, Л.А. Чечик, М.А. Юсим и многие другие. Написанное ниже многим обязано академическим дискуссиям и личному общению с Майклом Алленом, Чарлзом Бернеттом, Франческо Боргези, Полом Ботли, Марчелло Гардзанити, Саймоном Гилсоном, Брайаном Копенхейвером, Джилл Крей, Томасом Лайнкауфом, Дэвидом Лайнсом, Питером Маршаллом, Йозефом Матула, Джоном Монфазани, Томашем Нейесклеба, Дилвином Ноксом, Якомин Принс, Валери и Крисом Рис, Дени Робиншо, Риккардо Фубини, Джеймсом Хенкинсом, Амосом Эдельхайтом.

Нельзя не выразить самую искреннюю благодарность сотрудникам Национальной библиотеки Франции, Центральной библиотеки Флоренции, Библиотеки Лауренциана, Ватиканской апостольской библиотеки, Британской библиотеки, Университетской библиотеки Уорика, Российской государственной библиотеки, библиотек Варбургского Института и Национального института по изучению Возрождения, библиотеки Виллы И Татти — Центра по изучению Ренессанса Гарвардского университета.

ЧАСТЬ I

Scientia naturalis, каббала
и небесные сферы:
астрологические воззрения
Джованни Пико делла Мирандола
(1486–1493)

Джованни Пико, граф Мирандолы и князь Конкордии, стал знаменитостью еще при жизни. Он выделялся даже на фоне своих современников. Широта философских познаний, разнообразие поднятых вопросов и литературная плодovitость привели к тому, что исследователи зачастую пытаются приписать Джованни Пико к какому-то одному «лагерю», не замечая целостной картины. Так, Б. Нарди и Э. Даллес видели в нем аверроиста и схоласта соответственно — разумеется, в силу собственных философских интересов¹. Кто-то, напротив, не видел в Пико оригинального мыслителя, достойного какого-либо внимания: нередко его удостаивали несколько пренебрежительным эпитетом «синкретист»². Наконец, для многих творчество Пико ассоциируется исключительно с проблемой «достоинства человека» и концентрируется вокруг хорошо известной «Речи о достоинстве человека». Все же прочие проблемы, включая астрологию, сторонники этого подхода рассматривают сквозь призму антропологии, что, на мой взгляд, искажает и обедняет замысел самого Пико. К сожалению, подробный анализ всего массива текстов Джованни Пико не входит в задачи этой книги, однако дать некоторое общее представление о жизни и основных вехах творчества главного героя кажется необходимым.

Джованни Пико родился в 1463 г. в небольшом городке Мирандола, расположенном между Феррарой, Мантуей и Моденой³. Исторически эта область была ареной борьбы более могущественных правителей, поэтому для графов Мирандола естественным занятием стало военное дело. Не было исключением отец Джованни, граф Джанфранческо I. По этому же пути пошли старшие братья Пико: Галеотто и Антон Мария. Однако мать Пико, Джулия Бойардо, по-другому видела путь младшего и любимого сына. Она происходила из знатного болонского рода и была двоюродной сестрой известного поэта Маттео Мариа Бойардо, автора рыцарской поэмы «Влюбленный Роланд». Мать Джованни Пико приложила все усилия, чтобы он избежал судьбы своих отца и братьев. В 1473 г. Пико оказался в Мантуе, где ему в возрасте 10 лет был дарован титул апостолического протонотария, после чего, по

¹ Dulles A. *Princes Concordiae: Pico della Mirandola and the Scholastic Tradition*. Cambridge, MA, 1941; Nardi B. *Saggi sull'aristotelismo padovano dal secolo XIV a XVI*. Firenze, 1958. P. 127–147.

² Anagnine E. *Giovanni Pico della Mirandola: sincretismo filosofico-religioso*. Bari, 1937; Craven W. *Giovanni Pico della Mirandola. The Symbol of His Age: Modern Interpretations of a Renaissance Philosopher*. Genève, 1981.

³ О семье Пико см.: *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Pici Mirandulae viri omni disciplinarum genere consummatissimi vita per Ioannem Franciscum illustris principis Galeotti Pici filium conscripta*. Modena, 1994. P. 30–32. Интересно, что Джанфранческо возводит родословную семью к Константину Великому (Ibid. P. 30). Также см.: Garin E. *Pico della Mirandola. Vita e dottrina*. Firenze, 1937. P. 2–6; Di Napoli G. *Giovanni Pico della Mirandola e la problematica dottrinale del suo tempo*. Roma, 1965. P. 28–37; Valcke L. *Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique*. P., 2005. P. 85–90.

прошествии некоторого времени, он мог бы стать кардиналом. Разумеется, за этим продвижением сына по службе стояла Джулия Бойардо, которая в 1477 г. отправила Пико в Болонью изучать каноническое право. Мать Пико сделала все возможное, чтобы ее сын впоследствии занял влиятельную должность в иерархии католической церкви, но в 1478 г. она скончалась. Тогда же Пико свернул с пути, на который ему указала мать, и, бросив обучение в Болонье, переехал в Феррару. О тех нескольких месяцах, что он провел в Болонье, Пико предпочел забыть: до 1493 г. он не выказывал никаких признаков знакомства с юридической литературой. Лишь несколько пассажей в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» выдают в нем бывшего студента-юриста.

По мнению некоторых исследователей, во время короткого пребывания в Ферраре Джованни Пико познакомился с астрологией, весьма популярной при дворе семейства герцогов д'Эсте⁴. В этот же год он, вероятно, впервые встретился с Марсилио Фичино и Анджело Полициано. В подтверждение этой точки зрения обычно следует ссылка на письмо Марсилио Фичино к Пико, составленное в 1482 г., где Фичино напоминает своему младшему товарищу об их первой встрече⁵. Однако, кажется, что одного этого свидетельства недостаточно: Фичино мог использовать подобный оборот для того, чтобы рассказать не о реальном знакомстве с Пико, а о том моменте, когда он впервые узнал о своем молодом коллеге. Ренессансные мыслители нередко прибегали к сходным риторическим приемам; сам Фичино не был исключением. Пожалуй, самый известный пример из его послужного списка — упоминание о том, как Георгий Гемист будто бы посоветовал Козимо Медичи воссоздать Платоновскую академию⁶. Все это позволяет усомниться

⁴ Основная работа о пребывании Пико в Ферраре: Fioravanti G. Pico e l'ambiente ferrarese // Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994) / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1997. Vol. 1. P. 157–172.

⁵ Kristeller P.O. Supplementum Ficinianum. Firenze, 1937. Vol. 2. P. 271; Della Torre A. Storia dell'Accademia platonica di Firenze. Firenze, 1902. P. 750–751; Marcel R. Marsile Ficin (1433–1499). P. 468–469; Euler W. Pia philosophia et docta religio. S. 31–32. О датировке этого письма: Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1979. P. 255.

⁶ Marsilii Ficini florentini in Plotini epitomae // Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera. Basileae, 1576. P. 1537. Нам достоверно неизвестно, действительно ли такой разговор имел место. Несмотря на то, что Фичино не мог быть лично знаком с Плифоном, он, несомненно, читал его труды: в Библиотеке Риккардиана находится рукопись сочинений Плифона, которую Фичино внимательным образом изучал (Tambrun B. Marsile Ficin et le Commentaire de Pléthon sur les Oracles Chaldaïques // Accademia (Revue de la Société Marsile Ficin). 1999. Vol. 1. P. 14. Kristeller P.O. Marsilio Ficino and His Work after Five Hundred Years // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 1. P. 97–98). Однако, возможно, отсылка к разговору между Козимо и Плифоном — не более чем попытка указать на преемственность платоновской традиции, которая благодаря

в реальности знакомства Джованни Пико с Фичино и Полициано уже в 1479 г. Правда, даже если этой встречи не было, они познакомились друг с другом через пару лет и, несмотря на ряд противоречий между Фичино, с одной стороны, и Пико с Полициано, с другой, оставались друзьями до самой смерти⁷.

После Феррары (или Флоренции) Пико направился в Падую. Пара лет (1480–1482), проведенных в этом признанном центре аристотелизма, были, пожалуй, наиболее плодотворным «университетом» Пико. Здесь он, благодаря усилиям Элии дель Медиго и некоторых других учителей, познакомился с перипатетической традицией и ее арабскими комментаторами⁸. Еврейское происхождение дель Медиго также способствовало предположению, что именно в Падуе Пико заинтересовался древнееврейским языком. Эта гипотеза, однако, все еще нуждается в подтверждении. Судя по работам самого дель Медиго, его основным интересом были Аристотель и перипатетическая комментаторская традиция; столь любимая Пико впоследствии каббала не занимала его падуанского учителя. Это, правда, никоим образом не противоречит тому, что дель Медиго мог обучить Пико каким-то начаткам древнееврейского языка.

После Падуи в Павии Джованни Пико прослушал курс риторики Георгия Мерулы и познакомился с сочинениями Уильяма Оккама и

«последнему из эллинов» и носителю платоновской философии на Востоке мигрировала на Запад и закрепилась во Флоренции. Кроме того, эта идея имела явный политический подтекст: провозглашая себя наследницей древнегреческой культуры и философии, столицей платоновской философии, Флоренция ставила себя выше остальных центров ренессансной учености. Неудивительно, что миф о Платоновской академии пользовался особой популярностью после того, как Медичи вернулись во Флоренцию в начале XVI в.: через идею культурного превосходства они стремились легитимизировать собственную власть. Академии же в собственном первоначальном смысле этого слова — собрания ученых мужей, обсуждающих философские вопросы, — во Флоренции никогда не существовало. Это вынуждает прийти к неутешительному выводу: Платоновская академия во главе с Фичино — всего лишь фикция. О «Платоновской академии» см. дискуссию между Дж. Хенкинсом и А. Филдом: *Hankins J. The Myth of the Platonic Academy of Florence // Renaissance Quarterly. 1991. Vol. 44. № 3. P. 429–475; Field A. The Platonic Academy of Florence // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy. P. 359–376*. В современной науке точка зрения Хенкинса считается доминирующей.

⁷ О противоречиях между тремя наиболее известными флорентийскими интеллектуалами этого времени см.: *De Pace A. La scepsi, il sapere e l'anima. Dissonanze nella cerchia laurenziana. Milano, 2002*.

⁸ *Mahoney E. Giovanni Pico della Mirandola and Elia del Medigo, Nicoletto Vernia and Agostino Nifo // Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994). Vol. 1. P. 127–156*. О философии дель Медиго см. недавно вышедшую замечательную книгу М. Энгела: *Engel M. Elijah del Medigo and Paduan Aristotelianism: Investigating the Human Intellect. L., 2016*.

других т.н. *calculatores*⁹. После этого, в 1484 г., он на короткое время (вновь?) оказывается во Флоренции. В 1485 г. Пико пересекает Альпы и проводит несколько месяцев в Париже, где углубленно изучает схоластику. Кроме того, Пико ведет светскую жизнь — при дворе французского короля Карла VIII он находит самый радушный прием¹⁰.

Однако важнейшим результатом этих поездок стало накопление значительного интеллектуального багажа: к 23 годам Пико был сведущ во всех основных философских и теологических течениях своего времени. Судя по всему, до 1485 г. у Пико еще не было стимула писать — сперва он решил пройти как можно более всестороннее обучение. Только в 1485 г. он составляет первое полноценное сочинение — хорошо известное письмо к Эрмолао Барбаро о красноречии¹¹. Но только во время обучения в Париже он, наконец, чувствует, что готов к осуществлению того проекта, который, по-видимому, давно его занимал. Как будет показано ниже, астрология невольно стала неотъемлемой его частью.

На первый взгляд, взгляды Джованни Пико на астрологию заметно эволюционировали. Достаточно взглянуть на содержание первых трактатов Пико и на название последнего, «Рассуждений против прорицательной астрологии», чтобы прийти к выводу, что, признавая ценность астрологических предсказаний на раннем этапе творчества, затем он резко выступил против них. Однако это несколько поспешное заключение не способно раскрыть множество сопутствующих ему проблем: какую астрологию Пико признавал и отрицал? Что следует понимать под «прорицательной астрологией»? Допускал ли он предопределение человеческой судьбы? Наконец, что вызвало столь резкое изменение взглядов Пико на астрологию (если оно действительно имело место)? Нельзя не сказать, что на эти вопросы пытались ответить многие исследователи; правда, их выводы нередко противоречили друг другу.

⁹ Valcke L. Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique. P. 102–105.

¹⁰ О пребывании Пико во Франции см.: Dorez L., Thuasne L. Pic de la Mirandole en France (1485–1488). P., 1897.

¹¹ Это известное письмо было опубликовано в: Prosatori latini del Quattrocento / A cura di E. Garin. Milano; Napoli, 1952. P. 804–823. Вся переписка между Барбаро и Пико представлена в: Breen Q. Giovanni Pico della Mirandola on the Conflict of Philosophy and Rhetoric // Journal of the History of Ideas. 1952. Vol. 13. № 3. P. 384–412. Русский перевод см.: Пико делла Мирандола Дж. Джованни Пико делла Мирандола приветствует своего Эрмолао Барбаро / Пер. Ю.А. Шичалина // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 254–262. О сути и контексте споров между итальянскими мыслителями см.: Gray H. Renaissance Humanism: the Pursuit of Eloquence // Journal of the History of Ideas. 1963. Vol. 24. № 4. P. 497–514, особенно P. 507–510; Panizza L. Pico della Mirandola et Il Genere Dicendi Philosophorum del 1485: L'encanto paradossale dei "Barbari" e la loro parodia // I Tatti Studies: Essays in the Renaissance. 1999. Vol. 8. P. 69–103.

Так, Э. Гарэн, первый издатель сочинений Джованни Пико делла Мирандола и автор фундаментальной монографии о его творчестве, утверждал, что Джованни Пико никогда не высказывался в защиту астрологии¹². Более того, по мнению Гарэна, антиастрологический трактат Джованни Пико оказал большое воздействие на формирование новоевропейской науки. В своей книге о герметической традиции в эпоху Возрождения Ф.А. Йейтс одной из первых поставила вопрос о сути астрологических и магических воззрений Джованни Пико¹³. Значение исследования Йейтс состоит в том, что ее анализ не привязан к какому-либо одному тексту этого философа, а дан во всей возможной полноте, т.е. на основе всех источников, как ранних, так и поздних. Однако приходится признать, что концепция Йейтс страдает заметными недостатками. Прежде всего, это проявляется в неверно установленной ею связи магики-астрологических воззрений Пико с «Тремя книгами о жизни» его современника Марсилио Фичино, а также в утверждении, что последний трактат Пико «Рассуждения против прорицательной астрологии» продолжает традицию натуральной магии Фичино и направлен исключительно против «черной» магии и ложной астрологии¹⁴. Этой же точки зрения придерживался другой видный исследователь из Варбургского института в Лондоне — Д. Уокер¹⁵. В одной из своих статей Уокер также предположил, что решение написать обобщающий трактат против астрологии Джованни Пико принял после знакомства с незаконченным «Рассуждением против мнений астрологов» Марсилио Фичино¹⁶. Отметим также работу Дж. Дзаньера, который ограничивается анализом «900 тезисов»¹⁷. Интересно, что исследования о том, как Джованни Пико в более поздних сочинениях ориентируется не на Платона, но на Аристотеля, практически не касаются трансформации общих философских воззрений флорентийского мыслителя¹⁸.

¹² *Garin E.* Giovanni Pico della Mirandola: vita e dottrina. P. 169–193.

¹³ *Yates F.A.* Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. L., 1964. P. 114–115. Русский перевод этой знаменитой книги: *Йейтс Ф.А.* Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г.М. Дашевского. М., 2000.

¹⁴ Критика положения наилучшим образом представлена в книге: *Farmer S.A.* Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486): the Evolution of Traditional Religious and Philosophical Systems. Tempe, AZ, 1998. P. 115–132.

¹⁵ *Walker D.P.* Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella. University Park, Pennsylvania, 2000. P. 54–59 (первое издание — 1958 г.).

¹⁶ *Idem.* Ficino and Astrology // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti. Vol. 2. P. 341–349.

¹⁷ *Zanier G.* Il problema astrologico nelle prime opere di Giovanni Pico della Mirandola // *La Cultura*. 1970. Vol. 8. P. 524–551.

¹⁸ *Vickers B.* Critical Reactions to the Occult Sciences during the Renaissance // *The Scientific Enterprise. The Bar-Hillel Colloquium: Studies in History, Philosophy, and Sociology of Science*. Vol. 4 / Ed. E. Ullmann-Margalit. Dordrecht, 1992. P. 43–92; *Pompeo Faracovi O.* Scritto negli astri: l'astrologia nella cultura dell'Occidente.

Монография Л. Валька — последняя на данный момент обобщающая биография Джованни Пико¹⁹. Однако в ней уделено немного внимания астрологическим воззрениям героя. По мнению автора, главным проектом Джованни Пико следует считать примирение Аристотеля и Платона, поэтому, в полном противоречии с хронологией, последнюю главу Вальк посвящает трактату «О Сущем и Едином», над которым Пико работал в 1491 г., т.е. до «Рассуждений против прорицательной астрологии».

Невозможно также обойти вниманием диссертацию Д. Раткина, защищенную в 2002 г. в Университете Индианы и посвященную астрологии у Пико и в первую очередь, конечно, «Рассуждениям против прорицательной астрологии»²⁰. Безусловным достоинством исследования Раткина является обращение к астрологической традиции средневековья и Ренессанса, т.е. к тем источникам, против которых Пико так резко выступал. Главы же, посвященные астрологии в сочинениях самого Пико, могут вызвать вопросы. Американский исследователь попытался связать упоминания о каббале с «истинной астрологией». По его мнению, астрология — часть каббалы, способ овладения тайным знанием о мироздании и Боге²¹. По Раткину, позднее Пико все же меняет свое отношение к астрологии. Раткин видит причину этого поворота в реакции на трактат Фичино «Три книги о жизни». По мнению исследователя, Пико не был готов принять астролого-платоническую концепцию Фичино с ее одушевлением небес и их непосредственным воздействием на мир и человека и противопоставил ей аристотелевскую физическую концепцию, в которой свет и тепло, оказывая физическое влияние, не определяют восприятие, поведение и менталитет человека. Эта подчеркнутая Раткиным связь между трактатом «О жизни» и реакцией Пико, вылившейся в «Рассуждения», не кажется несомненной уже хотя бы потому, что Пико написал свой труд через пять лет

C. 219–233; *Vanden Broecke S. The Limits of Influence: Pico, Louvain, and the Crisis of Renaissance Astrology*. P. 55–80. Из последних работ, затрагивающих вопрос об астрологии у Пико см. статью Ш. Рейбин, обобщающую выводы предшественников: *Rabin S. Pico on Magic and Astrology // Pico della Mirandola. New Essays / Ed. M.V. Dougherty. Cambridge, 2008. P. 152–178*. Хотя статья Б. Копенхейвера в целом касается другого сочинения Пико, отдельные пассажи могут представлять для нас интерес: *Copenhaver B. Studied as an Oration: Readers of Pico's Letters, Ancient and Modern // Laus Platonici Philosophi. Marsilio Ficino and His Influence / Ed. S. Clucas, P.J. Forshaw and V. Rees. Leiden; Boston, 2011. P. 155–198*.

¹⁹ *Valcke L. Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique*. P., 2005.

²⁰ *Rutkin D. Astrology, Natural Philosophy and the History of Science, c. 1250–1700: Studies toward an Interpretation of Giovanni Pico della Mirandola's *Disputationes adversus astrologiam divinatricem**. Ph. D. dissertation, Indiana University, 2002.

²¹ Об этом также см. статью Раткина: *Rutkin D. Magia, cabala, vera astrologia. Le prime considerazioni sull'astrologia di Giovanni Pico della Mirandola // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 31–45*.

после Фичино. Раткин же игнорирует сочинения Фичино, написанные в этот промежуток, и недостаточно касается развития философских воззрений самого Джованни Пико.

Некоторые другие статьи и исследования в основном касаются частных вопросов и не ставят целью раскрыть специфику астрологической темы у Джованни Пико²². Таким образом, несмотря на видимое многообразие мнений по этому вопросу, астрологические воззрения Джованни Пико по-прежнему остаются темной материей. В этой работе я попытаюсь понять, почему менялось отношение Джованни Пико к астрологии, и как «Рассуждения против прорицательной астрологии» повлияли на его современников. Пока же нам предстоит прояснить, как происходила трансформации взглядов Пико на астрологию в промежуток с 1486, когда он начал свой философский путь, по 1493 г. — время начала работы над «Рассуждениями против прорицательной астрологии».

Среди интересующих нас текстов Джованни Пико следует выделить «Комментарий к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени»²³ и т.н. «Трилогию»: «900 тезисов по философии, каббалистике и теологии»²⁴, «Речь о достоинстве человека»²⁵ и «Апологию»²⁶. После анализа этих

²² Polichetti A. La cultura tardoantica nelle *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* di Pico della Mirandola // Giovanni e Gianfrancesco Pico: l'opera e la fortuna dei due studenti ferraresi / A cura di P. Castelli. Firenze, 1998. P. 121–136. Pennuto C. The Debate on Critical Days in Renaissance Italy // *Astro-Medicine: Astrology and Medicine, East and West* / Ed. A. Akasoy, C. Burnett and R. Yoeli-Tlalim. Firenze, 2008. P. 75–98; Cooper G. Approaches to the Critical Days in Late Medieval and Renaissance Thinkers // *Early Science and Medicine*. 2013. Vol. 16. № 6. P. 536–565.

²³ Pico della Mirandola G. Commento alla canzona d'amore // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate, Heptaplus, De ente et uno e scritti vari / A cura di E. Garin. Torino, 2004. См. русский перевод в: Пико делла Мирандола Дж. Комментарий к канцоне о любви Дж. Бенивьени / Пер. Л.М. Брагиной // Эстетика Ренессанса / Под ред. В.П. Шестакова. М., 1981. Т. 1. С. 266–299.

²⁴ Кроме издания Фармера (*Farmer S.A. Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486): the Evolution of Traditional Religious and Philosophical Systems*), существуют еще три издания «Тезисов»: Pico della Mirandola G. *Conclusiones sive theses DCCCC Romae anno 1486 publice disputandae, sed non admissae. Texte établi d'après le MS. d'Erlangen (E) et l'editio princeps (P), collationné avec les manuscrits de Vienne (V et W) et de Munich (M)* / Éd. B. Kieszowski. Genève, 1973. *Idem. Conclusiones nongentae: le novecento tesi dell'anno 1486* / A cura di A. Biondi. Firenze, 1995; *Pic de la Mirandole J. 900 conclusions philosophiques, cabalistiques et théologiques* / Éd. B. Schefer. P., 2006.

²⁵ Pico della Mirandola G. De hominis dignitate // De hominis dignitate, Heptaplus, De ente et uno e scritti vari / A cura di E. Garin. Torino, 2004. Кроме классического издания Гарэна, см. также: *Idem. Discorso sulla dignità dell'uomo* / A cura di F. Vausi. Parma, 2003. Последнее английское издание: *Idem. Oration on the Dignity of Man: a New Translation and Commentary* / Ed. F. Borghesi et al. Cambridge, 2012. См. также русский перевод: Пико делла Мирандола Дж. Речь о достоинстве человека / Пер. Л.М. Брагиной // Эстетика Ренессанса. Т. 1. С. 248–265.

²⁶ Pico della Mirandola G. *Apologia. L'autodifesa di Pico di fronte al Tribunale dell'Inquisizione* / A cura di P.E. Fornaciari. Firenze, 2010.

работ Джованни Пико я перейду к трудам, созданным уже после возвращения во Флоренцию, — «Гептаплу»²⁷ и «Комментариям на Псалмы»²⁸.

Четыре сочинения раннего периода были написаны за два года (1486–1487), когда Джованни Пико готовился к так и не состоявшемуся диспуту в Риме, на котором он хотел представить на суд общественности собственную философскую доктрину. «Комментарий к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени», который не относился к задуманному Джованни Пико проекту, тем не менее, идейно связан с ним. «Речь о достоинстве человека», которую Пико так и не удалось произнести, становится важным дополнением к другим сочинениям «Трилогии». При анализе этих трудов надо особенно обратить внимание на то, что представления Джованни Пико об астрологии нельзя рассматривать в отрыве от его общего видения проблем магии и каббалы. Астрология здесь упоминается нерегулярно, однако многие интересующие нас вопросы оказываются вписаны в общую магическую теорию. Важно отметить, что развитие астрологических воззрений Джованни Пико позволяет понять, как на протяжении этих семи лет менялись его общепhilosophические ориентиры.

§ 1. Комментарий к «Канцоне о любви» Джироламо Бенивьени

В марте 1486 г. Джованни Пико снова оказывается в Италии. К этому моменту у него уже, очевидно, созрел план организовать в Риме публичный диспут и выступить на нем со своими тезисами. Их пока, правда, только 700, а Пико еще практически ничего не знает о еврейской мистике и каббале²⁹. Однако решению направиться напрямик в Рим помешали непредвиденные обстоятельства. Проведя некоторое время во Флоренции, в мае 1486 г. Пико выехал в Перуджу, где, предположительно, собирался внести последние корректировки в свой текст и подготовиться к диспуту. В городе Ареццо, через который пролегал путь Пико, в то время находился флорентийский посланник и, по совместительству, родственник Лоренцо Медичи Джулиано Мариотто де' Медичи. Его невеста, юная Маргарита, славилась своей красотой. Между ней и Джованни Пико возникло взаимное чувство, которое, по понятным причинам, им приходилось скрывать. 10 мая, когда Пико собирался выехать из города и отправиться в Рим, Маргарита захотела с ним попрощаться, но юноша решил на весьма отчаянную

²⁷ *Idem*. Heptaplus // Pico della Mirandola G. De hominis dignitate, Heptaplus, De ente et uno e scritti vari. P. 168–382.

²⁸ *Idem*. Ioannis Pici Mirandulae expositiones in Psalmos / A cura di A. Raspanti. Firenze, 1997.

²⁹ 12 ноября 1486 г. Пико написал Эрмолао Барбаро, что он собирается представить на суд папской комиссии 700 тезисов: *Dorez L. Lettres inédites de Jean Pic de la Mirandole // Giornale storico della letteratura italiana*. 1895. Vol. 25. P. 358.

авантюру: он забросил Маргариту на круп своего коня и был таков³⁰. Слух о поступке Пико разнесся стремительно, и нельзя сказать, что он повсюду встретил осуждение³¹. Правда, возлюбленных скоро догнали: Маргарита была вынуждена вернуться к своему жениху, а Джованни Пико решил переждать трудное время в Перудже. Уже в октябре 1486 г. он написал своему товарищу Андреа Корнео, что отныне будет сторониться сердечных привязанностей и посвятит себя исключительно философии³². Эти слова Пико подтвердил делом. Прежде всего, именно в Перудже он начал углубленно изучать древнееврейский. В письме к Марсилио Фичино, который просил вернуть ему кодекс, содержащий латинский перевод Корана, Пико заметил, что он с радостью сделает это, ведь, по его словам, его познания в арабском и халдейском достаточны, чтобы читать Коран в оригинале³³. Заметим вкратце, что, несмотря на браваду Пико, арабским он так и не овладел; «халдейский» же, т.е. арамейский, возник для привлечения внимания к собственной персоне. С древнееврейским дела обстояли чуть лучше, но этого вопроса мы коснемся чуть ниже.

Наконец, за время вынужденного пребывания в Перудже Пико составил первый большой философский текст — «Комментарий к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени». «Канцона» флорентийского поэта и товарища Джованни Пико Джироламо Бенивьени была парафразом знаменитого комментария Марсилио Фичино на «Пир» Платона³⁴. Поскольку она была написана на вольгаре, языком комментария был выбран тоже итальянский. Таким образом, «Комментарий» стал единственным сочинением Пико, созданным не на латыни. Имя Джироламо Бенивьени было своего рода прикрытием — «Комментарий» был в основном направлен против Марсилио Фичино и его интерпретации Платона³⁵.

Прежде чем приступать к объяснению космологических и астрономических идей Пико, необходимо вкратце упомянуть, какие представления об устройстве неба были распространены в конце XV в. Считалось, что в центре мира находится Земля, вокруг которой рас-

³⁰ Valcke L. Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique. P. 146–147.

³¹ В частности, Марсилио Фичино увидел в этой истории параллель с античной мифологией. По его мнению, возлюбленная Пико подобна нимфе Маргарите, дочери Аполлона и Венеры, которая была спасена из рук скверного мужа: *Di Napoli G. Giovanni Pico della Mirandola e la problematica dottrinale del suo tempo.* P. 77.

³² *Pico della Mirandola G. Opera omnia.* Hildesheim, 1969. P. 379.

³³ Marsilio Ficino e il ritorno di Platone / A cura di S. Gentile, S. Niccoli e P. Viti. Firenze, 1984. P. 78–79; *Piemontese A.M. Il Corano latino di Ficino e i Corani arabi di Pico e Monchates // Rinascimento.* 1996. Vol. 36. P. 236–238.

³⁴ Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, о Любви / Пер. А.Х. Горфункеля, В.И. Мажуги, И.Х. Черняка // Эстетика Ренессанса. Т. 1. С. 144–241.

³⁵ Об этом см.: *Allen M.J.B. The Second Ficino-Pico Controversy: Parmenidean Poetry, Eristic, and the One // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti.* Vol. 2. P. 417–455.

полагаются шесть других планет; восьмую сферу составляют звезды. В Средние века возникло также предположение, что поверх восьмой существует еще одна, девятая сфера, хотя это мнение оспаривалось³⁶.

В «Комментарии», полемизируя с Фичино, Джованни Пико выстраивает свою проникнутую платонизмом систему мироздания, в которой главенствует Бог — «начало и причина всякой иной божественности»³⁷. Этот Бог не создал никакого иного творения, кроме первого разума, который не следует путать с христианским сыном Божьим³⁸. Предостерегая от таких сравнений, Джованни Пико одновременно критикует Фичино, который считал, что человеческая душа непосредственно создана платоническим Богом, а не первым разумом³⁹. Вслед за Богом и первым разумом Джованни Пико ставит рациональную душу, которая движет и управляет телесной природой⁴⁰. Упоминание астрологии в «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» впервые встречается в связи с этими тремя высшими сущностями. По мнению Пико, древние теологи, скрывая свои мистерии за поэтическими именами, называли эти сущности — Бога, первый разум и рациональную душу — Целием, Сатурном и Юпитером соответственно⁴¹.

Решение включить в эту триаду Целия, не всегда представленного в космологических доктринах, может иметь двойное объяснение. Во-первых, Джованни Пико должен был хорошо знать миф, описанный Цицероном в трактате «О природе богов». В нем Хронос (Сатурн) кастрировал своего отца Целия (Урана), из гениталий которого, словно из семени всех вещей (*semina rerum*), родилась Венера⁴². Таким образом, Целий оказывается родоначальником всего сущего. Во-вторых, в «Божественных установлениях», упоминая учение Плотина, Лактанций говорит о трех

³⁶ Среди общих работ по истории средневековой астрономии необходимо выделить две фундаментальные монографии: *Lerner M.-P. Le monde des spheres. P., 1996–1997. Vol. 1–2; Grant E. Planets, Stars, and Orbs. The Medieval Cosmos, 1200–1687. Cambridge, 1996. Vol. 1–2.*

³⁷ *Pico della Mirandola G. Commento alla canzone d'amore. P. 464.*

³⁸ *Ibid. P. 466.*

³⁹ «Però mi maraviglio di Marsilio che tenga secondo Platone l'anima nostra essere immediatamente da Dio produtta; il che non meno alla setta di Proclo che a quella di Porfirio repugna» // *Ibid.*

⁴⁰ *Ibid. P. 468–469.*

⁴¹ *Ibid. P. 470.*

⁴² Об этом: *Cicero. De natura deorum libri tres / Ed. J.B. Mayor and J.H. Swainson. Cambridge, 2010. Vol. 2. XXV. 64; Macrobius. Saturnalia / Ed. R.A. Kaster. Cambridge, MA; L., 2011. Vol. 1. I. VIII. 6–9.* О доктрине о семенах, которые в эпоху Возрождения вслед за Плотинем часто называли *logoi spermatikoi*, см.: *Copenhaver B. Renaissance Magic and Neoplatonic Philosophy: Ennead 4.3–5 in Ficino's De vita coelitus comparanda // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti. Vol. 2. P. 351–369. Hirai H. Concepts of Seeds and Nature in Marsilio Ficino // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy. P. 257–284; Idem. Le concept de semence dans les théories de la matière à la Renaissance: de Marsile Ficin à Pierre Gassendi. Turnhout, 2005.*

ипостасях и называет их точно так же, как через многие столетия назовет Джованни Пико: Целий, Сатурн, Юпитер⁴³. В этом случае, выстраивая свою концепцию, Пико как будто следует за Плотин⁴⁴.

Невзирая на некоторые расхождения по вопросу о месте и природе Сатурна и Юпитера среди многочисленных комментаторов, Джованни Пико придерживается следующего мнения: Сатурн совпадает с первым разумом, Юпитер — с рациональной душой⁴⁵. И одно из обоснований такого вывода Джованни Пико находит в астрологии, адепты которой приписывают Сатурну созерцательность, что в понимании Джованни Пико соотносится с разумной природой Сатурна⁴⁶; Юпитер же дарует людям государственную власть и способность управлять низшими по рангу и положению⁴⁷. По мнению Джованни Пико, такое утверждение астрологов может служить весомым доводом, подтверждающим структуру мироздания, выдвинутую им на основе трудов Платона и неоплатоников.

Однако Джованни Пико не ограничивается только высшими сущностями. Рассуждая о природе небесных сфер, которых, по мнению древних мыслителей, существовало всего восемь, Джованни Пико придерживается неоплатонической по духу идеи об одушевленности планет и сферы звезд, прибегая к красивой и поэтической аналогии с

⁴³ *DePalma Digeser E. Religion, Law and the Roman Polity: The Era of the Great Prosecution // Religion and Law in Classical and Christian Rome / Ed. C. Ando and J. Rüpke. Stuttgart, 2006. P. 78–79.*

⁴⁴ Фигура Плотина имела огромное значение для ренессансных мыслителей конца XV в. Плотин считался наиболее авторитетным последователем Платона. Это, в частности, объясняет тот факт, что Фичино, Пико и их коллеги видели в Платоне и его комментаторах единое целое и нередко стремились нивелировать очевидные противоречия между ними. Современный термин «неоплатонизм» еще не был в ходу; все философское направление называлось просто «платонизмом». Считается, что именно Джованни Пико посоветовал Фичино перевести «Эннеады», работу над которыми последний закончил в 1492 г.: Об истории издания «Эннеад» см.: *Kristeller P.O. Supplementum Ficinianum. Vol. 1. P. CXXVI–CXXIX; Wolters A.M. The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone Studi e documenti. Vol. 1. P. 305–329; Saffrey H.D. Florence, 1492: The Reappearance of Plotinus // Renaissance Quarterly. 1996. Vol. 49. № 3. P. 488–508; Toussaint S. Introduction // Plotini Opera omnia. Cum latina Marsilii Ficini interpretatione et commentatione. Fac-similé de l'édition de Bâle, Pietro Perna, 1580 / Éd. S. Toussaint. Villiers-sur-Marne, 2005. P. 1–XXI; Förstel C. Marsilio Ficino e il Parigino greco 1816 di Plotino // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma, 2006. P. 65–88; Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. С. 72–78.*

⁴⁵ Важно заметить, что, говоря в этом пассаже о Сатурне и Юпитере, Пико подразумевает не планеты, а античные божества.

⁴⁶ Древность и глубина такого восприятия Сатурна и его влияния на человеческую природу блестяще показано в: *Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. Saturn and Melancholy: Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art. L., 1964.*

⁴⁷ *Pico della Mirandola G. Commento alla canzona d'amore. P. 470–471.*

музами⁴⁸. Таким образом, утверждая наличие душ у небесных сфер, Джованни Пико придает планетам некоторые свойственные только им черты. Этим и ссылками на античных астрологов Джованни Пико объясняет законность выведения свойств отдельных планет, например, Марса и Венеры⁴⁹. Более того, расположение планет подтверждает их особенности, ведь из слов Джованни Пико следует, что Венера находится близ Марса для нивелирования его разрушительной природы и обретения гармонии; то же относится к Сатурну и Юпитеру.

Отдельно следует упомянуть, как именно Джованни Пико понимает управление низшим миром. По его мнению, существующие поверх всего десятая и девятая сферы суть высшие сущности (две первые ипостаси), которым подчинены звезды, т.е. восьмая сфера — третья ипостась — рациональная душа, и семь планет⁵⁰. Таким образом, Джованни связывает классическую астрономическую/астрологическую доктрину восьми сфер с неоплатонической триадой, о которой говорилось чуть выше⁵¹. Но его концепция, очевидно, страдает недостатками и противоречиями. Прежде всего, положение Сатурна и Юпитера оказывается двойственным — они относятся как к планетам, так и к двум ипостасям неоплатонической триады. Кроме того, согласно иерархии, описанной Джованни Пико, Юпитер — Душа мира — совпадает с восьмой сферой. Однако Джованни Пико как будто не обращает внимание на подобные противоречия и продолжает свое описание.

Первый разум по природе своей неподвижен, поэтому начало движения следует относить к функциям мировой души, само же руководство телесным миром происходит благодаря свету и движению неба⁵². Комментируя пассаж из Книги Бытия⁵³, Джованни Пико упоминает небесный свет, который всюду проникает и тем самым создает все творения⁵⁴. Надо отметить, что из этой фразы тяжело сделать вразумительные выводы о том, как именно Джованни Пико понимал свет, силу и влияние его излучения. С одной стороны, неоплатонический оборот «под влиянием света возникли все творения» может указывать на существование некоторого астрологического подтекста, а с другой, — речь идет о комментировании слов Моисея о тьме над бездной; в этом случае Джованни Пико мог иметь в виду Божий свет, разогнавший эту тьму, и искать в таком прочтении астрологический оттенок было бы неверно. Поэтому в отношении упоминаемого Джованни Пико небесного света не стоит выстраивать сколько-нибудь смелые выводы.

⁴⁸ Ibid. P. 477–478.

⁴⁹ Ibid. P. 496.

⁵⁰ Ibid. P. 506.

⁵¹ О теме сфер в трудах Джованни Пико см.: *Акопян О. The Architecture of the Sky: Giovanni Pico della Mirandola on Celestial Spheres // Bruniana & Campanelliana. 2015. № 2. P 265–272.*

⁵² Ibid. P. 511–512.

⁵³ Быт. 1:2–5; 14–18.

⁵⁴ *Pico della Mirandola G. Commento alla canzone d'amore. P. 476.*

В «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» мы видим четкое следование заветам неоплатонической традиции, наделавшей небесные сферы душой и характерными для них свойствами. Джованни Пико обращается к древним астрологам и порой обнаруживает в их трудах подтверждение некоторых положений Платона и неоплатоников, что делает статус этих адептов учения о предсказаниях по звездам весомым. Но мы ничего не можем сказать о том, как Джованни Пико воспринимал процесс влияния звезд и планет на человека — в частности, считал ли он такое влияние физически и философски обоснованным. Отдельные зерна, посеянные Пико в «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени», буквально через несколько месяцев дали ростки.

§ 2. Трилогия

В конце 1486 г. Джованни Пико, наконец, оказался в Риме, где, как предполагалось, должен был состояться ученый диспут. На нем он собирался представить на рассмотрение папы, кардиналов и всех желающих свои «Тезисы». В них он стремился представить синкретическое учение, в котором будут гармонично соединены основные философские положения разных школ, разумеется, под эгидой христианства. Пико даже был готов оплатить транспортные расходы тем, кто собирался приехать в Рим подискутировать с ним. Весь проект Пико первоначально состоял из двух текстов: «Речи», которая должна была служить своеобразным вступлением к диспуту, и «900 тезисов». Как мы помним, всего несколько месяцев назад тезисов было всего семь сотен. Но за это время Пико познакомился с каббалой и, вдохновленный новым для себя знанием, решил обязательно включить его в свой программный текст.

Вопрос о том, насколько Пико глубоко владел древнееврейским языком и был ли он способен читать каббалистические трактаты в оригинале, до сих пор остается открытым. Как показал Х. Виржубски, к 1486 г., т.е. ко времени диспута в Риме, познания Джованни Пико в этой сфере, вероятно, были весьма поверхностными⁵⁵. Дело в том, что со своим учителем древнееврейского языка Пико познакомился лишь в Перудже. Им стал переkreщенный еврей Флавий Митридат, известный своей резкой антииудейской позицией⁵⁶. Очевидно, что за

⁵⁵ *Wirszubski C. Pico della Mirandola's Encounter with Jewish Mysticism. Cambridge, MA, 1989. P. 3–9.* О Митридате также см.: *Secret F. Nouvelles précisions sur Flavius Mithridates, maître de Pic de la Mirandole et traducteur de commentaires de Kabbale // L'opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'Umanesimo. Firenze, 1965. Vol. 2. P. 169–187.*

⁵⁶ Еще до знакомства с Пико Митридат составил сочинение, в котором выступал с резкой критикой иудаизма: *Mithridates F. Sermo de passione Domini / Ed. C. Wirszubski. Jerusalem, 1963.*

пару месяцев, что предшествовали римскому диспуту, Пико не смог бы в достаточной мере выучить новый язык. Тем не менее, Митридат успел объяснить своему ученику базовые принципы каббалы; они затем вошли в окончательный текст расширенных «Тезисов». Тот же Виржубски замечает, что только через несколько лет, уже работая во Флоренции над другими текстами, Пико более или менее выучил древнееврейский и стал сведущ в каббалистической литературе. Правда, для чтения оригиналов этого все равно не хватало: Флавий Митридат продолжал работать на Пико, на этот раз в качестве переводчика каббалистических сочинений, которые Пико затем читал в латинской версии⁵⁷. Митридат также помогал Пико с переводом Книги Иова⁵⁸. Подобное положение вещей, правда, ничуть не помешало Пико: он не только активно использовал еврейские источники на протяжении всего своего *itinéraire philosophique*, но и удостоился славы первого «христианского каббалиста». Вслед за ним древнееврейский язык стали изучать в Италии и за ее пределами, а критерием высокой образованности отныне стало знание трех языков.

Правда, все это Пико не помогло. Внимательно изучив «Тезисы», папская комиссия признала еретическими тринадцать из них и предложила Пико отказаться от них. Уверенный в собственной правоте, Пико выступил против решения комиссии и составил «Апологию» — обширный текст из тринадцати глав, по количеству осужденных тезисов. Публикация «Апологии» вызвала гнев папы Иннокентия VIII, который поставил все «900 тезисов» вне закона, вынудив Пико пуститься в бег. Пико вознамерился добраться до Парижа, но был остановлен по дороге в столицу Франции и, после короткого заточения в Винсентском замке, был препровожден в Рим. Здесь он находился в тюрьме, ожидая решения инквизиционного трибунала. Только вмешательство Лоренцо Медичи, поручившегося за молодого философа перед папой Иннокентием VIII, позволило Джованни Пико избежать дальнейшего преследования и поселиться во Флоренции, где он проживал вплоть до своей смерти в 1494 г.

История создания всей «Трилогии» показывает, что тексты выдержаны в едином идейном ключе и как нельзя лучше характеризуют об-

⁵⁷ Это доказывает хотя бы масштабный проект по изданию каббалистической библиотеки Джованни Пико дела Мирандола, которым руководит профессор Джулио Бузи. На данный момент изданы следующие тома: *Raimondo Moncada G. The Great Parchment: Flavius Mithridates' Latin Translation, the Hebrew Text, and an English Version / Ed. G. Busi, S. Bondoni and S. Campanini. Torino, 2004; The Book of Bahir: Flavius Mithridates' Latin Translation, the Hebrew Text, and an English Version / Ed. S. Campanini. Torino, 2005; The Gate of Heaven: Flavius Mithridates' Latin Translation, the Hebrew Text, and an English Version / Ed. S. Jurgan and S. Campanini. Torino, 2012. О каббалистических книгах в собрании Пико см.: Busi G. L'enigma dell'ebraico nel Rinascimento. Torino, 2007. P. 25–45.*

⁵⁸ *Wirszubski C. Giovanni Pico's Book of Job // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1969. Vol. 32. P. 171–199.*

раз мысли и основные философские ориентиры Джованни Пико на раннем этапе творчества. «Речь» и «Апология», как будто обрамляющие «Тезисы», позволяют лучше понять замысел и содержание главного текста «Трилогии». Конечно, не все эти сочинения равнозначно передают представления Джованни Пико об астрологии. Начав изучать магико-каббалистические еврейские тексты, он вписал новое для себя знание в систему *scientia naturalis*. Астрология же оказалась как будто поглощенной магией и каббалой, поэтому в триаде трактатов, непосредственно связанных с римским диспутом, упоминания об астрологии, пусть и нередкие, носят случайный характер.

Будучи главным текстом «Трилогии», «900 тезисов», тем не менее, в силу емкости излагаемого материала, с трудом поддаются анализу и комментированию, что как раз объясняет недостаток качественных изданий этого труда⁵⁹. Поэтому для выявления некоторых закономерностей во взглядах Джованни Пико на указанную проблему я вначале обращусь к самому знаменитому его тексту — «Речи», которая, как и было задумано ее автором, могла бы стать введением в значительно более сложную ткань «900 тезисов».

Прежде анализа «Речи» необходимо сказать несколько слов о самом тексте. «Речь» в основном известна под своим расширенным названием — «Речь о достоинстве человека». Как в учебной, так и научной литературе неоднократно встречалось мнение, что этот трактат — одна из вершин и манифест ренессансной философии, постулирующий безграничные возможности человека. Стоит признать — изыскания Пико в области антропологии явно преувеличены; тема «достоинства человека» его интересовала мало. Сам Пико назвал свой текст всего лишь «Речью» — дополнение «о достоинстве человека» появилось уже после его смерти и не имело к автору никакого отношения. Во-вторых, «Речь» так и не была им произнесена, а современники Пико узнали ее только по посмертному изданию 1496 г.⁶⁰ Как уже было сказано раньше, прижизненной славы Пико добился благодаря энциклопедическим знаниям, «христианской каббале», религиозным сочинениям и письмам и, наконец, борьбе с астрологией. «Достоинства человека» в этом списке не было. Весьма показательное отношение к Пико его английского почитателя — Томаса Мора. В 1492 г., будучи в Ферраре, где проходил капитул доминиканского ордена, на котором, в частности, выступал Савонарола, исполненный энтузиазма Пико составил

⁵⁹ Все указанные выше четыре издания имеют недостатки. Итальянский и французский варианты практически полностью лишены каких-либо комментариев. О многочисленных текстологических и грамматических ошибках в издании Кешковского см.: *Farmer S.A. Syncretism in the West*. P. 104, 185–186. Работу самого Фармера можно признать наиболее удачной, хотя вступительная статья к переводу «Тезисов» вызывает множество вопросов и замечаний.

⁶⁰ *Copenhaver B. Secret of Pico's Oratio: Cabala and Renaissance Philosophy // Midwest Studies in Philosophy*. 2002. Vol. 26. P. 56–81.

три «моральных письма» к своему племяннику Джанфранческо Пико делла Мирандола. Эти документы наилучшим образом характеризуют старшего Пико. Тонкие, проникновенные и полные живой веры, послания племяннику, а отнюдь не «Речь о достоинстве человека», произвели глубочайшее впечатление на Мора, который перевел их на английский язык наряду с «Жизнеописанием» Пико, составленным Джанфранческо⁶¹.

Более того, при изучении самого текста «Речи» невольно бросается в глаза, что большую ее часть составляют отнюдь не рассуждения о центральной роли человека, а идеи о необходимости примирить вроде бы несочетающиеся учения — аристотелизм с платонизмом, томизм со скотизмом и т.д. Таким образом, тезис о том, что «достоинство человека» является центром учения Пико, стоит отбросить как анахронизм. Современные исследования доказывают, что столь распространенное ныне и не совсем корректное прочтение «Речи» восходит к творчеству философов первой половины XX в. Дж. Джентиле⁶² и Э. Кассирера⁶³, которые, в ущерб правильному пониманию Пико, предпочли увидеть в нем реформатора представлений о человеке, коим итальянский мыслитель в действительности не был⁶⁴.

Несмотря на это, «Речь» по-прежнему остается важным документом, раскрывающим мысль молодого Пико. Это, в частности, касается астрологии и магии. В «Речи» первым делом обращает на себя внимание почтительное отношение к наследию «древних философов» — Зороастра и Гермеса Трисмегиста. Именно с Востока, а точнее от Зороастра и персов, Джованни Пико прослеживает начало занятий, сопряженных с изучением высших сфер⁶⁵, — их он называет магией. В «Рассуждениях против прорицательной астрологии» эта древневосточная традиция, идущая от Зороастра и Гермеса Трисмегиста, будет осуждена

⁶¹ По этой теме см.: *Gabrieli V. Giovanni Pico and Thomas More // Moreana. 1967. Vol. 15–16. P. 43–57.*

⁶² О том, как неогегельянец Джентиле и его последователи сформировали «прогрессистский» взгляд на Ренессанс, см.: *Hankins J. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Roma. 2003–2004. Vol. 1. Humanism. P. 573–590; Fubini R. L'umanesimo italiano. Problemi e studi di ieri e di oggi // Studi francesi. 2007. Vol. 51. № 3. P. 504–515.*

⁶³ *Кассирер Э. Индивид и космос в философии Возрождения. М., 2000* (немецкое издание 1927 г.). См. также: *Cassirer E. Giovanni Pico della Mirandola: a Study in the History of Renaissance Ideas // Journal of the History of Ideas. 1942. Vol. 3. № 2–3. P. 123–144, 319–344; Copenhaver B. Magic and the Dignity of Man: De-Kanting Pico's Oration // The Italian Renaissance in the Twentieth Century. Acts of an International Conference. Florence, Villa I Tatti, June 9–11, 1999 / Ed. A.J. Grieco, M. Locke, F.G. Superbi. Firenze, 2002. P. 295–320.*

⁶⁴ Об этом см. мою статью: *Акопян О.Л. Что такое «гуманизм»? От Ренессанса к современности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. № 45. С. 117–130.*

⁶⁵ *Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. P. 148.*

как родоначальница астрологии. Пока же, следуя выбранной в «Речи» терминологии, следует различать два вида магии. Первый связан с натуральной философией и потому носит возвышенный характер⁶⁶. Второй же тип Джованни Пико воспринимает как чрезвычайно опасный и вредный для любителей философии и теологии, поскольку в своих методах приверженцы этого вида магии ориентируются на демонов. Видимо, во втором случае Пико имел в виду нечто, похожее на черную магию в нашем, современном понимании, поэтому ее отрицание не кажется неожиданным. Нам стоит внимательнее рассмотреть первый вид магии и то, что под ним понимал Джованни Пико.

Прежде всего, Джованни Пико, ссылаясь на Порфирия, пытается доказать, что само слово «маг» указывает всего лишь на толкователя и почитателя божественных деяний. Впоследствии, в «Рассуждениях», граф Мирандолы будет критиковать Порфирия как раз за подобные утверждения, пока же он вслед за ним приходит к выводу, что маг и магия исконно относятся к сфере высшего. Неудивительно, что он приписывает многим «древним» увлечение этим видом магии, т.е. наблюдением за небесными и божественными явлениями⁶⁷. Очевидно, что магами Джованни Пико называет тех людей, которые, основываясь на своих обширных знаниях, могли определять влияния горного мира на дольний.

Способностями к такому созерцанию обладали практически все крупнейшие мыслители прошлого; Пико упоминает Пифагора, Демокрита, Гермиппа и многих других⁶⁸. Более того, Джованни Пико, говоря о высоком предназначении магии в изучении божественных деяний, ссылается последовательно на Платона и Плотина, что лишний раз соответствует неоплатоническому характеру его высказываний. Но кроме общей направленности магических представлений Джованни Пико, весьма любопытны ссылки на тех авторов, которых он через семь лет будет упоминать в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» в совершенно ином качестве. Выделим двух мыслителей — ал-Кинди и Роджера Бэкона⁶⁹. В «Речи» они предстают сторонниками «настоящей» магии. Однако уже в «Рассуждениях» Джованни Пико назовет их приверженцами астрологии и беспощадно раскритикует. Особенно безжалостен он будет к францисканскому богослову, извратившему, по мнению графа Мирандолы, основы христианского учения. Таким образом, восприятие Джованни Пико этих авторов менялось, а вместе с ним и отношение к магии и астрологии.

В «900 тезисах» Пико разъясняет положение астрологии в общей структуре магических занятий. Именно этот текст дает нам представ-

⁶⁶ *“Altera nihil est aliud, cum bene exploratur, quam naturalis philosophiae absoluta consumatio” // Ibid.*

⁶⁷ *Ibid.*

⁶⁸ *Ibid.* P. 150–152.

⁶⁹ *Ibid.* P. 152.

ление о том, как Пико воспринимал натуральную магию, каббалу и астрологию и взаимосвязи между ними.

В первую очередь Джованни Пико подтверждает выдвинутое им в «Речи» разделение на два типа магии. Первый тип, по его мнению, применяется его современниками и осужден Церковью, как противный ей и истине и лишенный каких-либо обоснований⁷⁰. «Черной» магии по-прежнему противопоставляется натуральная магия, которая соответствует практической стороне т.н. *scientia naturalis* или «естественной науки». Как замечает Джованни Пико, из двух его тезисов можно сделать вывод, что натуральная магия — не только часть *scientia naturalis*, но, более того, это наиболее важная и благородная ее составляющая⁷¹. При этом с определенной долей вероятности во фразе Джованни Пико об использовании «черной» магии его современниками можно усматривать еще одно противопоставление этих двух типов, ведь граф Мирандолы имел в виду, что натуральная магия всегда была прерогативой древних, т.е. носителей т.н. *prisca theologia*⁷².

Натуральная магия может использоваться по-разному. Из «Тезисов» следует, что существует целый комплекс магических занятий, опирающихся на разные древние философские учения, и все виды этих практик имеют одну цель — познание истины путем проникновения в сокровенные тайны мироздания. Искусство мага как раз заключается в том, чтобы познать самые значительные секреты природы⁷³. Его положение в мире — особенное, ведь он может открывать скрытое и объединять разьединенное⁷⁴. Джованни Пико прибегает к очень интересной метафоре, называя занятия магией свадьбой, т.е. полным единением, с природой и миром⁷⁵. Маг обладает глубокими знаниями о природе и определенным арсеналом приемов, позволяющих ему достичь результата в наблюдениях. Так, маг предельно внимателен к буквам, словам и цифрам, которые, по мнению графа Мирандолы, несут значительные магические функции. В отношении смысла, заложенного в буквах, Джованни Пико, несомненно, следует еврейской традиции, в которой каждая буква наделена определенным свойством и значением⁷⁶. Упомянутые нумерологические занятия столь же важны, и Джованни Пико, видимо, выводит их необходимость из того же каббалистического учения, в котором число, как и буква, обладает фундаментальным духовным и магическим зарядом⁷⁷.

⁷⁰ Conclusiones Magicae numero XXVI, secundum opinionem propriam. 1.

⁷¹ Ibid. 2–4. См. также: Conclusiones paradoxae numero LXXI, secundum opinionem propriam, noua in philosophia dogmata inducentes. 46–47. Надо сказать, что 46 парадоксальный тезис лучше соответствует заявленной Пико проблематике.

⁷² Более подробно о *prisca theologia* см. ниже.

⁷³ Conclusiones Magicae numero XXVI, secundum opinionem propriam. 17.

⁷⁴ Ibid. 5; 11.

⁷⁵ “Magicam operari non est aliud quam maritare mundum” // Ibid. 13.

⁷⁶ Ibid. 19–22.

⁷⁷ Ibid. 23–25.

Мне уже приходилось говорить о том, что в «Речи о достоинстве человека» натуральная магия мыслилась Джованни Пико как наследие древних философов. Эта линия естественным образом обнаруживается и в «900 тезисах». О некоторых важных точках соприкосновения между магией и каббалой уже шла речь выше, но Джованни Пико не ограничивается только еврейским учением. Так, в число магических текстов, по его мнению, входят гимны Орфея, наследие Зороастра и Гермеса Трисмегиста. Однако наибольшее внимание автора обращено к каббале, и надо сказать, что именно в каббалистических тезисах Джованни Пико говорит об астрологии.

Знакомству Джованни Пико с еврейской мистической традицией и ее влиянию на него посвящены многие серьезные исследования⁷⁸. Каббала и магия в творческом сознании Пико были тесно переплетены. В его понимании каббала — та отрасль магических занятий, которая непосредственно связана с божественным. Я уже говорил, что магия для Джованни Пико — высшее проявление *scientia naturalis*, однако каббала в свою очередь приобретает статус важнейшей части в структуре натуральной магии. Поэтому для обретения способности познать самые сокровенные вопросы мироздания маг должен быть сведущ в еврейском мистическом учении. Этим следует объяснять знаменитый тезис о том, что божественность Христа наиболее точно доказывается с помощью магии и каббалы; данное заключение будет подвергнуто сомнению папской комиссией и впоследствии будет признано еретическим⁷⁹. Одним из важнейших достоинств каббалистического учения Пико считает возможность проникнуть в суть букв и слов и тем самым подтвердить существование Бога и верность основополагающего догмата о Троице⁸⁰. В «Апологии» Пико всячески защищает свой тезис, говоря, что магия и каббала позволяют понять чудеса, которые совер-

⁷⁸ Список работ, посвященных каббале в творчестве Пико, чрезвычайно велик. Перечислю лишь некоторые из них: *Wirszubski C. Pico della Mirandola's Encounter with Jewish Mysticism; Secret F. I cabbalisti cristiani del Rinascimento*. Roma, 2001 (французское издание вышло в 1964 г.); *Copenhaver B. Number, Shape, and Meaning in Pico's Christian Cabala: the Upright tsade, the Closed Man, and the Gaping Jaws of Azazel // Natural Particulars: Nature and the Disciplines in Renaissance Europe / Ed. A. Grafton and N. Siraisi. Cambridge, MA; L., P. 25–76; Idem. Locculto in Pico // Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994). Vol. 1. P. 213–236; Black C. Pico's Heptaplus and Biblical Hermeneutics. Boston; Leiden, 2006; Ogren B. Renaissance and Rebirth. Reincarnation in Early Modern Italian Kabbalah. Leiden; Boston, 2009. P. 212–237; Giovanni Pico della Mirandola e la cabbalà / A cura di F. Lelli. Firenze, 2014.*

⁷⁹ “Nulla est scientia, quae non magis certificet de diuinitate Christi, quam Magia et Cabala” // *Conclusiones Magicae numero XXVI, secundum opinionem propriam*. 9.

⁸⁰ *Conclusiones Cabalisticae numero LXXII, secundum opinionem propriam, ex ipsis Hebraeorum sapientum fundamentis Christianam Religionem maxime confirmantes*. 5–6.

шал Христос, и тем самым оказывают неоценимую помощь христианству и Церкви⁸¹.

В восемнадцатом каббалистическом тезисе мы впервые встречаем упоминание астрологии⁸². Граф Мирандолы утверждает, что после пришествия Христа, исходя из данных астрологии в каббалистическом учении, отмечать шабат и отдыхать правильнее в воскресенье. Анализ данного высказывания проблематичен, поскольку мы не обладаем никакими дополнительными сведениями о том, что именно Джованни Пико подразумевал этой фразой и какими астрологическими данными он руководствовался. Однако из приведенного тезиса следует один принципиальный вывод: Пико воспринимает астрологию как один из видов магических занятий. Более того, она приближена к самым высоким проявлениям натуральной магии и может служить помощницей каббале.

Нечто подобное обнаруживается в 48 и 49 каббалистических тезисах. Рассуждая об одном из важнейших понятий каббалы — десяти сфирот⁸³, — Джованни Пико находит соответствие между ними и десятью сферами, которыми пользуется астрология. Система мироздания из десяти элементов, которой он придерживался в «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» и которую будет применять в «Гептапле», остается неизменной, хотя резко меняется ее содержание: прежний ориентир, неоплатоническая триада и восемь астрономических сфер, уступает место сочетанию десяти сфер-сфирот. В «900 тезисах», согласно Пико, с каждой из сфер соотносится одна сфера, что подтверждает совпадение астрологической «правды» с теологической истиной⁸⁴. Остается не совсем ясным возможное применение таких знаний и соответствие свойств сфирот с характеристиками планет и сфер. Однако для Джованни Пико важнее всего то, что астрология доктринально близка каббале, и цель обоих учений одина. Подтверждением этому служит последний тезис, согласно которому «истинная астрология учит людей читать в книге Бога, в то время как каббала — в книге Закона»⁸⁵.

Таким образом, астрология оказывается не просто вовлечена в ряд магических операций, но максимально приближена к постижению Бога. В «900 тезисах», говоря об астрологии, Джованни Пико имеет в виду один из ключевых видов магиико-каббалистических занятий, занимающий в общей структуре важнейшее место, и при

⁸¹ *Pico della Mirandola G. Apologia. L'autodifesa di Pico di fronte al Tribunale dell'Inquisizione. P. 155–193.*

⁸² *Conclusiones Cabalisticæ numero LXXII, secundum opinionem propriam, ex ipsis Hebraeorum sapientum fundamentis Christianam Religionem maxime confirmantes. 18.*

⁸³ В каббале десять сфирот (ед. число — сфира) соответствуют десяти проявлениям или стадиям эманации Бога.

⁸⁴ *Conclusiones Cabalisticæ numero LXXII, secundum opinionem propriam, ex ipsis Hebraeorum sapientum fundamentis Christianam Religionem maxime confirmantes. 48–49.*

⁸⁵ *“Sicut vera Astrologia docet nos legere in libro Dei, ita Cabala docet nos legere in libro legis” // Ibid. 72.*

этом ни разу не упоминает о детерминации судьбы. Так он стремится снять противоречие между астрологической необходимостью и человеческой судьбой. По его мнению, астрология как магическая наука и помощница в деле познания мира не идет вразрез с христианским пониманием свободы воли⁸⁶. Особое место Джованни Пико отводит магу — носителю разнообразных древних учений, который способен, основываясь на своих знаниях, познать природу и направить ее проявления в нужное русло. Общий пафос учения, выдвинутого графом Мирандолы, носит ярко выраженный неоплатонический и каббалистический характер. Пико опирается не только на Платона и неоплатоников, но и, согласно теории *prisca theologia*, на их предшественников — Гермеса, Зороастра, каббалистов и других. В этом отношении базовые положения теории Джованни Пико схожи со взглядами его старшего современника Марсилио Фичино⁸⁷.

§ 3. «Гептапл» и «Комментарии на Псалмы»

После того как мы рассмотрели представления Пико об астрологии в трактатах 1486–1487 гг., хотелось бы обратиться к другим текстам, которые появились уже после осуждения тезисов папской комиссией в Риме и дальнейшего инквизиционного преследования. В них взгляды Джованни Пико об астрологии подверглись некоторым существенным изменениям. Речь пойдет о «Гептапле» и «Комментариях на Псалмы». Несмотря на разную судьбу этих сочинений, их объединяет не только общий экзегетический замысел, но и ряд философских положений, проливающих свет на воззрения Пико о природе небесных влияний. Хронологически верно было бы начать с анализа «Гептапла», который датируется 1489 г.

Будучи знаком как с известными христианскими комментариями на Шестоднев, так и с трудами, относящимися к еврейской традиции, Джованни Пико, по его словам, не стремится пользоваться первыми в своих разысканиях, но отдает предпочтение второй. Пожалуй, именно «Гептапл» служит лучшим примером неповерхностного знакомства

⁸⁶ Об этом важном аспекте магической теории Пико см.: *Perrone Compagni V. Pico sulla magia: problemi di causalità // Nello specchio del cielo. P. 95–115.*

⁸⁷ Воззрения Марсилио Фичино по этому вопросу, наиболее полно представленные в трактате «Три книги о жизни», не находятся в прямой зависимости от трудов Пико, равно как и наоборот: Пико не следовал в своих изысканиях за старшим современником. Скорее всего каждый из них своим путем пришел к похожим выводам. Мы коснемся вопроса об астрологии и магии у Фичино ниже. Пока же упомянем несколько общих, но не лишенных недостатков исследований по этой теме: *Bullard M.M. The Inward Zodiac: a Development in Ficino's Thought on Astrology // Renaissance Quarterly. 1990. Vol. 43. № 4. P. 687–708; Pompeo Faracovi O. Destino e fato nelle pagine astrologiche di Marsilio Ficino // Nella luce degli astri: l'astrologia nella cultura del Rinascimento / A cura di O. Pompeo Faracovi. Sarzana, 2004. P. 1–24.*

Пико с каббалистической литературой и наиболее тонкого, продуманного ее использования. Хотя этот трактат задуман как богословский, Джованни Пико в свойственной ему манере не ограничивается исключительно теологическими вопросами. Его экзегеза невозможна без привлечения значительного числа других источников.

В «Гептапле» Пико развивает тезис о существовании десяти сфер, который уже встречался в его ранних сочинениях, что доказывает его несомненную последовательность в данном вопросе. Как и в «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени», он придерживается мнения, что поверх семи планет и сферы неподвижных звезд существуют две другие сферы. Девятая, познаваемая разумом, а не чувствами, — первая среди всех движущихся объектов. Десятая же совершенно неподвижна и характеризуется первичным излучением света; вслед за теологами Джованни Пико называет ее эмпиреем⁸⁸. В доказательство этого положения он приводит несколько ссылок на труды разнообразных авторитетов. С одной стороны, упоминаются Страбон и Беда Достопочтенный и еврейская традиция, в которой Джованни Пико призывает обратить внимание на «великого астролога» Авраама Испанца и «философа Исаака»⁸⁹. Под первым следует понимать Авраама ибн Эзру (или в латинской традиции — Авеназру), под вторым, скорее всего, талмудиста Исаака из Нарбонны, из трудов которого Пико ранее вывел четыре тезиса, хотя полного согласия о такой идентификации в «900 тезисах» пока нет⁹⁰. С другой стороны, — Пико цитирует фрагменты из Священного Писания, где говорится о существовании десяти сфер.

В упоминаемом пассаже следует обратить внимание не только на соблюдение целостности теории о десяти сферах, но также на то, что Джованни Пико считает десятую сферу носителем живительного света⁹¹. Эта точка зрения, изложенная в «Гептапле», пропитана отчетливыми неоплатоническими элементами, что будет в целом чуждо Джованни Пико в «Рассуждениях против прорицательной астрологии». Основная идея учения, которого придерживается наш автор, заключается в том, что десятая сфера-эмпирей обладает уникальной способностью распространять свет, дарующий жизнь элементам низшего мира. Важно подчеркнуть — речь идет не о каком-то светиле, испускающем такие лучи: подобная функция присуща только перворазуму, который таким обра-

⁸⁸ *Pico della Mirandola G. Heptaplus. II. 1. P. 224–226.*

⁸⁹ *Ibid. P. 224.*

⁹⁰ *Conclusiones secundum Isaac Narbonensem, numero IIII; Farmer S.A. Syncretism in the West. P. 272.* Авраам Ибн Эзра (1092 или 1093–1167) — еврейский ученый, философ, астроном и математик. В латинской традиции его было принято называть Авеназрой. Авраам бен Исаак из Нарбонны (ок. 1110–1179) — еврейский философ и богослов.

⁹¹ *Pico della Mirandola G. Heptaplus. II. 2. P. 230.*

зом передает импульсы миру. Кроме света, как его производное, Джованни Пико упоминает тепло, которому он уделит больше внимания уже в «Рассуждениях против прорицательной астрологии». Однако небесный свет «Гептапла» несет в себе определенное, конкретное влияние, которое, исходя от высшей сферы — эмпирея, — не может быть подвержено искажению в результате каких-либо перекрестных воздействий. Этот неоплатонический по духу свет становится как будто божественным, а в таком состоянии он не поддается трансформации внешними факторами. В целом Джованни Пико следует линии, намеченной еще в ранних сочинениях, где в вопросах такого рода он придерживался вполне определенных неоплатонических воззрений. Однако даже в «Гептапле» можно обнаружить некоторые указания на то, что Джованни Пико не может обойтись без того, чтобы объяснить силу воздействия лучей состоянием материи⁹². Если же мы не признаем за эмпиреем способности излучать подобный божественный свет (и припишем ее светилам или созвездиям), можно поставить вопрос о том, как именно следует воспринимать живительные лучи и возможна ли неизменность их состояния вне зависимости от материи. Таким образом, в «Гептапле» усматриваются, на первый взгляд, совсем незначительные противоречия по вопросу о сочетании неоплатонической по духу теории света и способности материи его воспринять, однако впоследствии именно они серьезно сказались на переосмыслении Пико этих вопросов. Здесь применение концепта материи, без которого Джованни Пико обходился в ранних сочинениях, постепенно вступает в противоречие с неоплатоническим представлением о свете и действительном влиянии неба на подлунный мир.

С этой точки зрения ценными для нас становятся «Комментарии на Псалмы», над которыми Джованни Пико, по всей видимости, работал в 1490–1491 гг., но оставил их неоконченными. Кажется верным, несколько нарушив хронологию, обратиться к этому важному для нас тексту, где теория света находит свое продолжение, а затем вернуться к «Гептаплу» для того, чтобы указать на некоторые иные любопытные аспекты, касающиеся астрологии и, в целом, коснуться представлений Пико о небе, планетах и созвездиях.

Прежде всего, Джованни Пико изменяет субъект излучения. В «Комментариях на Псалмы» он ведет свои рассуждения о природе живительного света вокруг Солнца, а не эмпирея. Вслед за тем же ибн Эзрой, который был ему важен не как астролог, как это будет в «Рассуждениях», а как носитель еврейской комментаторской традиции, Пико говорит, что Солнце — небесное тело, которому Богом переданы функции самой значительной и влиятельной планеты или, другими словами, первой среди равных. Такое Солнце становится как будто проявлением другого, невидимого и интеллектуального Солнца, т.е. соответствует

⁹² Ibid. I. 5. P. 218.

идее Солнца в неоплатоническом прочтении⁹³. Поэтому свет, исходящий от «простого» Солнца, — одно из высших проявлений природы. По мнению Пико, лучи такого света проникают повсюду и, в соответствии с рядом философских и богословских традиций прошлого, обладают способностью даровать живительную силу как производное идеи интеллектуального Солнца⁹⁴. Как интеллектуальное Солнце обладает многими свойствами, которые говорят о его причастности божеству, так и видимое Солнце — важнейший элемент в общей системе мироздания, ведь оно отвечает за остальные небесные тела и напрямую определяет свойства низшего мира⁹⁵. Пико приходит к логическому выводу, что такое видимое Солнце и его более сложный прототип суть проявления Блага, которое организовало этот мир, предопределило живительный характер света и тепла и наделило небо идеальным круговым движением⁹⁶. И хотя такое понимание Блага, разумеется, находится в русле неоплатонической традиции, чего Пико никоим образом не отрицает, снабжая текст ссылками на труды Платона и Плотина, один момент кажется особенно важным в рамках нашего анализа. В противоположность тому, что написано в «Гептапле», эманация света происходит не непосредственно от перворазума или других высших проявлений божества, но через природное тело. Не возникает сомнений, что один из видов Солнца, указанных в «Комментариях на Псалмы», несмотря на дарованные ему неоплатонической традицией свойства, обладает также вполне натуральными, естественными характеристиками. Вводя положение о том, что свет и тепло исходят от такого объекта, Пико исключает природную составляющую в ущерб богословскому прочтению. Однако признав за «простым» Солнцем такую возможность, он уже в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» дополнит это положение доводами натуральной философии, тем самым отказавшись от общего неоплатонического взгляда на указанную проблему света. Уже в «Гептапле» и «Комментариях на Псалмы» введя понятие материи и упомянув о природной составляющей эманации, Джованни Пико вступил в противоречие с неоплатоническим прочтением натуральной магии. Вполне возможно, что, кроме религиозной составляющей критики астрологии в «Рассуждениях», вызванных влиянием на него Савонаролы, ощущение противоречивости изложенной им теории света привела к пересмотру представлений об астрологии и магии. Наконец, в это же время Джованни Пико работал над обширным проектом по согласованию Платона и Аристотеля. В 1491 г. он написал своему другу Анджело Полициано письмо «О Сущем и Едином», где пытался доказать, что при рассмотрении этих двух по-

⁹³ *Pico della Mirandola G. Expositiones in Psalmos. P. 178.*

⁹⁴ *Ibid. P. 182.*

⁹⁵ *Ibid.*

⁹⁶ *Ibid. P. 182–188.*

нятий Платон и Аристотель не противоречили друг другу⁹⁷. Вполне возможно, что в «Комментариях на Псалмы» Джованни Пико ясно осознал невозможность примирить неоплатоническую эманацию света и аристотелевскую физику. Это ярко отразилось в ситуации, когда он столкнулся с понятием материи. Противоречивость этого положения впоследствии проявилась в ориентации на аристотелевскую физику при составлении последнего трактата⁹⁸.

Теперь, после того как для разъяснения взглядов Пико на природу небесного света мы обратились к «Комментариям на Псалмы», следует вернуться к «Гептаплу», чтобы ознакомиться с несколькими фрагментами, касающимися астрологии.

Высказывания Пико о свойствах планет отражают все то же следование неоплатонической традиции, которая приписывала им определенные характеристики. В этом отношении особенных идейных расхождений с «Комментарием к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» не обнаруживается. Так, говоря о планетах, Пико первой среди них называет Сатурн как наиболее значительное небесное светило⁹⁹. Корни этого утверждения можно усматривать в неоплатонической метафоре о Сатурне как первом разуме, о чем Пико говорил в «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени». Такая точка зрения, правда, контрастирует с последующими заключениями из «Комментариев на Псалмы» и «Рассуждений против прорицательной астрологии», где он выделяет Солнце. Однако в «Гептапле» Пико отдает Солнцу и Луне лишь следующие после Сатурна позиции в иерархии небесных тел¹⁰⁰. Остальные планеты также чрезвычайно важны, но идут после названных трех¹⁰¹. Для нас важно, что, по мнению Пико, при взаимодействии

⁹⁷ Два лучших издания этого труда: *Toussaint S. L'esprit du Quattrocento. Le De Ente et Uno de Pic de la Mirandole*. P., 1995; *Pico della Mirandola G. Dell'Ente e dell'Uno / A cura di R. Ebggi con la collaborazione di F. Vacchelli*. Milano, 2010. Существует также русский перевод: Пико делла Мирандола Дж. О Сущем и Едином к Анджемо Полициано / Пер. О.Ф. Кудрявцева // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)*. С. 263–280. «О Сущем и Едином» содержал критические выпады в адрес Марсилио Фичино. Последний не остался в стороне и решил ответить своему младшему товарищу в комментарии на «Парменида» Платона. Об этом: *Vanhaelen M. The Pico-Ficino Controversy: New Evidence in Ficino's Commentary on Plato's Parmenides // Rinascimento*. 2009. Vol. 49. P. 1–39; *Ficino M. Commentaries on Plato. Vol. 2. Parmenides / Ed. and trans. M. Vanhaelen*. Cambridge, MA; L., 2012.

⁹⁸ Указание на изменение философских ориентиров в «Рассуждениях» редко и мимоходом дается в ряде исследований и чаще всего остается без дальнейшего углубления.

⁹⁹ “*Aquae quae sub caelo sunt, septem sidera sunt, quae sunt sub firmamento quod vocavit caelum, quorum primus Saturnus*” // *Pico della Mirandola G. Heptaplus*. II. 3. P. 232.

¹⁰⁰ *Ibid.*

¹⁰¹ *Ibid.* P. 232–234.

планеты могут компенсировать свои влияния за счет других планет¹⁰². Такое высказывание подразумевает не только существование определенных характеристик планет, но и возможность их соединений. Так, Пико признает за планетами разнонаправленные, но более или менее одинаковые по силе влияния, при сочетании небесных тел отрицательные свойства могут компенсироваться положительными характеристиками другого участника этого соединения. Таким же образом, по его словам, важна позиция планет в знаке Зодиака¹⁰³. Саму же символику знаков он не подвергает никакому критическому анализу, лишь отдавая должное египтянам и индийцам, которые ввели эти небесные фигуры¹⁰⁴. В упоминаемых явлениях можно увидеть некоторые элементы астрологического учения, хотя Джованни Пико не говорит о том, что такие свойства или соединения планет влияют на формирование человеческой индивидуальности. Тем не менее, в «Гептапле» встречаются резко отрицательные высказывания об астрологии. Пико очень четко определяет, против чего именно направлен его протест: он не согласен с тем, что по звездам можно предсказывать судьбу человека и вообще какие-либо будущие события¹⁰⁵. Очевидно, что астрологией он называет ту дивинацию, против которой выступал Цицерон, поэтому, видимо, Пико использует именно это название астрологии¹⁰⁶. Ссылками преимущественно на христианских авторитетов и древних философов он подтверждает, что астрология никогда не пользовалась их поддержкой. Однако выдвинув это обвинение, он пока что не углубляется в его суть¹⁰⁷. Отрицание астрологии и суровый удар по ее практическим и философским основам мы увидим уже совсем скоро, в «Рассуждениях против прорицательной астрологии».

Пока же подведем итоги анализа представлений Джованни Пико делла Мирандола об астрологии в сочинениях, которые предшествовали его последнему трактату. Из нашего очерка можно сделать вывод, что, несмотря на ряд общих и неизменных положений, его взгляды прошли определенную эволюцию. Ранние сочинения — «Комментарий к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» и «Трилогия» — интересны тем, как Джованни Пико меняет свою философскую ориентацию: не отказавшись полностью от неоплатонической основы, в «Трилогии» он, тем не менее, утверждает связь каббалы и магии с астрологией. Особенно ярко это проявляется в описании десяти небесных сфер, число и действия которых в «Комментарии» обосо-

¹⁰² “*Altius credo latere mysterium veteris Hebraeorum disciplinae, inter cuius de caelo dogmata hoc est praecipuum: concludi a Sole Iovem et Martem, a Luna vero Venerem et Mercurium*” // *Ibid.* P. 234.

¹⁰³ *Ibid.*

¹⁰⁴ *Ibid.* II. 5. P. 238.

¹⁰⁵ *Ibid.* V. 4. P. 296–298.

¹⁰⁶ *Марк Туллий Цицерон. О дивинации* / Пер. М.И. Рижского // *Марк Туллий Цицерон. Философские трактаты* / Под ред. Г.Г. Майорова. М., 1985. С. 191–299.

¹⁰⁷ *Pico della Mirandola G. Heptaplus. V. 4. P. 298.*

вываются при помощи неоплатонической триады; в «Трилогии» же Джованни Пико настаивает на сходстве десяти сфер с десятью сфирот каббалистов.

Из «Тезисов» Джованни Пико можно сделать вывод, что астрология — важная часть натуральной магии, и знание о небе по своему значению для мудреца-мага приближено к самому высшему проявлению *scientia naturalis* — каббале. Таким образом, астрология оказывается частью общих магических занятий, однако, несмотря на ее высокое место, Джованни Пико ни разу не говорит о детерминированности человеческой судьбы. Магия, астрология и каббала — подсказки для человека, которые, правильно интерпретированные, могут помочь ему, но эти сокровенные учения никоим образом не затягивают человека в плен. В этом положении позиция Джованни Пико близка мнению его старшего современника Марсилио Фичино. В трудах, написанных уже после предполагаемого диспута в Риме, Пико, как кажется, не меняет своей точки зрения. Он по-прежнему придерживается мысли о том, что планеты обладают характерными только для них свойствами, а их сочетание может иметь ценность, но это не мешает ему в «Гептапле» обрушиться на астрологию, которая занимается предсказаниями и делает человека своим невольником. В «Гептапле» и «Комментариях на Псалмы» Пико подробно изложил свое мнение о том, как излучение света может влиять на низший мир, тем самым затронув глубинные философские и богословские аспекты эманации света, которые могли бы быть использованы астрологами для доказательства своего учения. Мнение Джованни Пико об источнике света не всегда оставалось одинаковым, но несмотря на свою приверженность неоплатонизму, он обратился к вопросу, который впоследствии в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» сыграет значительную роль в полном отторжении астрологического учения.

Нередко можно услышать, что на критические выпады Джованни Пико против астрологии оказал влияние Джироламо Савонарола, с 1490 г. по приглашению Пико обосновавшийся во Флоренции. Подобная точка зрения, несомненно, имеет право на существование. Однако ее сторонники совершенно не учитывают развитие философских воззрений самого Джованни Пико, который к началу 1490-х гг., определенно отказался от радикальных суждений, свойственных ему в юности. Вероятно, что в «Гептапле» и «Комментариях на Псалмы» он действительно осознал бесперспективность собственных попыток связать неоплатоническую эманацию света (а вместе с этим — придать философскую основу натуральной магии) с физической реальностью, описанной им в терминах Аристотеля. Символом этого стала проблема сочетаемости материи и небесного, астрологического света. Сходные трудности Джованни Пико испытал в это же время в трактате «О Сущем и Едином». Поэтому не стоит удивляться тому, что, кроме религиозных оснований выступить против астрологии, Джованни

Пико также руководствовался философскими причинами. Вопросу о материи и свете он посвятил самую внушительную, третью Книгу своих «Рассуждений против прорицательной астрологии», в которой полностью пересмотрел собственные взгляды: отныне в вопросах физического описания мира Аристотель, а не Платон, был его главным авторитетом.

Однако стоит еще раз повторить, что в своих ранних сочинениях Джованни Пико не допускал астрологического предопределения судьбы, хотя и отводил астрологии высокое место в структуре магико-каббалистических занятий. В трудах, написанных с 1489 по 1493 гг., в целом сохраняя верность неоплатонической философии и каббалистической мистике, идейно близким астрологии, он по-прежнему избегал выводов о детерминированности судьбы. Смена мировоззренческих ориентиров, наметившаяся к началу 1490-х гг., сподвигла Джованни Пико в 1493 г. приступить к работе над «Рассуждениями против прорицательной астрологии».

ЧАСТЬ II

От признания к отрицанию:
Джованни Пико делла Мирандола
против астрологии

ГЛАВА I

«Рассуждения против прорицательной астрологии»: особенности и структура текста

В своей книге о Джованни Пико Ф. Рулье заметил, что «Рассуждения против прорицательной астрологии» — текст, который не поддается полноценному анализу¹. С этим заявлением сложно не согласиться. Пико начал писать этот трактат в 1493 г. и работал над ним до своей смерти в 1494-м. Монументальный труд остался неоконченным, на момент смерти автора он составлял 12 частей-книг.

Трактат действительно представляет определенные сложности для исследователей. Пико не успел отшлифовать свой текст, поэтому его трудно читать из-за обилия информации и большого числа прямых или скрытых отсылок на многочисленные источники, а также частых повторений. При этом первые шесть книг хорошо структурированы и выделены по определенной тематике, хотя часто сюжетно переплетаются; последние книги выглядят более скомканными. Особенно при чтении последней, двенадцатой, книги создается впечатление незавершенности, как будто не поставлен важный акцент в самом конце трактата. По словам биографа Джованни Пико, его племянника Жан-Франческо Пико делла Мирандола, дядя планировал завершить свой трактат тринадцатой книгой². Никаких набросков этого финала до нас не дошло.

Тем не менее, определенный авторский замысел можно понять по самому строению трактата. Пико исходит из нескольких основных положений, которые стремится доказать по мере развития своего повествования: 1) астрология ложна как наука; 2) ложны ее методы; 3) она сама по себе является измышлением астрологов, между которыми часто нет согласия. На основе этих трех принципов он выстраивает последовательность книг и глав³.

¹ Roulier F. Jean Pic de la Mirandole (1463–1494). Humaniste, philosophe et théologien. Genève, 1989. P. 53.

² Valcke L. Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique. P. 296.

³ Нам известно всего два описания структуры трактата, каждое из которых по разным причинам не может считаться идеальным: Thorndike L. Astrology at Bay // Thorndike L. A History of Magic and Experimental Science. N.Y., 1934. Vol. 4. P. 529–543; Zanier G. Struttura e significato delle *Disputationes* pichiane // Giornale critico della filosofia italiana. 1981. Vol. 1. № 1. P. 54–86.

Первая и двенадцатая книги посвящены истории астрологии, т.е. должны, по мнению Пико, объяснить его третье базовое положение. В начале своего труда он стремится выделить тех авторов, которые в своих сочинениях резко осуждали астрологию и усматривали в ней опасное суеверие. В последней же книге Пико концентрируется на истории возникновения астрологии на Ближнем Востоке и ее дальнейшем распространении среди греков, латинян, арабов и христиан. В этих обрамляющих трактат книгах он, кроме того, пытается объяснить причины, обусловившие успех астрологии и позволившие ей «помрачить умы людей всякого возраста, положения и пола»⁴. После вводной первой книги следует целый перечень книг, в которых Пико через отдельные составляющие астрологического учения критикует его сущность. Во второй книге наибольший интерес представляют четвертая и пятая главы, где Пико осуждает христианских астрологов, которые попытались применить принципы, противные самому духу религии, для подтверждения христианских догматов. Третья книга, самая пространная, посвящена преимущественно физическим и космологическим аспектам критики астрологии. Здесь Пико подробно останавливается на ряде важнейших терминов, которые в теоретическом отношении могли бы быть использованы в астрологических построениях, и доказывает, что за влиянием светил скрывается не детерминированное определение судьбы человека, а лишь физическое воздействие. Замечу, что в силу значимости рассматриваемых в книге философских категорий исследователи чаще всего придают первоочередное значение именно их анализу, порой совершенно пренебрегая остальным содержанием трактата. В четвертой книге Пико продолжает свои рассуждения о том, что небо не определяет судьбы людей, а многие ирреальные события, которые астрологи привыкли приписывать расположению звезд, относятся к сфере чудесного, доступной только Богу. Все последующие книги, с пятой по одиннадцатую, посвящены критике отдельных астрологических практик и доказательству их ложности. Нельзя сказать, что все эти разделы были разработаны автором с одинаковой тщательностью. Лучше других структурирована пятая книга, где Пико обрушивается на теорию «великих конъюнкций», описанную Абу Машаром, а позже перенятую некоторыми западными средневековыми мыслителями. В других книгах он останавливается на таких вопросах, как предсказания о рождении, теория «великого года», система деканов. В целом он стремится найти недостатки во всех известных ему составляющих астрологического учения, правда, как я уже отметил, во второй половине сочинения Пико по понятным причинам не всегда смог представить их систематическую критику.

С трактатом Пико связана другая важная проблема: до сих пор точно неизвестно, написаны ли «Рассуждения» самим Джованни Пико.

⁴ «Hanc fraudem omnis aetas et ordo sexusque caligat» // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. Prooemium. P. 44.

Как уже было сказано выше, текст Пико остался незавершенным. Он был опубликован спустя два года после смерти автора в 1496 г. Издателем собрания сочинений Пико, куда вошли «Рассуждения», выступил его племянник Джанфранческо Пико. С этого момента возникло мнение, что «Рассуждения», а также ряд других текстов из наследия Джованни Пико, были подвергнуты переработке и коррективке⁵. В пользу этой точки зрения обычно приводят следующие доводы. Хорошо известно, что Джанфранческо Пико был ярким сторонником Савонаролы; вполне вероятно, что он мог придать труду своего дяди глубоко религиозный характер, который был бы выгоден доминиканскому проповеднику в борьбе против заблуждений его века. При жизни философа увидели свет лишь три его сочинения⁶, другие же остались неизвестными. Тексты для издания выбирал как раз племянник, который мог позволить себе некоторые вольности в публикации тех текстов, которые могли, по разным причинам, его недостаточно устраивать⁷. Кроме того, рукопись «Рассуждений» не сохранилась: публикация 1496 г. — единственный доступный нам текст. Таким образом, проверить, вносил ли Джанфранческо Пико какую-то правку в оригинальный текст, физически невозможно. Наконец, в подготовке публикации «Рассуждений» Джанфранческо помогал гуманист и медик Джованни Майнарди, который был известен своим негативным отношением к астрологии. В некоторых документах, дошедших до нас, Джанфранческо замечает своему коллеге, что он был вынужден подправить текст «Рассуждений»⁸. Однако, судя по всему, речь идет о грамматических ошибках, допущенных Джованни Пико, и разъяснении наиболее непонятных фрагментов, которыми изобилует вторая половина трактата. Тем не менее, нельзя не признать, что Джанфранческо Пико сыграл важную роль в создании легенды своего дяди.

Будучи религиозным радикалом, Джанфранческо, по всей видимости, болезненно относился к каббалистическим и магическим увлечениям своего знаменитого родственника. Желание сделать из Джованни Пико истинного христианского мыслителя отразилось в двух главных проектах, которые Джанфранческо связывал с памятью о своем дяде: издании *Opera omnia* 1496 г. и *Vita* Джованни Пико, составленной племянником. В «Жизнеописании» основной мотив, на котором Джан-

⁵ Доводы о возможном искажении «Рассуждений» собраны в: Farmer S.A. *Syncretism in the West*. P. 151–176.

⁶ Речь идет о «900 тезисах», «Апологии» и «Гептапле».

⁷ Schmitt C. Gianfrancesco Pico's Attitude toward His Uncle // *L'opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'Umanesimo*. Vol. 2. P. 305–313.

⁸ Garin E. Introduzione // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. Vol. 1. P. 3–17; Bacchelli F. Appunti per la storia del testo delle *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* di Giovanni Pico // *Ibid.* P. XVII–XXVIII. О Майнарди: Zambelli P. Giovanni Mainardi e la polemica sull'astrologia // *L'opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'Umanesimo*. Vol. 2. P. 205–279.

франческо акцентирует внимание читателя, касается «возвращения» Джованни Пико в лоно Церкви⁹. Неудавшийся диспут в Рим вкупе с каббалистическими интересами привели Джованни Пико к разрыву со Святым Престолом. Признавая глубину познаний Джованни Пико в философии и теологии, Джанфранческо одновременно признает еретический характер ранних сочинений своего дяди. «Жизнеописание», таким образом, превращается в историю о том, как заблудший Джованни Пико вновь встал на истинный путь и вернулся в Церковь. Основным положительным импульсом для этого Джанфранческо называет знакомство Джованни Пико с Савонаролой.

Из всего этого можно сделать вывод — отношение племянника к своему дяде было двойственным и непростым. Очевидная тенденциозность «Жизнеописания» и исчезновение манускрипта лишь усиливают подозрения. Однако достаточно ли этого для того, чтобы утверждать, будто Джанфранческо искажил оригинальный текст «Рассуждений против прорицательной астрологии»? Астрологических воззрений самого Джанфранческо и отдельных фрагментов «Рассуждений», наиболее сомнительных с точки зрения авторства Джованни Пико, мы коснемся позже. Пока же полезно понять, как возникла легенда о том, что Джанфранческо и Майнарди переписали «Рассуждения» в интересах Савонаролы.

Традиция приписывать племяннику отдельные вкрапления в текст дяди восходит к концу XV в. Важнейшее сочинение, о котором следует говорить применительно к этой традиции, принадлежит перу Лучо Белланти, сиенского медика и астролога. В 1498 г., уже после казни Савонаролы, он написал трактат «Защита астрологии против Джованни Пико делла Мирандола»¹⁰. По его мнению, в период написания своего трактата Пико уже находился под значительным влиянием Савонаролы, что определило религиозную направленность его труда. Белланти не исключает вероятность того, что уже после смерти Пико «Рассуждения» были намеренно изменены. Однако на такой основе трудно делать далеко идущие выводы. Для Белланти, Пико — сторонник Савонаролы, и одна из целей его «Защиты» заключалась в том, чтобы косвенно опорочить последнего. Более того, Савонарола, как хорошо известно, написал собственное сочинение «Против астрологов», где постарался, по его словам, переложить для простого народа содержание труда Пико¹¹. Белланти, уже после смерти обоих своих противников, постарался противопоставить их критике идею христианской астрологии, которая была распространена еще у средневековых авто-

⁹ *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Pici Mirandulae viri omni disciplinarum genere consumatissimi vita.*

¹⁰ О Белланти и Савонароле см. ниже. Для первого знакомства со спорами вокруг публикации «Рассуждений» см.: *Pompeo Faracovi O. In difesa dell'astrologia: risposte a Pico in Bellanti e Pontano // Nello specchio del cielo. P. 47–66.*

¹¹ *Savonarola G. Contro gli astrologi / A cura di C. Gigante. Roma, 2000. P. 33–34.*

ров. Его критика кажется предвзятой и не основана ни на чем, кроме указаний на духовную близость между Пико и Савонаролой. Этой же точки зрения придерживались астрологи более позднего времени: похожие рассуждения можно встретить в трудах Луки Гуарико и Франческо Джунтини¹². Но считать такие данные достоверными и не подлежащими критике, разумеется, не стоит, поскольку они кажутся субъективными. Тем не менее, традиция, восходящая к трактату Белланти, по-прежнему остается сильной.

Таким образом, заявления о бесспорном нарушении аутентичности текста кажутся спорными. Правда, для окончательного разрешения этого вопроса некоторые ученые требуют выполнения глубокого текстологического анализа, возможно, с применением статистических данных¹³. Пока же *status quaestionis* лучше всего суммирует недавняя статья Б. Копенхейвера: ни история создания, ни литературный стиль «Рассуждений» не могут служить достаточным доказательством неаутентичности последнего трактата Джованни Пико¹⁴. Напротив, существует целый ряд аргументов в пользу противоположного мнения. Прежде всего, это несомненное почтение и привязанность Жан-Франческо Пико к своему дяде: хотя он не одобрял каббалу и прочие магические занятия, он оставался верен памяти Джованни Пико и в остальных известных нам случаях не искадил его оригинальные сочинения. Почти легендарный статус Пико как главного христианского каббалиста как будто противоречил антиастрологическому характеру «Рассуждений» и мог ввести в заблуждение некоторых его современников; но это не отменяет определенной и очевидной трансформации его философских воззрений. Наконец, грандиозность замысла произведения и невероятная эрудиция автора — характерные атрибуты творчества старшего Пико, сделавшие его знаменитостью европейского масштаба. Все это позволяет предположить, что перед нами — аутентичное сочинение Джованни Пико. Тем не менее, точка в споре об авторстве «Рассуждений» еще не поставлена.

¹² Garin E. Introduzione // Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. P. 5.

¹³ На статистическом анализе настаивает С. Фармер. По его мнению, только он поможет определить, насколько текст трактата Пико аутентичен. См.: Farmer S.A. Syncretism in the West. P. 172.

¹⁴ Copenhagen B. Studied as an Oration: Readers of Pico's Letters, Ancient and Modern. P. 190–191. По мнению другого авторитетного исследователя, «Рассуждений» вполне гармонично вписываются в философский путь Джованни Пико: Grafton A. Commerce with the Classics: Ancient Books and Renaissance Readers. Ann Arbor, 1997. P. 93–134.

Глава II

Читая тексты: Джованни Пико делла Мирандола и его источники

Главной темой первой книги «Рассуждений против прорицательной астрологии» становится исторический обзор критики астрологии, выявление ее сторонников и противников¹. Задача, которую Пико поставил перед собой, определяет структуру главы. Она поделена на четыре фрагмента: в первых двух из них Пико называет тех философов и теологов, которые, с его точки зрения, отрицали ценность астрологических предсказаний; в третьем фрагменте он упоминает их сторонников; наконец, в последней части, самой краткой из всех, Пико обращается к законам, церковным и гражданским, которые осуждали астрологию: пожалуй, это единственный случай, когда в сочинениях Пико можно обнаружить плоды его недолгого и неудачного обучения в Болонье².

Подход к анализу текстов, который Пико использует как в первой книге «Рассуждений», так и, в целом, на протяжении всего трактата, характеризует эволюцию его философских воззрений. На раннем этапе своего творчества, в частности, во время работы над «Тезисами», он ставил во главу угла идею согласования всех философских и теологических доктрин под эгидой христианства. Это даже способствовало тому, что современники именовали Пико, князя Конкордии, «князем согласия» (*concordia* в переводе с латыни означает «согласие»), обыгрывая тем самым его титул³. Но после провала римского диспута Пико многое пересмотрел: например, из трех проектов по согласо-

¹ См. перевод этой книги «Рассуждений»: Пико делла Мирандола Дж. Рассуждения против прорицательной астрологии. Введение и Первая книга / Пер. О.Л. Акopiana // Русская антропологическая школа. Труды / Под ред. С.О. Зотова. М., 2016. Т. 14. С. 328–360.

² “Dum vero quartum et decimum aetatis annum ageret, matris iussu, quae sacris eum initiari vehementer optabat, discendi iuris pontificii gratia Bononiam se transtulit” // Pico della Mirandola G.F. Ioannis Pici Mirandulae viri omni disciplinarum genere consumatissimi vita. P. 34.

³ Пико неоднократно становился объектом такого рода интеллектуальных игр. В письме к Сальвиати от 1489 г. Кристофоро Ландино сравнивает Пико с «божественным дятлом» (*picus divinus*), образ которого он возводит как к античной поэзии, так и богословской литературе: Toussaint S. Giovanni Pico e il Picus: un mito per la teologia poetica // Giovanni e Gianfrancesco Pico: l'opera e la fortuna di due studenti ferraresi. P. 3–15.

нию казалось бы противоречащих друг другу мыслителей (Фома Аквинский и Иоанн Дунс Скот; Авиценна и Аверроэс; Платон и Аристотель) остался только последний, да и то в рамках письма к Анджело Полициано и ответов на критические выпады Антонио Читтадини⁴. Однако именно в этом небольшом по объему письме «О Сущем и Едином» Джованни Пико пересматривает свой метод.

Постулируя единство Платона и Аристотеля в вопросе о сущем и едином, одновременно Джованни Пико ставит под сомнение существование единой философской традиции платонизма. Он указывает на противоречия между разными представителями Академии и замечает, что последователи Платона неверно интерпретировали ряд ключевых положений «Парменида» и «Софиста»⁵. В отличие от Марсилио Фичино, который, напротив, выступал за то, чтобы сгладить очевидные расхождения между Платоном и платониками, Джованни Пико предлагал принципиально иное восприятие платонической «традиции». Хотя в трактате «О Сущем и Едином», как и раньше в «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени, он прямо возражает своему старшему товарищу, его критика выходит за пределы диспута с Фичино и знаменует собой трансформацию философских ориентиров Пико. Его целью становится очистить Платона и Аристотеля от интерпретаций, затуманивающих действительное, с его точки зрения, содержание их трудов, и тем самым вернуться *ad fontes*. Таким образом, в письме к Анджело Полициано Пико впервые предпринимает попытку деконструкции «философской традиции». Этот метод он впоследствии использовал в «Рассуждениях против прорицательной астрологии».

Необходимость пересмотреть понятие традиции красной линией проходит через весь трактат. Это отразилось в препарировании «астрологической традиции», противоречивость которой привела Пико к выводу, что астрология лишена каких-либо практических оснований. Кроме того, как будет показано ниже, новый подход к текстам сподвиг Пико радикально переосмыслить свое отношение к «древней теологии» — концепции, которую на протяжении долгого времени он всецело принимал⁶. В первой книге «Рассуждений» Пико лишь намечает те подходы, при помощи которых в других фрагментах своего трактата

⁴ После того как о письме к Полициано стало широко известно, Антонио Читтадини из Фаэнцы отправил Джованни Пико несколько посланий, где пытался опровергнуть выводы последнего о тождестве сущего и единого у Аристотеля и Платона. На два послания Джованни Пико ответил; на рукописи третьего письма Читтадини остались краткие заметки Пико на полях. Наконец, на четвертое послание Джованни Пико не отреагировал вовсе. Позже бремя ответа взял на себя его племянник Джанфранческо Пико делла Мирандола. Полемика между старшим Пико и Антонио Читтадини опубликована в: *Pico della Mirandola G. Dell'Ente e dell'Uno*. P. 274–417.

⁵ *Ibid.* P. 208–214. См. также: *Ibid.* P. 252.

⁶ Главу о «древней теологии» в «Рассуждениях» см. ниже.

он будет опровергать существование единой астрологической и философской традиции. Правда, используемый метод никоим образом не мешает ему прийти к выводу, что можно говорить о прямо противоположной традиции — антиастрологической.

Во введении к «Рассуждениям» Джованни Пико говорит о двух ключевых понятиях, которые определяют суть его полемики против астрологии. Во-первых, следуя античной и средневековой традиции, Пико отделяет «математическую астрологию», т.е. астрономию, изучающую движения небесных тел, от ее прорицательного подобия. Он замечает, что астрологи сродни волкам в овечьих шкурах: прикрываясь истинным знанием, они в действительности искушают простых и доверчивых людей⁷. Противопоставляя астрономию астрологии, Пико считает последнюю опасным и вредным суеверием, проникающим во все области человеческого существования. Тем самым под «прорицательной астрологией» следует понимать предсказания будущего — естественное воздействие небесных светил на подлунный мир, которое подкреплено математическими данными, Пико под сомнение не ставит.

Во-вторых, по словам Пико, ответственность за возникновение и распространение астрологических суеверий лежит на древневосточных народах, прежде всего, на халдеях; эту мысль он подтверждает целым рядом отсылок к Священному Писанию⁸. Вслед за халдеями в этом же проступке Пико обвиняет египтян⁹. Таким образом, с самого начала «Рассуждений» Пико ставит под вопрос теорию «древней теологии» — два древнейших ее представителя, Зороастр и Гермес Трисмегист, оказываются родоначальниками астрологии.

Джованни Пико уверяет, что многие авторы с древних времен относились к астрологии отрицательно: она никогда не находила поддержки ни у философов, ни у математиков, поскольку лжива, бессмысленна, невозможна и враждебна философии¹⁰. Хронологию этих «древних времен» Пико ведет от Пифагора. Однако он не упоминает никаких магических текстов, во второй половине XV в. приписывавшихся Пифагору; Пико, несомненно, был с ними знаком благодаря Марсилио Фичино, который включил Пифагора в число самых выдающихся «древних теологов»¹¹. Более того, в «Рассуждениях» имена всех трех

⁷ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. Prooemium. P. 36–38.*

⁸ *Ibid. P. 40; I. P. 80.*

⁹ *Ibid. I. P. 92.*

¹⁰ «Primum omnium scire lectorem volo, non hoc nostrum inventum audaciamque fuisse, reiciendi confutandique astrologiam, sed a prima antiquitate bonis ita iudiciis semper visum non esse professionem, quae tot homini incommoda, tot insanias undique sub praetextu scientiae et utilitatis inveheret <...> Hinc a philosophis et mathematicis, quicumque sapere ex libris et non loqui didicerint, quasi falsa, non utilis, non possibilis, non amica philosophiae, vel contemnitur fere, vel confutatur» // *Ibid. P. 46.*

¹¹ Об интересе Фичино к Пифагору см.: *Celenza C. Pythagoras in the Renaissance: The Case of Marsilio Ficino // Renaissance Quarterly. 1999. Vol. 52. № 3. P. 667–711.*

авторов, которые, согласно общепринятой хронологии, разработанной Фичино, предшествовали Пифагору, опущены. По всей видимости, это следует объяснить тем, что для Пико периода работы над «Рассуждениями» Зороастр, Гермес и Орфей ассоциировались с магическими и теургическими практиками. Наконец, говоря о Пифагоре, Пико ориентируется на традиционные источники: для того, чтобы подтвердить, будто Пифагор всегда был противником астрологии, он ссылается на Диогена Лаэртского, Плутарха и Феодорита Киррского¹².

В первой книге «Рассуждений» стремление Пико избегать источников, связанных с новомодными, но противоречивыми идеями, в пользу более классических текстов можно считать основополагающим принципом. Так, о таких авторах, как академик Фаворин, стоик Панетий и Карнеад, он, по-видимому, черпает сведения из двух основных источников: трактата Цицерона «О дивинации» и поэмы Авла Геллия «Аттические ночи»¹³. То же касается упоминаний об Эпикуре и Демокрите¹⁴ и других астрономах и философах древности¹⁵. Тем самым, Пико преследует две цели: с одной стороны, он стремится подтвердить, что все значительные философские школы с древнейших времен отрицали ценность астрологических предсказаний. Для этого он даже готов привести в пример Эпикура, ведь, по словам Пико, «каким же безумством должна быть астрология, которую не смог поддержать даже Эпикур, говоривший столько вздора»¹⁶. С другой стороны, он ис-

¹² “Pythagoram astrologiae fidem non praestasse, tum auctor est Theodoretus, tum Laertius quoque Diogenes, et Plutarchus indicaverunt” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 46.

¹³ *Ibid.* P. 48. О Фаворине: *Авл Геллий. Аттические ночи* / Пер. с лат. под общей ред. А.Я. Тыжова и А.П. Бехтер. СПб., 2007–2008. Т. 2. 14. О Панетии: “Panaetius, qui unus e Stoicis astrologorum praedicta reiecit...” // *Cicero. De divinatione* // *Idem. De senectute. De amicitia. De divinatione* / Ed. and trans. W.A. Falconer. Cambridge, MA, 1979. II. 42. О Карнеаде: “Etenim nobismet ipsis quaerentibus quid sit de divinatione iudicandum, quod a Carneade multa acute et copiose contra Stoicos disputata sint, verentibusque ne temere vel falsae rei vel non satis cognitae adsentiamur, faciendum videtur ut diligenter etiam atque etiam argumenta cum argumentis comparemus, ut fecimus in iis tribus libris quos de natura deorum scripsimus” // *Cicero. De divinatione*. I. 4. См. также русское издание трактата Цицерона: *Марк Туллий Цицерон. О дивинации*. I. 4. С. 195; II. 42. С. 275.

¹⁴ Об Эпикуре: “Reliqui vero omnes, praeter Epicurum balbutientem de natura deorum, divinationem probaverunt, sed non uno modo” // *Cicero. De divinatione*. I. 3. О Демокрите: “Democritus tamen non inscite nugatur, ut physicus, quo genere nihil adrogantius: «quod est ante pedes nemo spectat, caeli scrutantur plagas»” // *Ibid.* II. 13.

¹⁵ “Casandrum et Anchialum, cum in astronomia praecellerent, hoc praedictionis genere numquam usos, auctor est Panaetius. Scylax Halicarnasseus, quamquam doctissimus in omni mathematica, totum hoc tamen divinandi per astra genus repudiavit” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 58.

¹⁶ “Quod si superat omnem insaniam cui nec insanus accedat Orestes, quantum insaniae continet astrologia, cui nec multa delirans assentiri potuit Epicurus!” // *Ibid.* P. 48.

ключает из круга своих источников «древних теологов» и принципиально ориентируется на традиционные тексты.

Говоря о Платоне и Аристотеле, Пико вновь возвращается к тому методу, который он впервые применил в трактате «О Сущем и Едином». Он отделяет обоих древнегреческих философов от их последователей; даже в тех случаях, когда он прямо называет Плотина или Александра Афродисийского представителями платонической и перипатетической школ соответственно, Пико никак не указывает на преобладание идей: вне зависимости от принадлежности к той или иной группе, каждый мыслитель выступает как самостоятельная единица.

Анализируя представления Платона и Аристотеля об астрологии, Пико использует доказательство от противного. Так, Пико упоминает некоторые сочинения Аристотеля, в которых могло бы говориться об астрологических влияниях, и задается вопросом, почему Аристотель постоянно забывает упомянуть о них¹⁷. То же относится к Платону¹⁸ и ряду упоминаемых им авторов¹⁹. Для Пико такое молчание становится доводом для того, чтобы утверждать, будто Платон и Аристотель осуждали астрологию. По его словам, ни Платон, ни Аристотель, в отличие от астрологов, не считают, что явления, происходящие в подлунном мире, возникают по воле небесных светил. Это приводит Пико к выводу, что для Платона и Аристотеля астрология — шарлатанство, сравнимое с другими видами распространенных суеверий²⁰.

После упоминаний о двух ключевых мыслителях прошлого Пико обращается к их последователям: он причисляет к противникам астрологии платоника Плотина и аристотелика Александра Афродисийско-

¹⁷ “Cur igitur Aristoteles libros suos *de caelo* ta, ieiunos reliquit, ubi tam multa, tam splendida dicere potuit et, si potuit, debuit de stellis, de planetis, eorum efficientiam, proprietates, conditionem indicans nobis? Cur in *meteorologicis* imbrium, cometarum, ventorum causas perscrutatus, astrologicarum rerum semper obliviscitur? Cur in libris *de animalium generatione* nec gemellos, nec partus portentosos atque monstrificos, nec sexus numerumve puerperii, nec formam, nec qualitates ad sidera aut refert, aut referri posse meminit in transcurso?” // Ibid. P. 48–50.

¹⁸ “Cur idem in *Timaeo* facit et Plato?” // Ibid. P. 50.

¹⁹ “Cur ante Platonem, *Timaeus* ipse pythagoreus in libro *de natura*, summus, ut ait Plato, philosophus pariter et astronomus? Cur et *Ocellus* idem *Leucanus* in libro *de mundo*, testimonio etiam ipse *Platonis*, in philosophia eminentissimus?” // Ibid. Ср.: *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1986. VIII. 4. 80.

²⁰ “Quidnam igitur aliud dici potest, quam in ea fuisse Platonem Aristotelemque sententia, non esse causas caelestia quorum dicunt astrologi <...> Sed ex ludicris unam, sive fraudibus potius circulatorum, quo geomantiae, hydromantiae praestigia, incantationes, quarum veteres nulli philosophi inter scientias artesque meminerunt” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 50.

го. Однако, как уже было сказано выше, Пико никак не подчеркивает связь между Платоном и Аристотелем и представителями их школ: напротив, в первой книге «Рассуждений» философская составляющая практически отсутствует. Выступая своеобразным историографом борьбы против астрологических суеверий, Пико фокусируется не на сути претензий к ним, но на историческом контексте, в котором они были сформулированы. Так, говоря об Александре Афродисийском, Пико замечает, что в трактате «О судьбе» Александр отвергает фатализм; ни разу не называя астрологию прямо, он, по мнению Пико, отрицает и ее, столь тесную связанную с роком²¹. Как и раньше в случае с Платоном и Аристотелем, мы встречаемся с представлением о том, что молчание может служить доказательством отрицания. Очевидно, такая позиция — не единичное попущение, но, с точки зрения самого Пико, легитимный аргумент.

Известно, что поводом для написания сочинения Александра Афродисийского «О судьбе» стало увлечение императоров из династии Северов астрологическими предсказаниями; в этом трактате Александр раскритиковал стоическую идею детерминизма, на которой базировалась вера в возможность точного предсказания человеческой судьбы²². Надо сказать, что данное сочинение было хорошо известно в Средние века: его перевел Вильгельм из Мербеке²³. Вероятно, Пико пользовался именно этим переводом, а не греческим оригиналом — первое издание греческого текста вышло лишь в начале XVI в.²⁴

Плотин, представитель другой, платонической «семьи», появляется на страницах первой книги «Рассуждений» не как самостоятельный философ, но лишь в контексте споров о легитимности астрологии, которые Пико связывает с именами ученика Плотина Порфирия и античного астролога, автора трактата «В защиту астрологии» Фирмика Матерна²⁵. Цитируя биографию Плотина, составленную Порфирием, Пико утверждает, что Плотин, который посвятил достаточно времени изучению основ астрологии, в конце концов полностью отверг

²¹ “Alexander ex Aphrodisiade, summus auctor in aristotelica philosophia, *de fato* librum ad Caesares Severum primum et Antonium filium scribens, et fati reiecit necessitatem et de astrologicis siluit. Ad quae fati tamen commemoratio trahit vel transverses” // Ibid. P. 54.

²² *Alexander of Aphrodisias. De Fato* / Ed. and trans. R.W. Sharples. L., 1983. Об этом трактате см.: Sharples R.W. *Alexander of Aphrodisias, De Fato: Some Parallels* // *The Classical Quarterly*. 1978. Vol. 28. № 2. P. 243–266.

²³ *Alexandre d'Aphrodise. De fato ad imperatores. Version de Guillaume de Moerbeke* / Éd. P. Thillet. P., 1963.

²⁴ *Cranz E. The Prefaces to the Greek Editions and Latin Translations of Alexander of Aphrodisias, 1450 to 1575* // *Proceedings of the American Philosophical Society*. 1958. Vol. 102. № 5. P. 514.

²⁵ О судьбе этого трактата см. ниже.

ее²⁶. Более того, Пико использует возможность разуверить тех, кто сомневается в истинности слов Порфирия и неправильно трактует тексты Плотина: он нападает на Фирмика Матерна, который утверждал, будто смерть Плотина была предопределена судьбой²⁷.

Имя Плотина заставляет обратить внимание на то, как в «Рассуждениях» представлена неоплатоническая традиция в целом. На протяжении всего трактата Порфирий упоминается всего пару раз — сперва как биограф Плотина, затем, уже в последней, двенадцатой книге Пико обвиняет его в приверженности астрологии. Несмотря на то, что на раннем этапе своего творчества Пико, очевидно, испытывал большой интерес к трудам Прокла, как будет показано ниже, в «Рассуждениях» имя Прокла всплывает преимущественно в связи с трактатом «О сфере», который ему ошибочно приписывался. С Ямвлихом мы встречаемся лишь однажды, хотя есть все основания предполагать, что, не называя его открыто, Пико использовал некоторые идеи Ямвлиха, касающиеся взаимодействия небесного света и материи. Наконец, чаще остальных в «Рассуждениях» Джованни Пико упоминает Плотина; правда, обычно Плотин фигурирует как дополнительный источник, подтверждающий слова Платона, Аристотеля или какого-то другого автора, имеющего первостепенное значение для Пико. Все это вынуждает прийти к выводу, что в своем последнем трактате Джованни Пико отводит членам платонической «семьи» лишь вспомогательную, незначительную роль.

Несмотря на критическое отношение к понятию философской традиции, Пико, тем не менее, настаивает на том, что крупнейшие мыслители были едины в своем неприятии астрологии. Поэтому после греческих мыслителей он причисляет к антиастрологической традиции круп-

²⁶ “Plotinus in platonica familia primae fere auctoritatis habetur: eum, scribit Porphyrius, cum diligentem astrologiae operam dedisset, comperissetque tandem artis vanitatem falsitatemque, praedictionum omnem astrologis fidem abrogasse, quare libro quoque dicato, cui titulus *de stellarum efficientia*, dogmata astrologorum asseverate risit et confutavit” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. I. I. P. 52–54*. Ср.: “Προσ εἶχε δὲ τοῖς μὲν περὶ τῶν ἀστέρων κανόνισιν οὐ πάνυ τι μαθηματικῶς, τοῖς δὲ τῶν γενεθλιαλῶγων ἀποτελεσμα τικοῖς ἀκριβέστερον. Καὶ φωράσας τῆς ἐπαγγελίας τὸ ἀνεχέγγυον ἐλέγχειν πολλαχοῦ κατ’ αὐτῶν ἐν τοῖς συγγράμμασιν οὐκ ᾄκνησε” // *Porphyry. Vita Plotini // Plotini opera / Ed. P. Henry and H.-R. Schwyzer. P.; Bruxelles; Leiden, 1951–1973. 1951. Vol. 1. P. 1–41. XV*. См. также: *Порфирий. Жизнь Плотина / Пер. М.Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. Указ. соч. С. 426–440. 15*.

²⁷ “Quod aegre ferens Maternus multa super eius morte mentitur, quasi de eo poenas sumpserit fatum: nam illa esse falsissima ex Porphyrio ipso, Plotini discipulo, facile intelligitur qui et genus morbi quo decessit et causam, et cur Roma discesserit, plane fideliterque describit” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. I. I. P. 54*. Ср.: *Julius Firmicus Maternus. Matheseos libri VIII / Ed. W. Kroll et F. Skutsch. Lipsiae, 1968. I. I. 7. 14–22*. В качестве опровержения Пико использует все тот же текст Порфирия: *Porphyry. Vita Plotini. II*.

нейших восточных авторитетов — Авиценну и Аверроэса²⁸, — а также «слушателя Платона» Евдокса из Книда и Оригена²⁹. Для Пико не имеет значения, каких религиозных убеждений придерживаются упомянутые им авторы. В его понимании астрологию как опасное заблуждение могли одинаково трактовать как христиане и мусульмане, так и язычники.

В этом ряду следует обратить особое внимание на фигуру Оригена. Еще в «900 тезисах» Пико предположил, что Оригена не следует считать еретиком. Папская комиссия включила соответствующий тезис в число тринадцати высказываний, каноничность которых вызывала сомнения. Как известно, в ответ на это решение Пико составил «Апологию». Глава об Оригене, несомненно, занимает центральное место «Апологии»³⁰. Ее объем существенно превышает все остальные части трактата. Вполне вероятно, что, защищая от обвинений в ереси Оригена, Пико в действительности защищал самого себя и в собственных глазах выступал как «новый Ориген» — оригинальный мыслитель, непонятый и отвергнутый официальной Церковью. Важно заметить, что после римской авантюры в трудах Пико Ориген упоминается лишь дважды — и оба раза в «Гептапле»: сперва Пико называет его одним из последователей Аммония; затем Ориген оказывается в ряду христи-

²⁸ “Averrois, ceber in eadem familia philosophus et rerum naturalium gravis aestimator, ubique astrologiam lacerat, damnat, insectatur: nam, in prima quidem philosophia astrologorum opinionem de caelestibus imaginibus, quibus subesse terrena figurae similis animalia putant, fabulosam dicit, qua tamen sublata, ruit maxima pars astrologicae superstitionis. Idem, *Cantica* exponens Avicennae, alibi fere omnia falsa dogmata astrologorum, tum artem ipsam in universum vanam et infirmam. In libris item adversus Algazelens artificiosas imagines, in quas caeli virtutes derivare se posse putant astrologi, prorsus inefficaces asseveravit. Avicenna, vir magnus in omnibus disciplinis, ultimo suae primae philosophiae libro, multis rationibus comprobavit ab astrologis praevideri futura non posse, quare nec eorum praedictionibus ullam fidem adhibendam” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 56.*

²⁹ “Origenes Adamantius, in philosophica secta sicut in omnibus disciplinis eminentissimus, saepe multisque rationibus astrologicam vanitatem fugillavit, nisi forsitan eius testimonium minus faciunt homines superstitiosi, quoniam fuit etiam christianus; sed non fuit christianus Eudoxus, qui etiam Platonem audivit et in Aegypto versatus est et habitus princeps astronomorum sua tempestate, qui tamen nihil creden dum astrologis, ex hominum genituris eorum fata praedicientibus, scriptum reliquit” // *Ibid. P. 54.* Ср.: “De quibus Eudoxus, Platonis auditori in astrologia iudicio doctissimorum hominum facile princeps, sic opinatur, id quod scriptum reliquit, Chaldaeis in praedictione et in notatione cuiusque vitae ex natali die minime esse credendum” // *Cicero. De divinatione. II. 42; Диоген Лазертский. Указ. соч. VIII. 8. 86–88.*

³⁰ Эта глава была озаглавлена: “Quaestio VII de salute Origenis” // *Pico della Mirandola G. Apologia. L'autodifesa di Pico di fronte al Tribunale dell'Inquisizione. P. 244–320.* О споре между Пико и кардиналом Педро Гарсией об Оригене см.: *Crouzel H. Une controverse sur Origène à la Renaissance: Jean Pic de la Mirandole et Pierre Garcia. P., 1977.* В целом о рецепции Оригена в эпоху Возрождения: *Wind E. The Revival of Origen // Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene / Ed. D. Miner. Princeton, 1954. P. 412–424.*

анских мыслителей, которые комментировали Книгу Бытия³¹. Лишь в «Рассуждениях» Пико позволяет себе не просто бегло назвать Оригена, но и вкратце коснуться его взглядов. При этом он вновь настаивает на том, что Ориген был христианским мыслителем. Метаморфоза, которой в творческом сознании Пико подверглась фигура Оригена, весьма показательна: от увлечений молодости к 1494 г. не осталось и следа. Это подтверждает тот факт, что за восемь лет, прошедших между римским диспутом и «Рассуждениями», взгляды Пико существенно изменились.

Переходя к «современным» авторам, Пико «пропускает» т.н. *calculatores*, которых критиковал в молодости³², но в то же время признает, что Генрих Гессенский³³, Николай Орем³⁴ и другие члены «Парижской Академии» многие свои сочинения посвятили борьбе против этой «глупости». Вопрос о том, насколько Пико действительно изменил свое отношение к *calculatores*, остается открытым. Возможно, отсылку к парижским схоластам следует понимать лишь как полемический прием, при помощи которого Пико выстраивает непрерывную антиастрологическую традицию, идущую с древнейших времен через средневековую мысль вплоть до его времени.

Наконец, последними в ряду тех философов, которые выступали против астрологии, оказываются современники Джованни Пико. По его замыслу, имена Джованни Марлиани и Паоло Тосканелли должны подтвердить, что астрологию отвергают в научных кругах³⁵. Три дру-

³¹ *Pico della Mirandola G. Heptaplus. Prooemium. P. 172, 178.*

³² Об этом см.: *Valcke L. I Calculatores, Ermolao Barbaro e Giovanni Pico della Mirandola // L'educazione e la formazione intellettuale nell'età dell'Umanesimo / A cura di L. Rotondi Secchi Tarugi. Milano, 1992. P. 275–284.*

³³ «Mitto Henricum ex Assia compluresque neotericos illustres in Accademia Parisiensi dicatis operibus hanc vanitatem persequentes, quamquam maxima pars philosophorum contempserunt eam potius quam confutaverunt, sicut artes alias circulatrices et aniles fabellas et deliria praestigiatorum» // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 56–58.*

³⁴ «Nicolaus Oresmius, et philosophus acutissimus et peritissimus mathematicus, astrologicam superstitionem peculiari commentario indignabundus etiam insectatur, nihil ratus ille fallacius, nihil detestabilius, nihil omnibus quidem ordinibus, sed principibus maxime viris esse pestilentius» // *Ibid. P. 58.*

³⁵ «Ioannes Marlianus nostra aetate summus in mathematicis et erat et habebatur; is, non modo praedictionibus istis semper abstinuit, sed etiam de ipsarum falsitate postremis annis scribere instituerat, quamquam, erat enim longaevis, interceptus morte id non effecerit. Aiebat homo minime gloriosus habere se adversus astrologos certissimas demonstrationes; quod, cum alii, tum familiaris illi Luchinus noster, et ipse praecellerens mathematicus, mihi non semel rettulerunt. Paulus Florentinus, in medicina quidem, sed praecipue in mathematicis graece latinesque doctissimus, quotiens de ista professione rogabatur, totiens eam incertam fallacemque asseverabat, afferens inter cetera se ipsum evidens experimentum qui, cum quinque et octuaginta iam impleisset annos, in sua tamen genitura, quam examinarat diligentissime, vitalem nullam constellationem repperisset» // *Ibid. P. 58–60.* Личность «нашего Лукина» не установлена. К сожалению, литература по творчеству миланского ученого Джованни Марлиани (?–1483) не отличается богатством: *Clagett M. Giovanni Marliani and Late Medieval Physics. N.Y., 1941.*

гих фигуры — Николò Леоничено, Анджело Полициано и Марсилио Фичино — представляются более проблемными.

Желание ученого заниматься наиболее влиятельными фигурами или самыми оригинальными текстами определенной исторической эпохи вполне понятно и не нуждается в специальном пояснении. Однако это понятное стремление нередко приводит к тому, что достижения тех, кто находится в стороне от новых течений или за спиной их ярких представителей, остаются вне поля зрения исследователей. Нечто подобное произошло с Николò Леоничено, в свое время считавшимся одним из ведущих авторитетов в медицине; ныне же о его деятельности большинство специалистов по культуре Ренессанса знает лишь по фрагменту из «Рассуждений», где Пико относит Леоничено к числу противников астрологии³⁶. Хотя, судя по всему, астрология никогда не была в центре интересов Леоничено — основным полем его работы оставалась медицина.

Одним из главных факторов, определивших изменения, которые произошли в медицине, было знакомство со вновь открытой медицинской литературой. К концу XV в. сложилось своеобразное движение, которое принято называть «медицинским гуманизмом»³⁷. Подобные медики-гуманисты, которые были либо близки к университетским кругам, либо попросту преподавали, считали необходимым пересмотреть сложившуюся традицию преподавания, ориентируясь на вновь открытые тексты, нередко противоречившие средневековым источникам. Желание отказаться от латинских авторитетов в угоду греческим в конце XV в. было весьма распространенным. По верному замечанию исследователей, в среде гуманистов в это время произошло разделение на «латинистов» и «грецистов»³⁸. Первые считали, что медицинские и естественнонаучные тексты, известные им на латыни, по-прежнему заслуживают доверия. В число авторов этих трактатов «латинисты» включали не только оригинальные труды античных или средневековых ученых, но и переводную литературу, прежде всего, Авиценну. «Грецисты» же, напротив, настаивали на необходимо-

³⁶ “Forte vero nec Nicolai Leoniceni nostri iudicium super hac re dissimulandum; is, cum mathematicam, ut omnes liberales scientias, fideliter teneat, ita tamen hanc vanam iudicat prophetantem astrologiam, ut nec illos qui scripserunt, praesertim doctiores, fidem putet adhibuisse his quae scribebant; quod si causam interrogas cur igitur scripserint, respondet partim avaritia imperitia principum effectum. Nam cum, inquit ille, in dimetiendis astrorum motibus et corporibus, quod mathematica facit astronomia, praecellentes illi viri die noctuque laborarent, nullum erat eis inde apud principes emolumentum, quibus scilicet nihil curae quam magno sidera corpore aut quam veloci motu per caeli spatia revolverentur. Hoc illi cum vidissent, ne caelestia perscrutantes interim essent inopes terrenorum, lepidam excogitasse fallaciam, qua sibi principum animos obligarent et suae professionis facerent amatores” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 60–62.

³⁷ Об этом: *Hirai H. Medical Humanism and Natural Philosophy. Renaissance Debates on Matter, Life and the Soul*. Leiden, 2011.

³⁸ *Mugnai Carrara D. La biblioteca di Nicolò Leoniceno. Tra Aristotele e Galeno: cultura e libri di un medico umanista*. Firenze, 1991. P. 25–27.

сти более внимательного изучения греческих рукописей. В медицине, по их мнению, высшим авторитетом следует считать не Авиценну, а Галена. В ряду представителей медицинского гуманизма Леоничено занимал одно из первых мест — как хронологически, так и по существу³⁹. Он был не просто сторонником «греческой» медицины, но незадолго до своей смерти перевел и издал собрание сочинений Галена. Необходимости отказаться от латинско-арабской медицины в пользу греческого наследия он посвятил несколько трактатов; лично знакомые с Леоничено Джованни Пико и особенно Анджело Полициано, которому Леоничено посвятил первую книгу своего трактата «Об ошибках в медицине Плиния и многих других медиков» были хорошо осведомлены о научных интересах своего коллеги⁴⁰. Таким образом, стремление Пико подвергнуть ревизии понятие традиции всецело вписывается в более широкий контекст культуры Ренессанса конца XV в.

Два других имени — Анджело Полициано и Марсилио Фичино — имеют особое значение в истории астрологических споров второй половины XV в. Взгляды Полициано на астрологию по-прежнему остаются вне поля зрения исследователей. Известно, что в 1490–1491 гг. Полициано читал публичные лекции об «Этике» Аристотеля. В качестве введения к проблематике трактата Аристотеля он подготовил своеобразную энциклопедию, известную как «Панепистемон»⁴¹. В ней он собрал множество свидетельств древних обо всех науках и искусствах⁴². Одной из тем «Панепистемона» стала астрология, которую Полициано отвергает при помощи философских и теологических доводов⁴³. Нам

³⁹ Биографические данные Леоничено и характеристику его основных трудов см. в: *Eadem*. Profilo di Nicolò Leonicensi // *Interpres*. 1979. Vol. 2. P. 169–212.

⁴⁰ *Leonicensus N. De Plinii et aliorum in medicina erroribus* // Nicolai Leonicensi Vicentini, philosophi et medici clarissimi, opuscula. Basileae, 1532. Fol. 1r–61v. Леоничено упоминается в хорошей обзорной статье о возникновении «естественной истории» в эпоху Возрождения: Зверева В.В. «Изобретение» естественной истории в интеллектуальных сообществах натуралистов XVI в. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 36. С. 9–34. Важная работа, на которую оправданно ссылается В.В. Зверева: *Ogilvie B. The Science of Describing. Natural History in Renaissance Europe*. Chicago, 2006.

⁴¹ *Celenza C. Poliziano's Lamia in Context* // *Poliziano A. Lamia. Text, Translation, and Introductory Studies* / Ed. C. Celenza. Leiden; Boston, 2008. P. 9–10; *Lines D. Aristotle's Ethics in the Italian Renaissance (ca. 1300–1650): the Universities and the Problem of Moral Education*. Leiden, 2002. P. 101–105.

⁴² *Mandosio J.-M. Filosofia, arti e scienze: l'enciclopedismo di Angelo Poliziano* // *Poliziano nel suo tempo. Atti del VI convegno internazionale (Chianciano-Montepulciano, 18–21 luglio 1994)* / A cura di L. Tarugi Secchi. Firenze, 1996. P. 135–164; *Idem*. Les sources antiques de la classification des sciences et des arts à la Renaissance // *Les voies de la science grecque* / Éd. D. Jacquart. Genève, 1997. P. 331–390.

⁴³ *Marrone D. Tassonomia umanistica nel Panepistemon di Angelo Poliziano: la divinatio nella classificazione delle discipline* // *Platonismus und Esoterik in byzantinischem Mittelalter und italienischer Renaissance* / Hrsg. von H. Seng. Heidelberg, 2013. S. 129–148.

достоверно неизвестно, действительно ли Пико и Полициано встречались, чтобы посмеяться над астрологией, однако, несомненно, Пико был знаком с энциклопедией, подготовленной его другом⁴⁴. Достаточно напомнить, что, по словам самого Пико, поводом для составления трактата «О Сущем и Едином» стали лекции Полициано об «Этике» Аристотеля⁴⁵. Кроме того, как мы увидим позднее, Пико работал с отдельными фрагментами энциклопедии Полициано.

В 1494 г. Полициано получил послание от Марсилио Фичино, где последний рассказывает о своих астрологических воззрениях⁴⁶. Очевидно, что стимулом для написания этого текста стали «Рассуждения против прорицательной астрологии», отдельные фрагменты которых уже начали распространяться в списках. В своем последнем трактате Пико прямо заявил, что, несмотря на критическое отношение к астрологии, Фичино иногда прибегает к помощи небес при решении медицинских вопросов. Но, добавляет Пико, ему больше хочется, чтобы это помогало, нежели Фичино в самом деле верит в действенность этого способа⁴⁷. В этой фразе заметно негативное отношение к тому, что Фичино использует астрологию в медицине, однако высказывание Пико не выходит за рамки приличий и не содержит резкой критики старшего коллеги. Кроме того, Пико замечает, что Фичино сам советовал ему выступить против астрологии и всячески поддерживал эту идею. Данная фраза позволила Д. Уокеру предположить, что «Рассуждение против прорицаний астрологов» Фичино могло быть источником «Рассуждений против прорицательной астрологии» — в пользу этого, казалось бы, говорит даже сходство названий⁴⁸. Однако против столь привлекательной гипотезы существует целый ряд аргументов; в первую очередь, «Рассуждение» Фичино представляет собой черновые записи, которые автор не

⁴⁴ “Nec quoniam una facetiamur uberior nobis occasio segesque ridendi quam de vanitate astrologorum, praesertim si tertius interveniat Politianus; intervenit vero semper omnium superstitionum mirus exsibitor” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 60.

⁴⁵ “Narrabas mihi superioribus diebus, quae tecum de ente et uno Laurentius Medices egerat, cum adversus Aristotelem, cuius tu *Ethica* hoc anno publice enarras” // *Idem*. Dell’Ente e dell’Uno. Prohemium. P. 202.

⁴⁶ *Ficino M. Quid de astrologia putet* // *Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera*. P. 958. Итальянский перевод этого письма см.: *Idem*. *Scritti sull’astrologia* / A cura di O. Pompeo Faracovi. Milano, 1999. P. 251–253.

⁴⁷ “Porro noster Marsilius scripsit adversus eos aperte, Plotini vestigia secutus, in quo interpretando et enarrando magnopere rem platoniam iuvat, auxit et illustravit; quod si, valetudini consulens hominum, aliquando corrogat sibi de caelo quedam etiam auxilia, optat ille potius ita fieri posse quam credat. Testari hominis mentem fidelissime possum, quo familiariter utor, nec habui ad detegendam istam fallaciam qui me saepius et efficacius adhortaretur” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 60.

⁴⁸ См. Часть I, сноска 16.

предполагал для публикации⁴⁹. Высока вероятность того, что Пико не просто не видел эти заметки, но даже не знал об их существовании. Мне кажется, что корни упоминания Фичино в первой книге «Рассуждений» стоит искать в другой области.

Известно, что поздние сочинения Фичино, в которых астрология стала одной из центральных тем, например, трактаты «О жизни» и «О Солнце», нередко подвергались критике; за излишние вольности Фичино даже приходилось оправдываться⁵⁰. Как и вся интеллектуальная элита Флоренции, Джованни Пико знал об этом. Поэтому, утверждая, что Фичино советовал ему написать трактат против астрологии, Пико, возможно, стремился подтвердить критическое отношение Фичино к этому суеверию и тем самым оправдать коллегу. Именно этим следует объяснить замечание, что Фичино использует астрологию в медицине, желая помочь, но в действительности не веря в ее целительную силу; вместе же они насмеются над астрологией. Более того, Пико говорит, что готов «свидетельствовать» в пользу Фичино — само слово как будто намекает на цель всего пассажа.

Однако Фичино не мог не заметить, что его младший современник критически относится к его опытам в области медицинской астрологии. Поэтому он решил направить Полициано указанное выше письмо, которое можно воспринимать как очередную апологию. В этом послании Фичино постарался убедить своих друзей, что полностью поддерживает их стремление низвергнуть астрологию и, следуя заветам Плотина и других платоников, смеется над ней. Правда, никакого отклика ни от Пико, ни от Полициано он не получил: всего через пару месяцев оба скоропостижно скончались.

Таким образом, Пико воссоздает очертания антиастрологической традиции в философии. Но только философией он не ограничивается. В продолжение своей «истории» астрологии Пико переходит ко второму важному пласту антиастрологической критики — трудам Отцов Церкви и богословов. По его мнению, обращение к христианской традиции должно было стать важным доводом в поднятой им полемике. Церковь отверга-

⁴⁹ О трактате Фичино см.: *Baron H. Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig, 1927. S. 145–170; Kristeller P.O. Supplementum Ficinianum. 1. P. CXXXIX–CXL1; Garin E. Introduzione // Pico della Mirandola G. Disputationes. Vol. 1. P. 11–12; Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. С. 361–364. «Рассуждение» издано в: *Kristeller P.O. Supplementum Ficinianum. Vol. 2. P. 11–76. Итальянский перевод: Ficino M. Disputa contro il giudizio degli astrologi, di Marsilio Ficino, fiorentino // Idem. Scritti sull'astrologia. P. 49–174. Отдельные фрагменты «Рассуждения» были переведены на английский: Idem. Disputation against the Judgement of the Astrologers // Marsilio Ficino / Ed. A. Voss. Berkeley, 2006. P. 71–81.**

⁵⁰ *Ficino M. Apologia per il proprio libro del Sole e della luce // Idem. Scritti sull'astrologia. P. 216–217; Idem. An Apologia Dealing with Medicine // Idem. Three Books on Life / Ed. C.V. Kaske and J.R. Clark. Tempe, AZ, 1998. P. 394–401.*

ет астрологию, и религиозные писатели подчеркивают несовместимость христианского учения с предсказаниями по звездам. Вначале Пико приводит ряд цитат из Священного Писания, в которых астрология полностью отвергается. Надо отметить, что помимо большого числа цитат из Нового Завета, он регулярно обращается к Книгам Ветхого Завета. Нельзя сказать, что все цитаты Пико отличаются большой точностью, ведь скорее всего они приводились по памяти, однако расхождения с текстом Писания не носят принципиального характера и не ведут к искажению смысла⁵¹.

Эти ссылки Пико подкрепляет трудами Отцов Церкви. Первым среди них он ставит Августина, цитируя несколько сочинений гиппонского епископа. Августин — единственный богослов, которого Пико удостоивает подробным анализом его сочинений и антиастрологических воззрений. Мы встречаем отсылки к «Руководству к Лаврентию»⁵², «Исповеди»⁵³, «О христианской религии»⁵⁴, «О Книге Бытия, буквально»⁵⁵,

⁵¹ Я приведу один пример. Пико цитирует 14 стих 18-й главы Второзакония: «Язычники слушают гадателей и прорицателей; а тебе не то дал Господь, Бог твой (*Gentes augures et divinos audiunt; tu autem a Domino Deo aliter es institutus*)». Точная цитата звучит следующим образом: «Ибо народы сии, которых ты изгннешь, слушают гадателей и прорицателей; а тебе не то дал Господь, Бог твой».

⁵² «Idem in *Enchiridion* nonne ipsam solam temporum observationem, ut haec fausta, illa infausta putemus, ad magnum dixit pertinere peccatum, cum tamen in hac horarum dierumque electione libertatem potius nostram exerceamus quam auferamus?» // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 88. Ср.: «Aut quis aestimaret quam magnum peccatum sit, dies observare et menses et annos et tempora, sicut observant qui certis diebus sive mensibus sive annis volunt vel nolunt aliquid inchoare, eo quod secundum vanas doctrinas hominum fausta vel infausta existiment tempora; nisi huius mali magnitudinem ex timore Apostoli pensaremus, qui talibus ait, *Timeo vos, ne forte sine causa laboraverim in vobis*» // *Augustinus Hipponensis. Enchiridion ad Laurentium sive De fide, spe et charitate*. 79 // *Patrologiae cursus completus, series latina*. T. 40. Col. 270. Здесь и далее цитаты из трудов Августина и других богословов приводятся по «*Patrologiae latina et graeca*» — PL и PG.

⁵³ «In libro *Confessionum*, de planetariis loquens, hoc est astrologis, quos christiana, inquit, et vera pietas expellit et damnat» // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 90. Ср.: «Itaque illos planos, quos mathematicos vocant, plane consulere non desistebam, quod quasi nullum eis esset sacrificium, et nullae preces ad aliquem spiritum ob divinationem dirigerentur. quod tamen Christiana et vera pietas consequenter repellit et damnat» // *Augustinus Hipponensis. Confessionum libri tredecim*. 4. 3 // PL. T. 32. Col. 694

⁵⁴ «Quare Augustinus, in libro *de doctrina christiana* ad perniciosam dixit superstitionem pertinere eos qui genethliaci dicuntur, non solum quia actiones nostras, sed quia et actionum eventus a stellis putent procedere» // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 88–90. Ср.: *Augustinus Hipponensis. De doctrina christiana libri quatuor*. 2 // PL. T. 34. Col. 21–23.

⁵⁵ «Illud Moseos exponens, «posita sidera in signa et tempora», non signa, inquit, dicit quae observare vanitatis est, sed vitae usibus necessaria, qualia nautae, agricolae, et id genus artifices observant» // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 90. Ср.: «De fatibus autem qualeslibet eorum argutias, et quasi de mathesi documentorum experimenta, quae illi ἀποτελέσματα vocant, omnino a nostrae fidei sanitate respiciamus: talibus enim disputationibus etiam orandi causas nobis auferre conantur, et impia per-

«О природе демонов»⁵⁶, «О Граде Божьем»⁵⁷. Для Пико в «Рассуждениях» Августин, наряду с Фомой Аквинским, стал ключевым христианским авторитетом в полемике против астрологии; еще не раз при рассмотрении моральной составляющей астрологии он будет использовать труды гиппонского епископа как значительный довод в свою пользу. Однако одного Августина недостаточно, и поэтому Пико называет других влиятельных богословов, которые порицали астрологию, и приводит их слова, в полной мере выражающие их отношение⁵⁸. Правда, в отличие от Августина, все они удостоились лишь краткого перечисления. Фигуры Василия Великого⁵⁹, Тертуллиана⁶⁰, Иоанна Златоуста⁶¹, Амвросия Медиоланского⁶², Евсевия Кесарийского⁶³ и уже упоминавшегося Феодорита⁶⁴ в этом контексте кажутся вполне естественными. Более экзотически-

versitate in malis factis, quae rectissime reprehenduntur, ingerunt accusandum potius Deum auctorem siderum, quam hominem scelerum. Sed quod animae nostrae non sint natura corporibus ne quidem coelestibus subditae, audiant et philosophos suos: quia vero terrenis corporibus illa corpora superiora non ad ea quae ipsi tractant potentiora sunt, vel hinc aliquando cognoscant, quia cum multa corpora diversorum generum, vel animantium, vel herbarum et arbustorum, uno simul puncto temporis seminentur, unoque puncto temporis innumerabiliter multa nascantur, non tantum diversis, sed etiam iisdem terrarum locis, tantae sunt varietates in progressibus, in actibus et passionibus eorum, ut vere isti, sicut dicitur, perdant sidera, si ista considerent” // *Augustinus Hipponensis*. De genesi ad litteram libri duodecim. 2. 17 // PL. T. 34. Col. 278–279.

⁵⁶ “In libro vero de natura daemonum ait expresse nemini licere post Christum genituram alicuius de caelo interpretari” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 92. Ср.: “Divinatio daemonum quam distans ab altitudine prophetiae divinae. Daemones plerumque falli et fallere. Quomodo falluntur. Quomodo fallunt. Hac atque huiusmodi facultate multa daemones praenuntiant; cum tamen ab eis longe sit altitudo illius prophetiae, quam Deus per sanctos Angelos suos et Prophetas operatur. Nam si quid de illa Dei dispositione praenuntiant, audiunt ut praenuntiant; et cum ea praedicunt quae inde audiunt, non fallunt neque falluntur: veracissima enim sunt angelica et prophetica oracular” // *Augustinus Hipponensis* De divinatione daemonum. 6 // PL. T. 40. Col. 586

⁵⁷ “Hoc respiciens Aurelius Augustinus, quinto *de Civitate Dei* libro non, inquit, causas quae dicuntur fortuitae, unde et fortuna nomen accipit, nullas esse dicimus, sed latentes; easque tribuimus vel veri Dei, vel quorumlibet spirituum voluntati” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. IV. P. 434. Ср.: *Augustinus Hipponensis*. De civitate Dei contra paganos. 5. IX. 4 // PL. T. 41. Col. 151

⁵⁸ “Eodem loco Basilius eam occupatissimam dixit vanitatem; Ambrosius inutilem et impossibilem; Theodoretus a philosophis etiam confutatam; Chrisostomus vanam, falsam, ridiculam. Legamus Bardesanem, Eusebium, Didimum, Apollinarem, Tertullianum, et innumeros alios plures etiam apostolicos viros” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 90.

⁵⁹ *Basilius*. In Hexaameron homilia 6. VI. 5–7 // PG. T. 29. Col. 131.

⁶⁰ *Tertullianus*. De idololatria. 9 // PL. T. 1. Col. 671–673.

⁶¹ *Joannes Chrysostomos*. Homilia VI in Matthaem // PG. T. 57. Col. 61–72.

⁶² *Ambrosius Mediolanensis*. Hexaameron. 4. 4 // PL. T. 14. Col. 192.

⁶³ *Eusebius Pamphili*. Praeparatio evangelica. 6. 10 // PG. T. 21. Col. 468–478.

⁶⁴ *Theodoretus Cyrrii Episcopus*. Quaestiones selectae in Loca Difficilia Scripturae sacrae. Quaestiones in Genesin // PG. T. 80. Col. 95–96.

ми выглядят сирийский гностик Бардезан⁶⁵, Дидим Слепой⁶⁶ и Сидоний Аполлинарий⁶⁷. Дополнительно приводятся сведения о том, что астрология была осуждена многими постановлениями пап⁶⁸. Это, по мнению Пико, должно убедить в ложности астрологии даже тех, кому показались недостаточными свидетельства философов и богословов⁶⁹.

Однако даже этим Пико не удовлетворяется. К огромному корпусу антиастрологических сочинений он присовокупляет правовые источники, очень точно их цитируя. Он заявляет, что астрологов часто изгоняли из Рима⁷⁰, а постановления императора Юстиниана лишь зафиксировали это. Согласно указу императора Юстиниана, деятельность «математиков», т.е. астрологов, признавалась отвратительной и пагубной, а императору было категорически запрещено советоваться с ними⁷¹. За консультации с астрологом полагалась смертная казнь⁷². Бо-

⁶⁵ Сочинений сирийского гностика Пико знать не мог. Он основывался на тексте Евсевия: *Eusebius Pamphili. Praeparatio evangelica*. 6. 10 // PG. T. 21. Col. 476. Однако не стоит усматривать в упоминании имени Бардезана приверженность Пико к каким-либо гностическим учениям. Высокое место Бардезана в окружении столь известных и значительных христианских богословов объясняется той репутацией, которую ему невольно создал Евсевий.

⁶⁶ Точных цитат против астрологии в сочинениях Дидима мне, к сожалению, найти не удалось.

⁶⁷ *Sidonius Appolinaris. Epistolae. Liber VIII. 11* // PL. T. 58. Col. 604a–608c

⁶⁸ "Alexander tertius, pontifex maximus, sacerdotem nescio quem, integro anno a ministerio altaris voluerit abstinere, quod per astrolabium cuiusdam ecclesiae furto investigando aliquid esset perscrutatus, quamquam, ut idem Pontifex testatur, nullam ibi aut magicam aut aliam superstitionem admisisset, In Martini Pontificis synodo scriptum, non vere Christianos aut Lunae cursus, aut stellarum, aut inanem signorum fallaciam pro domo facienda vel sociandis coniugiis observare; sed sub nomine etiam aruspicum astrologus, decreto Gregorii iunioris, anathema pronunciat. Et in concilio toletano: 'Si ipse presbyter aut diaconus fuerit, in monasteriis relegatur, sceleris ibi poenas perpetua damnatione daturus'" // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 92. Ср.: *Gratianus. Concordia discordantium canonum*. 26. V. 5 // PL. T. 187. Col. 1347.

⁶⁹ "Quod, si quos tantorum hominum et tam praecellentium sententia nihil movet, deterreat saltem pontificalis auctoritas, quae istam professionem ita nostris hominibus interdicat" // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 92.

⁷⁰ "Ante Iustinianum etiam nonne legimus saepe expulsos urbe Roma omnes mathematicos?" // *Ibid.* P. 98.

⁷¹ "Illi igitur de astrologis quid putaverint nemo nescit, qui legales Iustiniani Caesaris codices legerit, in quibus ars mathematicorum — sic enim se vocabant astrologi — ut abominabilis interdicitur, mandante imperatore ne quis mathematicum consulat, sed omnibus sileat perpetuo curiositas iudicandi" // *Ibid.* P. 96–98. Ср.: "Nemo haruspicem consulat aut mathematicum, nemo hariolum. Augurum et vatum prava confessio conticescat. Chaldaei ac magi et ceteri, quos maleficos ob facinorum magnitudinem vulgus appellat, nec ad hanc partem aliquid moliantur. Sileat omnibus perpetuo divinandae curiositas" // *Codex Iustinianus // Corpus Iuris Civilis / Recognovit et retractavit P. Krueger. Berolini, 1954. Vol. 2. IX. 18. 5.*

⁷² "Si quis autem mathematicum consuluerit capitis ei, quod est summum supplicium, poena denunciatur" // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 98.

лее того, равную ответственность должны нести как те, кто преподает астрологию, так и изучающие ее⁷³. Наказания и пытки должны быть самыми жестокими и применяться даже к приближенным императора⁷⁴.

Таким образом, в первой книге «Рассуждений» Джованни Пико ставит перед собой задачу показать, что никто из наиболее выдающихся философов и богословов никогда не высказался об астрологии в положительном ключе. Он замечает, что с древнейших времен вплоть до его дней астрология не находила поддержки у философов. Среди богословов он выделяет Августина; впоследствии вторым важнейшим источником его борьбы против религиозных притязаний астрологии станет Фома Аквинский, практически не упоминаемый в первой книге трактата. Наконец, по словам Пико, астрология осуждена как церковными постановлениями, так и гражданскими законами.

Хотя на протяжении всей первой книги «Рассуждений» Джованни Пико постулирует свое желание воссоздать единую антиастрологическую традицию, за этим фасадом четко прослеживается его стремление пересмотреть само понятие традиции, что приводит к очевидному парадоксу. Однако единство противников астрологии следует воспринимать исключительно как полемическую стратегию — при анализе отдельных деталей первой книги «Рассуждений» становится очевидным, что Пико отказывается от представления о преемственности идей в рамках одной философской или богословской школы. Впервые проблему деконструкции философской традиции он стал разрабатывать в трактате «О Сущем и Едином», но лишь в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» этот вопрос определил метод Пико.

⁷³ “Tum postremo, de hac loquens superstitione, pronunciat imperator eiusdem esse culpae affines et qui docent ista et qui addiscunt” // Ibid. Cp.: Codex Iustinianus. IX. 18. 8.

⁷⁴ “Ipse felicissimus Iustinianus ita hoc hominum genus horrebat, ut si quis in eius comitatu deprehenderetur mathematicus, summis ad euleum usque tormentis temeritatis suae lueret poenas” // Pico della Mirandola G. Disputationes. I. I. P. 98. Cp.: “Si quis magus vel magicis contaminibus adsuetus, qui maleficus vulgi consuetudine nuncupatur, aut haruspex aut hariolus aut certe augur vel etiam mathematicus aut narrandis somniis occultans artem aliquam divinandi aut certe aliquid horum simile exercens in comitatu meo vel caesaris fuerit deprehensus, praesidio dignitatis cruciatus et tormenta non fugiat” // Codex Iustinianus. IX. 18. 7.

ГЛАВА III

«Лучший из худших»: Птолемей и «астрологическая традиция» в «Рассуждениях против прорицательной астрологии»

После того, как мы коснулись вопроса, каким образом Джованни Пико интерпретировал антиастрологические источники, стоит взглянуть на тексты, которые оказались под огнем его критики. Основной подход Пико заключается в том, чтобы показать своему читателю, что между астрологами существуют непримиримые разногласия по всем ключевым вопросам. Эта задача определяет структуру и сущность его доводов: анализ и критику астрологических практик он начинает *ex principio*, выбирая главным астрологом Клавдия Птолемея¹. По мнению Пико, Птолемей заложил основы астрологии, но его последователи, изучавшие труды своего «учителя», ничего в них не поняли, исказили его идеи и расчеты и тем самым полностью скомпрометировали саму астрологическую доктрину. Правда, выступая против бесталанных сторонников Птолемея, Пико никоим образом не снимает ответственности с самого античного астронома/астролога. С точки зрения Пико, Птолемей несколько возвышается над толпой прочих астрологов, его выделяют бóльший профессионализм и относительная точность в расчетах; но и он не избежал ошибок. Более того, поскольку Птолемей предстает как систематизатор астрологии, его ошибки имеют фундаментальный характер. В «Рассуждениях» он именуется «лучшим из худших» (*optimus malorum*)² — эта характеристика вернее всего отражает отношение Джованни Пико к Птолемею. Таким образом, выявляя ошибки в трудах Птолемея и одновременно противопоставляя его другим астрологам, автор «Рассуждений против прорицательной астрологии» решает две основные задачи. С одной стороны, Джованни Пико стремится доказать, что даже главный

¹ Я не могу согласиться с Л. Вальком, который предполагает, что главным объектом критики Пико стал кардинал Петр д'Айи (*Valcke L. Pic de la Mirandole. Un itineraire philosophique. P. 305*).

² “Porro Ptolemaeum principem aliorum facile concedent; est enim doctissimus astrologorum et, quod attinet ad mathematica, vir ingeniosissimus” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 70*.

и наиболее авторитетный астролог — Птолемей — погряз в заблуждениях; его менее одаренные последователи их только умножили. С другой стороны, Пико указывает на то, что в действительности между астрологами нет никакого единства, а одни и те же явления нередко трактуются противоположным образом. Это позволяет ему прийти к выводу, что никакой единой «астрологической традиции» не существует; и тогда противоречия между астрологами становятся важным аргументом в борьбе против них и, в целом, против их учения.

Решение выбрать Птолемея «главой астрологов» (*princeps aliorum*) вполне естественно. В Средние века Птолемей считался родоначальником не только астрономии, но и крупнейшим астрологом древности. Правда, после падения Рима в течение нескольких веков труды Птолемея не были доступны на Западе. Только в XII–XIII вв., в т.н. «великую эпоху переводов», когда из исламского мира в Европу через Испанию и южную Италию стали проникать многочисленные тексты по философии, астрономии, алхимии и другим дисциплинам, у средневековых интеллектуалов появилась возможность изучать сочинения Птолемея³. Сразу необходимо заметить, что европейские мыслители получали доступ не только к самим текстам Птолемея, но и к сопровождавшим их комментариям его арабских последователей. Это, несомненно, формировало европейскую комментаторскую традицию, в которой нередко арабизированный Птолемей заменял настоящего. Кроме того, не стоит забывать о проблеме переводов: большинство латинских переводов Птолемея было сделано не с греческого, а с арабского; несложно догадаться, что в результате такого двойного перевода оригинал мог исказиться.

Тем не менее, все эти особенности бытования птолемеевских сочинений в средневековой Европе никоим образом не влияли на их высокий статус — Птолемей считался главным авторитетом в астрономии/астрологии. Этому способствовали три текста: «Альмагест», в

³ Литература о том, как на Западе оказались многочисленные рукописи, пришедшие с Востока, огромна. Классическая работа об этом: *Haskins C. The Renaissance of the Twelfth Century*. Cambridge, MA, 1927. Об истории переводов и рецепции астрологических и магических текстов см. прежде всего: *Pingree D. The Diffusion of Arabic Magical Texts in Western Europe // La diffusione delle scienze islamiche nel Medio evo europeo / A cura di B. Scarcia Amoretti*. Roma, 1987. P. 57–98; *D'Alverny M.-T. La connaissance de l'Islam dans l'occident médiéval / Ed. C. Burnett*. Aldershot, 1994; *Burnett C. Magic and Divination in the Middle Ages: Texts and Techniques in the Islamic and Christian Worlds*. Aldershot, 1996; *Hübner W. The Culture of Astrology from Ancient to Renaissance // A Companion to Astrology in the Renaissance / Ed. B. Dooley*. Leiden; Boston, 2014. P. 17–58; *Saif L. The Arabic Influences on Early Modern Philosophy*. Basingstoke; N.Y., 2015.

котором Птолемей заложил основы своей геоцентрической системы⁴; «Четверокнижие», в котором он сделал акцент на математической обоснованности «истинных» астрологических предсказаний, противопоставив им суеверные спекуляции⁵; и «Стослов», до конца XIX в. приписывавшийся Птолемею⁶.

Пико был хорошо знаком со всеми этими сочинениями. Признавая вклад Птолемея в математическую астрологию, т.е. астрономию, он одновременно объясняет, почему выделяет Птолемея из числа астрологов. Автор «Рассуждений» воспринимает «Альмагест» как философское и математическое сочинение, в котором Птолемей попытался видоизменить некоторые положения Аристотеля. Такая попытка проникнуть в дела философии и даже определенным образом прокомментировать Аристотеля служит одной из причин, почему Птолемей стоит особняком среди астрологических авторитетов: он претендует на статус философа. Но Пико отказывает ему в этом. Так, во введении к «Альмагесту»⁷ Птолемей, как будто следуя за Аристотелем, утверждает, что существует три вида созерцательной философии: теологическая, натуральная и математическая. Однако затем, по мнению Пико, Птолемей допускает грубую ошибку, когда говорит, что «все существующее состоит из трех элементов: материи, формы и движения, которые можно разделить умозрительно, но не в самих вещах». Из этого заключения Птолемей делает вывод, что каждый из видов созерцательной философии соотносится с одним из элементов: теология — с движением (поскольку первопричина движения не что иное, как Бог),

⁴ Самый влиятельный средневековый перевод «Альмагеста» на латинский язык принадлежал перу Герарда Кремонского: *Haskins C. The Renaissance of the Twelfth Century*. P. 286; *Idem. The Sicilian Translators of the Twelfth Century and the First Latin Version of Ptolemy's Almagest // Harvard Studies in Classical Philology*. 1910. Vol. 21. P. 75–102. Классическое издание «Альмагеста»: *Ptolemaeus. Syntaxis mathematica* / Ed. J.L. Heiberg. Lipsiae, 1898–1903. Наиболее известный и авторитетный современный перевод был сделан на английский язык: *Toomer G.J. Ptolemy's Almagest*. Princeton, 1998. См. также перевод на русский язык: *Клавдий Птолемей. Альмагест или Математическое сочинение в тринадцати книгах* / Пер. с древнегреч. И.Н. Веселовского. М., 1998. Самый полный и обстоятельный анализ «Альмагесте» см. в: *Pedersen O. A Survey of the Almagest* / Ed. A. Jones. N.Y.; Dordrecht, 2011.

⁵ К сожалению, отечественные издания этого сочинения Птолемея выполнены не лучшим образом. См.: *Claudio Tolomeo. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos)* / A cura di S. Feraboli. Milano, 1985. «Четверокнижие» на латинский язык перевел Платон из Тиволи: *Tester J. A History of Western Astrology*. L., 1999. P. 54.

⁶ *Ptolemaeus. Καρπός. Pseudo-Ptolemaei Fructus sive Centiloquium* / Ed. E. Boer // *Idem. Opera quae exstant omnia* / Ed. J.L. Heiberg. Lipsiae, 1952. Vol. 3. P. 37–61. О «Стослове» речь пойдет ниже.

⁷ *Ptolemaeus. Syntaxis mathematica*. 1. Prooemium. P. 4–7; *Клавдий Птолемей. Указ. соч.* С. 5–6. 4–7.

физика — с материей, математика — с формой⁸, а это кажется Пико нелепостью и, по его мнению, противоречит Аристотелю. Пико замечает, что подобное философствование не только противоречит сути учения Аристотеля, которому было чуждо искусственное деление мироздания на не связанные друг с другом составляющие, но и действительно состоянию вещей, существующих в гармонии разных элементов⁹. Но, даже несмотря на это, Птолемей отличается от других астрологов уже самой попыткой свести астрологию к науке и философии. По этой причине Пико ставит его во главе «астрологической традиции». С другой же стороны, понятно желание Пико «очистить» от лишних напластований Аристотеля, которого Птолемей пытается комментировать. В процитированном фрагменте Пико добивается своей цели, показав необоснованность философских построений Птолемея, однако в дальнейшем Пико нечасто обращается к тексту «Альмагеста»: его внимание в большей степени привлекают два других сочинения античного астронома — «Четверокнижие» и «Стослов».

Надо сказать, что представление о существовании некоей «астрологической традиции» было весьма распространено в Италии XV в. Так, византийские ученые и мыслители, перебравшиеся в Италию в преддверии или после падения Константинополя, сыграли важную роль в переосмыслении творчества Птолемея и всей греческой «астрологической традиции». В 1451 г. Георгий Трапезундский закончил собственный перевод «Альмагеста»; в отличие от перевода Герарда Кремонского, выполненного с арабского, Георгий работал с греческим оригиналом. Кроме того, он сопровождал перевод огромным комментарием¹⁰. Первоначально Георгий собирался посвятить свою масштабную работу папе Николаю V, однако ввиду придворных интриг был вынужден отказаться от этой идеи¹¹. Основная мысль, которая сквозной нитью

⁸ “Exordiens enim libros mathematicos, partitur philosophiam contemplatricem, ex Aristotelis sententiam, in tria genera, theologicum, naturale et mathematicum; tum, rationem partitionis exponens, omnia, inquit, quae sunt, ex tribus constant: materia, forma et motu, quae separari ab invicem cogitatione quidem possunt, re autem non possunt; ab his igitur tribus tria illa genera philosophiae dicuntur: a motu, theologicum, cum primi motus causa non aliud sit quam Deus; a materia, physicum; a forma, mathematicum” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. I. I. P. 70.*

⁹ Ibid. P. 70–72.

¹⁰ *Monfasani J. George of Trebizond: a Biography and a Study of His Rhetoric and Logic. Leiden, 1976. P. 71.*

¹¹ После того как Георгий закончил свой перевод, рукопись прочел Яков Кремонский, также известный как Яков из Сан Кассиано, монах-августинец, гуманист и переводчик Архимеда. Он подверг работу Георгия резкой критике. Вероятно, в споре между двумя гуманистами папа Николай V принял сторону Якова. Георгию было предложено внести изменения в текст, однако он отказался это сделать. Впоследствии он посвятил разные версии своего перевода Якопо Антонио Марчелло, Мехмеду II и Матьяшу Корвину: Ibid. P. 104–108; *Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents, and Bibliographies of George of Trebizond / Ed. J. Monfasani. Binghamton, NY, 1984. P. 672.*

проходит через комментарий Георгия к «Альмагесту» и другие его сочинения об астрологии и астрономии, сводится к тому, что необходимо очистить Птолемея от средневековых, арабских и латинских примесей. Основные свои тексты Георгий писал на латинском, а не на родном греческом языке, что объясняет его авторские интенции — приоткрыть для своих латинских читателей мир греческой учености.

Кроме этой задачи, составляя перевод и комментарий к «Альмагесту», Георгий руководствовался и менее возвышенными мотивами. Когда кардинал Виссарион, с которым у Георгия были сложные отношения, узнал о готовящемся комментарии к «Альмагесту», он посоветовал своему визави взять за образец комментарий античного астронома Теона Александрийского. Реакция Георгия была прямо противоположной: он заявил, что комментарий Теона, напротив, искажил оригинальное содержание «Альмагеста». Разумеется, выступая против Теона, Георгий стремился нанести удар по Виссариону. Неудивительно, что подобная выходка Георгия не осталась незамеченной окружением Виссариона: один из его учеников, известный астроном Региомонтан решил ответить Георгию и написал не менее масштабный трактат, получивший название «Защита Теона против Георгия Трапезундского»¹². Другие видные сторонники Виссариона, в частности, гуманист Никколò Перотти и астроном Георг Пойербах, также оказались вовлеченными в эту дискуссию, которая, наряду со спорами о Платоне и Аристотеле, определила интеллектуальное противостояние между Виссарионом и Георгием Трапезундским¹³.

Несмотря на то, что Георгий остался в меньшинстве, представление о противопоставленности двух традиций астрологии — греческой и арабо-латинской — укоренилось¹⁴. Уже в XVI в. Птолемей оказался

¹² Об этой полемике см.: *Rigo A. Bessarione, Giovanni Regiomontano e i loro studi su Tolomeo a Venezia e Roma (1462–1464) // Studi veneziani. 1991. Vol. 21. P. 49–110.*

¹³ О спорах между Виссарионом и Георгием см. прежде всего: *Monfasani J. Il Perotti e la controversia tra platonici ed aristotelici // Res Publica Litterarum. 1981. Vol. 4. P. 195–231; Idem. The Pre- and Post-History of Cardinal Bessarion's 1469 *In Calumniatorem Platonis* // *Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus: Bessarion zwischen den Kulturen / Hrsg. von C. Märzl, C. Kaiser, T. Ricklin. Berlin, 2013. S. 347–366; Basilio Bessarione. Contro il calunniatore di Platone / A cura di E. del Soldato. Roma, 2014.* Некоторые общие сведения можно также посмотреть в: *Акопян О.Л. Платон и Ренессанс: «древняя теология» и примирение с Аристотелем // Платоновский сборник (Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии) / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М.;СПб., 2013. Т. 2. С. 320–340.**

¹⁴ О том, как Ренессанс постепенно пересматривал свое отношение к исламской философии, науке и астрологии см. обзорную, но достаточно подробную книгу: *Hasse D.N. Success and Suppression. Arabic Sciences and Philosophy in the Renaissance. Cambridge, MA; L., 2016.* В частности, о Птолемея и исламской астрологии см.: *Ibid. P. 248–292.*

в центре проекта Джироламо Кардано по «возрождению» истинной греческой астрологии¹⁵. Наконец, сходные тенденции наблюдались в других сферах ренессансной учености: выше мы уже касались споров между «латинистами» и «грецистами», которые определили пути развития ренессансной медицины конца XV–XVI вв.

Таким образом, в конце XV в. вопрос о «традиции» занимал многих мыслителей. Джованни Пико, противопоставлявший Птолемея его менее талантливым последователям, не остался в стороне от современных ему интеллектуальных тенденций. Более того, можно смело сказать, что «Рассуждения» сыграли важную роль в пересмотре самого представления о существовании единой «астрологической традиции». Для того, чтобы доказать, что Птолемей и его комментаторы противоречат друг другу, Пико избирает два метода. С одной стороны, из «Рассуждений» следует, что Абу Машар и другие часто не понимали употребляемых Птолемеем терминов, неверно их интерпретировали. С другой стороны, в «Стослове» Пико постоянно встречает положения, противоречащие текстам Птолемея, но в то же время сочетающиеся с трудами поздних астрологов. Пико оказывается заложником «Стослова», но, несмотря на его видимые расхождения с «Четверокнижием», Пико не пытается оспорить авторство трактата, а избирает иной способ нападения. Так, по его мнению, астрологи пользовались не оригинальным текстом «Стослова», а крайне неудачным латинским переводом, в котором мысль Птолемея оказалась искаженной; аутентичный же греческий текст в действительности несколько не противоречит другим трудам античного астронома¹⁶. По заверению Пико, сверяя греческий текст с переводом, он обнаружил более шести сотен ошибок¹⁷. Переводчика он не упомянул, однако нет никаких сомнений, что граф Мирандолы пользовался переводом Джованни Понтано. Не стоит удивляться, что впоследствии Понтано посчитал необходимым ответить на критику Джованни Пико.

Таким образом, пользуясь этими двумя схемами аргументации, Пико продолжает называть Птолемея главным астрологом и единственным знатоком предмета и при этом одновременно наносит серьезный удар по основам астрологии, поскольку ищет и находит противоречия между авторитетами в разных сферах ее применения.

¹⁵ Grafton A. Cardano's Cosmos. The Worlds and Works of a Renaissance Astrologer. P. 127–155.

¹⁶ См.: Garin E. Annotazioni // *Pico della Mirandola G. Disputationes adversus astrologiam divinatricem*. 1. P. 648; *Idem*. Introduzione // *Pico della Mirandola G. De hominis dignitate, Heptaplus, De ente et uno e scritti vari*. P. 52; Gentile S. Pico filologo // *Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte*. Vol. 2. P. 482.

¹⁷ “Sexcenta hoc genus haberem eorum errata quae referrem, nisi illud potius spectarem ut tota profectio errare declararetur” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. II. 7. P. 154–156.

§ 1. Критика астрологических практик

Первый случай диссонанса в рамках «астрологической традиции» связан с ошибками в применении терминов и проявляется в нескольких примерах, на которые нам следует обратить внимание. Прежде всего, Пико обращается к фрагменту «Четверокнижия», где речь идет о затмениях. По словам Птолемея, наблюдая за солнечным затмением, следует обратить внимание на место, в котором оно происходит, а также вычислить угол, следующий за этим местом¹⁸. Если затмение произошло в девятой области неба, то надо вычислять угол десятой и так далее. Однако термин *τοῦ ἐπομένου κέντρον*, выражающий угол последующей области, был неправильно переведен как *anguli praecedentis* — угол предыдущей области, — что полностью изменило расчет небесных явлений¹⁹. Такая ошибка встречается у некоторых авторов, она обусловлена неверным переводом важного понятия²⁰. В продолжение темы неверной интерпретации этого фрагмента Пико приводит другой пример. Птолемей, рассуждая о расчете угла, говорил, что угол может относиться к восточной и средней частям горизонта. Однако «греческий комментатор», т.н. Псевдо-Прокл²¹, заметил, что Птолемей ничего не сказал об отношении угла к западной части горизонта, поскольку угол в таком положении не может следовать за местом солнечного затмения, разве что Солнце скроется под Землей; от этого затмение не будет иметь никакого влияния²². Но и этот комментатор,

¹⁸ Ibid. P. 144. См. также: *Claudio Tolomeo. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos). II. 6.*

¹⁹ “Quoniam autem ibi graece scribitur *τοῦ ἐπομένου κέντρον*, hoc est sequentis anguli, in vulgata translatione habetur *anguli praecedentis*, unde contrarius omnino sensus elicitor” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 7. P. 144.*

²⁰ “Data est barbaris erroris occasio. Ita ut Ioannes Astendensis in eo opere quem vulgo vocant Summam anglicam, cui fides praecipua apud nostros, postquam se longa et argumentosa torsit quaestione, tandem ex sententia Ptolemaei definit eum debere angulum observari, non qui sequatur, sed qui praecedat locum, in quo defectus luminaris acciderit, quod esse omnino sententiae Ptolemaei contrarium ex eo patet quod diximus, quia scilicet graece *ἐπομένου* est scriptum, hoc est sequentis, non προηγουμένου, hoc est praecedentis” // Ibid. P. 144–146. Об идентификации *Ioannes Astendensis* см.: *Weil E. Pic de la Mirandole et la critique de l’astrologie // Idem. La philosophie de Pietro Pomponazzi. Pic de la Mirandole et la critique de l’astrologie. P., 1985. P. 138.*

²¹ О Псевдо-Прокле и трактате «О сфере» см.: *Bouché-Leclercq A. L’astrologie grecque. P., 1899. P. XII; Todd R. The Manuscripts of the Pseudo-Proclan Sphaera // Revue d’histoire des textes. 1993. Vol. 23. P. 57–71.*

²² “Sed quia etiam paulo post Ptolemaeus, explicans ipse quoniam sint isti anguli, meridianum Solis et orientem angulum occidentis qui sequi defectus locum non potest, nisi sub terra Sol obscuraretur, quod cum accidit, vim futurorum effectricem habere non putant” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 7. P. 146. Cp.: In Claudio Ptolemaei Quadripartitum Enarrator ignoti nominis, quem tamen Proclum fuisse quidam existimant item. Basileae, 1559. P. 64.*

по мнению Пико, был неправ, когда пренебрег понятием об угле следующей области неба — ведь его рассуждения верны только при условии, что пресловутый термин *τοῦ ἐπομένου κέντρον* переводится как *anguli praecedentis*²³. Следовательно, он также не понял значения термина, введенного Птолемеем, хотя и взялся его интерпретировать. А это, утверждает Пико, может привести к неверным предсказаниям будущего, вплоть до совершенно противоположных действительности, что является лишним доказательством несостоятельности астрологии.

Нельзя пройти мимо упоминания таинственного «греческого комментатора», которого обычно идентифицируют как Псевдо-Прокла. В начале XV в. был обнаружен ранее неизвестный астрономический текст, с этого момента известный как трактат «О сфере», автором которого посчитали философа-неоплатоника Прокла. В действительности, это сочинение представляет собой четыре главы из «Введения» древнегреческого математика Гемина и не имеет никакого отношения к Проклу. Причина, по которой гуманисты XV в. решили приписать трактат «О сфере» Проклу, непонятна. К моменту обнаружения этого текста оригинальные сочинения Прокла оставались неизвестными. Тем не менее, трактат «О сфере» стал быстро распространяться в рукописях по всей Европе, а на XVI век пришелся пик его популярности — за столетие его издали около шестидесяти раз. Все это способствовало тому, что трактат Псевдо-Прокла стал вторым по авторитетности учебником астрономии/астрологии, уступая лишь знаменитой «Сфере» Иоанна Сакробоско²⁴. Некоторые исследователи считают, что трактат Псевдо-Прокла следует рассматривать как гуманистическую альтернативу «средневековому» сочинению Сакробоско²⁵. Однако доводы в пользу этой точки зрения не кажутся убедительными: на первый взгляд, трактат Псевдо-Прокла представляется довольно классическим, в нем отсутствуют какие-либо элементы гуманистической учености, а астрономические расчеты не выходят за рамки средневековой традиции. Поэтому, начиная с XV в., некоторые ренессансные мыслители сомневались в том, что Прокл действительно мог быть автором этого сочинения. Как мы видим из указанного фрагмента «Рассуждений против прорицательной астрологии», Джованни Пико не идентифицирует «гре-

²³ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 7. P. 146.*

²⁴ *Thorndike L. The Sphere of Sacrobosco and its Commentators. Chicago, 1949.*

²⁵ В частности, мнения о том, что трактат «О сфере» Псевдо-Прокла — гуманистический ответ на Сакробоско, придерживается И. Бианк, которая сейчас готовит диссертацию и критическое издание этого текста. Правда, недавняя статья Р. Остерхоффа подтверждает, что ренессансные гуманисты никогда не теряли интереса к «Сфере» Сакробоско, поэтому о противопоставлении двух «Сфер» стоит говорить по крайней мере осторожно: *Oosterhoff R.J. A Book, a Pen, and the Sphere: Reading Sacrobosco in the Renaissance // History of Universities. 2015. Vol. 28. № 2. P. 1–54.*

ческого комментатора» как Прокла, вероятно, тем самым присоединяясь к числу скептиков²⁶.

Вернемся к тем примерам, при помощи которых Джованни Пико указывает на противоречия в рамках «астрологической традиции». На этот раз объектом критики Пико становится арабский астролог Хали Абенрагель²⁷, который утверждал, будто, по мнению Птолемея, существует пять т.н. *hylegh* (дополнительных явлений, влияющих на определение судьбы человека)²⁸. Это Солнце, Луна, гороскоп, доля Судьбы и место полнолуния и новолуния, непосредственно предшествующих рождению человека. В астрологических расчетах к ним добавляются пять оставшихся планет, и все эти десять элементов принципиально важны для астролога при составлении предсказаний. Продолжая свое рассуждение и говоря об *alchochoden*²⁹, Пико замечает, что Хали вновь ссылается на Птолемея, будто бы считавшего, что *alchochoden* — доминирующая планета в *hylegh*³⁰. И хотя в действительности Птолемей

²⁶ Правда, чуть позже мы увидим имя Прокла в контексте средневековых споров о структуре небесных сфер. Таким образом, вернее всего будет сказать, что Пико так и не пришел к окончательному мнению о том, мог ли Прокл действительно написать трактат «О сфере».

²⁷ Абу-л-Хасан ибн Аби-л-Риджал ал-Сайбани ал-Катиб ал-Магриби (?–ок. 1037) — арабский астролог.

²⁸ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 7. P. 146–148.* Надо признать, что Пико искажил выражение Хали Абенрагеля, используя вместо термина *gradus ascendentis* (т.е. «восходящий градус») наименование «гороскоп». То же самое произошло с термином *locus coniunctionis vel oppositionis*, который можно было перевести как «место конъюнкции или оппозиции». Однако на общий смысл его критики это не влияет. Ср.: “Nam Ptolemaeus primum aptabat gradum ascendentis, postmodum minuebat de eo quinque gradus, postea formabat domos super illud. His ita formatis aspiciebat quinque hylech (qui sunt Sol, Luna, gradus ascendentis, pars fortunae et locus coniunctionis vel oppositionis praecedentis nativitatem et planetae virtutem habentes in suis locis) et quem eorum inveniebat in ascendente vel medio coeli, aut in undecima vel septima ait nona domo, illum accipiebat pro hylech, nec admittebat pro hoc aliquem aliorum locorum, nec ullo modo accipiebat pro hylech planetam existentem sub terra, nisi fuisset in illis 25. gradibus qui gradum ascendentis sequuntur, licet sub terra sint” // *Albohazen Haly filii Abenragel. Libri de iudiciis astrorum. Basileae, 1551. IV. 3. P. 147.*

²⁹ Имеется в виду один из небесных элементов, который отвечает за продолжительность жизни человека. Поэтому Пико называет *alchochoden* «подателем годов жизни».

³⁰ “In proximo capite, de eo loquens quem vocant alchocoden, est autem annorum dator, Ptolemaeus, inquit, alchocoden facit planeta, qui plus auctoritatis habuerit in hylegh sive eum respexerit sive non respexerit, et ita deinceps multa iterat saepe de hoc alchocoden ex sententia Ptolemaei” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 7. P. 148.* Ср.: “Quamadmodum circa hylech altercati sunt sapientes antiqui, ita non minori tumultu et negotio se mutuo exagitarunt in declaratione Alchochoden, dum unus hanc opinionem ratam voluit, alius aliam. Ptolemaeus dicit quod alchochoden est planeta habens maius dominium in hylech et quod ille planeta qui habet plures dignitates in hylech est alchochoden sive aspiciat sive non aspiciat ibi” // *Albohazen Haly filii Abenragel. Libri de iudiciis astrorum. IV. 4. P. 148.*

не имел никакого отношения к этой практике, ошибку Хали исправно повторяли последующие астрологи³¹. По мнению Пико, Птолемей с антипатией относился к самой идее использования астрономических фигур наподобие *alchochoden*³² и, более того, признавал лишь четыре *hylegh*, к которым уже потом были добавлены полнолуние и новолуние³³.

И, наконец, Пико считает, что следует обратить внимание на важнейший вопрос, с которым сталкивается астрология, — вопрос о структуре и количестве небесных сфер. Как мы помним, в своих ранних сочинениях он касался этой проблемы. В «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» Пико соединил классическое представление о восьми небесных сферах с неоплатонической триадой таким образом, чтобы восьмая сфера, сфера звезд, совпадала с третьей ипостасью триады — рациональной душой. В результате подобной манипуляции у Пико получилось десять сфер. Чуть позже в «900 тезисах» он заменил неоплатонический элемент каббалой и связал те же десять сфер с десятью сфирот. Та же идея прослеживается в «Гептапле». Однако спустя пять лет в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» никаких следов подобных нововведений обнаружить уже невозможно. Это заставляет прийти к выводу, что вопрос о структуре небесных сфер раскрывает эволюцию не только астрологических, но и философских взглядов Пико.

В «Рассуждениях» Пико представляет историю вопроса о сферах, сразу же делая акцент на том, что мнение древнейших астрологов расходится с теми данными, на которые опирается современная ему астрология. Так, по мнению Пико, Платон, Аристотель и многие другие философы считали, что существует восемь небесных сфер³⁴; подобные представления доминировали долгое время, и Птолемей попал под их влияние. Тем не менее, средневековые комментаторы Птолемея

³¹ “Nostri astrologi, qui hunc et alios barbaros sequuntur in eodem errore versantes, quisnam sit hylegh, quis sit alchocoden, ex sententia Ptolemaei in omni genitura perscrutantur” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 7. P. 148.*

³² “At vero apud ipsum Ptolemaeum tam est nihil omnino illud alchocoden, quam est nihil hircocervus atque chimera” // *Ibid.* Чуть позже Пико прибегает к риторическому вопросу, который может показаться противоречащим его заявлению о том, что Птолемей отрицал *alchocoden*, поскольку он просто никогда о нем не говорил: “ubi apud Ptolemaeum alchocoden legistis?” (*Ibid.* P. 150). Имеется в виду, что Птолемей никогда не упоминал сам термин.

³³ “Ptolemaeus inter hylegia planetas ponit in reliquis locis hylegialibus dominantes; isti rem esse eos diversam putant ab hylegiis, ut reliqua quattuor, Sol, Luna, Horoscopus et Pars Fortunae, cui et falso novilunium pleniluniumque addiderunt, sola hylegii habent rationem, planetae eorum locorum dominatores annos decernerent” // *Ibid.* P. 150.

³⁴ “Aegyptiorum et Chaldaeorum astronomi supra orbem octavum nihil esse arbitrari sunt, quos secuti sunt Plato et Aristoteles et Hipparchus et Ptolemaeus” // *Ibid.* 2. VIII. 1. P. 228.

предполагали, что их учитель поверх подвижных звезд восьмой сферы определил фигуры девятой сферы, получающие импульсы от перводвигателя. Однако, по словам Пико, именно в этом последователи античного астронома ошибаются, ведь Птолемей, наоборот, называл тела восьмой сферы неподвижными, о чем подробно написано в «Альмагесте» и «Четверокнижии», и ничего не говорил в своих сочинениях о девятой сфере³⁵, а первым, кто попытался ее ввести, был король Альфонс Кастильский³⁶. Современные астрономы пользуются именно девятью сферами, хотя древние ограничивались восемью³⁷. Этому же мнению придерживались два других «древних и блестящих “математика”» — Прокл, вероятно, выступающий здесь в роли автора трактата «О сфере», и Лев Еврей, под которым, видимо, надо понимать Леви бен Герсона, на средневековом Западе более известного как Герсонид³⁸.

Пико объясняет, почему для средневековых астрономов и астрологов возникла необходимость ввести девятую сферу³⁹. Дело в том, что по их расчетам неблуждающие звезды двигались с запада на восток, в то время как небесная сфера с другими звездами направлялась в противоположную сторону. Чтобы исправить эту странность, была введена девятая сфера, ориентирующая с востока на запад те небесные фигуры, которые устремляются в противоположном направлении⁴⁰.

³⁵ “Nona sphaera apud Ptolemaeum nulla est, quod facile ex eius *Magna compositione* potest intelligi. Multi autem ob id falluntur, quod putant eos omnes in noni orbis opinionem incidere necessario, qui sphaeram octavam ab occasu in orientem moveri habeant exploratum” // Ibid. Ср.: *Ptolemaeus. Syntaxis mathematica*. 1. II. 7; *Claudio Tolomeo. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos)*. I. 11.

³⁶ *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 2. VIII. 1. P. 230–232. Король Альфонс X Мудрый (1221–1284) был известным покровителем наук. Кроме того, он прославился собственными трудами по астрономии и другим наукам.

³⁷ “Quid quod non solum Ptolemaeus, sed nullus eum plus mille annis secutus non orbe usus invenitur. Primus Alphonsus loca planetarum ad nonam sphaeram supputavit, cui neoterici omnes adhaeserunt; veteres octava tantummodo utebantur; quam etiam Leo Hebraeus et Proclus Platonicus, excellentissimi mathematici, supremam omnium esse contendunt” // Ibid. 2. VIII. 1. P. 230–232.

³⁸ Леви бен Гершон (1288–1344) — один из крупнейших средневековых еврейских мыслителей. Был известен не только как комментатор и знаток Писания, но и как ученый и философ.

³⁹ Об спорах о структуре и числе небесных сфер см.: *Lerner M.-P. Le monde des spheres*. Vol. 1. P. 195–210.

⁴⁰ “A qua sententia iuniores diversi non vanissima coniectura astruunt alium orbem octavo esse superiorem, quoniam duo motus ad partes maxime oppositas eidem corpori inesse ex se non possunt; quare, cum sit deprehensum vera observatione non erraticas stellas ab occidente moveri in orientem rursusque ea sphaera cum reliquis ab oriente volvatur in occasum, putant confici necessario ut prior ille motus, qui multis annorum milibus una restitutione completur, naturam propriam sphaerae stellarum consequatur; alius qui diei unius spacio consumatur, sicuti erroneus, ita sphaerae octavae ab alio atque ideo superiore globo communicetur, omnia secum ab oriente in occasum rapiente astra, quae propriis eorum motibus ab occasu feruntur in orientem” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 2. II. VIII. 1. P. 232.

Однако такое решение проблемы, причины которой вполне понятны, не могло найти полного согласия⁴¹. Так, разные мыслители предлагали свои варианты, например, наделяя небо душой или приписывая высшей сфере функцию основного импульса движения. Пико в этом небольшом пассаже упоминает неоплатоническое восприятие небесного движения с характерной анимизацией неба, однако он указывает на эту теорию лишь как на один из тупиковых вариантов выхода из сложившейся ситуации. Некоторые даже попытались разрешить проблему, введя десятую сферу. К их числу Пико относит Альфонса, Джованни Кампано из Новары⁴², Леопольда Австрийского⁴³. Для авторитетности своего мнения они приписали Птолемею эту же точку зрения, и многие, в том числе Альберт, ошибочно последовали за их ложью⁴⁴. Но несмотря на все эти ухищрения, астрологи оказались в сложном и непонятном положении, полном противоречий и опасном для целостности их учения.

Древняя астрология, основанная на системе из восьми сфер, окажется ложной, если поверх восьмой сферы существуют две другие, ведь нельзя пренебрегать двумя высшими областями небесной поверхности, отличающимися от других скоростью происходящего в них движения⁴⁵. Но в противном случае, если небо ограничено восьмой сферой, ложной становится современная астрология, которая мыслится в условиях существования девяти сфер и без такого построения окажется

⁴¹ "Quae non de nihilo nata suspitio, ab aliis tamen eliditur multipliciter. Sunt enim qui negent moveri stellas ab occidente in orientem, quamquam et oculati certe homines et mathematici sunt, qui motum diurnum aetheris esse dicant, quod sit unum non divisum in sphaeras sed perpetuum, stellas autem omnes fixas quam erraticas propriis motibus ab occasu ferri in ortum. Leo Hebraeus inferiori cuidam sphaerae, non superiori, eum motum refert acceptum. Alii totum caelum quasi animal quoddam ex omnibus sphaeris veluti membris constituentes, alium esse motum dicunt, qui toti caelo a motore quodam universali, alium qui singulis sphaeris pro eorum diversitate diversus, a propriis eorum diversisque motoribus debeatur" // Ibid.

⁴² Известен также как Джованни Кампано. Итальянский математик и астролог XIII в.

⁴³ Средневековый астроном и астролог, творивший в конце XIII–начале XIV в.

⁴⁴ "Illi enim ut pertinaciter hoc defendant, plus uno motu uni sphaerae ex se non convenire, nonam introduxerunt, quod duplici motu sphaeram octavam volvi deprehendissent; hi triplici motu deprehenso, eadem ducti coniectura decimam introducunt. Quod Alphonsus, Campanus, Leopoldus, Messahala crediderunt; qui hanc etiam opinionem, quamquam falso, sicut et secutus eam Albertus, referunt ad Ptolemaeum" // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. VIII. 1. P. 234.*

⁴⁵ "Ex hac autem tam varia tamque multiplici opinionum varietate quam incerta reddatur astrologia divinatoria facile est perspicere. Nam si supra octavam duae aliae sphaerae sunt, falsa est omnis veterum astrologia, qui potentissimis caeli partibus ignoratis, inutilibus et imperfectis observationibus sunt innixi, quoniam sphaerae illae inefficaces esse non possunt, quarum suprema motus rapiditate utraque loci sublimitate et vastitate molis reliquas antecellit" // Ibid. P. 236.

лишена предмета изучения⁴⁶. Вывод Пико неумолим: вне зависимости от решения вопроса о сферах астрология лжива, ведь она полностью погрязла в противоречиях⁴⁷. Более того, некоторые астрологи, например, Гвидо Бонатти, пытались облегчить свою задачу и найти решение проблемы сфер, утверждая, что находящееся поверх восьмой сферы не имеет отношения к работе астролога⁴⁸. Но это лишь очередная уловка, с помощью которой астрологи пытаются разрешить противоречия — ведь они, по мнению Пико, должны учитывать всю небесную поверхность и лучи света и импульсы, исходящие от разных объектов⁴⁹. Между тем современные астрологи даже не смогли правильно определить, какие небесные тела относятся к девятой сфере, и поэтому лишь перенесли созвездия из восьмой сферы в девятую, таким образом, не изменив сути древней астрологии, а лишь сделав очередную ошибку⁵⁰. Для Пико такое решение проблемы приравнивается к ситуации, когда кто-то вдруг решил бы назвать Сатурн Юпитером и приписать Сатурну те свойства, которыми характеризуется Юпитер⁵¹.

Таким образом, все астрологическое учение, которое как-то связано с описанием небесных сфер, представляется автору «Рассуждений» полностью ложным. Сам же Пико не высказывается о том, как он видит структуру небесных сфер: он весьма уклончиво говорит о самой возможности точно определить положение сфер⁵². Нам остается только гадать, изменил ли он свое мнение о существовании десяти сфер,

⁴⁶ “Si rursus nulla sphaera praeter octavam, nulla etiam iuniorum omnis astrologia, duodecim signa in nono orbe describens, qui si est nullus quamnam habebit in fato decernendo auctoritatem?” // *Ibid.*

⁴⁷ “Quamquam sive aliqua est sive nulla sphaera nona, omnis nostrae aetatis astrologia vacillare cognoscitur nec solum inconstantia dicere sed controversa atque pugnantis” // *Ibid.*

⁴⁸ “Quod credidit Bonatus affirmans, nihil quod sopra octavam sphaeram collocetur ad astrologum pertinere” // *Ibid.* P. 238. Ср.: “De illo autem coelo empireo sive insensibili, nihil ad Astrologum” // *Guidonis Bonatius Foroliviensis. De astronomia tractatus X universum quod ad iudiciarum rationem nativatum, aëris, tempestatum, attinet, comprehendentes.* Basileae, 1550. I. 4. C. 4–5.

⁴⁹ “Quapropter, aut sphaera omnis observanda, aut nona illa, etiam si sit aliqua, contemnenda” // *Pico della Mirandola G. Disputationes.* 2. VIII. 2. P. 238.

⁵⁰ “Quod eruscatores homines et ambitiosi minime patiebantur, quare translatis ad partes nonae sphaerae iisdem nominibus quibus partes octavae veteres appellarunt, quasi cum nomine ipsa quoque natura communicaretur, eadem prorsus de illis quae de octava priores dogmata prodiderunt” // *Ibid.* P. 240.

⁵¹ “In qua re siquidem fallunt, flagitium est, si falluntur insania, cum non aliter errent quam si nomine Iovis ad Saturnum translato, Saturnum factum Iovem existiment, et cum de Saturno sit vaticinandum, ea pronuncient quae protendere Iovem veteres tradiderunt” // *Ibid.*

⁵² “Nos haec omnia in medium constituamus, solum id affirmantes, nihil indubitati certique super his posse asseverari, sed tota ad probabiles locos et translatis disputatio redit, qui multi utrimque cum sint, in ambiguo tandem in incertoque nos relinquunt” // *Ibid.* P. 234.

которого он придерживался в «Комментарии к “Канцоне о любви” Джироламо Бенивьени» и в «Гептапле», но сам факт молчания об этом кажется весьма выразительным.

На основе упомянутых примеров он не только пытается подтвердить существование «диссонанса» в астрологической традиции, идущей от Птолемея, но и указать на ложность всей науки о предсказаниях по звездам. Приведенные примеры затрагивают основы астрологии, а столь существенные расхождения в интерпретации принципиальных терминов доказывают, по мнению Пико, что уже на этом уровне она не соответствует той высокой роли, на которую претендует.

§ 2. «Стослов» Псевдо-Птолемея в «Рассуждениях против прорицательной астрологии»

Теперь следует обратиться ко второй группе проблем, связанных со «Стословом» Псевдо-Птолемея. Этот текст всплывает три раза в связи с применением астрологических практик, которые, согласно традиции, восходят к Птолемею. Однако, по мнению Пико, такое предположение неверно, поскольку позднейшие комментаторы неправильно понимали термины и пользовались не аутентичным греческим текстом, а неудачным переводом⁵³.

В Средние века «Стослов» считался своеобразной выжимкой из «Четверокнижия», и потому авторство «Стослова» практически безоговорочно приписывали Птолемею. Однако многие положения из него не находили никакого подтверждения в тексте, откуда они будто бы были взяты — в «Четверокнижии». Тем не менее, окончательный удар по авторству Птолемея был нанесен лишь в конце XIX в.⁵⁴ Многие годы исследователи «Стослова» были уверены, что в оригинале это сочинение было написано по-гречески⁵⁵; выяснилось, что и это было не так. На данный момент считается доказанным, что истинным автором «Стослова» был арабский астролог Ахмад ибн Юсуф ал-Мишри, который сопроводил «Стослов» собственным комментарием. Затем «Стослов» был переведен на греческий, и уже в этом виде — как оригинальный текст

⁵³ Пико преимущественно обращается к восточной традиции комментирования «Стослова», но он упоминает также комментарий Георгия Трапезундского к этому трактату, правда, по его словам, он знает только о существовании такого текста, но возможности работать с ним он не имел. “In quo declarando fui prolixior, quia audio Trapezuntium, Graecum hominem, neque enim eius liber ad nos pervenit, sed ita audio, in commentariis eius in *Centiloquium* Ptolemaei expositionem Haly esse secutum” // Ibid. 2. VIII. 5. P. 284.

⁵⁴ Эту идею первым выдвинул и доказал Франц Болль в: *Boll F. Studien über Claudius Ptolemaeus: ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Philosophie und Astrologie.* Leipzig, 1894.

⁵⁵ Этой точки зрения придерживалась, в частности, издатель греческого текста «Стослова»: *Boer A. Praefatio // Ptolemaeus.* Καρός. P. XIX–XXXIII.

Птолемея — оказался на средневековом Западе⁵⁶. Кроме того, во время всех этих сложных миграций текста возникла путаница с комментаторами птолемеевых трудов. Хали ибн Ридвана, автора известного комментария на «Четверокнижие», более поздние переводчики перепутали с Ахмадом ибн Юсуфом и неверно приписали первому авторство комментария на «Стослов», принадлежавшего перу второго⁵⁷.

В Средние века «Стослов» пользовался невероятной популярностью. Сохранилось более 150 манускриптов этого сочинения, а только в XII в. он был переведен на латынь не менее шести раз⁵⁸. В эпоху Возрождения интерес к «Стослову» не ослаб. В 1454 г. над собственным переводом этого трактата начал работать Георгий Трапезундский. По мнению Д. Монфазани, ко второй половине 1456 г. Георгий подготовил три редакции перевода и снабдил итоговый вариант небольшим комментарием⁵⁹. Вместе со «Стословом» он составил два небольших сочинения по астрологии и весь этот корпус текстов посвятил своему патрону Альфонсу Арагонскому⁶⁰. Вкупе с переводом и комментарием на «Альмагест» этот корпус должен был составить основу «истинной», греческой астрологии, которую Георгий стремился открыть латинскому Западу.

Спустя два десятилетия новый перевод «Стослова» и комментарий к нему подготовил Джованни Понтано⁶¹. Именно эту работу Джованни Пико подверг жесткой критике, говоря, что он смог обнаружить в ней шестьсот ошибок⁶². В 1535 г. впервые в одном томе были опубликованы греческие оригиналы «Четверокнижия» и «Стослова»; издателями выступили Иоахим Камерарий и Филипп Меланхтон. Основывая свои выводы на анализе греческого текста «Стослова», знаменитый итальянский ученый и, по совместительству, не менее известный астролог Джироламо Кардано одним из первых предположил, что «Стослов» не может считаться оригинальным текстом Птолемея, поскольку

⁵⁶ Lemay R. Origin and Success of the *Kitab Thamara* of Abu Ja'far ibn Yusuf ibn Ibrahim: From the Tenth to the Seventeenth Century in the World of Islam and the Latin West // Proceedings of the First International Symposium for the History of Arabic Science. Aleppo, 1976. Vol. 2. P. 91–107.

⁵⁷ О Хали ибн Ридване см.: Seymore J. The Life of Ibn Riḍwān and his Commentary on Ptolemy's *Tetrabiblos*. Ph. D. dissertation. Columbia University, 2001.

⁵⁸ Hübner W. The Culture of Astrology from Ancient to Renaissance. P. 19.

⁵⁹ Monfasani J. George of Trebizond: a Biography and a Study of His Rhetoric and Logic. P. 118–119; *Collectanea Trapezuntiana*. P. 689–697. В *Collectanea* Дж. Монфазани опубликовал две версии введения к переводу (Ibid. P. 97–100). О филологических аспектах ренессансных переводов «Стослова» и комментариев к нему см.: Rinaldi M. Pontano, Trapezunzio ed il *Graecus Interpretes del Centiloquio pseudotolemaico* // *Atti dell'Accademia Pontaniana*. 1999. Vol. 48. P. 125–171.

⁶⁰ *Collectanea Trapezuntiana*. P. 695–697; *Georgii Trapezuntii brevis de Antisciis tractatus* // *Georgii Trapezuntii in Claudii Ptolemaei centum Aphorismos Commentarius*. Coloniae, 1540. P. 155–165; *Cur astrologorum iudicia ut plurimum sint falsa* // Ibid. P. 166–185.

⁶¹ Они были напечатаны в 1512 г.

⁶² См. Часть II, глава III, сноска 17.

ряд астрологических практик, упомянутых в этом трактате, возникли после Птолемея⁶³. Однако лишь спустя три века было окончательно установлено — Птолемей не являлся автором «Стослова»

Таким образом, несмотря на то, что в эпоху Возрождения «Стослов» практически безоговорочно приписывался Птолемею, сомнения о правомерности такой атрибуции все же существовали. Как внимательный читатель и непримиримый противник астрологии Пико не мог не видеть расхождений между аутентичными текстами Птолемея, прежде всего, «Четверокнижием», и «Стословом». Это определило доводы, при помощи которых Пико объясняет подобные противоречия.

Первый случай, на который следует обратить внимание, касается популярной в эпоху Возрождения астрологической теории «деканов»⁶⁴. Поскольку деканы тесным образом связаны с представлением о делении неба на некие составные части, то Пико сперва касается того, как астрологи изображают зодиакальную систему.

Не отрицая физическое существование знаков Зодиака, Джованни Пико избирает другую тактику нападения, основное направление которой сводится к отрицанию совпадений реальных свойств знаков Зодиака с их образами, рисуемыми астрологами⁶⁵. Таким образом, Пико отвергает подобие физически существующих объектов и тех нереальных фигур, которые наделяются определенными астрологическими характеристиками.

Реальные знаки и их образы носят одни и те же названия, однако различия между ними кардинальны. Знаки характеризуются неподвижностью, а их образам придается движение. Так, Овен связан с весенним равноденствием, однако его образ рассчитывается в другое время, поскольку звезды, составляющие знак, движутся с запада на восток⁶⁶. И такова ошибка многих астрологов⁶⁷.

⁶³ *Pompeo Faracovi* O. Girolamo Cardano e il ritorno a Tolomeo // *Il linguaggio dei cieli. Astri e simboli nel Rinascimento* / A cura di G. Ernst and G. Gigliani. Roma, 2012. P. 127–128.

⁶⁴ Под «деканом» следует понимать 1/36 часть Зодиака или 10 градусов. Соответственно, в одном знаке Зодиака содержится три декана, каждый из которых наделяется определенными свойствами. По мнению астрологов, расположение планет в деканах соответствующим образом влияет на характер человека. Наиболее известный пример использования теории деканов в ренессансной культуре — палатцо Скифанойя в Ферраре. Об этом см.: *Варбург А.* Итальянское искусство и мировая астрология в палатцо Скифанойя в Ферраре // *Он же.* Великое переселение образов / Пер. Е. Козиной и др. СПб., 2008. С. 193–223; *Bertozzi M.* La tirannia degli astri. Gli affreschi astrologici di Palazzo Schifanoia. Livorno, 1999.

⁶⁵ “Differre imagines a signis, quamquam nominibus convenient <...> Sed admonere antea lectorem oportet, aliud signa esse duodecim, aliud imagines, quamquam numero nomineque convenient” // *Pico della Mirandola G.* Disputationes. 2. VIII. 3. P. 242.

⁶⁶ “Signa enim immota fixaque constituuntur, aequinoctiis intercepta atque solstitiis, ita ut Arietis quidem quod est signum initia a vernali aequinoctio semper accipiantur, Arietis autem quae est imago alio tempore initia alibi supputentur, sicut stellae a quibus effingitur ab occasu ad ortum iugiter deferuntur” // *Ibid.* P. 244.

⁶⁷ “In qua re lapsi magna pars astrologorum putantium, qui ad octavam sphaeram referunt, planetas eos signis mobilibus uti necessario” // *Ibid.*

Равным образом Пико критикует решение астрологов разделить Зодиак на двенадцать частей. Для этого, по мнению Пико, было две причины: удобство математических расчетов⁶⁸ и предположение, что будто бы двенадцать знаков находятся в прямой зависимости от четырех основных элементов; таким образом, к каждому элементу относятся по три знака Зодиака⁶⁹. Тем не менее, не все астрологи принимали это число; халдеи, например, использовали 11 знаков Зодиака, соединив Весы и Скорпиона в один знак⁷⁰. Для Пико такое заключение о

⁶⁸ “Abraam Avenazra, in principio libri *Rationum astrologicarum*, aliqua, inquit, dicuntur de signis quae probantur, aliqua ex arbitrio; statim declarans quoniam ista potissimum, quae arbitraria proferuntur, divisionis Zodiaci meminit. Divisiones enim, ait, signorum cur tantum in partes trecentas et sexaginta? Quoniam hic numerus divisionibus est accomodator. Idem quoque scribit Haly Avenrodan, apotelesmaticos libros Ptolemaei exponens: ‘Divisimus circulum in partes duodecim quae signa nuncupantur, et unumquodque signorum in partes triginta quae dicuntur gradus, et partem quamlibet trigesimam in minutias sexaginta quoniam hi numeri divisionibus idonei magis reperiuntur’” // Ibid. P. 246.

⁶⁹ “Quod si quis numerum istum signorum a natura esse contendat, nec fictum a mathematicis ad supputandi facilitatem, sed philosophica ratione stabilitum, qualem affert Albumasar, ut duodecim signa propterea sint, quod elementa sunt quattuor, quorum quodlibet in tres partes dividatur, medias, primas et postremas; possem equidem respondere nihil minus ridiculam istam rationem et frivolum esse, quam illa sit mathematica” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 2. VI. 4. P. 36. Ср.: “Nunc quare nec plures quam XII necessarie, nec pauciores ad rerum ducatum sufficere videantur exponendum est. Ad quod primum Arati auctoritas accedit qui, cum XLVIII figuras celi describeret, inter cetera vie Solis XII signa discernit. Praeterea ut ibi Philosophia legitur, quoniam quicquid in hoc mundo nascitur et occidit ex IIII elementis compositum constat tribus interstitiis deductum: principio, medio, fine; que tria in ea IIII producta XII producunt; quibus XII ea signa signorumque numerus ducatum prebent. Cum igitur ei numero signorum numerum respondere conveniret, XII fore conveniebat. Presunt equidem hec signa IIII elementis eorumque tribus interstitiis. Signa quippe stellarum sunt loca, non sua seorsum substantia generationes rerum et corruptiones moventia, sed oriendo occidendoque super mundum inferiorem stellasque discurrentes recipiendo. Sic etiam elementa non per se ipsa resolvuntur rerumve generationes aut corruptiones producunt, sed temporum alterationes elementorum resolutiones generationum cause consequuntur. Sic itaque circuli signa mundi III elementis eorumque tribus interstitiis ut re, et numero convenire necesse erat. Quod expositione planius constabit. Preest enim Aries igni, Taurus terre, Gemini aeri, Cancer aque. Deinde initio repetito: Leo item igni, Virgo terre, Libra aeri, Scorpio aque. Itemque reiterato ordine: Sagittarius igni, Capricornus terre, Aquarius aeri, Pisce aqua. Primus igitur signorum ordo elementorum primum sortitur interstitium, i.e. geniture initium, secundus ordo secundum quod medium est, tertius tertium. Sunt ergo de signis tria ignea, tria terrea, tria aerea, tria aquatica” // *Abū Ma`ṣar al-Balḥī [Albumasar]*. Kitāb al-madkhal al kabīr ilā ‘ilm aḥkām al nujūm. Liber introductorii maioris ad scientiam iudiciorum astrorum / Ed. R. Lemay. Napoli, 1995–1996. Vol. 7. II. 3. P. 29–30.

⁷⁰ “Neque enim in ipsarum quae magis celebratae Zodiaci imaginum numero convenere, sed cum alii duodecim, Chaldaei tamen illas undecim fecere, ex Libra et Scorpio unam constituentes” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 2. VIII. 4. P. 268. Правда, совершенно непонятно, на каком источнике Пико основывает свои суждения.

количестве знаков Зодиака представляет богатую почву для критики, ведь из него следует, что деление на знаки Зодиака никак не согласуется с реальными физическими данными⁷¹. Таким образом, Пико приходит к выводу, что в астрологии, которая по завету Птолемея и других авторитетов стоит на теории восьми сфер и оперирует лишь удобно делящимися числами, не может быть ничего физически настоящего; она превращается в игре ума.

Точно так же Пико недоумевает, почему многие созвездия получили названия животных или каких-то мифических существ⁷². Кроме того, астрологи приписывают разным знакам или отдельным звездам какие-то мужские или женские черты, хотя найти точки соприкосновения между ними по этому вопросу практически невозможно, ведь каждый астролог стремится придумать что-то свое, не особенно согласуя свои фантазии с действительностью⁷³. В отношении всех этих вопросов Пико придерживается одного мнения, постоянно подтверждая его и повторяя, что все описания не имеют ничего общего с реальностью; они — игра воображения астрологов.

Он замечает, что, однако, астрологи измыслили значительное количество других образов, которыми постоянно пользуются в предсказаниях. Чаще всего эти фигуры непосредственно связаны с Зодиаком, делят знак на несколько частей и, по мнению астрологов, могут оказывать влияние на судьбу. Наиболее важным элементом этих измышлений оказались деканы.

Как замечает Пико, народы, приобщенные к астрологии, придерживались разных точек зрения о существовании таких фигур. Так, египтяне считали, что каждый знак следует делить на три части; отсюда пошло использование т.н. деканов⁷⁴. Индийцы, по мнению Пико, напротив, предпочитали делить знак Зодиака на девять частей⁷⁵, а халдеи — на двенадцать частей. Они ввели странный термин «додекатеморий», под которым следует понимать одну из долей разделенного

⁷¹ “Quibus igitur potius quam eorummet verbis eos redarguam, ita naturae rerum et consequentiae rationis ignaros, ut quoniam qui astrorum motus metiuntur circulum in duodecim partes diviserunt ob numeri ad dividendum opportunitatem, hinc ipsi dogma constituerint, partes illas duodecim vires et proprietates habere diversas, quasi eorum distinctio non arbitrio mathematicorum, sed a natura caeli exorta sit?” // Ibid. 2. VIII. 3. P. 246.

⁷² “Ne monstra sunt opportuna, quae nulla in natura sint? Innumera animalia ibi non describi, quae nulla describuntur? Nam quod canum ursarumque sit privilegium, ut duos habeant in caelo sive rectores sive antistites, elephanti, tygrides et innumerae species animalium nullum habeant in caelo numen per quod regantur?” // Ibid. 2. VIII. 4. P. 270.

⁷³ Ibid. 2. VI. 17. P. 130–134.

⁷⁴ “Sicuti autem Aegyptii decanos excogitarunt in tres partes signum dividentes” // Ibid. 2. VI. 16. P. 126.

⁷⁵ На чем Пико основывает свои суждения, не совсем понятно: “Indi, sua quoque ipsi figmenta comminiscetes, in novem partes signum quodlibet diviserunt” // Ibid.

на двенадцать частей знака Зодиака. Как утверждает Пико, о додекатемории знали многие астрологи, но Птолемей отрицал физические влияния частей знаков Зодиака⁷⁶, а Фирмик Матерн неправильно понимал саму сущность додекатемория⁷⁷. Тем не менее, эти фигуры были весьма распространены среди указанных народов. Греки, правда, так и не переняли эти астрологические образы⁷⁸, но зато арабы, прежде всего, Абу Машар, были ими очень увлечены, в первую очередь деканами.

Пико не совсем верно приписывает происхождение деканов египетской традиции. Установлено, что эти магические фигуры возникли в индийской астрологии, а затем распространились среди других

⁷⁶ “Sed et decani quidem signorum, facies aute, planetarum. Has igitur facies Ptolemaeus aspernatur, indignas ratus de quibus haberet mentionem et quibus unquam in *Apotelesmatis* uteretur” // *Ibid.* P. 124.

⁷⁷ “Ita Babylonii dodecathemoria, signum in partes duodecim dissecantes, hoc utentes illi dodecathemorio, non eo quod Maternus illis ascribit” // *Ibid.* P. 126. Ср.: “Nunc, de duodecatemoriis a qua ratione perquiras, breviter ostendam; quidam enim ex his putant totam se posse geniturae substantiam invenire et, quicquid in decreto celatur, ex duodecatemoriis posse prodi significant. Quid aute, sint duodecatemoria, hoc dicetur exemplo. Cuiuscumque stellae volueris duodecatemorion quaerere, partem eius duodecies computas et, quantae fuerint, divides eas triginta signis singulis reddens, ab ipso signo incipiens, in quo stella est, cuius duodecatemorion quaeritur; et in quocumque signo ultimus venerit numerus, ipse tibi partem duodecatemorii ostendit. Sed ut manifestius intelligas, etiam exemplum huius rei dicimus. Pone Solem in Ariete esse parte quinta et minutis quinque; duodecies V faciunt partes sexaginta, et duodecies quina faciunt minuta LX; {LX} minuta unam faciunt partem, ac per hoc fiunt partes LXI; das Arietem in quo Solem esse diximus, XXX, Tauro XXX: invenitur duodecatemorion in parte prima Geminorum. Quaere itaque, ne Luna plena per diem in finibus Martis duodecatemorion mittat, ne minuta idest deficiens in Saturni aut ne Mars in occasu <...> aut ne Venus in Martus et Mars in Veneris <...> et a finibus et a decanis et a conditionibus, ut prosint vel ut noceant, accipiant potestatem. Deficit Iovis benignitas, cum infirmitate signi vel partium vel decani vel conditionis immutatione benignitas eius fuerit impedita. Sed et malitia Saturni fortius crescit, cum ex loci qualitate vel ex finium vel ex decani vel ex signi vel ex conditione provocatam ad nocendum acceperit potestatem; simili modo etiam ceterae stellae. Unum tamen sciendum est quod, licet benivola sit Iovis stella, tamen contra inpugnationem Martis et Saturni, si eam violenti radiatione constringant, resistere sola non possit; essent enim immortales homines, si numquam in genituris hominum Iovis benignitas vinceretur. Sed quia sic artifex deus hominem fecit, ut substantia eius transacto certo vitae spatio solveretur, necesse fuit, ut detento Iove, per quem vitae confertur hominibus salutare praesidium, in extinguendo homine malivolarum stellarum malitiosa vel pernicioosa potestas cum augmento malitiae permaneret, ut malivolis radiationibus inpugnata compago corporis solveretur” // *Julius Firmicus Maternus. Matheseos libri VIII. 1. II. 13.*

⁷⁸ “Nullum tamen negocium in his confutandis, nam facies autem nullae etiam apud Ptolemaeum. Sic etiam Graecis quoque qui et decani” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. VI. 16. P. 124.*

народов⁷⁹. Однако чуть позже автор «Рассуждений», кажется, немного противоречит сам себе, говоря, что деканы с характерным для них магическим эффектом не были изобретены ни египтянами, ни вавилонянами, ни индийцами, а измышлены арабами⁸⁰. Видимо, он подразумевает, что для египтян и других древних народов деканы были лишь небесной фигурой, не наделенной столь внушительными магическими свойствами, и лишь позже, по вине Абу Машара и других исламских астрологов, деканы обрели оккультную плоть, сделавшую их столь популярными в Средние века и эпоху Ренессанса.

Пико вполне сознательно обвиняет Абу Машара в распространении теории деканов. Он обращается к текстам Птолемея, чтобы подтвердить непричастность античного астронома к происхождению подобного заблуждения, но вновь сталкивается с трудностями интерпретации «Слослова». В этом трактате упоминаются деканы. Основной фрагмент, на который следует обратить внимание, — 95-й пункт⁸¹, где встречается термин «декан». Пико при анализе этого фрагмента прибегает к уже хорошо знакомой нам тактике: он утверждает, что были допущены ошибки в переводе этого фрагмента «Слослова», из-за чего Хали ибн Ридван неправильно понял и прокомментировал соответствующее высказывание⁸². Так, термин *παρανατέλλοντα*, используемый в аутентичном греческом варианте, не соответствует латинскому переводу «декан». По словам Пико, под этим названием греки подразумевали 36 небесных образов, которые не относятся к Зодиаку. Эти данные находят подтверждение в античной астрологии⁸³. Перед нами еще один пример того, как Пико в ситуации,

⁷⁹ Pingree D. Indian Planetary Images and the Tradition of Astral Magic // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1989. Vol. 52. P. 1–13; *Idem*. The Indian Iconography of the Decans and Horās // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1963. Vol. 26. № 3–4. P. 223–254.

⁸⁰ Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. VIII. 5. P. 280.

⁸¹ “Κινδυνεύει τὰ παρανατέλλοντα ἑκάστῳ δεκανῶ δηλοῦν τὴν προαίρεσιν τοῦ γεννωμένου καὶ τὴν τέχνην ἣν μετέρχεται” // Ptolemaeus. Καρπός, 95.

⁸² “De Graecis auctoribus soli possunt dubitare qui Graeca non legerunt; neque enim usquam apud Graecum ullum scriptorem mentio de istis imaginibus, ut accusare magno opere Haly debeamus, qui istum errorem ascripsit Ptolemaeo. Nam cum verbo quinto et nonagesimo libri cui titulus *Fructus*, dicit Ptolemaeus: τὰ παρανατέλλοντα ἑκάστῳ δεκανῶ δηλοῦν τὴν προαίρεσιν τοῦ γεννωμένου καὶ τὴν τέχνην ἣν μετέρχεται, hoc est «quae singulis signorum decanis coorientur, nati voluntatem indicarem, et quamnam artem sit pertractaturus», expositor Haly per coorientes imagines invisibiles istas, de quibus diximus, putat intelligi, nesciens quaenam apud Graecos παρανατέλλοντα, hoc est coorientia dicantur. Vocatur enim apud eos hoc nomine VI illae atque XXX extra signiferum imagines, quarum XV ad austrum, I atque XX vergunt ad aquilonem, de quarum proprietatibus et natura primo libro Apotelesmaton scribit Ptolemaeus, qui nec eo loco, nec alibi usquam aliarum unquam imaginum meminit, praeter eas quas fabricantur ex visibilibus stellis, adversus quas superiore capite disputavimus” // Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. VIII. 5. P. 282.

⁸³ Об истории этого термина см.: Boll F. Sphaera. Neue griechische Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Sternbilder. Leipzig, 1903. S. 75–90; Bouché-Leclercq A. L'astrologie grecque. P. 225–229.

осложненной текстом «Стослова», находит способ раскритиковать астрологов и прибегает к своему любимому доводу о неправильном переводе.

Пико замечает, что даже несмотря на попытки найти в трудах автора «Четверокнижия» следы теории деканов, другие астрологи не могут прийти к общему мнению о том, что деканы собой представляют. Пико обращается к нескольким астрологическим авторитетам и приходит к выводу, что одни и те же деканы у них выражены совершенно разными образами⁸⁴. Разумеется, такое расхождение во мнениях служит для него убедительным доказательством против теории «деканов». По мнению Пико, другой важный минус этой идеи — полное отсутствие каких-то физических доказательств, что характерно для большинства небесных фигур, придуманных астрологами. В качестве примера он приводит две астрологические фигуры — Головы и Хвоста Дракона, — которые с его точки зрения лишены возможности хоть как-то определять явления подлунного мира⁸⁵.

Пико замечает, что другой вопрос, который подробно рассматривают в своих сочинениях сторонники астрологии, касается новолуния или полнолуния, предшествующих рождению. Первым о значении этого момента написал Птолемей в «Четверокнижии»⁸⁶. Надо заметить, что Пико резко выступает против всех астрологических практик, касающихся составления гороскопа⁸⁷. Он сомневается в самой возможности астрологов точно предсказать как точное время зачатия ребенка, так и его рождение — два главных вопроса предсказательной астрологии. Пико уверен, что разные попытки астрологов сделать это приводят к прямо противоположным выводам и расчетам; для Пико же эти противоречия — лишь очередное и убедительное доказательство ложности всей астрологической доктрины. Так, по его мнению, астрологи считают своей важнейшей задачей установить восходящий градус Зодиака. Считается, что планета, которая главенствует над знаком Зодиака, в котором находится восходящий знак, получает название «управителя»; таким образом, этот градус восходит в момент рождения в соответствующем знаке при управлении некоей планетой. В случае же, когда обнаружено несколько управителей, во внимание следует принимать того из них, который располагается ближе к вос-

⁸⁴ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. VIII. 5. P. 276–278.*

⁸⁵ *Ibid. 2. VI. 11. P. 82–88.*

⁸⁶ “Ptolemaeus tertio *Apotelesmatum* libro dogma tradit huiusmodi; praecipit observari novilunium proxime genituram praecedens aut plenilunium: tum planetam qua parte coitus fuit, vel oppositio auctoritatis plus habentem; denique themate iam disposito, cui cardini proprius ille planeta fuerit, statui locum illum ad numerum quem in partibus signi planeta ille dominator obtinuerit. Hunc cardinem confingunt totius geniturae; hoc fundamentum totius apotelesmaticae astrologi omnes decernunt; hoc illud decretum quod *Almuseli* vocant, interdum *Animodar*” // *Ibid. 2. IX. 3. P. 294. Cp.: Claudio Tolomeo. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos). III. 2.*

⁸⁷ В частности, см. критику астрологических теорий о домах и аспектах: *Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. VI. 3. P. 20–28; 2. VI. 5. P. 46–54.*

ходящему знаку Зодиака. Это учение считается основой предсказаний о рождении, без него составление гороскопов кажется невозможным. По словам Пико, среди астрологов этот принцип получил название *almuseli* или *animodar*.

Однако далеко не все астрологи принимали это учение; так, Пико упоминает, что еврейский астролог Авраам ибн Эзра отрицал его действительность и обнаружил множество ошибок в расчетах Птолемея. Пико утверждает, что многие другие астрологи последовали примеру ибн Эзры и отказались использовать *animodar* при составлении гороскопа. Как видно из этого примера, Пико далеко не всегда указывает на ошибки последователей Птолемея — в ряде случаев, как, например, здесь, ответственность за ложные предсказательные практики лежит на александрийском астрономе. В подтверждение своих слов он приводит очевидный пример. Предположим, что двое детей родились одновременно в двух разных городах. Разумеется, для астрологов их гороскопы будут различными, ведь небесная картина не может быть одинаковой для двух разных мест. Но согласно учению Птолемея, их гороскопы должны быть одинаковыми, потому что им предшествовало одно и то же полнолуние или новолуние, и их управитель должен быть одним и тем же⁸⁸. Такое допущение, однако же, кажется неприемлемым, поэтому от предложенного Птолемеем метода следует отказаться.

Правда, с именем античного астронома связан другой метод составления гороскопа. Так, астрологи приписывали ему мнение, что положения Луны во время зачатия и рождения ребенка совершенно идентичны. Свой вывод они основывают на одном из высказываний Птолемея из «Стослова»⁸⁹. Но, как уже неоднократно случалось, — здесь Пико вновь повторяет свой излюбленный тезис, — слова Птолемея были неправильно поняты и интерпретированы его последо-

⁸⁸ “Verum, omissis auctoritatibus adversantium Ptolemaeo, solitus ego dogmatis falsitatem ita declarare. Nascatur Lucius Romae, Florentiae Fabius, eadem hora eodemque momento, liquet astrologis non eundem futurum horoscopum utriusque ob diversam caeli inclinationem sub qua nascuntur; et tamen si rationem ex Ptolemaei praeceptis ineamus, eundem utriusque horoscopum faciemus, cum utraque regione plenilunium antecedens sive novilunium eadem caeli parte contigerit; quare idem quoque dominator qui themate in utroque gradum signi possidens eundem, iisdem numeris cardines in utraque genitura definit. Sed hoc evidentiā rei sensusque revincetur dogma, igitur falsum; quod miror Ptolemaeum, mathematicum summum, non pervidisse” // Ibid. Disputationes. 2. IX. 3. P. 296.

⁸⁹ “Apud iuniores inventa est alia ratio vestigandi ex hora conceptus horoscopi, cui plurimum tribuunt. Est autem huiusmodi: ponunt quasi confessum ex veterum traditione, praesertimque Ptolemaei verbo primo et quinquagesimo libri *Centum enunciatorum*, Lunae locum in nativitate fuisse horoscopum in conceptu; contra, locum Lunae in conceptu, horoscopum esse nativitatis” // Ibid. 2. IX. 4. P. 298. Ср.: “Ἐνθα ἔστιν ἡ σελήνη ἐν τῷ καιρῷ τῆς γεννήσεως, ἐκείνο τὸ ζῳδίου ὠροσκόπησεν ἐν τῇ σπορᾷ καὶ ἐνθα ἐπὶ τῆς σπορᾶς τύχοι, ἐκείνο ἐν τῇ ἀποκυσίσει ὠροσκόπησει” // *Ptolemaeus*. Καρπός, 51.

вателями. Астрологи полагали, что совпадение происходит вплоть до градуса, однако Птолемей утверждал несколько иное. По его словам, такие совпадения относятся не к градусу, а только к знаку; а это условие кардинально отличается от ошибочного допущения не понявших его астрологов⁹⁰. Более того, Пико обращается к другим текстам Птолемея, прежде всего, к «Четверокнижию», и не находит в них никаких подтверждений указанного учения⁹¹. С позиций современного знания об авторстве «Стослова» это не кажется удивительным, но во времена написания «Рассуждений» могло восприниматься как убедительный довод против идеи, приписываемой Птолемею.

§ 3. «Великие конъюнкции», Абу Машар и «другие астрологи»

Наконец, третьей и, пожалуй, главной проблемой, связанной со «Стословом» Псевдо-Птолемея, стала теория т.н. «великих конъюнкций». Она восходит к исламской астрологии. Впервые она упоминается в трудах астролога Маша'аллаха (или Мессала на Западе), который работал в Багдаде на рубеже VIII и IX вв.⁹² Позднее теория «великих конъюнкций» встречается у известного арабского ученого ал-Кинди, а первое ее полное обоснование принадлежит перу Абу Машара — крупнейшего астролога Востока, перса по происхождению⁹³.

Сочинения Абу Машара, известного на Западе под именем Альбумазар, были важнейшими источниками средневекового и ренессансного знания об астрологии. В 1120 г. Аделард Батский перевел на латынь «Малое введение» Абу Машара, которое можно считать выжимкой из главного труда персидского астролога — «Большого введения в астро-

⁹⁰ «Hoc posito methodum tradunt, qua putant posse deprehendi locum Lunae cum semem uterum implevit; quo reperto, similem quoque gradum colligunt hora nativitatis ascendere. Fuit autem eis erroris occasio mendosa translatio librorum Ptolemaei, quoniam nusquam ille de gradu hoc scripsit, verum de signo tantum. Verba eius loco superius, memorato sunt haec: ἔνθα ἐστὶν ἡ σελήνη ἐν τῷ καιρῷ τῆς γεννήσεως, ἐκεῖνο τὸ ζῳδιὸν ὠροσκοπήσεν ἐν τῇ σπορᾷ καὶ ἔνθα ἐπὶ τῆς σπορᾶς τύχοι, ἐκεῖνο ἐν τῇ ἀποκυήσει ὠροσκοπήσει, ἢ τὸ τοῦτου κατὰ διάμετρον. Latine ita ad verbum: Ubi {Luna} est tempore nativitatis, illud signum conceptus horoscopum statuas; ubi fuerit in concepti, illud fac horoscopum partus, vel eius oppositum" // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. IX. 4. P. 298.* Замечу, что окончание 51-го высказывания Псевдо-Птолемея ἢ τὸ τοῦτου κατὰ διάμετρον в оригинальном тексте отсутствует.

⁹¹ Ibid. P. 300.

⁹² Маша'аллах ибн Атари (ок. 740–815) — персидский астролог и астроном еврейского происхождения.

⁹³ О теории «великих конъюнкций» см.: *Bertozzi M. Il fatale ritmo della storia. La teoria delle grandi congiunzioni astrali tra XV e XVI secoli // I castelli di Yale. 1996. Vol. 1. P. 29–49; Idem. Astri d'Oriente: fato, divina Provvidenza e oroscopo delle religioni nelle Disputationes adversus astrologiam divinatricem di Giovanni Pico della Mirandola // Nello specchio del cielo. P. 143–160.*

логию»⁹⁴. Последний был известен сразу в двух переводах — Германна из Каринтии и Иоанна из Севильи — и стал первым систематическим изложением основ астрологии, доступным на Западе⁹⁵. Не менее влиятельным оказался трактат «Об исторической астрологии», часто фигурировавший в последующей литературе как трактат «О великих конъюнкциях»⁹⁶. Автором перевода, несомненно, был человек из круга Иоанна из Севильи, по всей видимости, принадлежавший к толедской группе переводчиков. Таким образом, уже в XII в. оба трактата Абу Машара стали влиятельными «учебниками» по астрологии, в которых в доступной форме излагались основы нового для средневековых интеллектуалов знания. Кроме того, они приобрели большое философское значение. В своих трудах, в особенности в «Большом введении», Абу Машар сделал попытку соединить базовые астрологические идеи с философией природы Аристотеля. Перспективность подобного решения сначала подметили переводчики Абу Машара на латинский язык, после чего оно нашло поддержку в среде схоластов. Разумеется, исследуемая Абу Машаром связь между Философом и астрологией способствовала легитимности последней в глазах европейских мыслителей.

Мало какая другая астрологическая теория пользовалась такой популярностью, как теория «великих конъюнкций». Ее суть заключалась в следующем: среди всех соединений планет одно — соединение Юпитера и Сатурна — особенно сильно. По подсчетам, подобное соединение планет в знаке Овна может происходить один раз примерно в 20 лет, сочетание всех трех элементов в треугольнике — раз в 240 лет, а в одной точке Зодиака — раз в 960 лет⁹⁷. В последнем случае соединение знаменует собой радикальные и величайшие изменения в истории человечества: возникновение новых царств и религий, рождение проро-

⁹⁴ *Abu Ma'shar. The Abbreviation of the Introduction to Astrology. Together with the Medieval Latin translation of Adelard of Bath / Ed. C. Burnett, M. Yano and K. Yamamoto. Leiden, 1994. Об Аделарде: Burnett C. Adelard of Bath: an English Scientist and Arabist of the Early Twelfth Century. L., 1987. О влиянии Абу Машара на средневековую европейскую мысль: Lemay R. Abu Ma'shar and Latin Aristotelianism in the Twelfth Century: The Recovery of Aristotle's Natural Philosophy through Arabic Astrology. Beirut, 1962.*

⁹⁵ *Abū Ma'shar. Kitāb al-madkhal al kabīr ilā 'ilm aḥkām al nujūm. Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum.* В этой масштабной девятитомной публикации латинские переводы трактата представлены в двух последних томах.

⁹⁶ *Abū Ma'šar. On Historical Astrology. The Book of Religions and Dynasties (On the Great Conjunctions) / Ed. K. Yamamoto and C. Burnett. Leiden; Boston; Köln, 2000.*

⁹⁷ *Bertozzi M. Astri d'Oriente: fato, divina Provvidenza e oroscopo delle religioni nelle Disputationes adversus astrologiam divinatricem di Giovanni Pico della Mirandola. P. 150; "maiores autem cum facta ab una triplicitate in aliam migratione in liminibus novae triplicitatis congregiuntur, atque id evenire fere post annos ducentos et quadraginta <...> Maximam omnium Iovis et Saturni in Ariete, quae post nonentos et sexaginta annos eveniat" // Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. V. 4. P. 542–544.*

ков и тому подобное. Достаточно упомянуть, что ал-Кинди объяснял рождение пророка Мухаммед через соединение всех трех элементов в одной точке Зодиака — а это происходит раз в 960 лет.

Правда, сразу же замечает Пико, Маша'аллах представлял сочетание планет по-другому. По мнению багдадского астролога, самым значительным было соединение Юпитера, Сатурна и Марса, без соотнесения с позицией в знаке Зодиака⁹⁸. Ясно, что Пико постарался на этом примере показать важные расхождения в позициях астрологов, хотя в данном случае это скорее риторический прием: теория Маша'аллаха была позднее немного изменена его последователями. Более того, теория не ограничивается только сочетаниями этих планет в одном конкретном знаке Зодиака. С одной стороны, значение Юпитера и Сатурна в иных знаках огромно; с другой — менее значительные соединения могут происходить заметно чаще (например, каждые тридцать лет в таком соединении оказываются Сатурн и Марс в Раке⁹⁹). Таким образом, признаются контакты между другими планетами в рамках разных зодиаков.

Пико не сомневается, что эта теория ложна и, более того, опасна. Лживы и неточны все исчисления тех, кто хочет доказать жизнеспособность этой идеи и предсказать великие события, в том числе изменение религии. Так, Абу Машар говорил, что история христианства закончится в 1460 г.;¹⁰⁰ в другом же месте он утверждал, что появление Магомета и ислама было определено сочетанием Сатурна и Юпитера, хотя эта «великая конъюнкция» состоялось за пятьдесят лет до возникновения религии¹⁰¹. Согласно вычислениям Авраама ибн Эзры, в 1464 г. от Рождества Христова придет иудейский Мессия¹⁰²; он же полагал, что рождение Моисея было предопределено «великой конъюнкцией», хотя, как говорит Пико, смерть застала Моисея раньше наступ-

⁹⁸ “Messala ab his dissentiens in libro suo *de coniunctionibus* eam maximam ait esse coniunctionem, quae sit trium superiorum, hoc est Saturni, Iovis et Martis, a qua ipse et sectarum mutationem et translationem regnorum et prophetarum adventus expectat, non ab ea quae sit Iovis et Saturni in Ariete, quod astrologorum vulgus opinatur” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. V. 4. P. 544.

⁹⁹ “Mediam inter has coniunctiones esse eam quae trigesimo quoque anno perficiatur Saturni et Martis in Cancro” // *Ibid.*

¹⁰⁰ “Albumasar, vel auctor vel inventor huius erroris, eandem legem, hoc est nostram, permansuram dixit ad annos MCDLX, quia scilicet tot sunt anni quos vocant annos Solis maximos” // *Ibid.* 1. V. 1. P. 522.

¹⁰¹ “Albumasar arabs adventum sui Mahumetis legemque illam Saracenorum refert ad coniunctionem Iovis et Saturni quae fuit in Scorpione per annos duos et quinquaginta ante illius legis editionem, qui non est pluribus confutandus cum quae ex eadem constellatione de ea lege vaticinatus est, ipsa iam experientia confutaverit” // *Ibid.* 1. V. 15. P. 612.

¹⁰² “Abraham Iudaeus anno Christi millesimo quadringentesimo sexagesimo quarto Messiam eorum venturum dixit ex astrologica observatione” // *Ibid.* 1. V. 1. P. 522. Подробнее об этом см.: *Ibid.* 1. V. 12. P. 592–600.

пления времени соединения Юпитера и Сатурна¹⁰³; а Арнольд из Виллановы¹⁰⁴ предсказывал появление Антихриста в 1345 г., основываясь на астрологии¹⁰⁵.

Пико отмечает, что древние астрологи ничего не говорили о теории «великих конъюнкций»¹⁰⁶. В перечне имен, разумеется, нас больше всего привлекает Птолемей, который в «Четверокнижии» отрицал влияние планет на происхождение важных событий на Земле, но относил это лишь к сфере воздействия Луны и Солнца¹⁰⁷. Однако при чтении «Стослова», который, как мы помним, уже не считается текстом Птолемея, Пико оказывается в сложной ситуации, поскольку в нескольких параграфах этого трактата говорится о соединениях планет¹⁰⁸. Но Пико находит способ выйти из неудобного положения, снова сославшись на неправильный перевод¹⁰⁹. Более того, он не согласен, что Птолемей говорил о конъюнкции Сатурна и Юпитера. По его мнению, речь идет исключительно о сочетании Солнца и Луны, которое

¹⁰³ “Exorsus igitur a Mosis nativitate, nescio quam suam de qua dicebamus sibi fingit siderum positionem cum Saturni et Iovis copulatione ad quam et Mosem et regnum Israel et legem refert Iudaeorum populo datam, quamquam, ut solent, verbis religiosissimis, quo suos libros ab igne tueantur, ipse quoque sic semper neget dicere quod dicit” // Ibid. 1. V. 12. P. 592.

¹⁰⁴ Арнольд из Виллановы (ок. 1235/1240–1311) — испанский врач и алхимик.

¹⁰⁵ “Arnaldus Hispanus, nobilis quidem medicus. Sed ad superstitiones paulo nimis propensius ex astrologica vanitate, plerisque aliis adiectis, Antichristum nobis anno gratiae MCCCXLV comminabatur” // Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. V. 1. P. 522.

¹⁰⁶ “Neque enim umquam aliquis veterum per has, quas isti vocant magnas coniunctiones, de universalibus mundi mutationibus iudicaverunt, nihil de his Maternus, quamquam curiosissimus utique astrologiae investigator, nihil Paulus, nihil Ephesius, nihil Theophilus, nihil Astaxarchus, nihil ipse Ptolemaeus, cuius hic nobis testimonium erit satis, ne parum eis notis testibus adversus eos utamur” // Ibid. 1. V. 5. P. 546.

¹⁰⁷ “Is igitur, secundo libro *Apotelesmaton*, docens qua via generales et mundi mutationes praevideantur, eas omnes refert solummodo in Solis Lunaequae defectus” // Ibid. P. 548.

¹⁰⁸ “Sed in *Centiloquio* (sic enim vocant) multa eius rei dedisse documenta, cum verbo quinquagesimo eius libri iubeat ne planetarum coniunctiones obliviscamur in quibus magna sit efficacia; et verbo item tum quinquagesimo octavo, tum quinto et sexagesimo, earundem rerum nos admonet, magna tradens de his praecepta, coniunctionem maximam, mediam minimamque distinguens” // Ibid. P. 548–550. Ср.: “Μὴ παραδράμης τὰς ριθ συνόδους τῶν πλανήτων· ἐν αὐταῖς γὰρ κεῖται ἡ γνῶσις τῶν γινομένων ἐν τῷ κόσμῳ, τῆς γενέσεως καὶ τῆς φθορᾶς” // Ptolemaeus. Καρπός. 50; “Ἰδὲ τὸν τόπον τῆς συνόδου ἐν ποίῳ τόπῳ ἐστὶ τοῦ χρόνου· τὸ γὰρ σύμπτωμα τότε ἔσται, ὅτε καταστήσει ἐκεῖσε ὁ περίπατος” // Ibid. 58; “Ὅτε ἴδῃς ἐν τῇ ἐρωτήσῃ ἐπικρατήτορα, ἰδὲ ποίαν δύναμιν ἔχει οὗτος ἐν τῇ ἐναλλαγῇ τοῦ ἔτους ἢ τοῦ ὥροσκόπου τῆς συνόδου, καὶ πρὸς τὰ τοιαῦτα ἀποφαίνου” // Ibid. 65.

¹⁰⁹ Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. V. 5. P. 550.

Птолемей в «Четверокнижии» признавал как единственно влиятельное¹¹⁰. Мне кажется, что на этот раз он не слишком убедителен. Тем не менее, легко понять, почему данный текст представляет для него такие трудности, ведь по некоторым положениям, в том числе в отношении теории «великих конъюнкций», он противоречит другим текстам Птолемея. Однако Пико выполняет свою основную задачу: он очерчивает момент создания самой теории «великих конъюнкций», называя ее новой¹¹¹, и заявляет, что в данном вопросе Птолемей и его последователи стояли на совершенно различных позициях.

Для Пико особенно важен религиозный аспект теории. Он категорически противостоит мнению восточных авторитетов, будто Великий Потоп или появление на свет библейских героев были предопределены расположением звезд¹¹². Свои выводы он подкрепляет вычислениями прошедших между этими событиями лет, которые не равняются указанным в источниках цифрам. Те же недостатки он находит в интерпретации истории. Согласно астрологической концепции, между двумя событиями — рождением Александра Македонского и Рождеством Христовым, — должно было пройти около 600 лет, но, как уверяет Пико, даже не историк может указать другую цифру — около 400 лет¹¹³. Однако главную опасность этой теории Пико видит даже не в трудах исламских мыслителей, а в сочинениях средневековых религиозных писателей, которые постарались применить столь опасную идею в христианском учении.

После Птолемея вторым астрологом Пико ставит Абу Машара, который, по словам Пико, не был ни философом, ни диалектиком и вообще не очень хорошо разбирался математике, будучи преподавателем грамматики. Затем он сменил занятия историей на астрологические предсказания¹¹⁴. По мнению Пико, знания Абу Машара об астрологии весьма поверхностны, и лишним доказательством «лености и медлительности его ума» может служить тот факт, что он называл астролога Птолемея представителем царского египетского рода, хотя цари Птолемеи процветали за четыреста лет до Рождества Христова, а астроном

¹¹⁰ Ibid. P. 552–556.

¹¹¹ “Magnasque istas coniunctiones novum esse inventum de malo Ptolemaei intellectu natum” // Ibid. 1. V. 4. P. 544.

¹¹² Ibid. 1. V. 2. P. 526–538.

¹¹³ “Hac igitur ratione erunt a Iesu ad Alexandrum anni sexcenti, quod extra omnem controversiam constat esse falsissimum, cum nulla historia quadringentos numeret annos a Christo ad Alexandrum” // Ibid. 1. 1. V. 3. P. 538.

¹¹⁴ “Primus fere a Ptolemaeo habetur Albumasar; is nec philosophus fuit nec dialecticus et in mathematicis imperitus; erat enim grammatices artis professor et a scribendis historiis, ut narrat Avenrodan, ad astrologiam se convertit” // Ibid. 1. I. P. 72. Видимо, тут Пико намекает на то, что в трактате «О великих конъюнкциях» Абу Машар объясняет важные исторические события при помощи астрологических теорий.

писал уже во времена императоров Адриана и Антонина¹¹⁵. Пико хорошо знаком с обоими основными трактатами Абу Машара — «О великих конъюнкциях» и «Большим введением в астрологию». Более того, он сообщает весьма интересный факт об Абу Машаре. По его мнению, существовал один Альбумазар среди философов, другой — среди астрологов. Но в силу неточности перевода в латинском языке эти имена смешались в одно; на самом же деле, пишет Пико, первого звали Абуназаром, а второго — Абоазаром¹¹⁶. Очевидно, под именем Абоазара Пико подразумевает Альбумазара или Абу Машара; а Абуназаром он называет другого крупного арабского мыслителя — Абу Насра Мухаммада ибн Мухаммада ал-Фараби, упомянутого еще в «Речи о достоинстве человека»¹¹⁷. Нечто схожее с этим случаем произошло с другим арабским авторитетом — Абубатером. Один Абубатер написал философский труд, а его омоним — трактат о предсказаниях о рождении. Различить их помогает то, что первый, по данным Пико, был сыном Ал-Касиб, другой же — Тофайла¹¹⁸. Во втором случае ситуация не кажется такой запутанной: сказанное подтверждается фактами. Под именем Абубатера или Альбубатера следует понимать Абу Бахра. Известно, что один Абу Бахр — Абу Бахр ал-Хасан ибн ал-Касиб — написал астрологический трактат о предсказаниях о рождении¹¹⁹. Второй же —

¹¹⁵ “In qua etiam sua professione quam esset verus vel hinc cognoscas, quod Ptolemaeum astrologum ex Aegypti regibus putat fuisse, qui Alexandro successerunt, quasi inter hos et illos non plus quingentis etiam annis intercesserit, cum reges Ptolemaei ante Christum per quadringentos annos floruerint, Ptolemaeus astrologus sub Adriano scripserit et Antonino” // Ibid. P. 72. Ср.: “Post Alexandrum Macedonem Graeciae Reges Egypto cclxxv annis imperasse narrantur, quorum X continuo succedentes omnes uno Ptholomei cognomine vocati sunt. Ex quibus unus ex Philadelphia ortus in Egypto regnans Astronomie *Librum Almagesti* ionica lingua scripsit. Eide, nonnulli et Astrologie *Tractatum Quatuor Partium*, plerique uni cuilibet ex aliis, quod vel ita confirmari vel aliter esse nostra nichil interest excepto quod cum in eo libro stellarum naturas disserat minus accurate rerum causas exsecutus est” // *Abū Ma‘šar al-Balḥī [Albumasar]*. Liber introductorii maioris ad scientiam iudiciorum astrorum. Vol. 7. IV. I. P. 56.

¹¹⁶ “Verum illud forte et aliquem fefellerit, quod, cum sint aliquorum et philosophorum et astrologorum affinia nomina, poterit existimari eosdem fuisse qui et philosophica et astrologica conscripserint. Est enim Albumasar apud philosophos, est item apud astrologos; sed quamquam haec nomina latinus sermo confuderit, apud Arabes tamen diversa dignoscuntur, nam qui philosophus est Abunasar, qui autem astrologus Aboasar appellatur” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 80.

¹¹⁷ *Idem*. De hominis dignitate. P. 146–148.

¹¹⁸ “Scripsit autem Abubater de natalibus praedictionibus et eodem nomine alius philosophica, praecipueque librum *Quo quisque pacto per se philosophus evadat*, quem anno superiore ex hebraeo vertimus in latinum; sed ille Alchasibi, hic vero Tofail filius” // *Idem*. Disputationes. I. I. P. 80.

¹¹⁹ *Alubater magni Alchasili filius*. De nativitatibus. Norimbergae, 1540.

Абу Бакр Мухаммад ибн Туфайл — был философом, чье сочинение «О способе, которым философ достигает совершенства» Пико перевел незадолго до того¹²⁰.

Но Пико хорошо знаком не только с этими авторами. Он называет среди сторонников астрологии ал-Кинди¹²¹, Хали Абенрагеля, Авеназру, Авраама Еврея, которого часто путали с ибн Эзрой, хотя его настоящее имя — Авраам Бар Хийя Ха-Нази¹²², ал-Кабиси¹²³, Омара¹²⁴, Месалу и комментатора Птолемея Авенродана. Как видно из этого перечисления имен, Пико выстраивал свою критику не на пустом месте, в его распоряжении были многие важнейшие источники по астрологии. По тексту «Рассуждений» видно не поверхностное знакомство с указанной традицией. Уже после смерти Пико его оппонент Лучо Белланти скажет, что «Рассуждения против прорицательной астрологии» мог написать лишь тот, кто ничего не смыслит в астрологии. Вероятно, сиенский медик ошибался. Несмотря на некоторые очевидные противоречия в его аргументации, через весь анализ огромного массива астрологических практик Пико смог донести свою главную мысль: основы астрологии ложны, а сама она опасна.

§4. Астрология на службе религии?

Главная угроза, которую несет астрология, связана с тем, что она размывает и искажает суть христианского вероучения. Неудивительно, что этому вопросу, который, очевидно, занимал его, Пико посвятил отдельные главы «Рассуждений». Правда, необходимо сразу оговориться, что было бы неверно утверждать, будто именно антирелигиозная составляющая астрологии побудила графа Мирандолы написать его внушительный трактат. Его задачей была всесторонняя критика астрологии: поэтому в «Рассуждениях» философия соседствует с теологией и критикой источников и практической стороны астрологии. Более того, если теологические доводы уместились всего в несколько глав, то философии была отведена самая обширная, третья, книга трактата, а две трети «Рассуждений» составляет анализ астрологических практик. Тем не менее, для самого Пико проблема несовместимости христианства с астрологическими предсказаниями имеет важное значение.

¹²⁰ Об этом интересном казусе см.: *Bacchelli F. Pico della Mirandola traduttore di Ibn Tufayl // Giornale critico della filosofia italiana. 1993. Vol. 13. № 1. P. 1–25.*

¹²¹ “Praetereo quae, super pluviis, super quaestionibus, Alchindus et alii pythagorea et aristotelea commemorant” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 68.*

¹²² “Abraham Iudaeus, non qui dicitur Avenazra, ut falso credidit Alliacensis, sed quem vocant Nasi” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 5. P. 130.*

¹²³ Абу ал-Сакр ал-Кабиси Абд ал-Азиз ибн Усман (?–967) — арабский астролог.

¹²⁴ Абу Хафс Умар ибн ал-Фаррухан ат-Табари (?–ок. 815) — арабский астроном и астролог.

Непосредственно переходя к вопросу о западноевропейских средневековых источниках¹²⁵, которыми пользовался Пико, нам необходимо, вслед за Пико, дифференцировать их авторов. Сам автор «Рассуждений» разделяет их на два лагеря. С одной стороны, это Фома Аквинский и Альберт Великий, которые, по утверждению Пико, были противниками астрологии и не имели с этим суеверием ничего общего. Это высказывание интересно тем, что Альберт, несомненно, имел репутацию мыслителя, увлеченного магией, в частности, алхимией. Возможно, решение Пико приписать обоим великим доминиканских богословов к лагерю противников астрологии связано с его собственными религиозными убеждениями: хорошо известно, что в конце жизни Джованни Пико был дружен с Джироламо Савонаролой, который принадлежал к доминиканскому ордену. Не это ли стало причиной, почему Альберту удостоился места среди «достойных», тех, кто критикует астрологию, а францисканец Роджер Бэкон оказался по другую сторону баррикады? Так, к сторонникам астрологии и последователям теории «великих конъюнкций» Пико отнес, прежде всего, кардинала Петра из Айи, астролога Гвидо Бонатти, Роджера Бэкона и ряд других мыслителей¹²⁶. Пока обратим внимание на эту вторую группу.

Упомянутые строчкой выше средневековые астрологи стали объектом яростной критики Джованни Пико. Легче всего начать с последнего из этого списка — Гвидо Бонатти: он не имеет ничего общего с высокими философскими материями, и Пико «расправляется» с ним быстро, утверждая, что Бонатти не только совершенно несведущ в философии, но более того — безумен и бредит¹²⁷. Пико предлагает прочесть сочинения Бонатти, где говорится столько вздора, что Пико отказывается верить во вменяемость их автора. Особенно Пико возмущает фраза Бонатти о том, что если астрология будет упразднена, то исчезнет квадригий, поскольку астрология — одно из четырех математических искусств¹²⁸. С точки зрения нашего ав-

¹²⁵ Отдельные аспекты проблемы средневековых источников в «Рассуждениях» рассмотрены в: *Caroti S. Note sulle fonti medievali di Pico della Mirandola // Giornale critico della filosofia italiana. 2005. Vol. 84. P. 60–92; Idem. Le fonti medievali delle Disputationes adversus astrologiam divinatricem // Nello specchio del cielo. P. 67–93.*

¹²⁶ Среди других средневековых сторонников астрологии Пико называет Пьетро д'Абано, Арнольда из Виллановы, короля Альфонса Кастильского и некоторых других авторов. Однако упоминание их имен не носит систематического характера. Пико использует их в определенных случаях, когда стремится опровергнуть очередную астрологическую ошибку.

¹²⁷ “Est Bonatus inter eos primae auctoritatis; is non ignarus modo est philosophiae, sed furit plane atque delirat” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 74.*

¹²⁸ В XIV в. астрология действительно была элементом университетской культуры: ее преподавали в рамках квадривия: *Federici Vescovini G. I programmi degli insegnamenti del Collegio di medicina, filosofia e astrologia, dello statuto dell'Università di Bologna // Roma, magistra mundi: itineraria culturae medievalis.*

тора Бонатти — слишком простой объект для нападок: ведь он лишен каких-либо философских и богословских претензий, он — всего лишь астролог. И Пико, точно передавая содержание используемого им источника, с самого начала «Рассуждений» выставляет Бонатти в неприглядном свете. С другими противниками ситуация сложнее.

Роджер Бэкон и Петр из Айки были богословами, обладавшими значительным авторитетом. Но Пико, признавая, например, за Петром из Айки широту знаний, большой опыт и богословские таланты¹²⁹, видит в их писаниях опасность для религии и простых людей. Роджер Бэкон — «великий сторонник астрологии» — часто поддавался влиянию ложных авторитетов¹³⁰ и не всегда верно атрибутировал сочинения некоторых авторов. Но как раз в последнем случае Пико совершил ошибку, поскольку трактат «О семи искусствах», который Пико приписал Севериану, сейчас действительно относится к творениям Кассиодора,

Mélanges offerts au Père L. E. Boyle à l'occasion de son anniversaire / Éd. J. Hamesse. Louvain, 1998. P. 193–223. Так что несколько демагогическое заявление Пико о том, что астрология никак не связана с преподаванием, не совсем верно. “Lege eius primum librum *de iudiciis* in quo super opere ipse prooemiat; mentior nisi helleboro dignum hominem iudicaveris. Struit, ubi desipit minus, rationes quasdam quibus astrologiam probet esse veram; illas quid dicam falsas? Immo supra quam dici possit pueriles atque ridiculas. Quam vero putat efficacissimam illa est; quadrivium destrui si astrologia tollatur; esse enim unam ex quattuor artibus mathematicis” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 74–76. Ср.: “Praeterea, si Astrologia, sive Astronomia, non esset ars, sive scientia, destrueretur iam illud famosum quod ab omnibus universaliter praedicatur, scilicet quod artes liberales sunt septem. Non essent igitur nisi sex, vel nulla: quoniam qua ratione Astronomia non esset, eadem ratione sex non esseat, quod esset inconveniens et valde horrendum. Item cum Astronomia, sive Astrologia dicatur, quarta pars scientiae quadrivialis, si ipsa non est, et quadrivium totum non est” // *Guidonis Bonatii Foroliviensis. De astronomia tractatus*. I. 14. C. 19.

¹²⁹ “Laudabo ego in Petro Alliacensi studium litterarum, experientiam rerum, multiplicem lectionem, et quod scite atque subtiliter theologica quaedam scripserit et tractaverit” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 96.

¹³⁰ “Rogerius Bacon, magnus astrologiae patronus, nullius libentius scriptoris testimoniis utatur, nisi forte praeferat Artepium, qui omnino secreta alia prodit innumera, quale illud: inspecto non astro, sed lotio, posse hominis et vitam et ingenium et conditiones denique omnes ad unam praecognosci. Sic magnam quoque ille fidem Ethico philosopho cuius liber *de cosmographia* translatus dicitur ab Hieronymo” // *Ibid.* P. 64–66. Ср.: “Ab auctoritatibus quidem philosophorum quos sancti recitant abstineo, nisi quod dicta Ethici astronomi et Alchimi philosophi auctoritate beati Hieronimi roborabo, quoniam nullus credere posset illos tot mira de Christo et angelis et demonibus et glorificandis et dampnandis dixisse, nisi Hieronimus vel alius sanctus eos hec dixisse firmaret” // *Bacones R. Metaphysica fratris Rogeri ordinis fratrum minorum de viciis contractis in studio theologie* // *Opera hactenus inedita Rogeri Baconi* / Nunc primum ed. R. Steele. L., 1905. Vol. 1. P. 1–2.

как полагал Бэкон¹³¹. Пико был хорошо знаком с центральной работой францисканского монаха — «Большим сочинением» — и весьма часто цитирует положения раздела этого трактата, где говорится о высокой роли астрологии как помощницы в вопросах богословия¹³².

Основным недостатком этих авторов видится их приверженность теории «великих конъюнкций». По Пико, Петр из Аيي полагал, что астрология может вредить росткам веры, и поэтому первые Отцы Церкви боролись против нее. Но сейчас, когда вера уже окрепла, астрология может принести религии значительную пользу¹³³. За эти слова и за попытку примирить астрологию с теологией и историей Пико гневно осуждает, «проклинает и ненавидит» Петра из Аيي, поскольку нельзя принять точку зрения настолько лживую и противную религии¹³⁴. Пико усматривает две причины, по которым Петр из Аيي и Роджер Бэкон поддерживали астрологию и признавали ценность теории «великих конъюнкций». Согласно первой из них, можно с помощью практики вычисления «великих конъюнкций» определить количество лет, прошедших от Адама до Христа¹³⁵, и, таким образом, помочь в решении некоторых важных вопросов богословия. Согласно другой, астрологи стремятся подтвердить и соотнести предсказания пророков с расположением звезд, что вызывает отторжение Пико¹³⁶.

Оба довода тесно связаны с общим представлением Петра из Аيي и Роджера Бэкона, что при верном использовании знаний астроло-

¹³¹ “Severianus in libro de septem artibus, quem falso quasi Cassiodori citat Rogerius, postquam de vera dixit astronomia: «Tum ea, inquit, quae attinent ad praevidenda futura, ita debere nesciri, ut nec scripta esse videantur; sunt enim fidei nostra sine dubitatione contraria” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 92*. Ср.: “Caetera vero, quae se ad cognitionem siderum conjungunt, id est ad notitiam fatorum, fidei nostrae sine dubitatione contraria sunt, et sic ignorari debent, ut nec scripta esse videantur” // *Cassiodorus Vivariensis. De artibus ac disciplinis liberalium litterarum. VII // PL. T. 70. Col. 1218c*.

¹³² Этот важнейший текст доступен в русском переводе: *Бэкон Р. Большое сочинение // Он же. Избранное / Под ред. И.В. Лупандина. М., 2005*.

¹³³ “An, quod inquit Alliacensis, crescenti fidei potuit obesse, ideoque primi eam doctores nascentis Ecclesiae sunt prosecuti; nunc adultae non nocet, immo prodest etiam, et vehementer?” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 84–86*.

¹³⁴ “Quod vero altero opusculo astrologiam historiae, altero theologiae conciliare voverit, ut ibi veram, hic piam ratione probaret, plane non laudo, sed damno, execror atque detestor, cum tueri positionem nullam possimus, aut magis falsam, aut religioni magis adversam” // *Ibid. P. 96*.

¹³⁵ “Quod putasse videtur et Rogerius Bacon et Petrus Alliacensis, atque hic quidem duplici maxime ratione: altera, quod ex magnarum quas vocant coniunctionum astrologica supputatione haberi veritas possit de numero annorum ab Adam ad Christum” // *Ibid. 1. II. 4. P. 116*.

¹³⁶ “Altera, quod confirmari prophetarum possint oracula, si illorum praedictionibus astrologicae quoque praedictionis testimonium adiciatur” // *Ibid.*

гии это учение становится бесценным в теологических изысканиях. Подобная точка зрения была чрезвычайно популярной в Средние века, а затем и в эпоху Возрождения. Ее наиболее ярким проявлением можно считать представление о т.н. «гороскопе Христа»¹³⁷. Согласно этому предположению, увидев звезду, волхвы, которые были мудрецами с Востока, т.е. астрологами, распознали, что в этот день, согласно уже известной нам теории «великих конъюнкций», произошло некое великое историческое событие. Адептами идеи о «гороскопе Христа» был не только сожженный еретик Чекко д'Асколи, но и тот же Петр из Айи, а уже в XVI в. — Джироламо Кардано. Более того, Марсилио Фичино, который был рукоположен в священники в 1473 г., посвятил этому вопросу проповедь «О звезде волхвов», где высказывался об астрологическом предзнаменовании Рождества Спасителя¹³⁸. Таким образом, стремление связать астрологию с религией было присуще многим выдающимся средневековым и ренессансным мыслителям. Однако на их фоне Петр из Айи выделяется — не только своим саном, но и настойчивостью, с которой он пытался найти точки соприкосновения между астрологией и христианской догматикой.

Петр из Айи как крупный теолог постарался связать астрологию и теологию, опираясь на текст столь важного для самого Пико Псалма *Caeli enarrant gloriam Dei* («Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь»)¹³⁹. Результатом работы Петра из Айи стал трактат «О согласии астрологии и теологии»¹⁴⁰, в котором, по словам Пико, сколько слов, столько и ошибок; и это заставляет его вспомнить о словах апостола Павла: «Что общего у света с тьмою?

¹³⁷ Главное исследование по этой крайне интересной теме: *Pompeo Faracovi O. Gli oroscopi di Cristo. Venezia, 1999.*

¹³⁸ Об этом см.: *Акопян О.Л. Астрология Марсилио Фичино и средневековая традиция // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. № 49. С. 82–85. Текст сочинения «О звезде волхвов» опубликован в: Фичино М. О звезде волхвов / Пер. О.Л. Акопяна // Платоновские исследования. 2014. № 1. С. 448–453.*

¹³⁹ “*Nam cum omne verum omni vero sit consonum, necessario verum astronomicae scientiae theologicae veritati esse concordem; quinimmo prae omnibus aliis scientiis illa veluti ancillam dominae subservire, cum invisibilia Dei per ea quae facta sunt visibilia conspiciantur. Nihil sit autem inter illa caelo nobilius, unde illud davidicum: «caeli enarrant gloriam Dei et opera manuum eius nunciat firmamentum» // Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 4. P. 116–118.*

¹⁴⁰ *Petrus de Alliaco. Vigintiloquium de concordia astronomice veritatis cum theologia. Venetiae, 1490.* Обращу внимание, что Пико называет не астрономию, как указано в оригинальном названии трактата, а астрологию. Единственным исследованием об астрологии у Петра из Айи является: *Ackermann Smoller L. History, Prophecy, and the Stars: the Christian Astrology of Pierre d'Ailly (1350–1420). Princeton, 1994.* К сожалению, до сих пор не существует ни одного критического издания астрологических трудов Петра из Айи.

Какое согласие между Христом и Велиаром»¹⁴¹? В этом сочинении Петр из Аيي попытался подтвердить две идеи, о которых говорилось чуть выше. В другом крупном сочинении «О согласии астрономии и истории»¹⁴² он пытается доказать тесную связь астрологии и истории, поскольку наиболее важные события, в том числе смены царств и законов, могут быть заранее предсказаны на основе той же самой астрологической практики¹⁴³. Позднее Петр из Аيي усовершенствовал свою концепцию в небольшом сочинении «Разъяснение согласия астрономии с теологической и исторической истиной»¹⁴⁴. В этом трактате, более выверенном, чем его ранние труды, Петр из Аيي говорит, что следующая «великая конъюнкция» произойдет в 1465 г., через 61 год¹⁴⁵. Однако, по словам Пико, он ничего не знает о том, что это сочтание уже имело место за сорок лет до написания трактата, в 1365 г.¹⁴⁶

¹⁴¹ 2 Кор. 6:14–15; “Quam ipse opinionem quasi opere comprobaturus, opusculum scribit per viginti theoremata, quae vocat verba, distinctum, in quo plane tot errata quot verba; titulus est *de concordia astrologiae et theologiae*, quasi non legerit Paulum exclamantem: «quae societas luci cum tenebris? aut quae participatio Christi cum Belial?» // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 4. P. 118.*

¹⁴² *Petrus de Alliaco. De concordantia astronomie veritatis et narrationis historice. Venetiae, 1490.*

¹⁴³ “Adicit alterum huic opusculum *de concordia astronomiae et historiae*, in quo septem a mundi exordio coniunctiones maximas notans, ad illas nititur referre quae mediis temporibus magna et mirabilia ex historiis colliguntur, astrologorum hinc dogma confirmaturus, qui ex magnis illis coniunctionibus magnas semper in rebus humanis et legem et regnorum fieri volunt mutations” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 4. P. 118–120.*

¹⁴⁴ “Duxit autem hominem alioquin doctum in hunc errorem ignorantia potissimum astronomiae, quam cum post studia theologiae, in quibus in celeberrima parisiensi academia se exercuerat, coepisset iam senex paululum degustare, allectus est magnifica illa specie istius artis de maximis dissonantibus, et quae in primis humana curiositas scire desiderat, et, priusquam eo pervenisset ut infirmitatem dogmatis profunda examinatione deprehenderet, scripsit properanter nimis suo illa opuscula, de quibus factus paulo peritior retractavit deinde multa in eo libello quem vocat *Elucidarium*, cum tamen in eo multae sint tenebrae” // *Ibid. P. 120.* См. также: *Petrus de Alliaco. Elucidarium astronomice concordie cum theologica et historica veritate. Venetiae, 1490.*

¹⁴⁵ Трактат Петра из Аيي датируется 1404 г.

¹⁴⁶ “Quod ipse autem esset auditor tantum et parum peritus rerum astronomicarum, vel hinc potest cognosci, quod in ipso *Elucidario*, quod est eius opus emendatissimum, cap. XI, ait fuisse nos, cum illa scribebat, anno scilicet Christi quarto supra millesimum et quadringentesimum in aerea triplicitate, futurosque per annum adhuc unum et sexaginta, donec scilicet super mille et quadringentos quintus et sexagesimus annus ageretur. Tunc igitur futuram magnam Saturni et Iovis coniunctionem cum ab aerea ad aqueam triplicitatem mutatione. Ea vero mutatio per annos fere quadraginta praecesserat, anno scilicet Christi quinto et sexagesimo supra mille atque trecentos, quo tempore, die nona atque vigesima mensis octobris, in septima parte Scorpionis Saturnus et Iuppiter simul fuerunt, et deinceps in aqueis semper signis ad haec usque tempora se coniunxerunt. Noster vero Alliacensis, quod per centum fere annos ante contigerat, futurum adhuc praestolabatur” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 4. P. 122.* Ср.: “Et fuit ibi mutatio triplicitatis terre in aeream, in qua triplicitate adhuc ad praesens sumus et erimus in eius participatione et significatione usque ad annos 1465 vel circa” // *Petrus de Alliaco. Elucidarium. XI.*

По мнению Пико, это доказывает неосведомленность Петра из Айи в вопросах астрологии, а сами порывы католического кардинала связать астрологию с теологией и историей рассматриваются им как опасность, способная нанести большой вред религии¹⁴⁷.

По словам Пико, подобное заблуждение было распространено и у других авторов. Он вновь упоминает Гвидо Бонатти, который считал, что Христос специально выбирал подходящее астрологическое время, когда советовал Апостолам не возвращаться в Иудею¹⁴⁸. Роджер Бэкон поражался, почему христиане не отмечают субботу, как принято в еврейской традиции, поскольку этот день проходит под знаком Сатурна — светила неблагоприятного и не способствующего делу¹⁴⁹. Подобных примеров Пико приводит немало¹⁵⁰, и в конце концов удивляется, как христианин вообще может спокойно относиться к таким высказываниям¹⁵¹. Ведь астрологи даже заявляют, что христианство прекрасно благодаря учению Христа и Меркурия и от Девы (как астрологического знака) получило чистоту¹⁵².

Хуже того, замечает Пико, астрологи часто допускают математические ошибки при вычислении событий, происходящих под знаком «великих конъюнкций». Так, Петр из Айи насчитал от Адама до Рождества Христова 5344 г., которые можно разбить на два периода — 2242 г. от Адама до Потопа и 3102 г. от Потопа до Христа¹⁵³. Сначала мы рассмотрим первый период. Пико, цитируя Абу Машара, говорит, что, по

¹⁴⁷ “Nihil fieri possit ad infirmandam religionem potentius et efficacius” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. II. 4. P. 124.*

¹⁴⁸ “Insanus ille Bonatus usum ait dominum Iesum horarum electione cum, apostolis consulentibus ne in Iudaeam rediret, respondit XII esse horas diei” // *Ibid. 1. II. 5. P. 132.*

¹⁴⁹ Как мы помним, в свое время, ссылаясь на астрологические данные, Пико предлагал отмечать шабат в воскресенье. Теперь же он критикует своего оппонента примерно за то, чем сам некогда увлекался. “Rogerius Bacon eo usque est evectus, ut scribere non dubitaverit errare Christianos, qui die sabbati non ferientur et operibus vacent ritu Iudaeorum, cum sit ea dies Saturni, quae stella rebus agendis parum commoda et felix existimatur” // *Ibid.*

¹⁵⁰ Некоторые из них напрямую не относятся к нашим авторам: *Ibid. P. 128–130.*

¹⁵¹ “Quod nescio qui possit homo christianus aequis auribus audire” // *Ibid. P. 132.*

¹⁵² “In his quae quotidie de annorum eventibus publico vaticinio foras invulgantur, nonne et legem christianam Christi Mercuriique doctrina esse perfectam, et Iovis religionem et a Virgine suscipere puritatem” // *Ibid.*

¹⁵³ “Postquam haec de vera temporum supputatione breviter iecimus fundamenta, veniamus ad istas maximas astrologorum coniunctiones, hoc est ad maximas eorum insanias, ab his exordientes quas in tractatu *de concordia historiae et astrologiae* colligit Alliacensis. Is in eo opere hoc ordine usus est. Principia duo supponit: alterum de annorum numero ab Adam ad Christum; alterum de themate geniturae ipsius mundi. Fluxere igitur, inquit, ab Adam ad Iesum anni quinquies mille trecenti quadraginta quattuor, ab Adam scilicet ad diluvium MMCCXLII; a diluvio ad Iesum tria milia centum et duo” // *Ibid. 1. V. 9. P. 574.*

мнению астрологов, от Адама до Потопа прошло 2228 лет¹⁵⁴. Однако еще Евсевий указывал иную цифру — 2244 г.,¹⁵⁵ но и она Пико не совсем устраивает. Обращу внимание, что те цифры, которыми оперирует Пико, не совсем верны. Приводя ссылку на трактат Абу Машара «О великих конъюнкциях», он допускает ошибку¹⁵⁶. Взяв за исходное число не 2226, как в тексте персидского астролога, а 2228 лет, он прибавляет к ним необходимые, по мнению Евсевия, 16 лет. Отсюда у него получается 2244 г. Для этого периода Священной Истории Петр из Айи приводит цифры, точнее соотносящиеся с используемыми ими источниками, и получает 2242 г. Однако даже ссылка на Евсевия не удовлетворяет Пико. Он утверждает, что события между Сотворением Мира и Потопом укладываются в 1556 г. Пико основывает свои выводы на ошибке астрологов, которые неправильно высчитывали время «великих конъюнкций», и на неверном определении лет жизни Авраама¹⁵⁷.

Другой важный отрезок священной истории — от Потопа до Рождества Христова. Согласно таблицам короля Альфонса, между этими двумя событиями прошло более трех тысячелетий, а именно 3102 г. Те же цифры указывает Абу Машар¹⁵⁸. И хотя история полностью опровергает такое ошибочное мнение, Петр из Айи, опиравшийся в своих расчетах на Абу Машара, готов скорее верить астрологам, чем историкам¹⁵⁹. Пико сожалеет, что латинские астрономы не пользуются

¹⁵⁴ “Albumasar enim, quo praecipue auctore nituntur, a mundi initio ad diluuium numerat annos integros duo milia ducentos viginti octo” // Ibid. 1. V. 2. P. 530.

¹⁵⁵ “Licet Eusebii supputatio hunc numerum annis sexdecim excedat” // Ibid.

¹⁵⁶ “Cuius rei exemplar est quod coniunctio que significavit diluuium fuit ante coniunctionem significantem sectam Arabum per 3958 annos et prefuit, scilicet illi orbi, Saturnus cum signo Cancri et fuit diluuium postea per 287 annos. Eruntque inter primum diem anni diluuii et primum diem anni in quo fuit coniunctio significans sectam Arabum 3671 anni. Narravit quoque Bentemiz et ceteri quod inter creationem Ade et noctem diei Veneris in qua fuit diluuium fuerunt anni 2226 et mensis unus et 23 dies et 4 hore” // *Abū Ma'šar. On Historical Astrology. The Book of Religions and Dynasties (On the Great Conjunctions)*. 2. I. 1. 26. P. 15.

¹⁵⁷ “Quare tertia illa maxima coniunctio, quam praecessisse ait diluuium annis duobus, ut quae a mundi constitutione per annos evenerit duo milia ducentos quadraginta, post diluuium ipsum fuit annis sexcentis octuaginta quattuor. Itidem anno a diluuiio nongentesimo quadregesimo secundo quartam notat maximam coniunctionem, et ante eam per annos sexdecim natum ait Abraam patriarcham, qui tamen ante huius temporis coniunctionem per annos sexcentos et triginta diem Domini videns exultaverit” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. V. 10. P. 582.

¹⁵⁸ “Sed nec a diluuiio ad Iesum tot ulla historia annos computat quot Alliacensis, secutus Albumasarem et Alphonsum; hi enim annos numerant tria milia centum et duo” // Ibid.; “Alphonsus numerat a diluuiio ad Christum annos tria milia centum et duos. Idem sentit Albumasar, quem ille scilicet est secutus” // Ibid. 1. V. 8. P. 570.

¹⁵⁹ “Putat Alliacensis errare omnes historias potius quam astrologos” // Ibid. 1. V. 8. P. 572.

верными источниками «наставницы дел»¹⁶⁰, а следуют за суждениями арабов, которые, используя труды латинских и греческих историков, обращаются к совершенно неверным переводам, полным разных исторических ошибок¹⁶¹. В действительности, по словам Пико, согласно с данными Священного Писания и расчетами Рабана Мавра, Беды Достопочтенного и еврейских ученых, между Потопом и Авраамом прошло 292 года, между Авраамом и царствованием Давида — 940 лет; около 480 лет — от царствования Давида до вавилонского пленения, которое, согласно предсказанию Иеремии, длилось пятьдесят лет; и от вавилонского пленения до Рождества Христова — 590 лет¹⁶². Таким образом, Пико получает совершенно иную, чем другие толкователи, цифру в 2300 лет от времени Потопа до Рождества¹⁶³. При этом Пико упоминает свой трактат «О верном исчислении времен», в котором, по его словам, он уже занимался такого рода подсчетами¹⁶⁴. Однако никаких сведений о таком трактате и его судьбе мне встречать не доводилось.

Отдельно Пико касается вопроса о возникновении христианства и ислама. В двух главах, посвященных рождению Христа и Магомета, он полностью отрицает астрологический детерминизм в этих событиях¹⁶⁵. То же касается предсказаний астрологов о пришествии Антихриста¹⁶⁶. Пико также вспоминает о «гороскопе религий», согласно которому ре-

¹⁶⁰ “Petendum igitur tempus rerum a magistra rerum historia nemo ambigat...” // Ibid.

¹⁶¹ “Latini enim astronomi Arabes sunt secuti; illi vero fabulosissimi sunt, et si quas a graecis latinisve scriptoribus historias acceperunt, peregrina translatio pleraque violavit” // Ibid.

¹⁶² “Nam a diluvio ad Abraam anni ducenti nonaginta duo, ab Abraam ad Davidis regnum nongenti fere et quadragintam testimonio utriusque editionis et Rhabani, a Davidis regno ad initium eius captivitatis, quae ex vaticinio Hieremiae duravit annis L, quadringenti ferme et octuaginta, idem Beda, Rhabano Hebraeisque sentientibus. Ab ea vero captivitate, id est ab eo quo coepit tempore ad Iesum anni quingenti et nonaginta” // Ibid. 1. V. 10. P. 582.

¹⁶³ “Quos omnes simul si colligas, invenies a diluvio ad Christum annos paulo plus duobus milibus et trecentis” // Ibid.

¹⁶⁴ “A quo numero latini historici, qui plus annorum computaverunt, plus tamen centum et quadraginta annis a numero minore defecerunt, quamquam nos etiam pauciores qua supra colligimus exactissima notatione computandos in tractatu nostro *de vera temporum supputatione* probavimus” // Ibid. P. 582–584.

¹⁶⁵ Ibid. 1. V. 14–15. P. 604–614.

¹⁶⁶ “In Antichristi vaticinio alios iam mendaces apparuisse alios mendaces futuros. Si falsos, vanos, ridiculos ps in his deprehendimus quae de praeteritis religionibus sunt locuti, non plus debemus putare fidei adhibendum illorum nugamentis cum de Antichristo, de saeculi consummatione, deque hoc genus aliis futuris rebus. Nebulones isti prophetica quadam auctoritate sermocinantur. Nam et quosdam iam eventus reprobat, ut Arnaldum aliosqey nonnullos, qui aiunt anno Domini MCCCXLV, ob illam trium siderum in Aquario coniunctionem; aut anno MCDLIV, ob Iovem et Saturnum in Piscibus iunctos, Messiam Abraam, alii Antichristum nobis minitabantur” // Ibid. 1. V. 16. P. 614.

лигии соотносятся с планетами: Юпитер и Сатурн — иудеи; Марс — халдеи, поскольку они поклоняются огню; Солнце — египтяне; Венера — сарацины; Меркурий — христиане; под Луной понимается та религия, которая возникнет по пришествии Антихриста¹⁶⁷. Пико замечает, что этому заблуждению следовали Роджер Бэкон и Петр из Айки, которые использовали теорию гороскопа религий в своих сочинениях¹⁶⁸. Тем не менее, в среде астрологов никогда не было единого мнения о том, какая именно планета соотносится с той или иной религией¹⁶⁹. Пико использует это расхождение как один из ключевых доводов для отрицания ценности теории. Для него она — суеверие, опасное для религии, очередной плод «блестящей науки астрологов»¹⁷⁰, не подкрепленный никакими более или менее объективными и практическими данными.

Этой группе погрязших в суевериях средневековых христианских астрологов Пико противопоставляет Фома Аквинского и Альберта Великого. Наряду с Аристотелем и Августином, в «Рассуждениях» Фома предстает как один из главных источников антиастрологической полемики Пико. Так, граф Мирандолы использует два важнейших сочинения Фомы — «Сумму теологии» и «Сумму против язычников», особенно в третьей книге «Рассуждений», где речь идет о философских доводах против астрологии. Кроме того, Пико выступает против попыток астрологов приписать Фоме ряд магических текстов: например, он упоминает некий трактат «О некромантических образах»¹⁷¹. По его словам, астрологи нередко придумывают, будто некоторые астрологические и магические сочинения составлены известными философами или теологами: от их козней так пострадали Платон¹⁷², Аристотель¹⁷³, Иероним¹⁷⁴ и даже Птолемей¹⁷⁵.

¹⁶⁷ “Iuppiter enim cum Saturno Iudaeorum facit religionem, cum Marte Chaldaeorum ignem adorantium, cum Sole Aegyptiorum, qui caeli militiam hoc est sidera colunt, cum Venere Saracenam, cum Mercurio Christianam, cum Luna eam quae sub Antichristi postrema omnium est futura” // Ibid. 1. V. 17. P. 616.

¹⁶⁸ “Hoc est illud subtile et profundum inventum quo. Cum alii plerique, tamen Roge-rius Bacon in epistola maxime titulus ad Clementem, quo usus etiam Alliacensis in tractatu *de concordia astrologiae et theologiae*” // Ibid.

¹⁶⁹ Ibid. P. 618.

¹⁷⁰ “Haec est admirabilis sapientia astrologorum; obliti scilicet sunt gentium bibliothecas, Arabum et Hebraeorum libros fere nullos adhuc viderunt” // Ibid. P. 622.

¹⁷¹ “Ita vero superstitiosum hoc genus hominum frontem perfricuerunt ut etiam sub Aquinatis Thomae titulo libros circumferant *de necromanticis imaginibus*” // Ibid. 1. I. P. 66.

¹⁷² “Sicut libros Platonis *de vacca magi* circumferunt, et quos vocant *institutionum*, execrabilibus somniis figmentisque refertos, et a Platone non minus alienos quam ista sint mendicabula a Platonis procul et probitate et sapientia” // Ibid. P. 64.

¹⁷³ “Liber inscribitur Aristotelis *de regiminibus*, ita loquuntur ipsi, *caelestibus*” // Ibid. P. 68.

¹⁷⁴ “Sic magnam quoque ille fidem Ethico philosopho cuius liber *de cosmographia* translatus dicitur ab Hieronymo <...> Qui utinam ad sanctos etiam viros profana non rettulissent, et libri cuiusdam *de excantationibus* interpretem divum Hieronymum non fecissent” // Ibid. P. 66, 68.

¹⁷⁵ “Ut iam minus mirandum quod nescio quos Ptolemaei *de anulis* sed et ad Aristonem astrologicos fingant libros, quos Ptolemaeus numquam scripsit” // Ibid. P. 66.

Не стоит также забывать, что Фома постоянно был в центре внимания Пико: на раннем этапе своего творчества Пико пытался осуществить на практике одну из своих основных философских концепций — примирение разных философов и богословов друг с другом. Одними из «примиряемых» авторов были Фома Аквинский и Иоанн Дунс Скот. Позднее обращение к трудам Фомы, как и к работам других «классических» авторитетов — Августина, Аристотеля — отразило особый интерес Пико к более традиционным (не столь специфическим, как прежде) источникам.

Фигура Альберта представляется более интересной в связи с определенными историографическими спорами, возникшими вокруг приписываемого ему знаменитого трактата «Зерцало астрономии». Суть спора достаточно проста: определить автора трактата до сих пор не представляется возможным. Составленное около 1260 г., «Зерцало» по праву можно считать одним из наиболее влиятельных астрологических текстов западного Средневековья. На протяжении долгого времени его автором считался Альберт Великий, хотя далеко не все исследователи были с этим согласны¹⁷⁶.

В 1992 г. вышло критическое издание «Зерцала астрономии», которое подготовила итальянская исследовательница П. Дзамбелли¹⁷⁷. Публикацию текста она предварила внушительной статьей. В ней Дзамбелли, признавая трудности атрибуции трактата, все же склоняется к авторству Альберта Великого. Девять лет спустя другой итальянский ученый, А. Паравичини Бальяни, издал книгу о рукописной традиции «Зерцала», где попытался опровергнуть ее тезис¹⁷⁸. В частности, Паравичини Бальяни убедительно показал, что трактат стал приписываться Альберту только начиная с XIV в.; в более ранних версиях автор остается анонимным. Паравичини Бальяни предположил, что действительным автором «Зерцала» мог быть итальянский астролог Джованни Кампано, однако достаточных и убедительных аргументов в пользу своего мнения Паравичини Бальяни не привел.

Чуть позже Н. Вейль-Паро опубликовал свою фундаментальную книгу о талисманной магии в Средние века¹⁷⁹. Не вникая в споры между Дзамбелли и Паравичини Бальяни о рукописной традиции «Зерцала», он, тем не менее, на основе косвенных данных высказал осторожное предположение, что автором трактата мог действительно быть Альберт. Его анализ построен на сходстве в использовании и описа-

¹⁷⁶ Mandonnet P. Roger Bacon et le *Speculum Astronomiae* (1277) // *Revue néoscholastique de philosophie*. 1910. Vol. 17. P 313–335.

¹⁷⁷ Zambelli P. *The Speculum astronomiae and its Enigma: Astrology, Theology and Science in Albertus Magnus and His Contemporaries*. Dordrecht; Boston; L., 1992.

¹⁷⁸ Paravicini Bagliani A. *Le Speculum Astronomiae, une énigme? Enquête sur les manuscrits*. Firenze, 2001.

¹⁷⁹ Weill-Parot N. *Les "images astrologiques" au Moyen Âge et à la Renaissance. Spéculations intellectuelles et pratiques magiques (XII–XV siècles)*. P., 2002.

нии талисманов в оригинальных текстах Альберта и в «Зерцале». В последней, на данный момент обобщающей, книге о «Зерцале» вопрос об авторстве не вызывает никаких сомнений: С. Хендрикс безоговорочно приписывает его Альберту¹⁸⁰.

Пико и «Рассуждения против прорицательной астрологии» неожиданно оказались в эпицентре этих историографических споров. В своем трактате Пико дважды упоминает «Зерцало»; по мнению некоторых исследователей, в этих фрагментах он называет автором «Зерцала» не Альберта, а Роджера Бэкона¹⁸¹. Однако, как будет показано ниже, их выводы несколько преждевременны.

Начнем с первого пассажа, где Пико говорит о «Зерцале»: «Если кто-то противопоставит мне Альберта, превосходного теолога и все же противника астрологии, я, прежде всего, напому тебе, что Альберту приписываются многие книги, которые ему не принадлежат. Мы уже касались этого выше. И если ты мне случайно назовешь книгу “О дозволенных и недозволенных [книгах]”¹⁸², в которой он отвергает магов, но признает астрологов, я отвечу, что это сочинение многими считается произведением Альберта. Но ни сам Альберт, ни заглавие книги этого в полной мере не подтверждают, потому что сам автор, кем бы он ни был, намеренно и по роду своих занятий скрыл свое имя. Зачем? Потому что в этой книге ученый и добрый христианин может прочесть много недостойного — например, что могут быть созданы изображения, способные сделать несчастным или неудачливым не только одного человека, но и целый город; и что не следует отвергать магические книги, которые когда-нибудь в будущем, возможно, пригодятся Церкви¹⁸³. Это совершенно противоречит декрету Церкви, которая приказывает их сжигать и решительно уничтожать, где бы они ни были найдены. Действительно, почему должно быть полезным хранить книги, которые лучше бы не были написаны никогда? Во всяком случае, либо эту книгу написал не Альберт, либо, если даже он ее написал, следует сказать вместе с Апостолом: “Хвалю за то, но за это — нет”»¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Hendrix S. How Albert the Great's *Speculum astronomiae* was Interpreted and Used by Four Centuries of Readers: a Study in Late Medieval Medicine, Astronomy and Astrology. Lewiston, 2010.

¹⁸¹ Paravicini Bagliani A. Le *Speculum Astronomiae*, une énigme? Enquête sur les manuscrits. P. 139; Hendrix S. How Albert the Great's *Speculum astronomiae* was Interpreted and Used by Four Centuries of Readers. P. 176.

¹⁸² Это название часто применялось к «Зерцалу астрономии», поскольку в трактате приведен перечень достойных и недостойных чтения книг.

¹⁸³ “De libris vero necromanticis sine praeiudicio melioris sententiae videtur, magis quod debeant reservari quam destrui: tempus enim forte iam prope est, quo propter quasdam causas quas modo taceo eos saltem occasionaliter proderit inspexisse, nihilominus tamen ab ipsorum usu caveant sibi inspectores eorum” // Zambelli P. The *Speculum astronomiae* and its Enigma. P. 270–272.

¹⁸⁴ “Quod, si mihi opponas Albertum, theologum praestantissimum, fautorem tamen astrologorum, admonebo te primum multa referri in Albertum quae Alberti non sunt, quod et supra tetigimus; tum, si mihi forte obicias librum *de licitis et illicitis*, in quo

Вторая цитата, которую обычно приводят в контексте споров об авторстве «Зеркала астрономии», звучит так: «Книга приписывается Альберту, что совершенно лживо, ибо он никогда в своих теологических сочинениях не упоминал этот вздор. Ее следует заслуженно приписать Бэкону, другие сочинения которого, построенные на свидетельствах и прорицаниях названных авторов, точно показывают, каково было его мнение о ней»¹⁸⁵. Второе приведенное нами суждение опровергнуть легко. Дело в том, что непосредственно до этого Пико упоминает текст Роджера Бэкона «Об ошибках в изучении теологии». В этом небольшом трактате Бэкон «обвиняет наших теологов в том, что они больше ищут подтверждения секретов религии в сочинениях Аристотеля и других философов, нежели у авторов, которых мы сейчас назовем: Этик, Артефий, Овидий («О старушке»¹⁸⁶) и другие похожие поэты»¹⁸⁷. И сразу после этого Пико говорит, что какая-то книга приписывается Альберту, хотя ее следует отнести к трудам Роджера Бэкона. Отсюда не следует ничего определенного об авторстве «Зер-

reicit quidem magos, astronomicos autem probat auctores, respondebo existimari quidem a multis esse illud opus Alberti, sed nec ipsum Albertum, nec libri inscriptionem usquequaque hoc significare, cum auctor ipse, quicumque demum fuerit, nomen suum consulto et ex professo dissimulet. Quid? Quod in eo multa leguntur indigna homine docto et bono christiano, qualia illa sunt, imagines fieri posse quibus etiam non unus homo, sed una etiam civitas tota vel infelix fiat, vel infortunata; tum non esse magicos libros abiciendos, qui Ecclesiae utiles futuri aliquando sint. Est enim hoc plane adversum iudicio ipsius Ecclesiae quae illos, ubi locorum fuerint inventi, uri iubet et prorsus exterminari; nam qua ratione utile erit servare integros libros, quos utillimum erat numquam esse conscriptos? Quae utique, aut non scripsit Albertus aut, si scripsit, dicendum est cum Apostolo: 'In iis laudo; in hoc non laudo' // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 94; 1 Кор. 11:22*. Цитата неточна. В Синодальном переводе стих звучит следующим образом: «Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что сказать вам? похвалить вас за это? Не хвалю».

¹⁸⁵ "Praescribitur vero liber Alberto, sed mendacissime cum numquam in theologicis suis scriptis haec ille somnia memoraverit, sed merito ad Baconem videtur referendus, cuius alia scripta in ea eum fuisse sententia facile declarant, illorum semper auctorum testimonia oraculisque perscatentia" // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 66*.

¹⁸⁶ Речь идет о средневековом тексте, предположительно XIII в., который был приписан античному поэту Овидию. Существует мнение, что его автором мог быть Ришар де Фурниваль. См.: *The Pseudo-Ovidian De vetula / Ed. D. Robathan. Amsterdam, 1968*.

¹⁸⁷ "Est autem lectio adeo deridicula ut nulla magis, sed frequenter citata a Rogerio nostro in epistula ad Clementem, ita ut fere adducar compositum ab eo libellum quendam, cui titulus *de erroribus studentium theologiae*, quo in primis volumine erroris accusatur quod theologi nostri mysteria religionis magis ex Aristotele ceterisque philosophis confirmant quam ex auctoribus quos modo nominavimus, Ethico, Arthropio, Ovidio *de vetula*, poetisque similibus" // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 66*.

цала астрономии». Как мне кажется, речь идет скорее о тексте «Об ошибках в изучении теологии», который расходится, по мнению Пико, с сочинениями Альберта, и поэтому Пико приписывает этот трактат Роджеру Бэкону. Впрочем, никаких дополнительных сведений о том, что существовали какие-то сомнения относительно авторства «Об ошибках в изучении теологии», мне найти не удалось.

Первое высказывание Пико в большей степени относится к предмету спора между П. Дзамбелли и А. Паравичини Бальяни. В приведенном мною фрагменте легко заметить неуверенность Пико. С одной стороны, ему надо отнести Альберта к уже указанной антиастрологической традиции, однако сомнения не оставляют его, что выражено заключительной фразой со ссылкой на Первое Послание к Коринфянам апостола Павла: «либо, если даже он ее написал, следует сказать вместе с Апостолом: “хвалю за то, но за это — нет”». Не следует ли считать это доказательством неуверенности или попросту нежеланием признавать, что Альберт мог быть автором «Зеркала»? В оправдание Альберта Пико даже прибегает к доводу, что человеку свойственно ошибаться. Не будем также забывать, что на позднем этапе своей жизни Пико явно тяготел к доминиканцам; поэтому его желание защитить одного из крупнейших доминиканских докторов от возможных нападков понятно. В любом случае делать серьезные выводы о том, что Пико сомневался в авторстве Альберта, на основе данной фразы кажется мне ошибочным. Кроме того, в этом пассаже ничто не указывает на то, что автором «Зеркала» мог быть Роджер Бэкон. В первом же приведенном фрагменте речь идет о сочинении «Об ошибках в изучении теологии», а не о «Зерцале». Заметим также, что старший современник и товарищ Пико Марсилио Фичино считал автором «Зеркала астрономии» Альберта Великого¹⁸⁸.

Подводя итог анализу средневековых источников, которыми пользовался Пико, хотелось бы сказать, что он видел в трудах средневековых адептов астрологии большую опасность для христианского учения. Посему, с одной стороны, он всячески стремился как можно полнее показать лживость учения астрологов, проникшего в труды средневековых богословов, прежде всего, Петра из Айки и Роджера Бэкона. С другой — Пико стремился утвердить антиастрологическую направленность трудов двух крупнейших богословов Средневековья, Фомы Аквинского и Альберта Великого, из-за чего, в частности, ему пришлось высказаться по вопросу об авторстве «Зеркала астрономии». Не исключено, что кроме критического отношения к трудам по астрологии, на положительное отношение к Альберту и неприятие Роджера Бэкона могла повлиять их принадлежность к соответствующим монашеским орденам. Однако, разумеется, такое утверждение не может быть доказано и остается лишь неуверенной

¹⁸⁸ “Albertus quoque Magnus inquit in *Speculo*: ‘Non enim libertas arbitrii ex electione horae laudabilis coercetur, sed potius in magnarum rerum inceptionibus electionem horae contemnere est arbitrii praecipitatio, non libertas’” // *Ficino M. Three Books on Life*. 3. XII. P. 304.

гипотезой. Таким образом, Пико сконцентрировал свое внимание на важнейших, по его мнению, средневековых источниках по астрологии, которые должны были как можно лучше помочь ему представить ошибочность и тщетность предсказаний по звездам. Далеко не всегда его критика обоснована, порой в ней заметна предубежденность и использование не совсем надежных данных, однако своей основной цели — выявления адептов и противников этого суеверного знания — он достиг в полной мере.

* * *

В этой главе мы рассмотрели, как Джованни Пико делла Мирандола препарирует «астрологическую традицию», во главе которой стоит «лучший из худших» — Клавдий Птолемей. Хотя, как мы увидим позже, истоки астрологии Пико видит в языческих культах древневосточных обществ, в «Рассуждениях» Птолемей представлен как основоположник практической астрологии. Пико выделяет и одновременно рьяно критикует Птолемея за его попытку соединить астрологию с философией. Последователи же Птолемея, по мнению Пико, менее искушенные как в философии, так и в математических расчетах, исказили его идеи. Подробно анализируя два трактата, связанных с именем Птолемея, — «Четверокнижие» и «Стослов» — и многочисленные тексты его комментаторов, Пико приходит к выводу, что никакой единой астрологической традиции не существует: астрологи противоречат друг другу, интерпретируя одно и то же явление разными способами. Пико также замечает, что они допускают множество ошибок в расчетах. Но бесталанные последователи никоим образом не снимают ответственности со своего учителя. В отличие от других ренессансных авторов, например, Кардано или Георгия Трапезундского, Пико далек от мысли восстановить «истинную астрологию»: он безжалостен к Птолемею, а саму астрологию именует опасным и лживым суеверием.

Особенный вред астрологических предсказаний он видит тогда, когда их пытаются связать с христианским вероучением. По этой причине он выступает против теории «великих конъюнкций», возникшей на Востоке, и сурово критикует ее западноевропейских христианских адептов, которые пытались с ее помощью объяснить основополагающие догматы христианства. Хотя в ряде случаев в угоду своей основной цели Пико позволяет себе манипулировать с источниками и интерпретировать их под удобным ему углом, в итоге он формулирует три основных претензии к астрологии. Во-первых, она представляет собой ложную форму знания; «прорицательной астрологии» Пико противопоставляет «математическую астрологию», никак не связанную с предсказаниями. Во-вторых, все измышления астрологов полны противоречий и ошибок. В-третьих, астрология противна религии. Таким образом, анализируя практическую сторону астрологии, берущую начало в трудах Птолемея, а потом дополненную интерпретациями его последователей, Пико добивается своей задачи: убедить читателя в том, что астрология лжива и порочна.

ГЛАВА IV

Назад к Аристотелю? Натуральная философия в «Рассуждениях против прорицательной астрологии»

Нетрудно заметить, что в предыдущих главах практически ничего не было сказано о тех философских аргументах, при помощи которых Джованни Пико стремился опровергнуть астрологию. Последовательно коснувшись того, как он переосмысливает понятие традиции, как философской, так и астрологической, мы можем перейти к анализу самой масштабной, третьей книги «Рассуждений против прорицательной астрологии». Ее темой стала натуральная философия, многие положения которой, по мнению Пико, противоречат астрологическим предсказаниям. В этой центральной книге «Рассуждений» Пико остается верен избранным прежде полемическим методам: основные доводы против астрологии он черпает из традиционных источников, всячески избегая упоминаний каких-либо новомодных текстов или авторов, прежде всего, «древних теологов» или платоников. Постоянным мотивом остаются противоречия, существующие в рамках будто бы единой «астрологической традиции». Именно эти два подхода определили философские взгляды Джованни Пико в «Рассуждениях против прорицательной астрологии». Как будет показано ниже, по мере углубления анализа неизбежно возникнет необходимость связать философские основания критики с действительными свойствами неба, Солнца и Луны, поэтому необходимо иметь в виду неразрывность философской составляющей вопроса с реальными физическими данными. Собственно говоря, в «Рассуждениях» речь идет о натуральной философии или философии природы, хотя, конечно, их автор не избегает некоторых моральных аспектов — например, критикует человеческое любопытство и желание людей найти в астрологии легкие ответы на сложные вопросы. Основной упор в этом разделе я сделаю на том, какие влияния небесных светил Пико признавал возможными, какие свойства он придавал Солнцу и Луне и исходящим от них физическим явлениям.

На протяжении своего трактата Джованни Пико ни разу не отрицает естественного влияния неба на подлунный мир. Объектом его критики становятся исключительно предсказательные практики, которые, с точки зрения Пико, фундаментально противоречат философии и теологии. Поэтому для того, чтобы разграничить природные воздействия и измышления астрологов в самом начале третьей книги «Рассуждений» он

утверждает, что небо может влиять на подлунный мир при помощи двух факторов — движения и света. К последнему тесно примыкает тепло. Эти три способа воздействия, исходящие от звезд, имеют определяющее значение для живых организмов; какие-либо другие влияния, придуманные астрологами, не соотносятся с действительностью¹. На этом утверждении Пико строит все свое учение о физическом воздействии неба. Важно заметить, что Пико весьма скупно обращается к трудам предшественников для подтверждения своих аргументов. Пожалуй, единственным автором, к трудам которого он регулярно отсылает своего читателя, оказывается Аристотель. В ряде случаев для дополнительной убедительности Пико привлекает Августина и Фому Аквинского. Упоминания других имен единичны. Третья книга «Рассуждений» ярко иллюстрирует возвращение Джованни Пико к «истокам»; даже тогда, когда он выходит за рамки привычных толкований, на словах он продолжает как будто следовать за традиционными авторитетами.

Пико замечает, что порой сами того не желая, философы и богословы могли подтвердить отдельные высказывания астрологов, но он призывает не видеть в этом какого-либо умысла. Так, Аристотель и Августин учили, что низший мир управляется высшими силами, из чего не следует, будто небо предопределяет человеческую жизнь². Как замечает Пико, было бы нелепо не согласиться с этим, ведь многие факты человеческого существования, например, смена времен года, определяются естественными небесными явлениями, а Солнце и Луна влияют на погоду, состояние моря или здоровье человека³. Пико не сомневается, что атмосферные и природные явления и даже некото-

¹ “Id quod ita tractabitur a nobis, ut hoc quidem libro defendamus agere caelum in nos tantum motu et lumine; praeter haec frustra occultiores afflatus alios cogitari; tum a lumine illo siderum et motu, non aliud communicari materiae patienti quam motum, lucem et calorem. Calorem, inquam, et corpora consummantem in fluxu generali et ad vitam vitaeque functiones capacia vitae corpora disponentem; hoc ab omnibus fluere stellis, quamquam non sit confessum omnium ad nos etiam planetarum defluvia provenire” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. III. P. 176–178.*

² “Theologorum et philosophorum una vox est, mundum inferiorem a Deo per caelum gubernari; hoc Aristoteles vulgatissima illa sententia docet: necessario mundum hunc inferiorem superioribus motibus esse contiguum, ut omnis eius virtus inde gubernetur; sic Aurelius quoque dixit Augustinus, per corpora subtiliora grossiora haec regi atque moveri” // *Ibid. P. 180.*

³ “Quis igitur, inquirunt, dubitaverit, mutationes quascumque rerum terrenarum a motibus fieri corporum superiorum? Quod vel ipsa quoque demonstrat experientia, variatis anni temporibus ex accessu Solis ad nos atque recessu, unde viventium quoque omnium habitus et conditio variatur, dum temperat arva caelum, dum variat fruges, redditque rapitque. Sed et in diurna revolutione Sol aeris qualitates immutat, plus, minus, tum meridie, mane, vespere, calefaciens, exsiccans, humori, frigori derelinquens. Luna quantas habeat vires in omnia corpora, praesertim fluxiora, quis ignorat? Aestus haec oceani faciens, ascendens atque descendens pontum movet, et terris immittit et effert, sed et summersa fretis, concharum et carcere clausa, ad Lunae motum variant animalia corpus; crisimi dies a medicis observati Lunae Solisque motus sequuntur” // *Ibid. P. 180–182.*

рые болезни могут быть обусловлены влиянием небесных тел⁴. Но астрологи вдобавок придумали, что звезды и планеты напрямую воздействуют на интеллектуальное и душевное формирование человека и определяют его поведение. Такие фантазии, по мнению Пико, противоречат действительному положению вещей и никоим образом не могут соотноситься с влияниями, которые оказываются на дольний мир.

Астрологи находятся в противоречии с важнейшей идеей казуальности. По их мнению, небо определяет события низшего мира, и в этом случае следует признать, что оно есть универсальная причина — а в подтверждение своих слов они ссылаются на разных философов и богословов⁵. Однако индивидуальное, в котором неизбежно имеются признаки универсального, тем не менее, формируется благодаря «частным» воздействиям. Последние определяют различия внутри одного вида земных существ⁶. Пико приводит простой пример с двумя детьми, которые, родившись при одной картине неба, не могут быть физически или душевно идентичны⁷. При этом он замечает, что в таком опыте некорректно использовать двух близнецов, которые, будучи физически одинаковыми, тем не менее, родились с некоторым промежутком времени один от другого. Ради «чистоты эксперимента» он призывает проследить судьбы двух детей от разных родителей⁸. Пико признает за небом определенное физическое влияние и именует его универсальной

⁴ “Praeterea nemo pernegaverit aeris habitum tempestatesque de siderum statu posituraque variari, cum et calor et frigus et siccitas et humiditas et quaecumque in sublimi fiunt impressiones, a caelestibus motibus et influxibus generentur; quod si terrae visceribus inclusi sicciore halatus terram movent; si causationes in aere ex quattuor illarum qualitatum vel exuberantia vel defecti; si caritatem annonae vel humiditas nimia facit vel siccitas, cum aut fructus leguntur aut seruntur, invicem fertilitatem status aeris modicus et opportunus; quis negabit a stellism non modo tempestatum mutationes et terrae motus, sed pestilentias quoque et morborum varia genera, in hominibus, in pecoribus, salubritatem regionum et fertilitatem sterilitatemque provenire?” // Ibid. P. 182–184.

⁵ “Nam, quod ad primam attinet rationem, simul atque dixerunt astrologi motum omnem inferiorem a caeli motu dependere, statim dogmati suo contradixerunt, cum inde illud sequatur tritum apud philosophos, esse caelum universalem causam effectuum inferiorum” // Ibid. P. 188.

⁶ “Causa autem universalis effectus non distinguit, neque cur hoc fiat, aut illud, quaeritur ab ea, sed a proximis causis, quae variae et differentes sunt, pro effectuum differentia et varietate; et cum ex his alia alii faciat, universalis causa cum omnibus omnia facit. Quod cum manifeste appareat in rebus natura specieque diversis, mirum quomodo non intelligant multo magis idem credendum de varietate individuorum quae, quanto magis et particularis est a materia plurimum trahens originem, minus referri potest in causam maxime et formalem et universalem. At quis non videt caelum cum equo equum generare, cum leone leonem, nec esse ullam siderum positionem sub qua de leone leo, de equo equus non nascatur?” // Ibid. P. 188–190.

⁷ “Cur non, eadem ratione, cum diversis parentibus diversos caelum pariet filios, licet eadem similive constellatione? Quod ipsa experientia comprobatur, cum interdum eadem hora natos et sub eadem inclinatione caeli, fortuna tamen, ingenio, corpore diversissimos videamus” // Ibid. P. 190.

⁸ Ibid. P. 190–192.

причиной, однако оставляет за индивидуальным способностью к самоформированию. В следовании принципу физического, но не детерминистского воздействия на низший мир, Пико, по его собственным словам, наследует Аристотелю, которого упоминает наряду с Августином. Тем самым Пико стремится освободить Аристотеля от попыток астрологов приписать ему важнейшие положения своего учения — с этой проблемой некогда столкнулись средневековые интеллектуалы.

Когда в XII–XIII вв. в Европу хлынули прежде неизвестные сочинения по философии, астрологии и алхимии, среди них оказались как труды, изначально написанные на арабском, так и тексты античных мыслителей, которые на арабский были переведены. В числе последних был и Аристотель. Под именем Стагирита на Западе оказались не только его собственные сочинения, но и просто приписываемые ему, и некоторые из них, магические по содержанию, но освященные великим авторитетом Философа, дали зеленый свет самостоятельным оккультным штудиям западных мыслителей⁹. Очевидно, что та вселенная, которую использовали астрологи, не имела ничего общего с представлениями собственно Аристотеля, а была продуктом арабского аристотелизма¹⁰. А. де Либера замечает: «Завладев “теологией” Аристотеля, астрология смогла захватить всю остальную “систему”, которая на самом деле никогда не существовала в подлинном аристотелизме. Тем самым астрология сумела создать “тотальный аристотелизм”, который был, впрочем, фантомом — “Физика”, “О небе”, “Метеорология” вошли в эту “систему” столь впечатляющим образом в том числе и потому, что на три четверти она не была аристотелевской». Особую роль в «присвоении» астрологами Аристотеля сыграли два трактата: «Книга о причинах» и уже упоминавшаяся выше «Тайная тайных»¹¹.

⁹ Де Либера А. Средневековое мышление / Пер. О.В. Головой и А.М. Руткевича. М., 2004, особенно С. 207–263.

¹⁰ Там же. С. 217–218.

¹¹ О «Тайной тайных» см. ниже. «Книга о причинах» же была первоначально составлена на арабском, а не на греческом, и получила название «Книга Аристотеля об истолковании чистого Блага». В XII в. она была переведена на латынь Герардом Кремонским под ставшим известным заглавием — «Книга о причинах»; в ряде источников также встречается название «Теология Аристотеля». Однако никакого отношения к Аристотелю и аристотелизму «Книга о причинах» не имела: это была лишь арабская компиляция из «Элементов теологии» Прокла. Сходство было обнаружено в XIII в., когда Вильгельм из Мербеке переводил Прокла для Фомы Аквинского. Однако этот факт не заставил средневековых авторов усомниться в подлинности авторства Аристотеля: на протяжении всего Средневековья и эпохи Возрождения «Книга о причинах» безоговорочно приписывалась Аристотелю, а ее содержание повлияло на множество известных схоластов: La demeure de l'être. Autour d'un anonyme. Étude et traduction du *Liber de Causis* / Éd. P. Magnard, O. Boulnois et al. P., 1990. О рецепции «Книги о причинах», в том числе в трудах Альберта Великого см.: Bächli-Hinz A. Monotheismus und neuplatonische Philosophie. Eine Untersuchung zum pseudo-aristotelischen *Liber de causis* und dessen Rezeption durch Albert den Großen. Frankfurt, 2003. Нечто похожее произошло с другим текстом — т.н. «Теологией Аристотеля», которая была компиляцией не из Прокла, а из Плотина. Правда, этот текст не был известен на Западе до XVI столетия: Adamson P. Arabic Plotinus: a Philosophical Study of the *Theology of Aristotle*. L., 2002.

Очевидно, что проблема «чистого» Аристотеля занимала Джованни Пико. Достаточно вспомнить его слова о Птолемеи, который, по словам Пико, пытался использовать Аристотеля для того, чтобы доказать легитимность астрологии. В этом же контексте следует понимать не только рассмотренный выше пассаж об универсальных и частных причинах, но и в целом натурфилософские взгляды Джованни Пико. В третьей книге «Рассуждений» его задачей становится защитить Аристотеля от притязаний астрологов и тем самым лишить их убедительных философских доводов в пользу их учения.

Физическое воздействие неба Пико мыслит посредством движения и света¹². К последнему из типов влияния Пико неизбежно добавляет тепло, исходящее от светил наряду со светом. По словам Пико, небо — самое совершенное из натуральных тел; следовательно, от высшего из натуральных тел исходят самые действенные импульсы и воздействия¹³. Так, идеальным типом движения следует признать круговое, важнейшим качеством — свет; и то, и другое относится к компетенции неба, которое с их помощью оказывает воздействие на человеческий мир¹⁴. Пико мыслит движение как перводвигатель и источник жизни, снабжая фрагмент ссылкой на «Физику» Аристотеля — единственный текст, который он открыто использует для подтверждения своих слов¹⁵. Вслед за греческим философом он утверждает, что небо дарует импульс другим движущимся телам, подобно сердцу в теле любого живого организма.

Так, при помощи движения, небо действует тремя способами: собственно движется, греет и производит свет¹⁶. Второе действие Пико не

¹² “Caelum qualiter motu agat et lumine, et elementorum meteorologicorum, mineralium, viventiumque universalis causa sit” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. III. P. 194.

¹³ “Caelum corpus naturale est, omnium corporum naturalium perfectissimum. Corpus naturale tam motus quam sensibilis qualitas consequuntur. Perfectissimo igitur corporum naturalium perfectissimus quoque motus et sensibilibus perfectissima congruunt” // *Ibid.*

¹⁴ “Nullus motus perfectior orbiculari, nulla qualitas perceptibilis sensu luce perfectior. Erunt igitur haec caelestis corporis propria” // *Ibid.*

¹⁵ “Quare, quod primo motu movetur, reliqua mota movet nec, illo cessante, cetera movebuntur, sicut in minore quoque mundo, si cesset motus cordis, omnes animalis motus perire necesse est; quocirca recte dixit Aristoteles, libro octavo *Physicae auscultationis*, motum primi caeli vitam esse omnibus, quandoquidem evidentissima est et communis operatio vitae intimus motus. Ergo una haec caeli dignitas et efficacia erga mundum inferiorem, ut pro illius agitato infatigabili ceteri motus omnes ordinentur et excitentur. Quae quidem efficientia, quam sit universalis nec inferiores motus hac ratione distinguat, satis evidens est, quoniam, sicut, descendentibus glebae, ita flammae sursum se moventi et alio genere motibus omnibus, unus et idem caelestis motus pariter cooperatur” // *Ibid.* P. 194–196.

¹⁶ “Diximus caelum agere in nos motu et luce. Motu creditur tria facere: movere, calefacere et lumen afferre” // *Ibid.* P. 236.

берется разбирать в трактате против астрологии, поскольку относит его к сфере философии; третье же рассматривает в соответствующем разделе¹⁷. Поэтому сперва Пико преимущественно касается вопросов движения.

Первый вопрос, с которым ему приходится столкнуться, связан с определением скорости движения разных звезд¹⁸. По его словам, движения звезд различаются по трем ключевым признакам. Во-первых, и это кажется наиболее логичным, скорость звезд неодинакова. Во-вторых, одни звезды в большей степени подвержены движению, чем другие. И, наконец, в-третьих, их положение (как и скорость) не может быть сведено к одному месту или к конкретной зоне¹⁹. Мыслители, занимавшиеся этим вопросом, расходились в его решении. Некоторые говорили, что все звезды движутся с одинаковой скоростью, другие же категорично утверждали обратное²⁰. Здесь Пико в очередной раз прибегает к излюбленному методу — поиску противоречий между астрологами по основным вопросам их учения. Сумбурности в рядах астрологов Пико противопоставляет «верное» мнение — он упоминает Аристотеля, который, по словам Пико, различал скорость по значимости движущихся фигур: чем они важнее, тем меньше движения совершают²¹. Автор «Рассуждений» еще раз напоминает, что само возникновение движения следует отнести к импульсу, исходящему от перводвигателя. Главное, чтобы тело получило возможность двигаться, а дальнейшее — его скорость, направление и тому подобное — будет зависеть от условий, в кото-

¹⁷ “Tertium hoc postea tractandum est, cum de luce tractabitur; sed et quod aiunt, ipsum motum calefacere, difficilis quaestio est, et seorsum in libris philosophiae discutienda, nam ad rem astrologicam parum attinet” // Ibid.

¹⁸ “Videamus igitur, quantum spectat ad motum, an aliae aliter stellae moveant, et an eadem alias aliter; tum de luce videbimus” // Ibid.

¹⁹ “Differunt motus siderum triplici ratione: primum, quod alia velocius moventur, alia tardius; secundo, quod haec pluribus, illa motibus paucioribus; tertio, pro situ regionis in qua moventur, quod haec illis sublimiores obtinent sedes et ampliora spacia peragunt” // Ibid.

²⁰ “De velocitate tarditateque eorum nihil satis exploratum; nam Aurelius Macrobius, imitatus antiquiores, affirmat pari passu procedere omnes planetas, cui sententiae suffragabitur Avenazra, collocans in eadem sphaera Solem, Venerem et Mercurium, epicyclorum sedibus separatos. Qui vero faciunt illos inaequales, inter se digladiantur; nam Alpetragius, qui videntur velociores, eos astruit esse tardiores; contra alii restitutionis tempus observant, quod omnino fallat necesse est, nisi quis proportionem morarum spaciorumque pensiculatus examinaverit” // Ibid. P. 236–238.

²¹ “Aristoteles multitudine motuum et paucitatem pertinere non putat ad effectarum sive motarum rerum diversitatem, sed pro dignitate moventium fieri ut quod nobilium pauci, ignobilium non nisi multis motibus assequatur” // Ibid. P. 236. См. также: Аристотель. О небе / Пер. А.В. Лебедева // Он же. Сочинения в 4-х томах. М., 1981. Т. 3. II. 12.

рых оно оказалось²². С другой стороны, Пико категорически отвергает способность звезд менять направление движения или останавливаться; скорость каждой звезды постоянна²³. Нарушение одного из этих принципов, по мнению Пико, идет вразрез с философией и общими представлениями о природе. Основной мотив рассуждений о движении следует свести к отрицанию какой-либо детерминированности низшего, человеческого мира, от движения небесных сфер. Один из важнейших импульсов, исходящих от неба, несомненно, напрямую влияет на физическое формирование явлений этого мира, но отнюдь не определяет личность; сфера индивидуального неподвластна предопределению.

В своих суждениях о движении Джованни Пико очевидным образом преследует цель отделить Аристотеля от астрологии. С другим явлением — светом — ситуация оказалась несколько иной.

Хорошо известно, что неоплатоническая традиция не была едина в разрешении проблемы света. Отчасти причиной тому стало то, что Платон в «Тимее» говорил о телесной природе света; Аристотель, напротив, был уверен в бестелесности света. Среди всех неоплатоников в этом вопросе один лишь Прокл последовал за Платоном — все остальные представители неоплатонической традиции, в частности, Плотин, настаивали на бестелесной природе света. В контексте указанных споров особое место занимает Ямвлих, в трактате «О египетских мистериях» и ряде других текстов предложивший компромиссную интерпретацию света, в которой он постарался соединить взгляды Аристотеля с позицией Платона²⁴. Не стоит удивляться, что ренессансные мыслители, для которых вопрос о согласовании Платона и Аристотеля имел принципиальное значение, не обошли Ямвлиха своим вниманием.

Первый латинский перевод трактата «О египетских мистериях» подготовил Марсилио Фичино. За работу он взялся в 1488 г. Хотя перевод, который Фичино сопроводил обширным комментарием, был готов уже к началу 1489 г. и благодаря усилиям автора, преподнесшего несколько списков своим влиятельным покровителям, стал распространяться в рукописях, окончательной публикации пришлось ждать семь лет: вместе с несколькими другими неоплатоническими текстами, переведенными Фичино, трактат «О египетских мистериях» был напечатан только в 1497 г.

²² “Quod autem ad istam quam dicebamus principalitatem motuum attinet, nullam potest hoc facere varietatem, quando motus inferiores a caeli motu dependent, quatenus ille primus et circularis motus, ita ut nihil referat segnior aut concitior. Non moveretur lapis deorsum, aut sursum ignis, quiescente caelo; sed non ocius aut descendit ille, aut hic ascendit, quia caelum rapidius revolvatur. Tantum habet inde unde moveatur, sicut a natura universali vegetante quemlibet motum; speciem motus a sua substantia; remissionem et intentionem a movente, ab impetu, a figura, a similibus aliis condicionibus habet” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. III. P. 238.

²³ *Ibid.* P. 238–240.

²⁴ О свете в неоплатонизме, в том числе у Ямвлиха, см. прежде: *Finamore J.F. Iamblichus on Light and the Transparent // The Divine Iamblichus. Philosopher and Man of Gods / Ed. H.J. Blumenthal and E.G. Clark. Bristol, 1993. P. 55–64.*

в типографии Альда Мануция²⁵. Нет никаких сомнений, что Джованни Пико, который к 1488 г. уже находился во Флоренции и стремительно вписался в интеллектуальную элиту города, знал о переводе и комментарии Фичино. Более того, он владел манускриптами Явмлиха, которые Фичино использовал в своей работе.²⁶

Фичино предложил собственное видение проблемы небесного света. Его концепцию можно разделить на две составляющие. Мы сейчас не будем касаться первой, теологической, в центре которой оказывается триада «свет–любовь–Христос»²⁷. Для нас более ценна интерпретация небесного излучения, пронизанная астрологическими мотивами. Пожалуй, важнейшим источником для понимания этой стороны астрологических воззрений Фичино служит трактат «О Солнце», который был опубликован в 1492 г.²⁸

Во введении к этому сочинению, обращаясь к своему патрону Пьеро де' Медичи, Фичино говорит, что в данный момент он поглощен «новой, давно им начатой интерпретацией»²⁹ Платона. Важнейшей задачей своей работы он видит сопоставление Солнца с Богом, предложенное еще Платоном в «Государстве»³⁰. Надо сказать, что ранее Фичино уже сделал попытку связать неоплатоническую и орфическую образность с христианским Богом³¹. В шестой книге «Писем» мы находим письмо к Джованни Кавальканти (которому, между прочим, Фичино неоднократно отправлял послания астрологического характера³²) под названием «Ор-

²⁵ *Kristeller P.O. Supplementum Ficinianum. Vol. 1. P. CXXXII–CXXXIV.*

²⁶ *Vanhaelen M. L'entreprise de traduction et d'exégèse de Ficin dans les années 1486–1489: demons et prophétie à l'aube de l'ère savonarolienne // Humanistica. 2010. Vol. 4. № 1. P. 125–136.*

²⁷ В контексте небесного света христологические мотивы у Фичино особенно выпукло проявились в: *Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, о Любви. С. 146–147; Marsilii Ficini Florentini liber de Lumine // Marsilii Ficini opera. P. 977–986. Я благодарен Д. Ноксу, В. Рис и М. Аллену за то, что они ввели меня в мир теологии Фичино.*

²⁸ Этот трактат опубликован в: *Фичино М. Книга о Солнце к великодушному Пьеро де' Медичи / Пер. О.Л. Акопяна // Платоновские исследования. 2014. № 1. С. 455–485.*

²⁹ “*Novam Platonis interpretationem auspiciis iamdiu tuis incoeptam Magnanime Petre quotidie prosequor, atque (ut te non latet) crebrioribus articulorum distinctionibus, longioribusque, quantum res ipsa postulat, argumentis explano*” // *Marsilii Ficini liber de Sole ad magnanimum Petrum Medicem. Proemium // Marsilii Ficini opera. P. 965.*

³⁰ *Ibid.*

³¹ Об истории вопроса см. *Rabassini A. La concezione del Sole secondo Marsilio Ficino: note sul Liber de Sole // Momus. 1997. Vol. 5. № 7–8. P. 115–133; Idem. L'analoga platonica tra il Sole e il Bene nell'interpretazione di Marsilio Ficino // Rivista di storia della filosofia. 2005. Vol. 60. P. 609–630; Idem. Amicus lucis: Considerazioni sul tema della luce in Marsilio Ficino // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna. P. 255–294. Рабассини в основном концентрируется на вопросе неоплатонического характера света, лишь мимоходом упоминая об астрологической составляющей трактата.*

³² Некоторые фрагменты из переписки Кавальканти с Фичино опубликовала О. Помпео Фаракови: *Ficino M. Scritti sull'astrologia. P. 219–225.*

фическое сопоставление Солнца с Богом»³³. В этом небольшом по объему тексте, датированном 1479 г., Фичино использует хорошо известный топос неоплатонической философии о двух видах солнечного света — видимом и невидимом, естественным образом ориентируясь на второй, интеллигибельный, который можно увидеть при помощи интеллекта и «просветленного ока». Для Фичино важно, что кажущийся простейшим невидимый солнечный свет оказывается насыщен множеством элементов, соединяя в себе одновременно разнообразные цвета; и в этом заключается «идея» (в неоплатоническом значении этого слова) света, которая от невидимого, т.е. горнего, переходит к видимому — дольнему; а в зависимости от падения лучей общая идея света воплощается в различные и конкретные цвета³⁴. Таким же образом Фичино находит объяснение для прочих явлений, которые, по его мнению, имеют единый источник, но разные конечные формы³⁵. Понятно, что похожая структура применима и к Богу — сердцевине, к которой тяготеют все частности.

Похожие мысли мы встречаем в трактате «О Солнце». Уподобляя Солнце Благу, Фичино указывает на способность солнечного света всюду проникать, ни с чем не смешиваясь и ничем не пропитываясь, равно как Благо (т.е. Бог) стоит «выше всего порядка вещей, широко распространяется, все ласкает и привлекает к себе; оно ничего не подавляет, всегда и повсюду сопровождается любовью, словно свет теплом»³⁶. Из этой аналогии Фичино выводит подобие между Солнцем и Богом в других аспектах, в том числе связанных с небом.

Называя Солнце господином неба, Фичино утверждает, что Солнце руководит всеми прочими планетами и звездами и оказывает благотворное влияние на тот знак Зодиака, который располагается в орбите его воздействия³⁷. Наиболее существенной конфигурацией Фичино, вслед за Птолемеем и богатой астрологической традицией, считает сочетание Солнца с

³³ *Ficinus M. Orphica comparatio Solis ad Deum, atque declaratio idearum // Marsilii Ficini opera. P. 825–826.*

³⁴ *Ibid. P. 825.*

³⁵ *Ibid. P. 826.*

³⁶ “*Res nulla magis quam lumen refert naturam boni. Primo quidem lumen in genere sensibili purissimum eminentissimumque apparet. Secundo, facillime omnium et amplissime, momentoque dilatatur. Tertio, innocuum occurrit omnibus atque penetrat et lenissimum atque blandissimum. Quarto calorem secum fert alium, omnia foventem et generantem atque moventem. Quinto dum adest inestque cunctis, a nullo inficitur, nulli miscetur. Similiter ipsum bonum totum rerum ordinem supereminet, amplissime dilatatur, mulcet et allicit omnia. Nihil cogit, amorem quasi calorem habet ubique comitem, quo singula passim inescant, bonumque libenter asciscunt. Ubique rerum penetrantibus praesentissimum, commercium cum rebus nullum habet” // Marsilii Ficini liber de Sole. II. P. 966.*

³⁷ “*Sol tanquam manifestus coeli Dominus omnia prorsus coelestia regit et moderatur. Magnitudinem eius ingentem qua centies sexages terram continere putatur in praesentia praetermittam. Principio lumen stellis omnibus inserit. Sive nativum illae per se lumen exiguum habeant (ut nonnulli suspicantur) sive nullum (ut plurimi putant). Deinde illud imprimis ex signis XII vivum, ut inquit Haly et Abraham, dicitur et apparet affectum, quod Sol eo tempore vegetat” // Ibid. III. P. 966.*

Луной, которую он неоднократно называет супругой Солнца или «малым Солнцем»³⁸. Кроме того, в отношении Луны Фичино нередко использует наименование *regina coelestium*. Вполне можно допустить, что в таком контексте Луна трактата «О Солнце» аллегорически соответствует образу Богоматери, к которой принято обращаться с молитвой *Regina coeli*.

Таким образом, в трактате «О Солнце» астрологическая трактовка небесных влияний преимущественно базируется на двух источниках — средневековых астрологических текстах и неоплатонической традиции. Сходным образом Фичино действует в другом, пожалуй, более известном своем сочинении — трактате «О жизни», где он сочетает традиционные астрологические практики с неоплатонической интерпретацией небесного излучения³⁹. В последнем случае он вводит термин *spiritus*, под которым Фичино понимает «квинтэссенцию» мировой души⁴⁰. Это наиболее активная и всюду проникающая сила мировой души, которая не только отражается в вещном, но и взаимодействует с человеческим духом, тем самым связывая человека с надмирными сущностями. Этот высший *spiritus*, как носитель семенных логосов, способен порождать любые явления, подобные себе только в том случае, если он оказывается в среде, соответствующей ему самому⁴¹.

³⁸ Ibid. V. P. 967–968.

³⁹ Этот знаменитый трактат публиковался неоднократно. Наиболее авторитетным изданием считается уже упоминавшая выше работа К. Каске и Дж. Кларка. См. также: *Ficino M. De vita libri tres / A cura di A. Biondi e G. Pisani. Pordenone, 1991; Idem. Sulla vita / Introduzione, traduzione, note e apparati di A. Tarabochia Canavero. Milano, 1995.* Сочинение состоит из трех частей: «О здоровой жизни», «О продолжительной жизни» и — наиболее известной — «О стяжании жизни с небес». Первый фрагмент был составлен еще около 1480 г. По словам самого Фичино, написание текста «О здоровой жизни» его сподвигло чтение трактата «О замедлении старения» знаменитого средневекового медика Арнольда из Виллановы. Два других фрагмента датируются 1489 г.; при этом текст «О стяжании жизни с небес», который Фичино планировал представить в качестве комментария к 11 главе третьей книги четвертой «Эннеады», был составлен до фрагмента «О продолжительной жизни». Но к 10 июля 1489 г. флорентиец отделил «О стяжании жизни с небес» от комментария к «Эннеадам» и посвятил эту часть итогового трактата «О жизни» венгерскому королю Матьяшу Корвину. Фрагмент «О продолжительной жизни», готовый к августу 1489 г., предваряется посвящением Филиппо Валори. Почти сразу после этого Фичино опубликовал весь текст трактата.

⁴⁰ “Semper vero memento sicut animae nostrae virtus per spiritum adhibetur membris, sic virtutem animae mundi per quintam essentiam, quae ubique viget tanquam spiritus intra corpus mundanum, sub anima mundi dilatari per omnia, maxime vero illis virtutem hanc infundi, quae eiusmodi spiritus plurimum hauserunt” // *Ficino M. Three Books on Life. 3. I. P. 246.*

⁴¹ Фичино постарался связать представление Плотина о *logoi spermatikoi* со средневековой, прежде всего, томистской доктриной о субстанциальной форме. По Фичино, эти *rationes seminales* суть идеи, содержащиеся в божественном Уме, которые при помощи мировой души раскрываются в материи: *Hirai H. Concepts of Seeds and Nature in Marsilio Ficino. P. 279–280; Copenhaver B. Renaissance Magic and Neoplatonic Philosophy: Ennead 4.3–5 in Ficino’s De vita coelitus comparanda. P. 355.*

Но таким прочтением небесного света Фичино решил не ограничиваться. Примерно в тот же период, когда он работал над трактатами «О жизни» и «О Солнце», он составил комментарий к «Египетским мистериям» Ямвлиха⁴². Это сочинение Фичино можно рассматривать как альтернативу или дополнение к той интерпретации, которую он представил в двух других своих текстах.

В комментарии к «Египетским мистериям» Фичино сделал акцент на тех эффектах, которые производят небесные влияния при соприкосновении с материей. Как мы помним, на этот вопрос, столь занимавший его на раннем этапе творчества, так и не смог найти ответ Джованни Пико делла Мирандола. В X главе своего комментария вслед за Ямвлихом Фичино воссоздает три уровня мироздания и предполагает, что лишь верхний из них остается вне человеческого разума⁴³. Два других уровня, отвечающие за небесные влияния и господствующие над видимым земным творением, напротив, познаваемы. На основе этой структуры Фичино приходит к выводу, что при проникновении в материю небесный свет взаимодействует с ней и потому сам претерпевает некоторые изменения. Таким образом, нематериальное, никак не связанное с детерминизмом, порождает материальные, природные явления. Обязательным условием для этого Фичино видит сочетание небесного света с физической реальностью и его трансформации.

Нам доподлинно неизвестно, насколько Джованни Пико использовал или ориентировался на комментарий Фичино к «Египетским мистериям» Ямвлиха. Поскольку, как мы уже говорили выше, в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» Джованни Пико сознательно отдает предпочтение более традиционным авторитетам, в третьей книге трактата имя Ямвлиха ни разу не упоминается. Джованни Пико по-прежнему преимущественно ссылается на труды Аристотеля; однако некоторые переключки между позицией Фичино и натурфилософскими воззрениями его младшего современника обнаружить можно. Замечу, правда, что это вовсе не означает, что Фичино оказал прямое влияние на Джованни Пико: более вероятно, что каждый из них собственным путем пришел к сходным выводам о том, как небесный свет взаимодействует с материей и физической реальностью.

В третьей книге «Рассуждений» Джованни Пико замечает, что свет — важнейшее качество, которым могут обладать тела, и одновременно жизненное начало. Пико, понимая двойственность сказанного о втором свойстве, замечает, что свет не дарует жизнь, а лишь готовит тело

⁴² Я пользовался следующим изданием: *Iamblichus. De Mysteriis Aegyptiorum, Chaldaeorum, Assyriorum Marsilio Ficino interprete // Idem. I misteri egiziani / A cura di A.R. Sodano. Milano, 2013. P. 539–634.*

⁴³ *Ibid.* P. 552–554. См. *Iamblichus. De mysteriis / Ed. E.C. Clarke, J.M. Dillon and J.P. Hershbell. Atlanta, 2003. III. 28–29. 169–170.* См. также русское издание: *Ямвлих. О египетских мистериях / Пер., коммент. и пред. И.Ю. Мельниковой. М., 2004.*

к существованию⁴⁴. Этим уточнением он старается избежать каких-либо астрологических подтекстов при обсуждении влияния света на человека, в частности, и на весь низший мир, в целом. К свету в теории Пико, как производное, примыкает тепло, «не пламенное, не воздушное, а небесное», т.е. совершенное⁴⁵. Подобное тепло «всюду проникает, все греет, всем управляет»⁴⁶. Оно даже оказывается в тех местах, которых не может достичь вызывающий его свет, — подобно огню, распространяющему тепло вокруг себя⁴⁷. Три важнейших физических влияния неба тесно связаны и не могут существовать по отдельности, ведь благодаря движению неба человеческий мир наполняется светом и теплом⁴⁸. Эти явления носят универсальный характер и затрагивают все сущности, поэтому, например, звездное тепло не входит в противоречие с холодом, потому что холод становится одним из элементов общего. И таково отношение всех указанных явлений к небу, которое олицетворяет собой единство⁴⁹. Поскольку звездное тепло выходит за рамки простого физического мира, это, по мнению Пико, единственное качество, которое небо производит само по себе; все же остальные качества носят случайный характер. Такое же действие относится к холоду, который становится производным от общего звездного теп-

⁴⁴ “Altera illi de luce prerogativa; nam, quando lux summa qualitas corporum, corporeae vero naturae primus vitae gradus (et summa semper ordinis infimi extrema fere superioris ordinis assequuntur), fit necessario ut lux et consumatricem quandam habeat corporum virtutem et vitale nonnihil interim possideat, non quod ipsa aut vivat aut vitam afferat, sed corpus vitae capax ad vitam maxime praeparat et disponit” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. III.* P. 196.

⁴⁵ “Quoniam sequitur lucem, quasi proprietas eius, calor quidam non igneus, non aereus, sed caelestis, sicuti lux caeli propria qualitas” // *Ibid.*; “Idem igitur ille calor, filius lucis...” // *Ibid.* P. 202.

⁴⁶ “Calor — inquam efficacissimus maximeque salutaris, omnia penetrans, omnia fovens, omnia moderans” // *Ibid.* P. 196.

⁴⁷ “Certe illud negari non debet, diffusum a luce calorem eo posse pertingere quo lux ipsa non pervenit, sicut potest trans parietem calor ignis sentiri, nec potest tamen ipsa flamma videri” // *Ibid.* P. 206.

⁴⁸ “Hoc est caeli munus praecipuum, quo corpora perficiuntur et viventia disponuntur ad vitam, praeter agitationem circularis motus, non modo necessariam ut lumen istud atque calorem devehat ad nos et per vices, opportunitate mira, plus minus terris impartiat, sed ut motos nos quoque calori reddat abiliores, qui de perpetue moto corpore iugiter emanat” // *Ibid.* P. 196.

⁴⁹ “Quare, si caelesti calore destituantur, nec frigiditatem agere frigus poterit, nec calor caliditatem; non enim calor ille sidereus frigori contrarius, sicuti calor igneus, vel aereus, sed omnes continet elementares qualitates eminentia simplici, sicuti caeli natura continet omne corpus, sicuti motus circularis omnes motus, sicuti lux omnes et colores et — quod Pythagorici dicerent — sicuti unitas continet omnes numeros, ut fallantur qui negant conservari caelitus elementa frigida posse, nisi praeter calorem influant et sidera frigiditatem” // *Ibid.* P. 198.

ла⁵⁰. Но если, с другой стороны, отрицать, что небо производит что-то само по себе, кроме тепла, тогда холод, сухость, влажность и жара должны возникать не сами по себе, но случайно; а формы тел низшего мира должны содержаться в телах небесных. По мнению Пико, это противоречит суждениям Фомы Аквинского, изложенным в «Сумме теологии». Однако такого заблуждения можно избежать, если взять за отправную точку мнение, что небо само по себе не охлаждает воздух и тела низшего мира⁵¹. Таким образом, Пико последовательно отстаивает свою точку зрения — тепло, исходящее от звезд, является фундаментальным явлением, всевозможные воздействия которого проявляются не сами по себе, а случайным образом. При доказательстве своей гипотезы он прибегает к текстам Аристотеля и Фомы Аквинского.

В физических категориях Пико рассматривает другое проявление тепла — испарения. Принципиально то, из какого тела исходит пар; этим определяется его дальнейшее воздействие. Однако это не отменяет главного постулата теории тепла, который Пико упорно повторяет, — подобные физические явления обусловлены небесным, самым совершенным теплом, а также материей и местом, где они получают возможность осуществиться, а не какими-то позициями созвездий или другими факторами, выдуманными астрологами⁵². Пико называет материю важнейшим фактором возникновения метеорологических феноменов и в этом вновь декларирует свою верность Аристотелю.

⁵⁰ “Propterea, si quis quaerat a me frigiditatemne caelum faciat per se an ex accidenti, respondebo, siquidem quaeras quid seipso faciat caelum nulla media causa, fieri ab illo per se tantum calorem, ceteras qualitates ex accidenti, sicuti calor ipse per accidens frigefacit, ut sequenti capite declarabimus” // Ibid. P. 200.

⁵¹ “Et siquidem hoc modo negaremus per se fieri aliud a caelo quam calorem, sequerentur absurda illa quae dicit Thomas: frigiditatem, siccitatem et humiditatem, non per se esse in universos, sed per accidens, nec formas omnes substantiales inferiorum corporum in virtute caelestium corporum contineri; quae nullo modo sequuntur cum negamus caelum per se et ex se vel aerem vel inferiora corpora frigefacere. Quocirca probant rationes illae Thomae, non quod negamus ipsi, sed quod asserimus” // Ibid. P. 200–202. Ср.: Св. Фома Аквинский. Сумма теологии. Вопросы 65–119 / Под ред. Н. Лобковица и А.В. Апполонова, пер. А.В. Апполонова. М., 2007. Т. 2. Часть 1. С. 115.

⁵² “Idem igitur ille calor, filius lucis, suscitans e terrenis corporibus vaporosos halatus, extenuans crassa, faeculenta dissolvens, parit ea quae fiunt in sublimi, diversa pro diversitate materiae, quae sursum tollitur. Nam si vapor a fluxu tollitur corpore, facit humidus impressiones in media aut infima regione aeris. Si a sicco atque terrestri tollitur evaporatio ignea ad superiora, quae contigua aetheris, necessario ex motus et ignis vicinitate concalescit. Haec igitur omnia quoque calor ille caelestis operatur, sive frigida illa sive calida, quoniam de vaporibus omnia, quos solus elicit calor; omnia igitur calor et universaliter omnia, cum eorum distinctio atque varietas non a varietate constellationis, ut astrologi fabulantur, sed penes materiam et locum in quo generantur, ut ex meteorologicis Aristotelis libris et *Timaeo* Platonis innotescit” // *Pico della Mirandola* G. Disputationes. 1. III. P. 202.

Так, он анализирует фрагмент из трактата Аристотеля «Метеорологика», где древнегреческий философ подтверждает определенное физическое влияние неба на явления низшего мира, но подчеркивает значение материи, принимающей звездное тепло⁵³. Пользуясь ссылкой на такой высокий авторитет, Пико может еще раз опровергнуть мнение астрологов о восприятии человеком влияния каких-либо небесных конфигураций, отрицающих свободу выбора. Он еще раз повторяет, что несмотря на значительное влияние тепла и света на человека, их воздействие напрямую не затрагивает формирование личности: они даруют не жизнь, а импульсы к ней⁵⁴.

Однако только два небесных тела обладают наибольшей способностью излучать живительный свет — Солнце и Луна⁵⁵. По мнению Пико, они не могут производить никаких отрицательных действий, которые теоретически можно было бы им приписать. Никаких сомнений о витальном значении лучей Солнца возникнуть не может; Луна же может ассоциироваться с чем-то негативным. Для устранения подобных затруднений Пико прибегает к мнению двух греческих авторитетов — Гиппократ и Аристотеля; поскольку первый касается исключительно медицинской стороны вопроса, более значимым Пико кажется мнение Аристотеля, что Луна как младший брат Солнца оказывает схожее воздействие⁵⁶. Ссылка на Аристотеля позволяет Пико приравнять влияние Луны к влиянию Солнца и утверждать, что именно эти светила — носители настоящего света и тепла.

Пико не согласен с распространенным мнением, будто лучи Солнца и Луны напрямую определяют какие-то явления или метеорологические изменения. Испускаемый ими свет, как уже говорилось, исходит сам по себе и может проявляться только при проникновении в материю. Их непосредственное влияние определяется только при попадании в некото-

⁵³ Ibid. P. 202–204. Ср.: *Аристотель. Метеорологика* / Пер. Н.В. Брагинской // *Он же. Сочинения в 4-х томах. Т. 3. I. 2.*

⁵⁴ “Ut iam non sit argumentum vivere caelum quia vegetet suis radiis ea quae vivunt, nam vivunt haec quidem omnia per suas animas, per animae vim seminibus insitam propagantur, suffragante illis calore caeli, non quasi vivifico, sed ad vitam, ob id quod diximus, commodissime proximeque disponente” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. I. III. P. 208.*

⁵⁵ “Lunae lumen, sicuti et Solis, vitale esse; neutrumque frigus aut humiditatem praeterquam per accidens facere” // Ibid. P. 216.

⁵⁶ “Alioquin quae sunt paria Solis radiis, quo plus insolantur, plus vitae vigorisque nanciscuntur; propterea nemo putaverit ait calorem edacem aut contrariam vitae siccitatem a Sole profluere, sicut nec a Luna suffocantem aut fluxam nimio plus humiditatem frigiditatemque torpificam, quando, hoc si esset, Lunae lumen adolescens vim insitam rebus genitalem non adiuveret, quo corpora vegetarentur et cum ipsa partiter adolescerent, nec plena Luna, quod Hippocrates scribit in libro *de octrimestri partu*, conceptibus utilis foret, fecunditatem in femina mareque fecundans, nec verum diceretur ab Aristotele Lunam esse principium, quasi alterum mindorem Solem, conducereque ad omnes generationes et perfectiones” // Ibid. P. 218–220.

рую среду, которая в зависимости от своего состояния модифицирует лучи Солнца и Луны. Само же действие этих лучей как таковых происходит постоянно, с той лишь разницей, что Солнце отличается большей интенсивностью, чем Луна. Таким образом, неверно приписывать конкретные влияния Солнцу или Луне, поскольку их лучи могут обладать какой-то силой только при проникновении в материю. В упоминании материи как важнейшего атрибута теории света и тепла можно увидеть одно из кардинальных различий с теми положениями, которые Пико излагал по этому вопросу ранее: теперь излучение становится исключительно природным явлением. Влажность или сухость, часто приписываемые воздействию этих светил, непосредственно связаны не с их свойствами, а со средой, куда попадают их лучи. Поэтому, по мнению Пико, такие влияния происходят не сами по себе, а случайным образом⁵⁷. Разумеется, светила не могут действовать с установленной постоянной силой, поэтому Пико приходит к разумному выводу, что эта сила зависит от положения Солнца и Луны по отношению к Земле. Уже неоднократно при анализе физической стороны критики астрологии приходилось встречать ссылки на Аристотеля, и на этот раз ситуация повторяется. Большинство своих суждений Пико черпает из трудов греческого философа, прежде всего, из трактата «О возникновении животных»⁵⁸.

⁵⁷ “Sic caelesti calori pro materiae conditionibus evenit, unde opinio nata Solem siccitatem facere, Lunam augere humiditatem, quia scilicet Solis calor ardentior, Lunae vero tepidior. Sed in idoneis affinisque subiectis nec exsiccabit radius Solis humorem salutarem, nec generabit Luna inutilem noxiamve humiditatem, sed operabitur idem sua natura sidus utrumque, licet Luna remissius quod intentius Sol efficiet; ex accidenti vero, per infectionem peregrinae materiae, dissimiliter illis eveniunt, Sol ut exsiccat, Lunae ut humefaciat” // Ibid. P. 220–222.

⁵⁸ “Quod quomodo sit intelligendum idem auctor [Aristoteles] alibi declarat; nam facit, inquit, Sol per totum annum hiemem atque aestatem, idemque Luna facit per mensem, sed est ista diversitas, quod haec quidem a Sole per accessum atque discessum, a Luna non hoc modo, sed alterum fit in crescente luce, alterum decrescente. Sic igitur Sol a nobis procul digrediens frigori nos derelinquit, atque ita frigus facere dicitur; sic et Luna cum lumine ad coitum identidem spoliatum frigefacere dicitur, non quod afferrat frigus, sed quod a nocturna frigiditate minus quam alias nos tueatur. Ceterum examinatione dignum quod Aristoteles, in eisdem libris *de animali* scilicet *generatione*, tempora decrescentis mensis humidiora dicit esse et frigidiora, cum tamen vulgo confessum sit senescente Luna sicari humiditatem. Hoc ego ita solverim: Luna decrescente viget humiditas, non a Luna proveniens, sed ab elementis inferioribus quibus Luna minus resistit, et debilitata calore et sub finitorem maximam partem noctis delitescens, quare humiditas illa quoque aquea, insalutaris excrementitia, unde novilunio propinquante vapores multi tolluntur, seges pluviarum, fluuntque plerumque menstrua plenius, ut Aristoteles in *historiis et de animalium generatione* scribit; adolescente vero Luna, crescit humiditas, vel qualis in corporibus praeerat facta fluidior, vel vivifica magis beneficio lunaris caloris accedens. Sic enim putat Aristoteles ex lunaribus incrementis echinos et id genus viventia fieri pleniora, non aliam ob causam quam quod illa, frigida cum sint, ut quae sanguine carent, feta Lunae lumine uberiores, sicuti vitalius incalescunt, ita melius concoquant, unde necessario succulentiora et habiliora fiunt” // Ibid. P. 222–224.

Итак, Пико согласен с тем, что небесные свет и тепло, исходящие от Луны и Солнца, влияют на метеорологические явления (погоду), проникая в материю, но при этом никак не затрагивают личность человека, его внутренний мир. По его мнению, светилам слишком часто ошибочно приписывают непосредственное воздействие на явления низшего мира, исключая из этого процесса материю. В своих рассуждениях Пико в основном ссылается на труды Аристотеля.

Таков фундамент натурфилософской теории, которой придерживается Пико в своем трактате. Взяв за основу ее важнейшие положения, он выделяет два вида заблуждений, распространенных среди астрологов. С одной стороны, они считают, что от небесных тел могут исходить другие действия, кроме единых для всех света, тепла и движения, а лучи «живительного» света, испускаемые другими звездами, столь же влиятельны, как лучи Солнца и Луны. С другой стороны, они часто приписывают двум светилам те влияния, которых они в действительности не оказывают, или наоборот, относят к другим планетам или звездам функции, за которые отвечают Солнце и Луна. Сейчас я хотел бы рассмотреть случаи таких астрологических ошибок, потому что они лишней раз позволят понять натурфилософские взгляды автора «Рассуждений против прорицательной астрологии».

По мнению Пико, все звезды способны испускать лучи и тем самым воздействовать на низший мир теплом и светом; это находится в самой природе звезд⁵⁹. Однако, как утверждает Пико, никакие опытные данные не доказывают, что помимо света и тепла существуют иные виды влияний звезд на человеческий мир⁶⁰. Важно отметить, что Пико оперирует термином «опыт», соотнося натурфилософские теории с действительностью и, видимо, подразумевая доказанность своих основных постулатов на практике. Кроме упоминания опыта, Пико ссылается на мнение авторитетов, которым он подтверждает свою точку зрения: в этом списке он называет Аристотеля и поддерживавших его Плотина и Аверроэса⁶¹.

По мнению же астрологов, все звезды обладают единой для всех способностью излучать тепло и свет, но в дальнейшем, уже в зависимости от собственной природы, провоцируют влагу, холод и другие физические явления. Но тогда не совсем понятно, содержатся ли в каждой из звезд свойства всех четырех состояний или только одного; и

⁵⁹ “Est autem caloris istius effusio communis omnibus stellis; siquidem naturam caelestem consequitur universam sicuti lux” // Ibid. P. 210.

⁶⁰ “Ergo, praeter motum et lucem, quique prodit a luce vivificus calor, alios a sideribus ad nos influxus devenire, aut illis inesse corporeas alias effectivas qualitates, nulla, ut vidimus apertiusque videbimus in sequentibus, experientia monstrat, cum per motum et calorificam lucem suum satis officium caelum undequaque implere posse videatur” // Ibid.

⁶¹ “Sic Aristoteles non aliter usquam dixit affici nos a caelo quam motu atque calore, id quod Averrois et Plotinus, magni in sua quisque familia viri, asseverantissime voluerunt” // Ibid.

остаётся открытым вопрос, по какому признаку те или иные свойства приписываются звездам⁶². Вне зависимости от полученных ответов, Пико считает их заранее ошибочными, потому что они не соотносятся с философией, логикой и физической реальностью. По его мнению, было бы нелепо считать, что движение, тепло или свет могут относиться к одной звезде; эти свойства, с помощью которых небо воздействует на человеческий мир, являются общими для всех звезд⁶³. Кроме того, ясно, что за исключением уже доказанного Пико воздействия света, движения и тепла никаких других физических влияний на низший мир звезды не оказывают. С одной стороны, способность влияния посредством этих трех свойств присуща каждой звезде, а с другой, — Солнце и Луна наиболее влиятельны среди других небесных тел, что, по Аристотелю, объясняется их особыми физическими свойствами.

В этом, по мнению Пико, кроется другая ошибка астрологов, считающих, что остальные звезды и планеты воздействуют на человеческий мир не менее сильно, чем Солнце и Луна⁶⁴. Такое заблуждение основано на вполне разумных доводах астрологов, которые не видели разницы между природой планет, поэтому приписывали всем им примерно одинаковое воздействие. Более того, подобное допущение признавал сам Аристотель в трактате «О небе», поэтому астрологи вполне могли использовать его авторитет как доказательство своей гипотезы⁶⁵. Пико

⁶² “Solent enim, qui contra sentiunt, cum lucem omnem caliditatis effectricem esse convincuntur, ita discernere esse omnes quidem stellas, quaecumque lucent, generali quidem communique omnibus proprietate productivas caloris; sed per proprias deinde illis vires competere, ut haec siccitatem, illa frigus, humiditatem alia largiatur; sic noctes in plenilunio esse calidiores, quia lumen uberius plus calefaciat; verum id non obstat quin Luna propria influentia vel frigefaciat aerem vel humefaciat. Ego igitur eos interrogo caloremne istum, quem communem omnibus stellis sicut lucem esse fatentur, ipsum ne — inquam — talem credant qualem nos diximus continentem eminentissime omnes quattuor qualitates, ideoque omnium cum secundis causis productivum, seipso vero diffusivum tantummodo sui ipsius; an potius contineri non credunt in eo ceteras affectiones, sed calorem dumtaxat, frigus vero, ut diversam rem a calore, a particulari alia sideris alicuius virtute manare. Utramvis eligant, incidunt, nisi fallor, in incommoda non mediocria” // Ibid. P. 210–212.

⁶³ “Praeter communem motus et luminis influentiam nullam vim caelestibus peculiarem inesse” // Ibid. P. 210; “Pari igitur exemplo, si naturam caelestem, quatenus est caelestis, consequitur calor ille vivificus, non consequetur peculiarem naturam sideris alicuius effectiva vis frigiditatis et siccitatis, quae sunt vitae contrariae qualitates” // Ibid. P. 214.

⁶⁴ “Stellas alias a Sole et Luna aut nihil, aut certe parum, in nos agere” // Ibid. P. 242.

⁶⁵ “Avenrodam sic argumentatur: «Agunt in nos Sol et Luna, igitur cetera, cum sint omnia eiusdem naturae». Placet species argumentationis, et Aristotelem sapit qui sic quoque argumentatur: «Luna non movetur proprio motu, sed cum sphaera quod eius maculae declarant; idem ergo de ceteris iudicandum, cum sit una natura omnium caelestium» // Ibid. P. 246. Ср.: Аристотель. О небе. II. 8.

же использует утверждение Аристотеля для доказательства того, что Солнце и Луна равным образом испускают лучи и этим воздействуют на мир — тем самым он вновь следует своей задаче «очистить» Аристотеля от приписываемых ему астрологических идей⁶⁶. Он признает принцип, выдвинутый астрологами, верным, но только в том случае, когда планеты рассматриваются сами по себе; в случае же попытки установить какие-то взаимосвязи или отношения между ними принцип перестает действовать. Так, было бы неверно приписывать Сатурну и Солнцу одинаковое влияние, ведь они находятся на неодинаковом расстоянии от Земли, что подразумевает разную силу излучения⁶⁷. Таким образом, несмотря на одинаковую природу небесных тел в силу других физических характеристик их воздействия не могут быть идентичными. Это дает Пико повод признать за излучающими телами три основных свойства: величину, плотность и близость. Им лучше всех соответствует Солнце, поэтому его воздействие следует признать самым существенным⁶⁸. Луна же находится ближе остальных небесных тел к Земле, поэтому ее лучи могут считаться столь же эффективными, как и солнечные⁶⁹. Однако остальные планеты и звезды не соответствуют этим трем принципам. Пико признает за неподвижными звездами восьмой сферы грандиозную величину, но в силу удаленности от Земли их лучи не воздействуют на нее. Планеты, прежде всего, Юпитер и Сатурн, которые Пико называет ближайшими к Земле, лишены такой возможности по той же причине. Эти тела во много раз превышают размеры Земли: по мнению Пико, звезды больше нашей планеты в 107 раз, Юпитер и Сатурн — соответственно в 95 и 91 раз; но внушительные расстоя-

⁶⁶ “Quare nos, iisdem vestigiis insistentes, ita colligemus: Sol calefacit, igitur Luna, quia sunt omnes eadem natura” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. III.* P. 246–248.

⁶⁷ “Et recte nos quidem colligemus, quoniam hoc tantum ratio probat, esse easdem omnium conditiones, quatenus absolute ad se considerantur; sed cum ad alias comparas, quoniam non eodem modo comparantur, ratio vacillat, quoniam si eadem quidem sua natura facturus est Sol quae Saturnus, non sequitur ut uterque erga nos idem faciat, quia alter ut propinquus, alter ut remotus nobis comparatur” // *Ibid.* P. 248.

⁶⁸ “Sic qui dicerent agere in nos tantum Solem ed Lunam, habent quas afferant rationes suae suspicionis, licet in omnibus sit caelestibus eadem natura; nam luminis efficacem in nos actionem tres praecipue faciunt lucentis corporis conditiones, magnitudo, densitas et propinquitas. Haec in Sole concurrunt omnia praecellenter, nam et proximus nobis, praesertim si supra Lunam collocatur, quod veteres et post Ptolemaeum, Ieber Theonque contendunt, et corpore ita vasto, ut maximam stellarum plus sexquialtera proportione superet, tum densissima luce conspicitur omnium fulgentissimus” // *Ibid.*

⁶⁹ “Luna adeo nostris regionibus est finitima, ut non possit non afficere quae etiam contingit; inde lux eius efficax necessario, quae non alia fere quam solaris” // *Ibid.*

ния между ними и Землей нивелируют значение их размеров⁷⁰. В отношении других планет, меньших и менее удаленных, действует тот же принцип: Марс всего в семь раз больше Земли; Венера и Меркурий и вовсе меньше Земли⁷¹. Я не буду останавливаться на том, что приводимые Пико расчеты величины планет и расстояния между ними и Землей могут показаться современному человеку странными. Он действует в традиции современного ему знания и ставит перед собой задачу не определить точное расстояние между Землей и, например, Сатурном, а показать фундаментальную ложность натурфилософских притязаний астрологического учения. Свои расчеты, отрицающие какие-либо значимые влияния других небесных тел, кроме Солнца и Луны, он дополняет несколькими ссылками на труды Аристотеля, в которых греческий философ признает подобное воздействие только за этими двумя светилами⁷². Таким образом, автор «Рассуждений против прорицательной астрологии» приходит к следующему выводу: хотя небесные тела действуют на Землю, физически влиятельным можно признать только излучение, производимое Солнцем и Луной. Остальные выдвинутые астрологами гипотезы о возможном воздействии других планет, равно по силе влиянию Солнца и Луны, следует отвергнуть как физически неверные.

В подтверждение своих слов Джованни Пико приводит несколько примеров, доказывающих, с его точки зрения, что астрологи ошибоч-

⁷⁰ “Hac non ita conditiones in aliis reperias, ut quod de Luna Soleque concesseris nequeas de reliquis non concedere; sed obstabit forsitan in octavae sphaerae luminibus etiam maximis ipsa distantia; obstabit eadem in Saturno Ioveque sideribus, quae sicut terrae propinquiora, ita etiam illis minora sunt. Traduntur enim maximae haerentes stellae terrae molem centies septiesque continere, at Iuppiter nonagesies quinquies, Saturnus nonagesies tantum et semel; quae non sunt dicta tamen scrupulosissime, et si sequimur experientiam videmus haerentium illarum, quamquam adeo vastae magnitudinis, radios nocte non persentiri, etiam si cum illis supra finitorem Saturnus et Iuppiter nos irradiant” // Ibid. P. 248–250.

⁷¹ “Mars longe magis corpore decrescit quam situ propinquat, nam proportionem habet ad terram sexquialtera paulo maiorem, ut unus Sol centum fere Martes includat; est enim Sol terra maior centies sexagesies sexies. Proinde cur absurdissima dixerit qui, sensu testante, vires Solis in corpora fassus, credat fieri posse, ut vires ad haec Martii sideris non pertingant, tanto illo minoris et remotioris item a terra. Credat idem de stella Veneris, remotiore forsitan etiam a nobis quam sit Sol, certe longe minore quam sit ipsa etiam terra, cuius nec pars vigesima esse putatur; nam Mercurius Luna minor, sicut a nobis quoque distantior” // Ibid. P. 250.

⁷² “Sed et ita putantibus astipulari videtur Aristoteles, qui quidem cum de motu agit omnium meminit, ut in libro *de caelo*, et supremi maxime motus, ut in postremo *physicae auscultationis* quoniam scilicet moventur ab his motibus omnia corpora. Cum vero de calore illo vivifico, foyente rerum generationes perficienteque, loquitur, aut tantum Solis, ut cum a Sole et homine generari hominem dixit, aut Solis et Lunae, ut in libris *de animalium generatione*, facit mentionem, ut si quis hanc Aristoteles opinionem fuisse contendat, nullis possit eius philosophiae dictis refutari” // Ibid.

но приписывают Солнцу и Луне эффекты, которых те в действительности не производят. Для опровержения доводов своих оппонентов Джованни Пико прибегает к стандартным методам: он по-прежнему подчеркивает противоречия между астрологами и утверждает, что их расчеты и предположения не обоснованы опытными данными. Так, он отвергает какие-либо астрологические подтексты смены времен года и замечает, что метеорологические явления следует объяснять исключительно естественными причинами⁷³. Точно так же он интерпретирует сезонные заболевания, которые, по его словам, определяются состоянием воздуха и действиями солнечных лучей в соответствующее время года, а не положением светил в знаках Зодиака, как это пытались представить астрологи⁷⁴. Пико настаивает, что никакое воздействие не может приобрести конкретных очертаний без учета состояния материи, которая принимает лучи светил. Дифференциация температуры и погоды может происходить из-за случайных феноменов, которые не могут быть точно предсказаны; они, не отменяя основных принципов определения смены времен года, могут влиять на метеорологическую картину; а материя, принимая их, по-другому будет реагировать на солнечное и лунное излучения⁷⁵.

Сходным образом, с регулярными отсылками к эмпирическому знанию, Пико объясняет расчет времени, благоприятного для навигации⁷⁶, и различия между жителями той или иной области Земли⁷⁷. Воспроизводя в последнем случае традиционную трактовку расовых особенностей, идущую от Гиппократата, Пико никоим образом не стремится унижить одних народы в сравнении с другими: он видит в таких различиях некоторую природную закономерность, которая не может полностью поглотить индивидуальные характеристики представителей этих народов. Несмотря ни на что, у человека остается способность к самоопределению.

Столь же решительно Пико опровергает астрологическую интерпретацию тех воздействий на подлунный мир, которые производит другое светило — Луна. За ней Пико закрепляет лишь естественные влияния — излучаемый свет, тепло и влагу. Интересно, что за подтверждением своих слов Пико обращается к Птолемею — как к подлинному, автору «Четверокнижия», так и ложному, составителю «Стослова»⁷⁸. Как заявляет автор «Рассуждений», никакой лунной астрологии не существует; ночное светило ограничивается только такими при-

⁷³ Ibid. P. 276–278.

⁷⁴ Ibid. P. 278–280.

⁷⁵ Ibid. P. 280–282.

⁷⁶ Ibid. P. 282–284.

⁷⁷ Ibid. P. 288–290.

⁷⁸ Ibid. P. 296–298. Ср.: *Claudio Tolomeo. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos)*. I. 8; “Ἐν τῷ πρώτῳ τῆς σελήνης τετραγώνῳ ἐκρέουσιν αἱ ὑγρότητες τῶν σωμάτων μέχρι τοῦ δευτέρου, ἐν δὲ τοῖς λοιποῖς ἐλαττοῦνται” // *Ptolemaeus. Καρπός*. 56.

родными влияниями⁷⁹. Сезонные наблюдения не имеют ничего общего с небесным предопределением, влияния Луны, как и Солнца, не императивны, они объяснимы физически и происходят исключительно по естественным причинам. Данные о передвижениях Луны и о ее меняющемся воздействии, полученные опытным путем, используются в сельском хозяйстве, навигации и медицине. Пико последовательно приводит примеры, подтверждающие их применение на практике. И если в случае с аграрной сферой Пико пытается не допустить астрологических толкований Гесиода⁸⁰, то в области медицины он, напротив, обрушивается на признанного авторитета — Галена. Пико осуждает античного мыслителя за решение использовать астрологические данные в медицинских целях и добавляет, что это порочит славное имя Галена⁸¹. Одновременно с этим, по словам Пико, последователи Галена исказили его учение, а это привело к противоречиям при описании одних и тех явлений⁸². Излюбленный аргумент Пико дополняет ссылкой на других медицинских авторитетов, которые, по его убеждению, в своей работе никогда не прибегали к помощи астрологии⁸³.

И, наконец, последний пункт, касающийся ложной интерпретации природных воздействий Луны, связан с чередованием приливов и отливов⁸⁴. Позже проблемой приливов интересовался Галилей: как известно, он составил трактат «Рассуждение о причинах приливов и отливов», где предполагал, что предложенное им физическое объяснение приливов и отливов способно доказать вращение Земли вокруг Солнца. Впоследствии Галилей решил дополнить свою точку зрения новыми доводами и тем самым значительно расширил первоначальный замысел — так появился «Диалог о двух главнейших системах ми-

⁷⁹ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. III. P. 298.*

⁸⁰ *Ibid. P. 298–302.*

⁸¹ “*Nam hoc medici officium, in qua professione praecellentem Galenum vereque divinum cum doctorum consensu probamus et admiramur. At cum causa investigatur eorum dierum, quod altioris hoc opus philosophiae, non modo praeiudicii, sed nec maioris testimonii loco sententia fuerit Galeni, quando, quod Moses Aegyptius et Avicenna, magni viri magnique in medicina Galeni fautores, tradunt, plus ramis scientiarum reliquarum quam radicibus inhaesit*” // *Ibid. P. 336.*

⁸² *Ibid. P. 322.*

⁸³ “*Falso autem quidam ex neotericis hoc quoque Avicennam et Hippocratem opinatos tradunt. Nam Hippocrates quidem nusquam super hoc verbum, sed hunc potius ordinem rettulisse nixus ad numeros quos libenter observare natura soleat, in quod Celsus Asclepiadesque notarunt. Avicenna, cum meminisset opinionis referentis haec ad Lunam, multa, inquit, in his dictis ambiguitas. Tum quaestionem reiecit, ut cuius perscrutatio ad medicum non spectaret, quin illi potius esset impedimento*” // *Ibid. P. 334–336.*

⁸⁴ Некоторые рассматриваемые здесь вопросы см. также в: *Акопян О.Л. От споров об астрологии к новой астрономии? К вопросу об одной историографической проблеме. С. 637–639.*

ра»⁸⁵. Несмотря на то, что выводы Галилея о происхождении приливов затем были отвергнуты, именно его имя обыкновенно связывают с этим вопросом. Правда, как будет показано ниже, дискуссии о возникновении приливов имеют давнюю историю.

В Средние века существовало несколько объяснений феномену приливов и отливов⁸⁶. Пожалуй, основными можно считать три. Согласно первому, приливы определяются тем, что на дне существуют подводные расщелины, из которых с течением времени вытесняется вода, тем самым повышая уровень морей и океанов. Из этого следует, что более глубокие бассейны как будто вытесняют мелкие, которые вынуждены подниматься. Сторонники второй точки зрения считали, что чередование приливов и отливов можно объяснить натуральными причинами — ветрами, уровнем солей в воде, уровнем нагревания воды и прочими. Наконец, третья гипотеза имела ярко выраженное астрономическое и астрологическое происхождение — частота приливов и отливов находится в прямой зависимости от лунных циклов и зависит от расположения и степени воздействия светила на подлунный мир. Такая трактовка быстро стала доминирующей; свидетельством тому может служить, например, трактат о приливах, который приписывался Роберту Гроссетесту⁸⁷. Стоит также добавить, что нередко средневековые ученые и мыслители использовали вместо Луны Солнце или другие небесные тела, в частности, остальные планеты. Неудивительно, что эта интерпретация предоставляла благоприятную почву для астрологических спекуляций и получила поддержку среди прорицателей. Ключевую роль в формировании двух последних точек зрения сыграли труды Абу Машара. Он не только пытался доказать астрологические начала приливов, но и прежде всего, настаивал на их природном происхождении, в первую очередь, благодаря ветру.

Джованни Пико был хорошо знаком с этими дискуссиями о происхождении приливов⁸⁸. Учитывая характер «Рассуждений», неудивительно, что он полностью отверг предположение, будто на чередова-

⁸⁵ Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира, Птолемеевой и Коперниковой / Пер. А.И. Долгова. М.;Л., 1948. О приливах у Галилея см.: Там же. С. 297–328; Naylor R. Galileo, Copernicanism and the Origins of the New Science of Motion // The British Journal for the History of Science. 2003. Vol. 36. № 2. P. 151–181; Idem. Galileo's Tidal Theory // Isis. 2007. Vol. 98. № 1. P. 1–22.

⁸⁶ Об истории вопроса см.: Bonelli F., Russo L. The Origin of Modern Astronomical Theories of Tides: Chrisogono, de Dominis and Their Sources // The British Journal for the History of Science. 1996. Vol. 29. P. 385–401; Russo L. Flussi e riflussi. Indagine sull'originedi una teoria scientifica. Milano, 2003; Deparis V., Legros H., Souchay J. Investigations of Tides from the Antiquity to Laplace // Tides in Astronomy and Astrophysics / Ed. J. Souchay, S. Mathis and T. Tokieda. Berlin; Heidelberg, 2013. P. 31–82.

⁸⁷ Виноградов К.П. Приписываемый Роберту Гроссетесту трактат о приливах // Историко-астрономические исследования. 2005. № 30. С. 227–257. Я благодарен Г.Е. Куртику за то, что он любезно указал мне на эту публикацию.

⁸⁸ Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. III. P. 304–320.

ние приливов и отливов воздействует Луна⁸⁹. Однако Джованни Пико совершает эту ошибку, следуя заранее намеченной цели: его задача заключается в полном отрицании каких-либо астрологических характеристик Луны — пусть даже приведенные им данные, как нам сейчас известно, противоречат действительности. Не менее категоричен он в отношении теории о глубине моря, которую он назвал астрологическим ухищрением, хотя видимой причины для такого наименования найти трудно. Поэтому Джованни Пико предпочитает интерпретировать это явление через природные причины, в частности, через ветер. Однако, по понятным причинам, Джованни Пико не может заявить о том, что он поддерживает позицию Абу Машара, постоянно критикуемого в «Рассуждениях», и потому избирает в свои «союзники» другого автора — «Аделанда Араба».

Упоминание этого персонажа весьма интересно. В «900 тезисах» Пико среди авторитетов-платоников называет некоего Аделанда Араба, которого часто отождествляют с Аделардом Батским⁹⁰. В «Рассуждениях» Пико один раз называет его Аделардом, однако ниже встречается имя Аделанд⁹¹. Нет никаких оснований полагать, что эти два имени принадлежат двум разным людям, скорее всего под Аделандом Пико подразумевает все того же английского мыслителя. Еще одним доказательством верной идентификации «Аделанда» из «900 тезисов» служит утверждение Пико, что Аделард следовал авторитету арабов. Хорошо известно, что английский философ был одним из первых интерпретаторов арабской научной и философской литературы на Западе. Возможно, именно поэтому Пико постоянно относит его к носителям знания восточных мудрецов.

Тем самым, при помощи отсылки к Аделарду, который воспроизводит все ту же концепцию Абу Машара, Джованни Пико удается достичь своей главной цели — не упоминая имени крупнейшего астрологического авторитета, указать на не-астрологическое объяснение интересующего его феномена. В качестве последнего довода, убеждающего все еще сомневающихся, Пико ссылается на противоречивые суждения астрологов, которые не могут прийти к единому мнению по данному вопросу⁹². При помощи излюбленного полемического метода Пико дополнительно подтверждает свой основной тезис, что астрологические расчеты противоречат реальности и опыту.

Таким образом, натурфилософские взгляды Джованни Пико, изложенные в третьей книге «Рассуждений против прорицательной астро-

⁸⁹ "Aestus maris in aliam causam quam in Lunam referri posse, in quam et si referantur nihil inde iuari astrologiam" // Ibid. P. 304.

⁹⁰ "conclusiones secundum Adelandum Arabem" // Farmer S.A. Syncretism in the West. P. 13–14.

⁹¹ Гарэн в издании «Рассуждений» заменил имя Аделанд на Аделард: *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. III. P. 308.

⁹² Ibid. P. 310–316.

логии», представляются весьма традиционными. Для анализа важнейших категорий, которые оказались в поле его внимания, — движения, света и тепла, — он сознательно в качестве главного своего источника избирает Аристотеля. Отчасти его связано с его желанием освободить Аристотеля от притязаний астрологов, которые стремились использовать наследие Стагирита для подтверждения своих теорий. С другой стороны, не только в третьей книге «Рассуждений», но и в целом на протяжении всего трактата Пико целенаправленно ориентируется на классические, традиционные источники. Даже в тех случаях, когда он мог, по всей видимости, использовать другие, «новомодные» тексты, вроде Ямвлиха, он намеренно этого не делает. Этим подходом можно объяснить не только редкие упоминания представителей неоплатонической «семьи», но и почти полное отсутствие ссылок на Платона. В отношении же вопросов, связанных с богословием, Пико следует традиционной теологии, упоминая, прежде всего, Августина и Фому Аквинского. Несомненно, выбор этих мыслителей и приверженность трудам Аристотеля, проявленная Пико в вопросах натурфилософии, — осознанное решение автора «Рассуждений», которое знаменует собой трансформацию его интеллектуальных ориентиров.

По мнению одного исследователя, после провала римского диспута Джованни Пико утратил полемический задор и амбиции⁹³. Такой вывод вполне типичен: в литературе Пико рисуется молодым, дерзким новатором и обыкновенно ассоциируется с «Речью о достоинстве человека» и «Трилогией»; после же того, как он оказался во Флоренции, он будто бы моментально оказался под влиянием Савонаролы, подавившего его волю. Очевидно, что эту точку зрения стоит признать устаревшей. Экзегетические тексты, написанные после 1489 г., напротив, лишь подтверждают, что Джованни Пико не отказался от оригинальных идей — об этом говорит хотя бы само решение интерпретировать Книгу Бытия и Псалтирь при помощи еврейской каббалы. Трактат «О Сущем и Едином» и, разумеется, «Рассуждения» же буквально пропитаны полемическим задором автора. Правда, существенно изменились его подходы. Джованни Пико отказался от следования «специфическим» источникам, к которым он часто обращался в молодости, — Гермесу, Зороастру, неоплатонической традиции. В «Рассуждениях» мы практически не встречаем ссылок на тексты еврейских каббалистов и вообще на еврейскую традицию; автор «Рассуждений» критически относится к тем трактатам, которые ранее привлекали его внимание и считались примерами древнейшего философского и богословского знания. Полемичность Пико никуда не исчезла, но, несмотря на сохранившуюся остроту высказываний, несомненно, он стал принципиально ориентироваться на других авторитетов. Венцом этой трансформации стала критика теории «древней теологии».

⁹³ Roulier F. Jean Pic de la Mirandole. Humaniste, philosophe, théologien. P. 113–114.

ГЛАВА V

Грехи молодости: Джованни Пико делла Мирандола против «древней теологии»

Как мы уже говорили, вопрос об авторстве «Рассуждений» до сих пор остается неразрешенным. Хотя, вероятно, бóльшая часть трактата была действительно написана Джованни Пико, отдельные фрагменты только усиливают подозрение, что Джанфранческо как-то изменил оригинал. Пожалуй, самый характерный случай — последняя, двенадцатая книга «Рассуждения». В ней, вновь касаясь вопроса об источниках и происхождении астрологии, Джованни Пико выступает против теории «древней теологии».

Согласно указанной доктрине, существует единая истинная религия, плоды которой на протяжении истории проявляются в разных обществах. Причем неважно, придерживаются ли их представители догматов этой религии — ничто не способно ограничить манифестацию божественного. Истоки данного представления легко обнаружить в раннехристианских источниках: например, хорошо известно, что в тексте четвертой эклоги «Буколик» Вергилия видели предзнаменование пришествия Христа¹. Разумеется, для европейских мыслителей XV в. истинной религией было христианство, отдельные элементы которого можно найти в других, даже языческих культурах. Это позволяет говорить о существовании некоей «вечной философии» или «древней теологии», в основе которой лежит христианское вероучение².

¹ Классическая работа об этом: *Bourne E.* The Messianic Prophecy in Vergil's Fourth Eclogue // *The Classical Journal*. 1916. Vol. 11. № 7. P. 390–400. О том, как представления о профетических способностях античных сивилл и оракулов оказались востребованы в христианской литературе, см.: *Parke H.W.* Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity. L.;N.Y., 1988. P. 152–173

² Эта тема была подробно рассмотрена в историографии. Для общей информации см. в первую очередь: *Schmitt C.* Perennial Philosophy from Agostino Steuco to Leibniz // *Journal of the History of Ideas*. 1966. Vol. 27. P. 505–532; *Idem.* *Prisca Theologia e Philosophia Perennis: due temi del Rinascimento italiano e la loro fortuna* // *Il pensiero italiano del Rinascimento e il tempo nostro* / A cura di G. Tarugi. Firenze, 1970. P. 211–236; *Walker D.* The Ancient Theology: Studies in Christian Platonism from the Fifteenth to the Eighteenth Century. L., 1972; *Vasoli C.* Dalla pace religiosa alla *prisca theologia* // Firenze e il Concilio del 1439 / A cura di P. Viti. Firenze, 1994. P. 3–25; *Schmidt-Biggemann W.* *Philosophia perennis*. Historical Outlines of Western Spirituality in Ancient, Medieval and Early Modern Thought. Dordrecht, 2004.

На рубеже XV и XVI вв. представление о существовании такой «древней теологии» было весьма распространенным, чему способствовали Георгий Гемист³ и Марсилио Фичино. В своих «Законах» Плифон говорил о необходимости восстановления культов языческих богов. В «древней теологии», идущей от Зороастра, он усматривал источник истинной мудрости⁴. Приезд Плифона в составе византийской делегации на Ферраро-Флорентийский собор стал событием: на своих европейских коллег он произвел сильное впечатление. Впоследствии Сиджизмондо Малатеста даже перевез в Италию останки Плифона, вероятно, покончившего с собой в 1454 г.,⁵ и торжественно захоронил их в Темпио Малатестиано в Римини⁶.

Марсилио Фичино, хорошо знакомый с трудами и идеями Плифона, позаимствовал у него теорию «древней теологии», в которой маги прошлого — Зороастр, Гермес Трисмегист, Орфей — соседствовали с христианством⁷. Во введении к своему фундаментальному трактату «О христианской религии» Фичино замечает, что божественные воля и мудрость отражаются в учениях тех народов, которые к христианству отношения не имеют: он перечисляет еврейских пророков, «персидских жрецов-магов», индийских брахманов, галльских друидов и многих других «древних теологов». При этом Фичино подчеркивает две вещи: во-первых, все те, кому высокое знание о Боге оказалось доступно, были людьми учеными; и, во-вторых, им было свойственно занятие сакральными церемониями и обычаями, жречеством и прочими

³ Об этом, пожалуй, самом интересном персонаже поздневизантийской философии написано достаточно много. Перечислим классические работы: *Masai F. Pléthon et le platonisme de Mistra*. P., 1956; *Woodhouse C. George Gemistos Plethon: the Last of the Hellenes*. Oxford, 1986; *Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв.* СПб., 1997. При всем уважении к этим достойным и знаменитым работам, многие выводы в них устарели. Из последних исследований о философии Плифона стоит выделить книгу: *Hladký V. The Philosophy of Gemistos Plethon: Platonism in Late Byzantium, between Hellenism and Orthodoxy*. Farnham, 2014.

⁴ О том, как Ренессанс воспринимал «Оракулов», которые приписывались Зороастру: *Dannenfeldt K. The Pseudo-Zoroastrian Oracles in the Renaissance // Studies in the Renaissance*. 1957. Vol. 4. P. 7–30.

⁵ *Monfasani J. Pletho's Date of Death And the Burning of His Laws // Byzantinische Zeitschrift*. 2006. Vol. 98. S. 93–97; *Trovato S. Il giorno della morte di Pletone (26 giugno): una imitatio Iuliani? // Byzantinische Zeitschrift*. 2013. Vol. 106. № 1. S. 163–173.

⁶ *Blum W. Sigismondo Pandolfo Malatesta (1417–1468): Stadtherr von Rimini, Neuheide und Verehrer Plethons // Georgios Gemistos Plethon. The Byzantine and the Latin Renaissance / Ed. J. Matula and P. Blum. Olomouc, 2014. P. 11–38.*

⁷ О влиянии Плифона на Фичино см.: *Klutstein I. Marsile Ficin et la théologie ancienne. Oracles Chaldaïques, Hymnes Orphiques, Hymnes de Proclus*. Firenze, 1987; *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone*. P. 25–27. *Tambrun B. Ficin, Pléthon et les mages disciples de Zoroastre // Marsile Ficin: les platonismes à la Renaissance / Éd. P. Magnard. P., 2001. P. 169–180; Eadem. Pléthon. Le retour de Platon*. P., 2006. P. 241–259.

вещами, простым смертным недоступным⁸. Под этим Фичино, несомненно, понимает высокое оккультное знание, которое является прерогативой истинных магов. Более того, он полагает, что Платон, переводу и комментированию которого он посвятил многие годы своей жизни, аккумулировал это знание и полноценно раскрыл его в своих диалогах, а позже передал его своим последователям. В знаменитом фрагменте из трактата «О христианской религии», где Фичино перечисляет «древних теологов», он замечает, что настоящий смысл платоновского учения был раскрыт только благодаря христианам, которые обнаружили сходство между ним и своей религией. Это приводит Фичино к предположению, что наиболее важные «мистерии» неоплатоников обнаруживаются еще в Евангелии и у Отцов Церкви⁹.

Но утверждение всех этих многочисленных связей между «древними теологами», платониками и христианством приводит к радикальному изменению статуса магии, а с ней и астрологии. После того как в XII–XIII вв. средневековая Европа открыла для себя магические, астрологические и алхимические трактаты, сформировалось несколько подходов к восприятию этого наследия. Оставляя за скобками действительный оккультизм — черную магию, магию приворота и прочие штудии, — а также противников астрологии и алхимии, коих было немало, обратим внимание на два аспекта. Во-первых, считалось, что разнообразные магические практики, в первую очередь астрологические, могут быть использованы религиозными мыслителями для дополнительного доказательства христианского вероучения. Это, в частности, проявилось в трудах Роджера Бэкона и Петра из Айи, о чем мы уже упоминали. С другой стороны, магия стала объектом спекуляций «магистров искусств», т.е. философов, противопоставлявших себя теологам. Несмотря на запреты епископа Стефана Тампье¹⁰, магистры, ориен-

⁸ «Aeterna Dei sapientia statuit divina mysteria, saltem in ipsis religionis exordiis, ab illis duntaxat tractari: qui veri essent verae sapientiae amatores. Quo factum est, ut idem apud priscos rerum causas indagarent et sacrificia summae ipsius rerum causae diligenter administrarent, atque idem apud omnes gentes philosophi et sacerdotes existent... Prophetae igitur Hebraeorum atque Essaei sapientiae simul et sacerdotio incumbabant. Philosophi a Persis, quia sacris praeerant, magi, hoc est, sacerdotes, sunt appellati. Indi Brachmanas de rerum natura simul, atque animorum expiationibus consulebant. Apud Aegyptios Mathematici et Metaphysici sacerdotio fungebantur et regno. Apud Aethiops gymnosopistae philosophiae simul magistri erant ac religionis antistites. Eadem in Graecia consuetudo fuit sub Lino, Orphaeo, Musaeo, Eumolpo, Melampo, Trophimo, Aglaophemo atque Pythagora. Eadem in Gallia sub Druidum gubernaculis. Quantum apud Romanos Numae Pompilio, Valerio Sorano, Marco Varroni multisque aliis sapientiae simul, sacrorumque studium fuerit, quis ignoret?» // Marsilii Ficini Florentini de Christiana religione liber, ad Laurentium Medicem Patriae servatorem // Marsilii Ficini opera. I. Prooemium. P. 1.

⁹ Ibid. XXII. P. 25.

¹⁰ Текст знаменитых тезисов, в которых епископ Парижа осуждал магистров искусств: Парижское осуждение 1277 г. / Вступ. ст. и пер. О.Л. Акопяна // Inter Esse. 2011–2012. №1 (осень–зима). С. 117–127. Об истории текста и споров, его окружавших, см.: Bianchi L. Il vescovo e i filosofi. La condanna parigina del 1277 e l'evoluzione dell'aristotelismo scolastico. Bergamo, 1990; La condamnation parisienne de 1277 / Texte latin, traduction, introduction et commentaire par D. Piché. P., 1999.

тировавшиеся на философию Аристотеля и традицию его комментаторов, увидели в магии существенный элемент для изучения природы¹¹. Фичино же предлагает понимать весь спектр магического знания по-иному: магия отныне предстает не как помощница богословия, но как ее предтеча. Тот оккультизм, о котором говорит Фичино, не нуждается в согласовании с христианской догматикой, поскольку, по мнению флорентийского мыслителя, у них общие корни и основания. Задача философа — лишь обнаружить их и верно интерпретировать; в случае успеха он сам может стать магом-священником (*magus cum sacerdos*)¹². Несомненно, такое представление о магии — важной составляющей «древней теологии» — сильно отличалось от средневековых воззрений: ныне астрология и магия не находятся в противоречии с христианством, а являются существенной частью его предшественницы. Эта идея в том или ином виде проходит сквозной нитью через основные магико-астрологические сочинения Фичино¹³.

Джованни Пико последовал за модой. Разумеется, основным его вкладом в саму концепцию «древней теологии» стала т.н. «христианская каббала» — отдельные примеры того, как Пико связывает еврейский мистицизм с христианским учением, я уже приводил. Правда, каббалой Пико не ограничивался: в частности, в самом начале своей знаменитой «Речи» он говорит о полном единодушии «древних теологов» по вопросу о центральном положении человека в системе мироздания¹⁴; в одном из каббалистических тезисов он замечает, что как минимум шесть «древних теологов» признавали существование Сына Божия, пусть и называли Его другим именем¹⁵. Наконец, он использует известное положение еврейской традиции о Тетраграмматоне — непроизносимом четырехбуквенном имени Бога — для того, чтобы доказать божественность Христа¹⁶. Такая комбинаторика встречалась у последующих «христианских каббалистов»: о том, что под четырьмя еврейскими буквами в действительности зашифрован Христос, говорили Иоганн Рейхлин, Франческо Дзордзи и другие мыслители.

¹¹ Об этих двух подходах к магии, астрологии и алхимии в Средние века см.: *Federici Vescovini G. Medioevo magico: la magia tra religione e scienza nei secoli XIII e XIV. Torino, 2008.*

¹² *Zambelli P. White Magic, Black Magic in the European Renaissance. Leiden; Boston, 2007. P. 131.*

¹³ В данный момент я работаю над монографией об астрологических воззрениях Фичино, где, надеюсь, этот вопрос будет рассмотрен максимально обстоятельно.

¹⁴ *Pico della Mirandola G. Discorso sulla dignità dell'uomo. P. 2–4.*

¹⁵ “*Illud quod apud Cabalistas dicitur מַשְׁמַתָּה, illud est sine dubio quod ab Orpheo Pallas, a Zoroastre materna mens, a Mercurio Dei filium, a Pythagora sapiencia, a Parmenide sphaera intelligibilis nominatur*” // *Conclusiones Cabalisticæ numero LXXII, secundum opinionem propriam, ex ipsis Hebraeorum sapientum fundamentis Christianam Religionem maxime confirmantes. 10.*

¹⁶ *Ibid. 7; 14–15.* О Тетраграмматоне на службе «христианских каббалистов»: *Secret F. I cabbalisti cristiani del Rinascimento. P. 61, 67–71, 137–140; Wilkinson R.J. Tetragrammaton: Western Christians and the Hebrew Name of God. Leiden; Boston, 2015.*

После того как римский диспут провалился, а Пико оказался во Флоренции благодаря заступничеству Лоренцо Медичи, он не отказался от своих каббалистических увлечений и по-прежнему настаивал на связи других религиозных традиций и христианства. В «Гептапле», которому Пико предпослал подзаголовок «Семь толкований на шесть дней Творения», он замечает, что элементы учения Моисея проявились в других обществах, прежде всего, в Египте, откуда они перекочевали в Грецию и потому обнаруживаются у многих философов, например Пифагора, Платона, Эмпедокла и Демокрита¹⁷. Таким образом, Моисей оказывается первым «древним теологом», благодаря которому истинное знание распространилось по всей земле.

Кроме того, каббалистические элементы отразились в структуре «Гептапла» и его содержании. Можно смело сказать, что «Гептапл» — наиболее цельное сочинение Пико, выстроенное по совершенно идеальной структуре. Каждое из семи толкований разделено на семь глав, что в конечном итоге дает 49 самостоятельных фрагментов текста. Нумерологический выбор кажется неслучайным. Число «семь» в системе Пико неразрывно ассоциируется со *sciabat* (шабатом), который, с одной стороны, воспринимается как высшая точка достижения единения с Богом и полное умиротворение¹⁸. С другой же стороны, это глубоко эсхатологический образ, знакомый средневековой христианской традиции: седьмой день, за которым неизбежно следует восьмой и последний День. Пико упоминает о шабате в «Тезисах»¹⁹. Более того, он был знаком с некоторыми текстами, трактующими эту высокую каббалистическую символику. Так, ему был доступен трактат *Portae iustitiae* («Двери справедливости»), написанный Моше бен Рахманом (Нахманидом) и незадолго до того переведенный на латынь Эгидием из Витербо²⁰. В этом тексте речь идет о 49 порогах — воротах познания, которые были открыты Моисею на горе Синай. Только преодолев их, можно достичь высшей мудрости и единения с Богом. Представление об этих 49 «воротах познания» возникло в XIII в. в Испании, а затем было перенесено в Италию. Авраам Абулафия и Менахем бен Реканати, с творчеством которых Пико был хорошо знаком благодаря переводам, сделанным для него Флавием Митридатом, поддерживали эту идею. Именно поэтому число 49 Пико аллегорически представил в структуре своего трактата.

После того как эти «ворота познания» преодолены, перед человеком открывается сфера божественного. Последняя, пятидесятая глава «Геп-

¹⁷ *Pico della Mirandola G. Heptaplus. Prooemium. P. 170, 178–180.*

¹⁸ Об этом см.: *Black C. Pico's Heptaplus and Biblical Hermeneutics. P. 223–227.*

¹⁹ “Ex mysterio trium literarum, quae sunt in dictione Sciabat, id est שבת, possumus interpretari Cabalistiche tunc sabbatizare mundum, cum Dei filius fit homo, et ultimofuturum sabbatum, cum homines in Dei filium regenerabuntur” // *Conclusiones Cabalisticae numero LXXII, secundum opinionem propriam, ex ipsis Hebraeorum sapientum fundamentis Christianam Religionem maxime confirmantes. 16.*

²⁰ *Black C. Pico's Heptaplus and Biblical Hermeneutics. P. 227–230; Ogren B. The Forty-Nine Gates of Wisdom as Forty-Nine Ways to Christ: Giovanni Pico della Mirandola's Heptaplus and Nahmanidean Kabbalah // Rinascimento. 2009. Vol. 49. P. 27–43.*

тапла» посвящена трактовке слова *bereshit*, «в начале», т.е. первого слова Торы²¹. Такая последовательность глав имеет большое теологическое значение, поскольку, согласно Пико, конечное раскрывается в начале; нечто сходное представлено в «Речи», где Пико говорит о человеке как о «новом Адаме». В «Гептапле» же Пико объясняет значение слова *bereshit* с помощью буквенной комбинаторики. С его точки зрения, каждая буква этого слова, по очереди соединяясь со всеми другими буквами, образует целую фразу из двенадцати слов, которая подтверждает догмат Троицы и то, что все сущее было сотворено «Отцом, в Сыне и через Сына»²². Наконец, в «Комментариях на Псалмы» Пико регулярно ссылается на талмудическую традицию. Однако всего через пару лет никаких следов того, что Пико когда-то интересовался «древней теологией», не осталось. Те мыслители, на которых он ссылался еще в «Комментариях на Псалмы», например, Авраам ибн Эзра, в «Рассуждениях» представлены в негативном свете.

Таким образом, на протяжении долгого времени «древняя теология» играла важную роль в философско-теологических построениях Джованни Пико. Единственным текстом, где, несмотря на редкие упоминания имен «древних теологов», он де-факто критикует саму теорию, оказываются «Рассуждения против прорицательной астрологии». Это заставляет поставить два вопроса. Прежде всего, при чтении двенадцатой книги «Рассуждений» и трудов Джанфранческо Пико легко обнаружить много сходного; резко негативное отношение к «древним теологам» и идолопоклонству — один из характернейших примеров. Учитывая подозрения современников, что Джанфранческо изменил текст «Рассуждений», можно предположить, будто последняя книга трактата, во многом противоречащая прежним интеллектуальным установкам Джованни Пико, была написана (или модифицирована) его племянником. Если автором был все же сам Джованни Пико, то что побудило его столь радикально изменить свое отношение к «древней теологии»? На эти вопросы мы попытаемся ответить в этой главе.

С точки зрения стиля, последняя книга «Рассуждений» слабее остальных. Она совершенно лишена изящества «Речи» или «Письма к Эрмолао Барбаро». Может показаться, что эта книга носит черновой характер, в ней встречается множество повторов. Однако при более внимательном чтении ощутим остов повествования, хотя его детализация не отличается совершенством. Джованни Пико не успел отшлифовать данный фрагмент трактата, но основная канва намечена четко. Сначала он объясняет причины, по которым древние народы стали заложниками астрологического суеверия; затем, после анализа некоторых основных астрологических терминов, возникших в глубокой древности, он касается того, как именно астрология распространялась от древнейших обществ — египетского и халдейского — к грекам, арабам и впоследствии оказалась на

²¹ *Pico della Mirandola G. Heptaplus. P. 374–382.*

²² “Et totam si ordine consequenti orationem texamus, erit huiusmodi: Pater in Filio et per Filium principium et finem sive quietem creavit caput ignem et fundamentum magni hominis foedere bono” // *Ibid. P. 378.*

христианском Западе. Как раз в последней части уже изложенный материал повторяется особенно часто. Здесь можно обнаружить много перекличек с текстом первой книги «Рассуждений», однако полного совпадения Пико все же удается избежать. Он как будто еще раз напоминает некоторые основные вехи в развитии астрологии и объясняет, почему на том или ином этапе это суеверие смогло выйти на поверхность.

По словам Пико, в предыдущих книгах «Рассуждений» его основной целью было показать расхождения между астрологами по всем ключевым вопросам, которые затрагивает область их знания. Причина же, побудившая их довериться астрологии, едина. Пико замечает, что астрология овладевает «нами» сообразно «нашим заслугам»²³: таким образом, между проступками людей и усилением суеверий существует прямая связь. Пожалуй, такая фраза была бы более уместна в устах Джироламо Савонаролы или в текстах Джанфранческо Пико; старший Пико, которого мы обыкновенно представляем блестящим молодым человеком, как будто должен быть далек от резкого осуждения человеческих грехов. Ответственность за распространение астрологических взглядов Джованни Пико возлагает на древние народы и их суеверных последователей. Наряду с традиционными противниками — халдеями, египтянами, Птолемеем и восточными астрологами — он упоминает иудеев. Этот факт кажется удивительным, учитывая то уважение, которое Пико прежде испытывал к еврейской учености. Правда, дальше общих замечаний о том, что иудеи не избежали астрологической напасти, он не идет, а основные претензии предъявляет халдеям и египтянам.

Первое, на что Пико обращает особое внимание читателя, — желание астрологов приписать свое заблуждение Божественному Промыслу. Для христианина не может быть сомнений, что астрология возникла не по разумению Бога, но из-за коварства дьявола²⁴. Пожалуй, такая аргументация, с отсылками к козням врага рода человеческого, не слишком характерна для творчества Джованни Пико. Тем не менее, автор последней книги «Рассуждений» замечает, что для подтверждения своего учения астрологи придумывают самые разные небылицы. Согласно одной из них, в числе других благ Бог будто бы даровал Адаму астрологическое знание; впоследствии оно было передано Ною, сын которого Ионик, по заявлению некоего Мефодия, сделал много самых разных предсказаний, основываясь на астрологии. Уже затем от сыновей Ноя об астрологии узнал Авраам, который обучил египтян ее основам; египтяне же передали ее грекам, греки — латинянам²⁵. К сожалению, не очень понятно,

²³ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. XII. 1. P. 484–486.*

²⁴ “Quid, si mihi sermo cum Christianis, quaeram putent a Deo revelatam, aut a daemone potius? A Deo dici non potest, siquidem illam litterae sacrae divinae vocis interpretes interdicunt. Si respondeant a daemone, nulla fides daemoni, quem mendacii patrem Deus appellavit” // *Ibid.* P. 486.

²⁵ “Hinc illorum insania confutatur, qui divinitus hanc scientiam, sicut alias omnes, Adae collatam fabulantur, a quo per manus devenere ad Noe, cuius filium Ionicum referat Methodius multa futura per hanc artem praedixisse; tamen per filios Noe superstites cataclysmo ad Abraam Patriarcham, qui docuerit eam Aegyptios, teste Josepho, et ab Aegyptiis ad Graecos, a Graecis ad Latinos devolutam” // *Ibid.*

какой именно источник использовал Пико, приводя эту астрологическую небылицу. Для него принципиально важно отвергнуть еврейское и библейское происхождение астрологии; иначе подобные измышления могут угрожать христианскому вероучению. Для этого Пико прибегает к своему излюбленному методу поиска противоречий между астрологами. Это вынуждает его в первую очередь установить личность Мефодия.

По словам Пико, речь идет не о Мефодии, упоминаемом Иеронимом, а о его тезке, о котором писал Петр Коместор²⁶. Но Пико замечает, что даже этот таинственный Мефодий не мог бы сказать такой глупости, будто сын Ноя Ионик способен к предсказаниям. Пико делает отсылку к тексту Священного Писания, где говорится о трех сыновьях Ноя — Симе, Хаме и Иафете; после него никто — ни Иосиф Флавий, ни Филон Александрийский, ни кто-либо еще никогда не приписывал Ною иных детей²⁷. Когда же Иосиф Флавий говорит, что Авраам научил египтян астрологии, он, по мнению Пико, имеет в виду не прорицательную астрологию, а математическую науку. Для египтян это было совершенно новым знанием, в то время как прорицательная астрология была им уже известна благодаря халдеям²⁸. Наконец, возвращаясь к противоречиям в лагере астрологов, Пико говорит, что в «Альмагесте» Птолемей называет халдеев несведущими в математической астрологии. А Абу Машар, наоборот, замечает, что сыновья Ноя пришли в халдейские земли обучить их жителей астрологии. По словам Пико, даже в таком принципиально важном вопросе, как происхождение их учения, астрологи не могут прийти к единому мнению; фразу же Абу Машара он считает абсурдной²⁹. Соответственно, Пико полностью отвергает эту точку зрения и видит

²⁶ “Ad Ionicum veniamus. Scribit quidem de hoc Methodius, sed idoneus parum auctor; neque enim ille est, cuius meminit inter viros illustres divus Hieronymus; hic Patavensis fuit, ille alius omnino, citatus interdum a Petro Comestore, in quo nemo mediocriter eruditus delectum bonorum auctorum non desiderat” // Ibid. P. 486–488.

²⁷ “Ceterum super isto Ionico quid valere potest ignobilis scriptoris auctoritas, cum et Moses ipse propheta tres tantum Noes filios numeret: Sem, Cham et Iaphet, nec Iosephus alium quemquam praeter hos nominet, nec Philon, nec Hebraeus quisquam, vel annalium conditor, vel mosaicae legis expositor?” // Ibid. P. 488.

²⁸ “Abraam Aegyptiis astrologiam tradidisse Iosepho credamus sed non divinatricem superstiosam, frequentiore apud idolatras quam apud veri Dei cultores, qui Deus Abraam nuncupatur, a Mose et a prophetis fugillatam, qui se tamen Abrae traditionem et praecepta sequi profitebantur. Verum illam potius mathematicam de siderum motibus molibusque scientiam, cuius usus frequens Hebraeis et necessarius pro statis cerimoniae temporibus observandis, cuiusque studio delegatum Hysachar tribum, Hebraeorum monumentis proditum est. Haec non sine arithmetica discitur, quoniam tota fere numeris constat et mensuris, quam simul cum astrologia Aegyptiis demonstrasse Abraam, scribit Iosephus, qui si divinatricem potius istam intellexisset, falsus omnino esset, siquidem ait hanc astrologiam, quam primus Aegyptiis Abraam indicaverat, a Chaldaeis Aegyptios accepisse” // Ibid.

²⁹ “Irridens autem Aboasar, qui suo loco filios Noe in Chaldaeam cum venisset hanc ait disseminasse scientiam, quam caelitus habitam chaldaicam ipse de finibus planetarum reicit opinionem” // Ibid. P. 488–490.

опасность и хитрость астрологов в том, чтобы приписать возникновение прорицательной астрологии влиянию Божественного Провидения³⁰.

Противопоставляя библейскую историю и христианство заблуждениям «древних», Пико утверждает, что основоположниками астрологии следует считать халдеев и египтян³¹. По его мнению, существовало две причины, которые способствовали закреплению астрологических суеверий у этих народов: их несомненный интерес к астрономическим расчетам и идолопоклонство. Первое определялось географическим фактором: проживание в долинах крупных рек, от поведения которых зависело благополучие населения, вынуждало тщательно исследовать движения небесных светил³². Кроме того, по этой же причине реки имели сакральное значение в этих обществах: так, Пико упоминает, что египтяне почитали божеством реку Нил³³. Таким образом, у египтян и халдеев, которые всегда воспринимались как самые древние носители религиозных традиций, астрономия была неразделима от верований. Никакой особенной разницы между их религиозными учениями Пико не усматривает, связывая их одним эпитетом — идолопоклоннические³⁴. Однако эти учения какое-то время были очень уважаемыми, и тут мы встречаем весьма интересное утверждение, которое соотносится с ранним творчеством Пико. Он замечает, что к мудрости египтян и халдеев в поисках истины обращались Пифагор, Демокрит, Евдокс, Платон и другие древние философы. Эта фраза противоречит тому, что Пико говорил ранее: получается, что древние философы находились под тлетворным воздействием астрологических суеверий; кроме того, Пико ставит под сомнение собственный тезис, что все крупнейшие мыслители древности единодушно противостояли астрологии. Но самое главное — Пико прямо говорит, что и он в молодости последовал их примеру, но был так же обманут³⁵. Этой фразой он подтверждает, что на раннем этапе творчества в его

³⁰ "Sed non fuit in confutandis his nugis tantum operae insumendum, cum nemo non intelligat, nisi tardissimus, haec deliria esse hominum, suis somniis fidem sic mancipantium, ut quae nulla ratione protulerunt ab Adam repetita auctoritate confirment" // Ibid. P. 490.

³¹ "Quales Aegyptii et Chaldaei, apud quod nata astrologia" // Ibid. 2. XII. 2. P. 490.

³² Ibid. P. 492.

³³ "In quam opinionem non ob aliud puto ductos Aegyptios, quam quod de Nili inundatione bearī suam regionem et fieri fecundam videbant, unde ab illius quoque exitu per Aegyptum annum auspicabantur" // Ibid. P. 494–496.

³⁴ "Non erit alia Aegyptiorum, alia Chaldaeorum religio sed una atque eadem, hoc est idolatria" // Ibid. 1. V. 17. P. 618.

³⁵ "Neque vero nos fallat, quod me quoque adolescentem olim fallebat, celebrata veteribus etiamque Platoni Aegyptiorum sapientia et Chaldaeorum, quos adisse Pythagoram et Democritum, Eudoxum, Platonem, alios complures, non ob aliud quam comparandae sapientiae gratia, memoriae proditum est. Nam celebre quidem illud atque divinum sapientiae nomen, de sola sibi cerimoniae et colendorum deorum cognitione vendicabant, quia fuit apud omnes gentes, apud omnes etiam bonos philosophos haec semper persuasio, summam sapientiam in religione consistere. Quae Plato, Pythagoras, alique complures, hoc quidem recte videntes, verissimam philosophiam in divinorum esse notitia, cum fama esset Aegyptios huius in primis esse peritos, ad eos descendebant aviditate discendi, quicquid apud illos occultius sanctiusque videretur" // Ibid. 2. XII. 2. P. 492–494.

сознании герметическая традиция и халдейская мудрость были тайным божественным знанием, которое предшествовало философии и богословию и отразилось в трудах многих выдающихся мыслителей. Таким образом, в небольшом, незаметном для невнимательного читателя утверждении он указывает на значительное изменение некоторых собственных принципов относительно истории философии и религии³⁶. Спустя некоторое время нечто похожее прозвучит в трактатах Джанфранческо Пико: мы еще столкнемся и с идолопоклонством «древних теологов», никак не подкрепляющих христианское учение, но вредящих ему, и с мотивом возвращения старшего Пико на правильный путь. Такое поразительное единодушие между дядей и племянником в столь важных вопросах заставляет еще раз усомниться в том, насколько аутентичен текст последней книги «Рассуждений против прорицательной астрологии». Правда, как будет показано ниже, некоторые существенные факторы могли способствовать тому, чтобы Джованни Пико столь радикально пересмотрел собственные воззрения.

Пока же автор последней книги «Рассуждений» объясняет, каким образом произошла ошибка, и астрология оказалась в ряду достойных наук. По его мнению, все народы и настоящие философы сходятся во мнении, что истинное знание состоит в религии. И поскольку халдеи и египтяне слыли носителями древнейших религиозных культов и церемоний, философы обращались к ним. К тому же халдеи и египтяне считались знатоками астрономии; и когда греческие мыслители говорили о египтянах и халдеях, они называли их жрецами и астрономами³⁷. Пико добавляет, что, однако, никогда никто не упоминал о египетских или халдейских философах, поскольку эти народы в вопросах философии были поразительно несведущи. Тем не менее, по словам Пико, греческие философы многое переняли от своих суеверных соседей: Фалес Милетский позаимствовал из их религиозных учений некоторые важнейшие принципы своей философии — например, тезис о воде как основном элементе мироздания³⁸;

³⁶ Дополнительным и весьма, на мой взгляд, значительным доводом, подтверждающим отказ от египетской традиции, становится упоминание Гермеса в числе астрологических авторов.

³⁷ “Descendebant etiam ut mathematicam discerent, quam quod modo memoravimus avide combiberunt: Pythagoras ille, Democritus et Eudoxus. Verumtamen ille titulus sapientiae praerogativaque secretioris disciplinae non aliunde Chaldaeis Aegyptiisque, quam de magisteriis doctrinaque numinum colendorum, quam auditam ab illis probaverint necne boni philosophi, alibi diximus; hoc tantum asseveramus naturalis primaevae philosophiae, quae rationibus demonstratur, nihil Graecos philosophos, quicumque recte philosophati sunt, ab Aegyptiis accepisse, sed quae ad caerimonias mathematicamque spectarent. Cuius rei vel illud sit argumentum, quod si aut de mathematicis, aut mysteriis agitur, Chaldaeos citari et Aegyptios videmus, eorumque sententias afferri semper in medium” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 2. XII. 2. P. 496*; “Thales in epistola ad Pherecidem: ‘In Aegyptum, inquit, ego cum Solone descendi, ut sacerdotes et astronomos videremus; nihil de philosophia’” // *Ibid. P. 494*.

³⁸ “In philosophiae rationibus apud Platonem et Aristotelem illorum nomina nulla sunt. Quod si philosophatum in Aegypto Thaletem dicas, non negabo, ut qui ab eis etiam didicerit aquam esse rerum principium; in quam opinionem non ob aliud puto ductos Aegyptios, quam quod de Nili inundatione, bearum suam regionem et fieri fecundam videbant, unde ab illius quoque exitu per Aegyptum annum auspicabantur” // *Ibid. P. 494–496*.

Платон использовал в «Тимее» учение о четырех элементах, из которых состоит весь мир: для египтян сама структура четырех элементов была тесно связана с астрологическими учениями³⁹. Пико утверждает, что многие греческие философы ездили в Египет для знакомства с астрономией, однако не все из них оказались в плену астрологического суеверия. Яркий тому пример — Евдокс из Книда⁴⁰. Хотя, по утверждению автора последней книги «Рассуждений», греческие мыслители все же противились предсказаниям, элементы астрологии лежат в основе их философских учений. Автору последней книги «Рассуждений» надо сделать всего один шаг для того, чтобы выступить с критикой философии. Пока, правда, этого не происходит. Сама постановка проблемы, в центре которой оказывается вопрос о легитимности философии, нехарактерна для Джованни Пико; однако совсем скоро сходные мысли будут высказывать Савонарола и Джанфранческо Пико.

Замечание Джованни Пико о том, что астрология родилась в среде идолопоклонников, вынуждает его рассмотреть вопрос о философско-религиозных истоках предсказательных практик. По его словам, существование идолопоклоннических культов — главное условие, которое благоприятствует рождению и развитию астрологии. У этих народов не существовало настоящей религии, как ее понимает Пико на примере, прежде всего, христианства. Эти идолопоклоннические религии в значительной степени ориентированы на природу; поэтому астрология становится их важным элементом, ведь она обращена исключительно к изучению природы и совершенно не учитывает человека, его свободную волю и способность влиять на события в равной с природными явлениями степени. Этим астрология отрицает всякую настоящую религию и устанавливает идолов. Именно от таких божеств, согласно этому учению, будет зависеть как добро, так и зло, что, по мнению Пико, неизбежно ведет к манихейской ереси⁴¹. Таким образом, возникновение астрологии могло произойти только в условиях отсутствия настоящей религии, которую заменили идолопоклон-

³⁹ “De signis ita primum commenti sint: erat Aegyptiis indubitatum, omnia constare ex quattuor elementis. Cum igitur signa iam duodecim accepissent, occasione quam diximus, visa illis perbella commodaque partitio, ut haec quoque per quattuor elementa distinguerent, quibus ter replicatis signorum numerus implebatur. Et quoniam prima fuisse corpora ignem terramque opinabantur, utpote centrum et circumferentiam, nam ignis illis erat supremum corpus, tum inter media advenisse aera et aquam, ut etiam Plato ostendit in *Timaeo*, idcirco primum signum igneum statuerunt, secundum terreum, tertium aereum, quartum aqueum” // Ibid. 2. XII. 5. P. 510.

⁴⁰ “Et sic Eudoxus quoque in vera Aegyptios est secutus astronomia, in divinatrice praeterea illis non consentit” // Ibid. 2. XII. 2. P. 496.

⁴¹ “Quod si qua astrologo capessenda religio sit, ad quam erit propensior quam ad idolatriam, ut eos potissimum deos et colat et revereatur, a quibus omnia hominibus et bona et mala putet provenire? Iam haereses Manichaeorum, arbitrii libertatem tollentes, unde potius putamus emanasse, quam ex ista de fato astrologorum falsa opinione?” // Ibid. 1. II. 5. P. 134.

нические учения египтян и халдеев, близкие к тем опасным ересям, с которыми приходилось бороться христианству.

Отдельно Джованни касается того, как от этих народов, приобщенных к идолопоклонничеству, астрология начала распространяться в другие регионы. Первой, уверен Пико, от этого суеверия пострадала Греция. Хотя он вновь замечает, что среди самых известных и значительных философских школ она не пользовалась особенной популярностью, а перенос астрологии на греческую почву произошел из-за ошибок неизвестных и незначительных авторов⁴², некоторые приведенные им примеры говорят об обратном: так, например, Фалес Милетский, который, по мнению Пико, находился под определенным влиянием египетской традиции, все же признавал астрологию⁴³. И тем не менее, это было исключением. Лишь затем появился автор, который постарался дать астрологическому суеверию философское обоснование, — им был Птолемей⁴⁴. Его авторитет и имя ввели некоторых в заблуждение — например, Порфирия, который был подвержен разным суевериям и предрасположен к вере в демонические культы; за это Порфирия осуждали его учитель Плотин и ученик Ямвлих⁴⁵. Интересно, что в таком контексте имя Порфирия всплывает только в конце трактата; ранее при анализе астрологических и антиастрологических источников Пико упоминал его исключительно как биографа Плотина⁴⁶. Кроме того, здесь Пико указывает на противоречия, которые существовали между философами-неоплатониками по вопросу о легитимности магических предсказаний; для флорентийской мысли, которая во второй половине XV в., в частности, в лице Марсилио Фичино, стремилась, наоборот, найти точки соприкосновения между разными философскими группами и школами, это не слишком показательно. Однако этот фрагмент лишь подтверждает эволюцию взглядов самого Пико: выше мы уже говорили, что он отказался от самой идеи

⁴² *“Ab Aegyptiis et Chaldaeis ad Graecos astrologia devenit, sed per auctores ignobiles”* // Ibid. 2. XII. 7. P. 526.

⁴³ *“Nam excepta domibus circulatorum, Liceum et Academiam non intravit, sed nec in Porticum quoque, licet procurante Thale concorditer admissa; nec qui poterat atomis et vacuo, astrologiae tamen credere potuit Epicurus”* // Ibid.

⁴⁴ *“Primus centesimo et quadagesimo post Christum anno bene audiens in litteris eam consuluit Ptolemaeus, sed parcius quam ceteri, ita ut non tam insaniae isti favere, quam modum ponere voluisse videatur”* // Ibid.

⁴⁵ *“Utrumque auctoritas unius hominis semper mathematici, raro philosophi, tot contra in mathematicis philosophiaque hominum clarissimorum obstantibus praeiudicii relabitur. Rapuit nomen Ptolemaei Graecos aliquos in errorem, alioquin ad superstitionem propensos, ut Porphyrium, cuius nimiam in cultu daemonum operam curamque superstitionum, et praeseptor Plotinus et discipulus Jamblichus damnaverunt”* // Ibid. В данном случае Джованни Пико отсылает своего читателя к спору о магии и теургии, который развернулся между Порфирием и Ямвлихом, результатом чего стал трактат последнего «О египетских мистериях». Интересно, что Пико обвиняет Порфирия в использовании практической астрологии, но ничего не говорит о теургических увлечениях его ученика Ямвлиха, против которых Порфирий выступал.

⁴⁶ Ibid. 1. I. P. 52–54.

выстраивать некие общие и неизменные философские, интеллектуальные традиции; напротив, Пико поставил своей целью двигаться к «настоящим» источникам и избавить Аристотеля и Платона от напластований. Все же их последователи отныне фигурируют как отдельные, независимые мыслители, а не как части общей традиции. Того же принципа он, очевидно, придерживался в своей критике «астрологической традиции», о которой мы говорили выше. Наконец, в указанном фрагменте из «Рассуждений» Пико резко изменил статус Порфирия. Если раньше, в «Речи о достоинстве человека», Пико одобрительно называл Порфирия одним из ведущих магов⁴⁷, то в своем последнем трактате он критикует философа-неоплатоника ровно за то, чем когда-то восхищался. Такую же негативную оценку Порфирию позднее даст Джанфранческо Пико делла Мирандола.

После того как Джованни Пико обрушивается на Порфирия и отдельных греческих философов, он в значительной степени повторяет содержание первой книги «Рассуждений». Мы еще раз читаем, как труды Птолемея стали доступны восточным комментаторам. В похожих словах он нелицеприятно высказывается о главном из них — Абу Машаре, вновь делая акцент на его ограниченности и незнании основ астрономии и философии⁴⁸. Рассматривая то, как астрология была перенесена из исламского мира на Запад, Пико совершенно верно указывает на переводческую активность при дворах короля Альфонса X Мудрого и Фридриха II. Так, признавая таланты короля Альфонса в математике и астрономии, Джованни Пико замечает, что Альфонс не избежал губительного влияния суеверий — он проявил недюжинный интерес к астрологии, и во многом благодаря его занятиям до нас дошли многие памятники астрологии, написанные греками и арабами. Среди переводчиков астрологических трудов Пико выделяет Михаила Скота⁴⁹. Родившись в Шотлан-

⁴⁷ *Pico della Mirandola G. De hominis dignitate. P. 148.*

⁴⁸ «A Graecis ad Arabas maiori tamen auctoritate devoluta, mirantibus illis quicquid a Graecis scriptum inveniebant, et in nominibus Aegyptiorum et Chaldaeorum vanam illam antiquitatis speciem suscipientibus; sicut autem acceptam illam a barbaris repurgavit pro viribus circumciditque Ptolemaeus prudentissimus astrologorum, ita acceptam a Graecis grammaticus quidam Aboasar, et scriptor historiae, refert nugis et fabulis innumerabilibus fecitque astrologiam pene tanto peiorem astrologia Ptolemaei quanto bonis artibus peior est astrologia, factus homo ad inanem loquacitatem, nec modo philosophiae, sed astronomiae quoque fere penitus insolens, fugillatus a doctissimo quoque astrologorum, multitudini gratus, apud quam magnus qui plura dixerit, non qui meliora” // *Idem. Disputationes. 2. XII. 7. P. 526–528.*

⁴⁹ «Crevit autem per ea tempora studium mathematicae, sicut totius quoque philosophiae disciplinarumque omnium in Hispania, in qua cum regnaret Alphonsus, in numeris mathematicis et caelestium motuum supputatione diligentissimus, amaret quoque divinatricem vanitatem, alioquin philosophiae studiis non imbutus, et in eius gratiam Arabum et Graecorum multa eius artis monumenta ad nos pervenerunt, per Johannem praesertim Hispalensem et Michaelem Scotum, scriptorem nullius ponderis, multae vero superstitionis” // *Ibid. P. 528.* О Михаиле Скоте см. прежде всего: *Haskins C. The Renaissance of the Twelfth Century. P. 287–288, 318–319; Thorndike L. Michael Scot. L., 1965; Federici Vescovini G. Michel Scot et la Theorica Planetarum Gerardi // Early Modern Science and Medicine. 1996. Vol. 1. № 2. P. 272–282.*

дии, Михаил учился в Оксфорде и Париже перед тем, как оказаться в Толедо. Здесь он, по всей видимости, овладел арабским и вписался в круг придворных переводчиков. Позже он переехал в южную Италию, где стал придворным астрологом Фридриха II. Михаил прославился своими переводами и оригинальными астрологическими трактатами; правда, признание его заслуг было весьма специфическим: за занятия астрологией Данте поместил Михаила в один из кругов Ада⁵⁰.

Говоря о противниках астрологии, Пико приводит уже знакомые нам имена; почти все ссылки на авторов, которые упоминались в первой книге «Рассуждений», повторяются в конце трактата. Это касается как библейских пророков, так и древних и средневековых мыслителей. Единственное и незначительное изменение касается списка авторов, которые боролись против астрологии, когда она начинала укрепляться уже на европейской территории⁵¹.

В последней книге своего трактата «Рассуждения против прорицательной астрологии» Джованни Пико делла Мирандола показывает, какие условия помогли астрологии занять влиятельное положение в разных обществах. По его мнению, астрология могла возникнуть только в обществе, где сочетались культы идолов, низкое развитие философии и, наоборот, достаточные познания в астрономии. Идеальными носителями такого суеверия стали халдеи и египтяне. Эти народы, как никакие другие в древности, были осведомлены в вопросах астрономии, основам которой у них учились многие греческие мыслители. Но принципиально важно, что они были идолопоклонниками. Пико приходит к выводу, что такая лженаука не могла возникнуть в среде, где господствует настоящая религия. Поэтому ее возникновение находится в прямой связи с несовершенством общих мировоззренческих позиций халдеев и египтян. Тем самым Пико де-факто выступает против концепции «древней теологии» — в последней книге «Рассуждений» она предстает не предтечей христианства, а истоком пагубных суеверий.

⁵⁰ “Quell’altro che ne’ fianchi è così poco, Michele Scotto fu, che veramente de le magiche frode seppe ’l gioco” // *Dante. The Divine Comedy* / Ed. R. Durling. Oxford; N.Y., 1997. Vol. 1. Inferno 20. P. 310. О Данте и астрологии: *Boudet J.-P. Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l’Occident médiéval (XII–XV siècle)*. P. 13–18. О рецепции астрологических воззрений во Флоренции второй половины XV в. см.: *Gilson S. Tradition and Innovation in Cristoforo Landino’s Glosses on Astrology in His Comento sopra la Comedia* (1481) // *Italian Studies*. 2003. Vol. 58. P. 48–74.

⁵¹ “Ubi vero in Academia parisiensi primitus apparuit, vix impetratum a curiosis quin internitioni data sub ignibus delitesceret, cumque aliquot post annos honestare eam Rogerius Bacchon et alii quidam conarentur, restiterunt eis viri doctissimi Guilelmus Alvernus episcopus Parisiensis, et post eum Nicolaus Oresmus mathematicus excelsus, et Henricus ex Assia, et Ioannem Caton, et Brenlanlius Brittanus astrologiam, non solum qua parte laedit religionem, sed plane totam, ut vanam falsamque detestantes” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 2. XII. 7. P. 530–532.

То, что Пико резко изменил свое отношение к «древней теологии», можно объяснить двумя способами. Первый — и, как мне видится, куда более простой — подразумевает искажение текста «Рассуждений», прежде всего, двенадцатой книги. В этом случае мы присоединяемся к тем, кто обвинял Джанфранческо Пико и Савонаролу в манипуляциях при публикации последнего трактата Джованни Пико. В пользу этого мнения говорят три довода: отсутствие манускрипта «Рассуждений»; сам факт того, что Пико столь кардинально и демонстративно отказался от увлечений юности; сходство между отдельными фрагментами последней книги «Рассуждений» и текстами Джанфранческо Пико. Однако против этого объяснения можно выдвинуть целый ряд весомых контраргументов. Во-первых, такая интерпретация отрицает саму вероятность эволюции взглядов Джованни Пико: в ее рамках «единственным и неповторимым» остается Пико времен римского диспута — дерзкий и амбициозный молодой человек, который следует модным интеллектуальным тенденциям. Анализ текстов Джованни Пико доказывает, что его творчество не застыло в 1486–1487 гг., а продолжало развиваться. Мы уже видели, сколь неоднозначно на разных этапах своей короткой, но интенсивной жизни, Пико воспринимал одних и тех же авторитетов. Наконец, очевидно, что после 1489 г. Пико все больше посвящает себя размышлениям о религии — «моральные письма» к племяннику и библейские комментарии подтверждают факт такого поворота. Незадолго до начала работы над «Рассуждениями» Пико составил несколько небольших религиозных сочинений, в которых он интерпретировал христианские молитвы и наставлял своего читателя в борьбе против искушений сего века⁵².

Кроме того, между текстами племянника и дяди существуют различия, главное из которых касается отношения к еврейской учености: если Джанфранческо Пико неумолим ко всем религиям, кроме христианства, то Джованни Пико все же ни разу не выступает против каббалы или раввинистической традиции. Он позволяет себе лишь упомянуть о том, что еврейские мыслители тоже оказались затронуты вредным воздействием астрологии; однако Джованни Пико категорически отрицает их причастность к формированию и распространению астрологических суеверий.

Наконец, хорошо известно, что Пико начал работать над «Рассуждениями» в 1493 г. Ввиду того, что манускрипт утерян, восстановить этапы его работы над трактатом не представляется возможным. Более того, документы, касающиеся развития философских воззрений Пико в последние годы его жизни, немногочисленны и чаще всего тенденциозны: после 1494 г. сторонники и противники Савонаролы пытались представить Пико в нужном им свете. Однако некоторые детали нам все же доступны. Наиболее существенным фактом мне представля-

⁵² Эти короткие религиозные тексты на английский перевод Томас Мор: *The Complete Works of St. Thomas More* / Ed. A.S.G. Edwards, K. Rodgers and C.H. Miller. New Haven; L., 1997. Vol. 1. P. 372–379.

ся то, что в библиотеке Джованни Пико хранились два фрагмента из трактата «Против ученых» Секста Эмпирика. Первый из них — «Против арифметиков» — не имеет в нашем случае особенного значения; вторым же оказалась глава «Против астрологов»⁵³.

Возрождение скептицизма обычно связывают с фигурой племянника Джованни Пико Джанфранческо и кругом Савонаролы⁵⁴. Доминиканский проповедник проявлял серьезный интерес к наследию скептиков, поскольку хотел, основываясь на их сочинениях, отвергнуть философское наследие Платона и Аристотеля⁵⁵. Поэтому Савонарола поручил Джорджо Антонио Веспуччи перевести трактат Секста Эмпирика⁵⁶. Но постепенный ренессанс скептицизма начался еще раньше. Так, манускрипты, содержащие труды Секста Эмпирика, обнаруживаются в библиотеках Франческо Филельфо и кардинала Виссариона⁵⁷. Вероятно, именно Филельфо следует считать первым гуманистом, читавшим трактат «Против ученых»: он не только внимательно изучал это сочинение и ссылался на него, но однажды даже согласился временно передать Джованни Ауриспе собственный манускрипт с текстами Секста Эмпирика⁵⁸. Определенное отношение, правда, критическое, к традиции скептической философии можно также встретить в

⁵³ *Kibre P.* The library of Pico della Mirandola. N.Y., 1936. P. 258; *Gentile S.* Pico filologo. P. 479.

⁵⁴ О скептицизме Джанфранческо см.: *Cao G.M.* The Prehistory of Modern Scepticism: Sextus Empiricus in Fifteenth-Century Italy // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes.* 2001. Vol. 64. P. 229–280; *Idem.* Scepticism and Orthodoxy. Gianfrancesco Pico as a Reader of Sextus Empiricus. With a Facing Text of Pico's Quotations from Sextus // *Bruniana & Campanelliana.* 2007. Vol. 13. № 1. P. 263–366; Общие сведения о ренессансном скептицизме см. в: *Scepticism from the Renaissance to the Enlightenment / Ed. R.H. Popkin and C.B. Schmitt.* Wiesbaden, 1987; *Floridi L.* The Diffusion of Sextus Empiricus's Works in the Renaissance // *Journal of the History of Ideas.* 1995. Vol. 56. № 1. P. 63–85; *Popkin R.* The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle. Oxford; N.Y., 2003.

⁵⁵ *Garin E.* Prolusione // *Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994).* Vol. 1. P. LII.

⁵⁶ “Mirus erat veritatis amator, eo usque proventus eius gratia et in eis quos etiam coleret doctoribus ut si quid non placeret ingenue fateretur. Quod aetate procedente, sumpto iam religionis habitu et claritate nominis eius sese diffundente, multo ostendit apertius, quippe qui audiens graeca quaequam Sexti philosophi monumenta asservari, in quibus universae doctrinae humanitas inventae {confutatae} essent, ea e graeco transferri in latinum, paululum antequam moreretur, mandaverat, perosus multorum, qui se scire iactabant, arrogantium. Idque ipsum muneris Georgio Antonio Vespuccio utriusque linguae gnaro, qui ex eius erat sodalitate, delegarat, volebatque eidem operi Zenobium etiam Acciaiolum, utriusque linguae compotem eiusdemque virum sodalitatis, incumbere, fecissentque votis satis ni mors ipsum violenta rapuisset” // *Pico della Mirandola G.F. Vita Hieronymi Savonarolae / A cura di E. Schisto.* Firenze, 1999. P. 112–113.

⁵⁷ *Cao G.M.* The Prehistory of Modern Scepticism: Sextus Empiricus in Fifteenth-Century Italy. P. 236–252.

⁵⁸ *Ibid.* P. 238–242.

«Платоновском богословии» Марсилио Фичино⁵⁹; однако нет никаких доводов в пользу того, что Фичино был действительно знаком с текстами Секста Эмпирика, а не просто следовал Цицерону и Августину в их отрицании скептицизма⁶⁰.

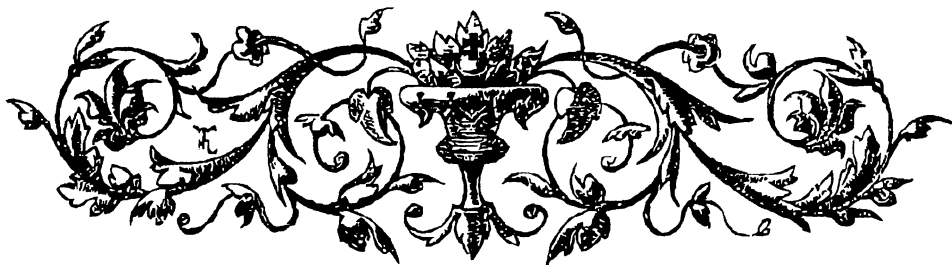
Позднее к трудам Секста Эмпирика обратился близкий друг Пико Анджеоло Полициано. В 1488–1489 гг. итальянский гуманист читал и для своих целей делал значительные выписки из трудов Секста Эмпирика⁶¹. Было бы странно, если бы Пико, в тот момент уже находившийся во Флоренции, оставался в полном неведении о занятиях своего ближайшего друга. Действительно, существуют косвенные доказательства не только того, что Пико знал об интересе Полициано к Сексту Эмпирику, но и сам работал с той же рукописью. В манускрипте, который находился в распоряжении Полициано, различима рука другого человека. Есть все основания предполагать, что она принадлежит Джованни Пико⁶². Вкупе с тем, что Пико хранил в личной библиотеке два фрагмента из трактата «Против ученых», этот факт вынуждает прийти к выводу, что на позднем этапе своего творчества Джованни Пико интересовался скептической традицией. Хотя в «Рассуждениях» Секст Эмпирик ни разу не упоминается, а сходство аргументов, изложенных в книге «Против астрологов» и «Рассуждениях», следует считать весьма отдаленным, само возрождение скептической философии в том интеллектуальном кругу, неотъемлемой частью которого был Джованни Пико, могло способствовать тому, что он пересмотрел свое отношение ко многим прежним увлечениям, в том числе к концепции «древней теологии».

⁵⁹ *Ficino M.* Platonic theology / Trans. M.J.B. Allen with J. Warden. Latin text ed. J. Hankins with W. Bowen. Cambridge, MA; L., 2001–2006. Vol. 3. 11. VII. P. 322–324.

⁶⁰ *Cao G.M.* The Prehistory of Modern Scepticism: Sextus Empiricus in Fifteenth-Century Italy. P. 258.

⁶¹ *Cesarini Martinelli L.* Sesto Empirico e una dispersa enciclopedia delle arti e delle scienze di Angelo Poliziano // *Rinascimento*. 1980. Vol. 20. P. 327–358.

⁶² *Gentile S.* Pico filologo. P. 479.

ЧАСТЬ III

Астрология после
«Рассуждений против
прорицательной астрологии»:
pro и contra

ГЛАВА I

Теология для народа: Джироламо Савонарола и трактат «Против астрологов»

В незапная смерть Джованни Пико делла Мирандола повлияла на дальнейшую судьбу «Рассуждений против прорицательной астрологии». Сперва последний трактат Пико распространялся в списках, пока в 1496 г. свет не увидело болонское издание *Opera omnia*. Таинственные обстоятельства кончины автора и заметная и резкая эволюция его позиции в отношении к астрологии не могли не вызвать сомнений. Поэтому далеко не все современники поддержали критический выпад Джованни Пико. Вторая часть этого исследования будет посвящена реакции на «Рассуждения». В ней я коснусь как работ сторонников Джованни Пико, так и его противников. Важно заметить, что некоторые из них были лично знакомы с Пико или входили в число первых читателей «Рассуждений», иногда даже до публикации 1496 г.

Сразу после смерти Пико 17 ноября 1494 г. по Флоренции поползли слухи, что граф Мирандолы был убит. Возможным «заказчиком» называли ненавистного Савонароле и печально известного папу из рода Борджиа — Александра VI. Дело в том, что до 1493 г. Джованни Пико по-прежнему находился под церковным отлучением, наложенным на него предшественником Александра VI Иннокентием VIII. Вступив на престол апостола Петра, Александр VI даровал помилование опальному философу и вернул его в лоно Церкви. Публикуя собрание сочинений дяди, набожный Джанфранческо Пико предварил *Opera omnia* этой буллой Александра VI¹. Однако, как считается, Пико не ответил на это должной благодарностью: в конфликте между Святым Престолом и феррарским «пророком» Савонаролой Пико, как и многие его товарищи, принял сторону последнего. Кроме того, Пико симпатизировал французский король Карл VIII — причиной тому стало краткое, но, по всей видимости, яркое пребывание в Париже в 1485 г. Как раз к ноябрю 1494 г. Карл VIII, развязавший Итальянские войны, подходил ко Флоренции, где его готовились встретить со всеми возможными почестями. Именно 17 ноября, в день вступления Карла VIII во Флоренцию, Джованни Пико скончался.

¹ Этот документ воспроизводился во всех последующих изданиях собрания сочинений Пико. См., например: *Pico della Mirandola G. Opera omnia Ioannis Pici Mirandulae concordiaequae comitis*. Basileae, 1557. P. 1.

Двумя месяцами ранее умер его ближайший друг и коллега Анджело Полициано.

Синхронность этих событий породила сомнения в естественном характере смерти Пико и Полициано². Во Флоренции даже рассказывали о монахах, специально подсланных в город для убийства двух мыслителей и, что в данном контексте важнее, видных сторонников режима Савонаролы. Недавнее исследование останков Пико и Полициано показало повышенное содержание мышьяка³; эксперты и журналисты предположили, что это может служить доказательством убийства. Тем не менее, точка в этом вопросе пока не поставлена.

История с возможным убийством сыграла важную роль в формировании мифа о Джованни Пико и идеально сочетается с другими элементами его легенды. Он, несомненно, стал знаменитостью общеевропейского масштаба еще при жизни. Его современников, не последних интеллектуалов в истории человечества, поражали глубина и широта его познаний. Видимо, особое восхищение вызывали лингвистические способности Пико, которые, как мы уже видели выше, были отчасти преувеличены. Однако легенды продолжали сравнивать Пико с понтийским царем Митридатом, который будто бы владел 22 языками. В начале 1490-х гг. для молодых европейских гуманистов стало хорошим тоном приезжать на аудиенцию к Джованни Пико во Флоренцию. Так, например, поступил крупнейший впоследствии французский гуманист первой половины XVI в. и будущий переводчик Священного Писания на французский язык Жак Лефевр д'Этапль⁴. Приехав во Флоренцию и познакомившись с Пико и Фичино, Лефевр д'Этапль был настолько вдохновлен общением с итальянскими мэтрами, что решил перенести плоды *prisca theologia* во Францию⁵. По примеру Фичино он составил трактат о натуральной магии, однако этот текст так

² *Di Napoli G.* Giovanni Pico della Mirandola e la problematica dottrinale del suo tempo. P. 241–242.

³ <http://news.bbc.co.uk/1/hi/world/europe/6920443.stm> (дата обращения — 23.01.2017).

⁴ О Жаке Лефевре д'Этапле см.: *Dagens J.* Humanisme et évangélisme chez Lefèvre d'Étaples // *Courants religieux et humanisme à la fin du XVe et au début du XVIe siècle*. P., 1959. P. 121–134; *Rice E., Jr.* Humanist Aristotelianism in France. Jacques Lefèvre d'Étaples and His Circle // *Humanism in France at the End of the Middle Ages and in the Early Renaissance* / Ed. A.H.T. Levi. Manchester, 1970. P. 132–149; *Copenhaver B.* Lefèvre d'Étaples, Symphorien Champier, and the Secret Names of God // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1977. Vol. 40. P. 189–211; *Renaudet A.* Préréforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d'Italie: 1494–1517. Genève, 1981. О рецепции творчества Фичино и Пико см.: *Акопян О.Л.* Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV–начала XVI вв.). С. 83–85.

⁵ *Walker D.P.* The *Prisca Theologia* in France // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1954. Vol. 17. № 3–4. P. 204–259; *Marcel R.* La fortune d'Hermès Trismégiste à la Renaissance // *L'humanisme français au début de la Renaissance* / Éd. A. Stegmann. P., 1973. P. 137–154.

и не увидел свет⁶. Более того, решение Лефевра д'Этапля не публиковать это сочинение кажется осмысленным: уже в начале XVI в. он существенно видоизменяет структуру *prisca theologia* Фичино и критикует флорентийских предшественников за чрезмерное увлечение магией⁷. Но это произойдет через 15 лет после смерти Пико. Пока же Пико продолжает внушать пиетет своим более юным коллегам. Важнейшим импульсом, который европейской ренессансной культуре придали каббалистические штудии Пико, стало повсеместное изучение древнееврейского языка⁸. Его таинственная смерть и странная судьба последнего трактата, на первый взгляд, столь не похожего на все остальное, что им было написано, не могли не добавить романтических красок к портрету героя.

Выше мы уже коснулись споров об аутентичности «Рассуждений против прорицательной астрологии». Поднятый Лучо Белланти вопрос об искажении оригинального текста и возможном участии в этом начинании Джанфранческо Пико и Савонаролы — не единственная трудность, с которой приходится иметь дело. Нельзя не упомянуть, что самого Джованни Пико порой обвиняли в плагиате. Правда, не до конца остается ясным, какой текст современники считали источником «Рассуждений». Ничто, тем не менее, не указывает в пользу предположения Д. Уокера о том, что Пико в своей работе опирался на «Рассуждение против мнений астрологов» Фичино. Наиболее интересное свидетельство о возможном плагиате обнаружил советский историк А.Х. Горфункель. В издании «Рассуждений», вышедшем в Страсбурге в 1504 г., исследователь нашел пометку, что Иоханнес Шёнер видел в доме епископа Бамберга книгу, из которой Джованни Пико делла Мирандола будто бы списал все содержание и выдал это за собственное оригинальное сочинение. Кроме того, в маргиналии сказано, что Иоахим Ретик узнал об этом от самого Шёнера⁹. В этом контексте имя Ретика кажется чрезвычайно важным. Единственный ученик Николая Коперника, Ретик отвечал за публикацию великого труда своего учителя, «О вращении небесных сфер». Кроме того, Ретик был известен как астролог¹⁰. По предположению С. Кароти, в пометке из страсбургского издания говорится об антиастрологических текстах Николая Орема¹¹. Интересно,

⁶ На сегодняшний день нам известны всего три рукописи трактата; при этом одна из них не поддается прочтению, другая фрагментарна, а единственный полный манускрипт сохранился в университетской библиотеке города Оломоуц в Чехии (Vědecká knihovna v Olomouci, M I 119).

⁷ Masour-Matusevich Y. Le siècle d'or de la mystique française. De Jean Gerson à Jacques Lefèvre d'Étaples. P.; Milan, 2004. P. 396–397.

⁸ Для общей информации об этом см.: Hebrew to Latin, Latin to Hebrew: the Mirroring of Two Cultures in the Age of Humanism / Ed. G. Busi. Torino, 2006.

⁹ Каталог палеотивов из собрания Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета / Под ред. А.Х. Горфункеля. Л., 1977. С. 14–15.

¹⁰ Westman R. The Copernican Question. P. 28.

¹¹ Caroti S. La critica contro l'astrologia di Nicole Oresme e la sua influenza nel Medioevo e nel Rinascimento // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. 1979. Vol. 23. № 6. P. 659–660.

что Кароти, а вслед за ним и Э. Гарэн¹², поддержавший младшего коллегу, не ссылаются на находку А.Х. Горфункеля, хотя, по всей видимости, они пользовались именно ею. Джованни Пико действительно ссылался на Николая Орема, однако никаких убедительных доказательств серьезного и масштабного плагиата у нас нет. Что видел Шёнер в доме бамбергского епископа, нам остается только гадать.

Таким образом, картина восприятия «Рассуждений» сложна. С самого конца XV в. среди определенной группы европейских интеллектуалов «Рассуждения» воспринимались всего лишь как религиозно-мотивированная инвектива против астрологов, которые безосновательно пытаются проникнуть в сферу божественного. Отсюда же архаичное объяснение, что Пико выступает против астрологии, поскольку она противоречит «достоинству человека». Все остальное содержание трактата, а это примерно 2/3 от всего текста, как будто игнорировалось. Как мне видится, неоднозначному отношению к последнему трактату Джованни Пико способствовали два фактора. Первым стал портрет дяди, который стремился племянник Джанфранческо Пико. Второе обстоятельство связано с именем самого влиятельного сторонника Пико в его борьбе с астрологией — Джироламо Савонаролой, который к тому моменту уже был фактическим правителем Флоренции.

В исследовательской литературе неоднократно встречалось мнение, что на позднее творчество Пико Савонарола оказал особое влияние. Для этого, разумеется, существуют серьезные основания: нам хорошо известно, что именно Пико делла Мирандола предложил Лоренцо Медичи пригласить Савонаролу в столицу ренессансной мысли (произошло это в 1490 г.)¹³. С 1490 по 1494 г. Пико и Савонарола были в тесном контакте. Хорошо известно, что доминиканский проповедник призывал Пико более внимательно изучать Священное Писание и читать Фому Аквинского и других «традиционных» мыслителей¹⁴. Наконец, как уже было сказано выше, в 1492 г. Джованни Пико был на капитуле доминиканского ордена, который проходил в Ферраре, и

¹² *Garin E.* Lo zodiaco della vita. La polemica sull'astrologia dal Trecento al Cinquecento. Roma;Bari, 2007. P. 97.

¹³ *Valcke L.* Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique. P. 281; *Martines L.* Fire in the City. Savonarola and the Struggle for Renaissance Florence. Oxford, 2006. P. 19. В известной, но достаточно спорной и субъективной работе П. Виллари указан 1489 г.: *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. М., 2002. С. 104–105 (первое итальянское издание — 1859–1861 гг.). Кроме того, о том, что за приглашением Савонаролы во Флоренцию стоял именно Пико, хорошо известно из художественной литературы: на это, в частности, указывает в своей пьесе «Фьоренца» Томас Манн.

¹⁴ В общих чертах об отношениях Пико и Савонаролы см.: *Garfagnini G.C.* Pico e Savonarola // Pico, Poliziano e l'Umanesimo di fine Quattrocento / A cura di P. Viti. Firenze, 1994. P. 149–157. О том, что доминиканец советовал Пико изучать Фому Аквинского: *Roulier F.* Jean Pic de la Mirandole. Humaniste, philosophe, théologien. P. 44–45.

был так вдохновлен этим событием, что составил моральные письма к своему племяннику. Наиболее же ярким доказательством того, какую роль феррарец сыграл в жизни Пико, стало торжественное погребение скончавшегося графа Мирандолы в доминиканском одеянии в церкви Сан Марко во Флоренции, где Савонарола был настоятелем¹⁵. И хотя некоторые исследователи настаивают на том, что Джанфранческо Пико искажил истинный портрет своего дяди и придал несвойственные ему черты религиозного мыслителя, я все же склонен не согласиться с этой точкой зрения. Как уже было показано выше, в случае с астрологией и магией, взгляды Пико действительно прошли эволюцию, и на это были причины, пусть и связанные не только с Савонаролой. Косвенным доказательством влияния Савонаролы на Пико может также служить тот факт, что остальные представители старой медичейской интеллектуальной среды были столь же воодушевлены проповедями «пророка». Анджело Полициано (он, как и Пико, был похоронен в Сан Марко), Сандро Боттичелли¹⁶ и даже Марсилио Фичино¹⁷, отношения которого с Савонаролой не всегда были безоблачными, в большей или меньшей степени, но приветствовали те идеи, которые проповедовал доминиканец. И Пико, видимо, не остался в стороне от общей тенденции, которая одновременно совпала с изменением его собственных воззрений по ряду существенных вопросов.

Тем не менее, даже если мы признаем некоторое влияние Савонаролы на Пико, будет чрезвычайно трудно доказать, что «Рассуждения против прорицательной астрологии» были вдохновлены доминиканцем или — после смерти Пико — отредактированы. В данном случае, вполне вероятно, мы имеем дело как раз с обратным влиянием — Пико на Савонаролу, которое выразилось в трактате последнего «Против астрологов».

Надо сказать, что до 1497 г. астрология никогда не была специальной темой полемических сочинений Савонаролы. Хотя в ряде своих более ранних проповедей он выступал против предсказаний и разно-

¹⁵ О смерти Пико и о том, как он «решил посвятить себя» служению доминиканскому ордену: *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Pici Mirandulae viri omni disciplinarum genere consumatissimi vita*. P. 74–76.

¹⁶ В научно-популярной литературе часто встречается ошибочное мнение, что Савонарола заставил великого живописца сжечь картины, написанные им под влиянием языческой мудрости. Такая точка зрения не подтверждена какими-либо фактами, а из источников нам известно, что Боттичелли, восхищавшийся проповедями Савонаролы, самовольно предал огню несколько своих работ.

¹⁷ Фичино, сперва поддерживавший Савонаролу, впоследствии перешел в оппозицию к доминиканцу. По мнению исследователей, причиной этого стали репрессии в отношении некоторых друзей Фичино, инициированные Савонаролой. Об этом см.: *Viti P. Ficino, Platone e Savonarola // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna*. P. 295–318; *Vanhaelen M. Ficino and Savonarola on Prophecy: an Anti-Savonarolan Reading of St Paul's First Epistle to the Romans (1497) // The Rebirth of the Platonic Theology / Ed. J. Hankins and F. Meroi. Firenze, 2013. P. 205–233.*

го рода суеверий, дальше предварительной критики Савонарола не пошел¹⁸. В начале 1480-х гг. он обрушился на сторонников хиромантии, но опять же не счел должным посвятить этому вопросу сколько-нибудь обстоятельное сочинение¹⁹. Нам известно, что он пытался вникнуть в хитросплетения астрологических штудий, но, судя по всему, они не слишком его интересовали. Поэтому трактат «Против астрологов» справедливо считать первым сочинением, где Савонарола подробно высказывается об астрологии. Значительную часть этих же аргументов он вскоре выскажет в «Триумфе креста»²⁰.

С самого начала Савонарола не скрывает, что поводом для написания трактата «Против астрологов» стали «Рассуждения против прорицательной астрологии». Во введении он замечает, что, читая труд Джованни Пико, он испытывал двойственное чувство: с одной стороны, он признает ценность «Рассуждений», поскольку они помогут христианам отвергнуть разнообразные и опасные суеверия; с другой — он сожалеет, что их автор скончался и так не успел довести до ума свое творение²¹. Его, Савонаролы, задача заключается в том, что разъяснить наиболее темные и спорные фрагменты из сочинения Джованни Пико²². Таким образом, «Против астрологов» понимается не просто как перевод «Рассуждений» на итальянский, но и как подробный комментарий к ним.

Подобная мысль определяет структуру трактата Савонаролы и основной набор используемых им аргументов. В своем сочинении Савонарола, вслед за Пико, прибегает к похожей стратегии: он стремится показать, что все авторитеты отрицали ценность астрологии и опровергали ее. Однако, в отличие от графа Мирандолы, доминиканец по-иному расставляет приоритеты, что объясняет иную цель его труда. Прежде всего, он ссылается на церковную традицию и на Священное Писание. При этом интересно, что Савонарола как будто полно-

¹⁸ *Ridolfi R.* Vita di Girolamo Savonarola. Roma, 1952. Vol. 1. P. 36.

¹⁹ *Garfagnini G.C.* La questione astrologica tra Savonarola, Giovanni e Gianfrancesco Pico // *Nello specchio del cielo.* P. 128.

²⁰ *Gigante C.* Introduzione. Il profeta e le stelle // *Savonarola G.* Contro gli astrologi. P. 12.

²¹ “Ora, essendosi pubblicato el libro delle disputazioni del Conte Giovanni Pico dalla Mirandola contra questi superstiziosi astrologi e avendolo letto, mi sono e rallegrato e contristato. Rallegrato, dico, di tale opera, certo utile e necessaria alli cristiani nelli nostri tempi nelli quali tutto el mondo è involto in questa pestifera fallacia; contristato che tanto uomo, in questa età al mondo singulare, sia morto nel fiore della sua gioventú, massime non avendo a questa opera potuto dare la sua perfezione e mettergli la estrema mano” // *Savonarola G.* Contro gli astrologi. Proemio. P. 33–34.

²² “Pensando dunque io questa opera essere tale che non può essere intesa né gustata se non da uomini litterati e nelle scienze esercitati, e nientedimeno che saria necessario molto più che quelli che non sono litterati la intendissimo, perché comunemente li uomini dotti si fanno beffe de l’astrologia divinatoria ma li illitterati, delusi dalli astrologi, si lasciano involgere in questo errore, mi sono acceso di fare quello io per li uomini vulgari che lui ha fatto per li dotti” // *Ibid.* P. 34.

стью игнорирует Новый Завет — все приводимые им фрагменты взяты из Ветхого Завета. Более того, трактат «Против астрологов» — не единственный текст, в котором прослеживается подобная тенденция. По мнению итальянского исследователя Р. Фубини, превалирование цитат из Ветхого Завета тесно связано с саморепрезентативной идеей, согласно которой Савонарола мыслил себя продолжателем ветхозаветных пророков, предвещавших неверующим или отступившим от Бога наказания за их грехи²³. В таком контексте совершенно иначе выглядят пророческие интенции Савонаролы. При этом используемые им полемические приемы не отличаются большой оригинальностью: как и большинство предшествовавших ему противников астрологии, Савонарола указывает на несовместимость предсказаний с идеей о свободе выбора, дарованной человеку, и на недопустимость попытки ограничить непознаваемую Божью волю, только посредством которой может происходить божественное освещение человеческого ума²⁴. Для подтверждения своих слов Савонарола избирает преимущественно те фрагменты из Ветхого Завета и пророков, в которых говорится о том, как под воздействием ложных учений народ Израиля отходил от Бога²⁵. Подобная стратегия еще раз доказывает не только религиозную основу трактата «Против астрологов», но и саморепрезентативные устремления его автора.

Следующими в системе доказательств Савонаролы следуют ссылки на Отцов Церкви и theologов. Среди них доминиканец явственно отдает предпочтение Августину и Фоме Аквинскому, и это, по всей видимости, характерно не только для сочинения «Против астрологов», но и в целом для всего его творчества. В данном случае Савона-

²³ См.: *Fubini R. Savonarola riformatore: radicalismo religioso e politico all'avvento della guerra d'Italia // Idem. Politica e pensiero politico nell'Italia del Rinascimento. Dallo Stato territoriale al Machiavelli. Firenze, 2009. P. 249–271; Idem. Profezia e riforma nel pensiero di Girolamo Savonarola // Studi slavistici. 2010. Vol. 7. P. 299–311.* Этому вопросу был также посвящен доклад профессора Фубини *Savonarola and the Old Testament Prophets*, прочитанный им в Университете Бен-Гурион в Израиле (4 мая 2009 г.), текст которого он мне любезно предоставил.

²⁴ “Ora nella Scrittura sacra troviamo che le cose future, le quale non procedono da cause necessarie o da cause che quasi sempre producono li suoi effetti, ma da cause indifferenti, cioè che possono indifferentemente produrre e non produrre li suoi effetti o che li producono rare volte, o procedano meramente da la volontà di Dio, da la volontà della creatura angelica o dal libero arbitrio del uomo, non le può conoscere certamente né preannunziarle è proprietà divina, e la ragione è perché essendo Dio atto puro e totalmente immutabile e infinito e eterno e causa e principio di ogni cosa...” // *Savonarola G. Contro gli astrologi. 1. I. P. 36; “E che conoscere e preannunziare le cose future che indifferentemente procedono dalle sue cause sia proprietà divina, appare prima perché in molti luoghi della Sacra Scrittura sono detestati quelli che vogliono predire le cose future senza la illuminazione divina, li quali sono dimandati falsi profeti e divinatori perché si usurpano quello che è di Dio proprio” // Ibid. P. 37.*

²⁵ *Ibid. P. 39–42.*

рола приводит самые пространные цитаты как раз из разных сочинений этих двух мыслителей; меньше внимания он уделяет Иерониму и Псевдо-Дионисию Ареопагиту²⁶; а что касается остальных авторов — Василия Великого²⁷, Иоанна Златоуста²⁸, Амвросия²⁹, Оригена³⁰ и Григория Великого³¹ — то он почти слово в слово повторяет те же фразы, которыми описывает их отношение к астрологии Джованни Пико дела Мирандола в первой книге «Рассуждений против прорицательной астрологии»³². Почти идентичным образом Савонарола прибегает к помощи Пико, когда говорит о том, что астрология осуждена церковными постановлениями. Упомянув о каноническом праве, он ссылается на декрет Грациана и на решение Толедского собора, созванного, по его словам, папой Львом. Оба этих события весьма подробно освещены в «Рассуждениях», хотя, справедливости ради, заметим, что в случае с декретом Грациана Савонарола подробно раскрывает его содержание, а не только упоминает его вслед за Пико³³. То же самое обнаруживается в последней части первой книги трактата, где Савонарола указывает на ложность астрологии согласно гражданскому праву. Как и некогда Пико, он ссылается на фрагмент из Кодекса Юстиниана, где осуждается «математическое искусство, под которым следует понимать прорицательную астрологию»³⁴. Таким образом, из первой книги трактата «Против астрологов» можно сделать вывод, что в первую очередь Савонарола меняет основной вектор полемики, начатой в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» и смещает ее в сторону религии. При этом система доказательств, использованная доминиканцем, обнаруживает явные переклички и прямые заимство-

²⁶ Ibid. 1. II. P. 43–44; 1. III. P. 46–47.

²⁷ “Santo Basilio sopra el Genesi dice questa arte essere una occupatissima vanità” // Ibid. 1. II. P. 44. Cp.: “Eodem loco Basilius eam occupatissimam dixit vanitatem” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 90.

²⁸ “Santo Giovanni Crisostomo dice ch’ella è vana, falsa e ridicula” // *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 1. II. P. 44. Cp.: “Chrisostomus vanam, falsam, ridiculam” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 90.

²⁹ “Santo Ambrosio dice che ella è inutile e impossibile” // *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 1. II. P. 44. Cp.: “Ambrosius inutilem et impossibilem” // *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 90.

³⁰ “Origene spesso con molte ragione monstra che è cosa vana e perniciosa” // *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 1. II. P. 44. Cp.: *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 54.

³¹ “San Gregorio similmente la danna in una sua omelia” // *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 1. II. P. 44. Это единственный случай, когда Савонарола не цитирует прямо своего предшественника.

³² *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 54, 88–90.

³³ *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 1. IV. P. 48–51. Cp.: *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 92.

³⁴ *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 1. V. P. 51–52. Cp. *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 96–98.

вания из последнего сочинения Пико. Более того, Савонарола, негативно относившийся к философии, решил не отказываться от этого полезного инструмента в борьбе с прорицаниями и посвятил ее доводам вторую книгу своего трактата.

В ней Савонарола по-прежнему следует за Пико, однако, как и прежде, несколько меняет акценты. В отличие от Пико, который стремится показать целую историю отвержения астрологии, от Пифагора до Генриха Гессенского и своих флорентийских друзей, Савонарола с самого начала более подробно останавливается на фигуре Аристотеля, лишь вкратце упоминая остальных — Платона³⁵, Пифагора³⁶, Демокрита³⁷, Плотина, Аверроэса и Авиценну — и повторяя сказанное о каждом раньше в «Рассуждениях против прорицательной астрологии»³⁸. Не забывает он также назвать Апулея, стоика Фаворина³⁹ и особенно обращает внимание — как и Пико⁴⁰ — на Евдокса из Книды, «слушателя Платона» и «превосходного астролога», который, тем не менее, отрицал ценность прорицаний⁴¹.

Но так или иначе особенным статусом Савонарола наделяет Аристотеля. Это тем более интересно, если учитывать, что ранее Савонарола призывал Джанфранческо Пико делла Мирандола изучать наследие Секста Эмпирика, которое он планировал использовать против расцветшей в конце XV в. философии. В ряду мыслителей, с которыми, по мнению доминиканца, следовало вести борьбы, на высших ступенях были Аристотель и Платон. Последователи Савонаролы оказались весьма чувствительными к призывам своего учителя — в частности, философии и Философу досталось от Джанфранческо Пико⁴². Не сто-

³⁵ “Platone ancora, maestro di Aristotele, non ne fa menzione, né tratta di simili cose in alcuno luogo” // *Savonarola G. Contro gli astrologi. 2. I. P. 54.* Cp.: “Plato et Aristoteles, philosophiae principes, indignam putaverunt de qua verbum aliquando facerent” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 48.*

³⁶ “Pitagora non le prestò mai fede” // *Savonarola G. Contro gli astrologi. 2. I. P. 54.* Cp.: “Pythagoram astrologiae fidem non praestasse” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 46.*

³⁷ “Di Democrito si dice che se ne faceva beffe, e diceva: l’uomo non intende pure quello che ha dinanzi alli piedi e crede di intendere le cose che sono in cielo” // *Savonarola G. Contro gli astrologi. 2. I. P. 54.* Cp.: “Democriti illud fertur: quod est ante pedes nemo spectat, caeli scrutantur plagas” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 46–48.*

³⁸ *Savonarola G. Contro gli astrologi. 2. I. P. 54–56.*

³⁹ “Apuleio ancor la irrise e Favorino acerrimamente la confutò” // *Ibid. P. 54.*

⁴⁰ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 54.*

⁴¹ “...E vivendo Eudosso che fu auditore di Platone e era in quello tempo principe delli astrologi” // *Savonarola G. Contro gli astrologi. 2. I. P. 54;* “Eudosso similmente che, come abbiamo detto, fu eccellente astrologo, scrisse che non di doveva credere alli astrologi che vogliono predire le cose future per considerazione della natività dell’uomo” // *Ibid. P. 54–56.*

⁴² *Schmitt C. Gianfrancesco Pico della Mirandola (1469–1533) and His Critique of Aristotle. The Hague, 1967.*

ит считать, что Савонарола ничего не понимал в объекте своей критики. Нам известно, что он внимательно изучал тексты Аристотеля, Платона и других философов, делал из них выписки и даже использовал отдельные фрагменты в своих проповедях и сочинениях⁴³. Это доказывает, что несмотря на широко распространенный образ яркого борца с ученостью, философией и искусством, Савонарола был весьма внимателен к новым веяниям, пусть даже далеко не всегда принимал их. Поэтому его отношение к Аристотелю было двойственным: с одной стороны, он действительно считал Стагирита одной из вершин той философии, против которой он выступал, а с другой, — Савонарола признавал большое влияние Аристотеля на Фому Аквинского и средневековую философию. В условиях полемики с астрологами Савонарола больше склонялся ко второму, более «христианизированному» образу Стагирита. Наконец, вслед за Пико, он стремится обратиться против астрологов физику Аристотеля и опровергнуть легитимность предсказаний во всех их проявлениях.

Первостепенный вопрос, который ставит перед собой Савонарола, заключается в методе познания вещей. Вслед за Аристотелем и — что не менее важно — Фомой Аквинским он приходит к выводу, что познание состоит из трех этапов: чувства, фантазии и интеллекта⁴⁴. Используя, по всей видимости, фрагменты из трактата Аристотеля «О душе» и «Суммы теологии», Савонарола замечает, что через чувственное восприятие и фантазию возможно познавать только предметы, находящиеся здесь и сейчас, но не те, которые будут иметь место в будущем. Последним способен овладеть только интеллект, но и его возможности не безграничны. Однако восприятие эффектов, производимых в будущем, происходит посредством чувства, хотя их причина не может быть открыта. Поэтому Савонарола приходит к выводу, что именно ранее обретенное знание о вещи, которая присутствует в настоящем, помогают открыть ее последующее воздействие⁴⁵. Доминиканец заме-

⁴³ Tromboni L. *Girolamo Savonarola lettore di Platone: edizione e commento del De doctrina Platoniorum // Rinascimento*. 2006. Vol. 46. P. 133–213; *Eadem. Inter omnes Plato et Aristoteles*. Gli appunti filosofici di Girolamo Savonarola. Porto, 2012.

⁴⁴ “Ma non solamente l’astrologia divinatoria si dimostra essere nulla perché li eccellentissimi filosofi ovvero non si sono degnati di nominarla ovvero se ne sono fatti beffe, ma etiam perché, per li fondamenti e per le ragioni della loro filosofia, è totalmente esclusa dal nome delle scienze. E prima questo appare perché ogni nostra cognizione comincia dal senso, per el quale sono portate le cose sensibile alla fantasia e dalla fantasia allo intelletto” // *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 2. II. P. 58–59; *Aristotle. Metaphysics / Trans. H. Tredennick*. Cambridge, MA; L., 1933–1935. Vol. 1. VI. 1026b–1027b; *Saint Thomas Aquinas. Commentary on the Metaphysics of Aristotle / Trans. J.P. Rowan*. Chicago, 1961. Vol. 1. V. 889.

⁴⁵ “Perché el senso esteriore non conosce se non le cose quando le sono presenti, non possiamo per li sensi esteriori conoscere le cose future per modo alcuno. Ancora non le possiamo conoscere per el senso interiore, cioè per virtù della fantasia, perché avenga che la fantasia conosca e risguardi la cosa sensibile ancora quando non è pre-

чает, что «спекулятивная астрология» может считаться настоящей наукой, поскольку она стремится познать эффекты истинных причин, в том числе связанных с небом, ведь они происходят по необходимости и вследствие естественных, природных, причин⁴⁶. Но, по его словам, то знание, которое основано на принципе *ens per accidens*, не считается наукой, потому что основывается на случайности, способной ограничить человеческую волю⁴⁷. Савонарола признает небо универсальной, а не частной, причиной всего происходящего в земном мире, и таким образом одновременно говорит о всеобщей устроенности мироздания согласно Божественному замыслу, оставляет место для частности, которая не противоречит воле Бога, но при этом не может быть заранее понятой человеком⁴⁸. Подобная позиция максимально близка к учению о свободе воли и Божественном предопределении Августина, которого и Пико, и Савонарола, как уже было показано, выделяли среди прочих Отцов Церкви и богословов. Тем не менее, теоретическим обоснованием своей точки зрения Савонарола избирает Аристотеля и Фому Аквинского, таким образом собирая воедино философские и теологические аргументы против астрологии. Совсем скоро против этой «христианизированной» интерпретации Аристотеля резко выступит Пьетро Помпонаци, которому для этого потребуется всего один, но важный шаг: он всего лишь предположит, что естественные причины,

sente al senso ma assente, nientedimeno, perché tutta la fantasia procede dal senso e non ha discorso di ragione, non può conoscere se non quelle cose le quale una volta sono state nel senso; ma le cose che hanno a venire, che mai non furono presente al senso, non può conoscere in quanto che hanno a venire, perché questo tempo futuro cade in cognizione del senso; dunque le cose future, se si conoscono, bisogna che questo sia per la virtù dello intelletto, el quale discorre di una cosa in un'altra e una cosa comprende per l'altra. Non essendo adunque presente a lui le cose future non le può conoscere in sé medesime; se dunque le conosce bisogna che le conosca nelle cose che a lui sono presente, e questo non può fare se non perché vede che da queste presente procederanno in essere, come procede lo effetto dalla sua causa" // Savonarola G. Contro gli astrologi. 2. II. P. 59.

⁴⁶ "La astrologia dunque speculativa è vera scienza perché cerca di conoscere li effetti per le vere cause, come sono li eclissi e le coniunzioni de' pianeti e simili altri effetti che procedono di necessità e sempre dalle sua cause; e similmente quella che cerca di conoscere certi effetti naturali che procedono quasi sempre dalla allongazione o appropinquazione del sole o dalla coniunzione e opposizione e moti della luna si può dimandare arte o scienza" // Ibid. P. 61–62.

⁴⁷ "Ma l'astrologia divinatoria, la quale tutta consiste nelli effetti che indifferentemente procedono dalle sue cause, massime nelle cose umane che procedono dal libero arbitrio e in quelle che rare volte procedono dalle cause sue, è tutta vana e non si può chiamare né arte né scienza" // Ibid. P. 62; "Nel sesto della sua *Metafisica*, parlando di una cosa la quale lui dimanda *ens per accidens*, dice e prova che di questo non si può avere scienza o cognizione alcuna..." // Ibid.

⁴⁸ Ibid.; 2. IV. P. 68; 2. V. P. 72–74. Cp. Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. III. 3. P. 188.

которые, согласно двум первым формам познания отвечают за настоящее и прошлое, способствуют познанию будущего⁴⁹.

В третьей книге сочинения «Против астрологов» Савонарола касается критики астрологических практик, которая, несмотря на частность самого вопроса, в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» заняла едва ли не 2/3 текста. Среди всех астрологов доминиканец, как и его предшественник, выделяет Птолемея, правда, в меньшей степени акцентируя внимание на диссонансе в астрологической традиции. Однако Савонарола, практически полностью повторяя Пико, не забывает напомнить, что особенный статус Птолемею придает попытка философствовать, правда не слишком удачная⁵⁰. Тем не менее, Птолемей, в отличие от остальных астрологов, пытался связать предсказания с математическими данными; прочие же астрологи занимались тщетой — среди них Абу Машар, Хали и многие другие. Также Савонарола не забывает сказать, что в легитимизации астрологии большую роль сыграли сочинения, будто бы написанные авторитетами, вроде Альберта Великого и Аристотеля⁵¹, а возникновение подобных суеверий у египтян и халдеев, прекрасно осведомленных в делах изучения неба, — результат приверженности культам демонов и безверия⁵².

⁴⁹ Помпонацци подробно рассмотрел понятия судьбы и фатума в двух своих сочинениях: *Pomponazzi P. Il fato, il libero arbitrio e la predestinazione* / A cura di V. Perrone Compagni. Torino, 2004. Vol. 1–2; *Idem. De incantationibus* / A cura di V. Perrone Compagni. Firenze, 2011.

⁵⁰ “E se alcuno dicesse che Tolomeo, principe delli astrologi, fu uomo dottissimo né fu barbaro né quanto al nome né quanto alla sapienza, si può facilmente rispondere che Tolomeo ha ne’ suoi libri dimostrato poca filosofia, con ciò sia che nel principio di suoi libri distingue la filosofia in tre parte: cioè nella teologica, naturale e matematica, e assegna la ragione di questa divisione dicendo che ogni cosa è costituita di materia e di forma e di moto, le quali tre cose si possono separare con la cogitazione ma non realmente. E dice che dal moto viene la parte teologica, e dalla materia la fisica, cioè la naturale, e dalla forma la matematica” // *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 2. I. P. 56–57. Cp.: *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 70.

⁵¹ “E, brevemente, non si troverrà che uomini dotti abbino dato opera a questa astrologia, benché alcuni libri di astrologia falsamente siano attribuiti ad Aristotele e ad Alberto Magno e a molti altri filosofi, ma certi uomini superstiziosi e di poco iudicio, piuttosto barbari che sapienti, l’hanno seguitata, come *etiam* appare per li nomi loro li quali tra li altri sono questi: Albumasar, Haly, Abenzagel, Aboasar, Avenasra, Aoniar, Petosiris, Avenrodan, Azerchel, Adarbaraba e simili altri” // *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 2. I. P. 55. Очевидно, что в этом фрагменте Савонарола намекает на неевропейское и нехристианское происхождение сторонников астрологии.

⁵² “Se noi consideriamo diligentemente le istorie troverremo che questa astrologia fu trovata dalli Egizii e Caldei, li quali furono molto intenti alle scienze matematiche, e essendo grossi di ingegno, avendo inteso che il cielo è causa di queste cose inferiori, non pensorono più in là, ma con le loro figure matematiche si convertirono a considerare le stelle. E perché molto erano intenti al culto delli demonii, come stolti e semplici li demonii li cominciarono a inviluppare la fantasia e inducerli in questa superstizione, alla quale tanto più facilmente e più volentieri si inclinorno quanto che, promettendo alli principi e gran maestri felicità, trovarono di molto guadagno” // *Ibid.* P. 55–56.

В этом, равно как и в упоминании наиболее противных христианству, по мнению Савонаролы, астрологических практик⁵³, он полностью повторяет Пико, хотя для своих целей избирает те случаи, которые в большей степени противоречат христианскому учению. Тем не менее, общая канва его рассуждений, за исключением некоторых частностей, почти не отличается от слов Пико делла Мирандола. Подобное сходство неизбежно ставит вопрос о том, были ли «Рассуждения против прорицательной астрологии» инспирированы Савонаролой, или, наоборот, трактат «Против астрологов» был лишь переработкой последнего труда Пико?

Для ответа на этот вопрос следует привести один важный пример. Сложившаяся ситуация весьма сходна с тем, как обычно в литературе представляют еще одного знаменитого автора конца XV в. — Анджело Полициано. Традиционно автор «Орфея» воспринимается как не совсем самостоятельный мыслитель, ведомый Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола. Только в последние годы в результате подробных исследований медичейской интеллектуальной среды становится понятно, что подобная картина не соответствует действительности, а Полициано во многих вопросах шел впереди своих более именитых коллег и друзей, а зачастую даже вел их за собой⁵⁴.

Возвращаясь к поставленному чуть выше вопросу, мне приходится признать, что анализ астрологических трактатов Пико и Савонаролы и источников, касающихся их взаимоотношений, вынуждает меня склониться ко второй точке зрения. Нам по-прежнему неизвестно, насколько Савонарола повлиял на решение Джованни Пико выступить против астрологии. Мы знаем о будто бы зависимой роли Джованни Пико из сочинений авторов либо из лагеря противников Савонаролы (Белланти), либо, наоборот, ярых савонаролианцев (Джанфранческо Пико, Пьетро Кринито). Первые пытались указать на пагубное влияние, которое оказал доминиканец на гениального мыслителя, тем самым заставив того свернуть с правильного пути. Другие же хотели акцентировать внимание на том, каково было воздействие Савонаролы на окружающих, которые, вдохновленные его проповедями, были готовы идти за ним в деле очищения общества и Церкви. Это позволяет прийти к выводу, что каждый из тех авторов, на которых принято ссылаться при упоминании о влиянии Савонаролы на поздние труды

⁵³ Техническим вопросам посвящены отдельные фрагменты третьей книги трактата. По понятным причинам к этой стороне проблемы Савонарола не проявил особенного интереса.

⁵⁴ Кроме уже упомянутой книги А. де Паче (см. Часть 1, сноска 7), положение Полициано в кругу медичейских мыслителей удачно реконструировано в: *Bettinzoli A. La lucerna di Cleante. Poliziano tra Ficino e Pico. Firenze, 2009.* Пожалуй, самая ценная публикация о философских интересах Полициано: *Poliziano A. Lamia. Text, Translation, and Introductory Studies / Ed. C. Celenza. Leiden; Boston, 2008.* Тем не менее, внушительное наследие крупнейшего гуманиста и поэта конца XV в. по-прежнему ждет своего исследователя.

Джованни Пико, имел некую личную заинтересованность в создании соответствующей картины. Однако на примере «Рассуждений против прорицательной астрологии» и трактата «Против астрологов» можно скорее говорить об обратном. «Рассуждения» Пико полностью определили не просто содержание сочинения Савонаролы, но и все его основные мысли. И хотя воздействие пламенных речей Савонаролы на флорентийскую среду, в том числе на Пико, отрицать нельзя, в нашем распоряжении нет каких-либо убедительных данных, что «Рассуждения» были написаны для облегчения работы доминиканского проповедника над текстом сочинения «Против астрологов». Учитывая, что критическое отношение Пико к астрологии имело не только религиозную, но и философскую основу, не столь тесно связанную с общением с Савонаролой, вполне вероятно, что перед нами случай, несколько схожий с восприятием положения Анджело Полициано. Во всяком случае анализ наших текстов позволяет думать, что «Рассуждения», написанные вполне независимо, стали прекрасной возможностью для Савонаролы, видимо, мало разбиравшегося в этом вопросе, углубить собственные представления об астрологии. Позже это позволило как противникам Савонаролы, так и его сторонникам использовать относительное сходство между «Рассуждениями» и трактатом «Против астрологов» в развернувшихся в конце XV в. идеологических дебатах.

ГЛАВА II

«Предзнание», «древняя ересь» и астрология: Джанфранческо Пико делла Мирандола между дядей и учителем

Другим участником антиастрологической полемики, вызванной публикацией «Рассуждений против прорицательной астрологии», стал их издатель и племянник автора — Джанфранческо Пико делла Мирандола. Эта фигура, которую во многом можно назвать трагической, в истории ренессансной философии до сих пор остается недостаточно изученной и признанной. Виною тому интерес большинства исследователей к наследию его дяди, но, надо признать, что и в конце XV–начале XVI в. Джанфранческо воспринимался скорее как издатель старшего Пико и последователь Савонаролы, а не как оригинальный мыслитель.

Джанфранческо был сыном старшего брата Джованни Пико Галеотто и Бьянки Марии д'Эсте¹. В отличие от тщательно изученных путешествий его дяди по разным городам Италии и Европы, об образовании Джанфранческо мы не знаем практически ничего. Единственно, что можно сказать с уверенностью, что на его формирование повлиял двор д'Эсте. В 1491 г. Джованни Пико отказался от наследства, и право стать новым правителем Мирандолы перешло к его племяннику, который вступил в причитавшееся ему владение в 1499 г. Однако далеко не все потомки славного рода согласились с этим: против Джанфранческо выступили младшие братья, которых поддержала их мать Бьянка Мария д'Эсте. В 1502 г. Мирандола была захвачена, а Джанфранческо — изгнан. В течение девяти лет он странствовал по Италии и европейским странам², и только в 1511 г., благодаря военному заступничеству папы Юлия II, ведущему в это время активные боевые действия в центральной и северной Италии, смог вернуться в Мирандолу. Несмотря на то, что его родственники и по совместительству противники

¹ Биографические данные см. по: *Schmitt C. Gianfrancesco Pico della Mirandola (1469–1533) and His Critique of Aristotle. P. 11–30; Schisto E. Introduzione // Pico della Mirandola G.F. Vita Hieronymi Savonarolae. P. 13–17.*

² В том числе он отправился в Германию, где просил императора подтвердить его права на наследование графства. Кроме того, там же с довольно радикальных позиций, близких Савонароле, он выступал с критикой католической Церкви и папства. Об этом см.: *Schmitt C. Gianfrancesco Pico della Mirandola (1469–1533) and His Critique of Aristotle. P. 18–19.*

к этому времени уже скончались³, претендентов на наследство меньше не стало. В том же году Джан Джакомо Тривульцио, который был отцом жены одного из братьев Джанфранческо, при помощи французского войска изгнал законного правителя из Мирандолы. После этого Джанфранческо отправился в Рим, где схлестнулся в полемике с Пьетро Бембо относительно имитации⁴; в 1512 г. он принял участие в битве под Равенной, в результате которой был пленен французами. Но эта неудача не помешала ему в 1514 г. прийти к мировому соглашению со своими противниками: семейству Тривульцио переходили во владение земли княжества Конкордия в то время, как Джанфранческо становился полноправным и единственным правителем графства Мирандола. Это перемирие продолжалось около 20 лет, пока племянник Джанфранческо Пико⁵ Галеотто, сын Лодовико Пико и Франчески Тривульцио, не убил своего дядю и окончательно не захватил Мирандолу.

Интеллектуальные воззрения Джанфранческо Пико сформировались под влиянием двух людей — его дяди и Савонаролы, с которым он познакомился в 1492 г. Обоим он посвятил жизнеописания, исполненные восхищения. И если отношение к первому было не столь простым, то проповеди и наставления Савонаролы произвели на Джанфранческо Пико удивительное воздействие. Доминиканского монаха он благодарит за чудесное «преображение» своего дяди; кроме того, многие темы, которые Джанфранческо разрабатывал в собственных сочинениях, были навеяны Савонаролой.

Эффект, который Савонарола произвел на старшего Пико, в тот момент уже обратившегося к комментированию Священного Писания⁶, не мог не отразиться на Джанфранческо. Но если к 1492 г. Джованни Пико уже был сложившимся мыслителем, а знакомство с Савонаролой для него лишь совпало с переориентацией собственных интеллектуальных интересов, то племянник оказался полностью во власти доминиканского проповедника. Несмотря на то, что Джованни Пико был старше Джанфранческо всего на 6 лет, последний в середине 1490-х гг. только начинал свой философский путь, и этот момент совпал с выдворением Медичи из Флоренции и расцветом Савонаролы. Неудивительно, что некоторые из своих первыхopusов Джанфранческо Пико посвятил доминиканцу, а сам Савонарола находился в переписке не только с младшим Пико, но и с членами

³ Мать Бьянка Мария д'Эсте скончалась в 1506 г., Федерико Пико пал жертвой болезни в 1502 г., а Лодовико Пико был убит в сражении в 1509 г.

⁴ Эта полемика опубликована в: *Ciceronian Controversies* / Ed. J. Dellaneva, trans. V. Duvick. Cambridge, MA; L., 2007. P. 16–125.

⁵ В этом факте можно усмотреть некоторый парадокс истории. Джанфранческо, бывший образцовым племянником своего знаменитого дяди, сам пал от руки племянника.

⁶ Я имею в виду работу над «Гептаплом» и «Комментариями на Псалмы».

его семьи⁷. Более того, Джанфранческо Пико всячески подчеркивал, что семейства Пико и Савонаролы связывают давние отношения: дед доминиканца, знаменитый врач Микеле Савонарола был придворным медиком рода д'Эсте и даже лечил мать Джанфранческо Бьянку Марию⁸. Когда же начался процесс над Савонаролой, Джанфранческо стал одним из наиболее ревностных его защитников, а уже после казни феррарца выступал в поддержку его последователей, например, Пьетро Бернардино⁹. В этом же ряду надо рассматривать «Жизнеописание» Савонаролы, составленное по канонам агиографической литературы. В данном сочинении Джанфранческо не просто выступает как апологет Савонаролы, а рисует портрет настоящего, но не всеми признанного пророка, вполне в духе Джованни Нези, автора «Пророка нового века»¹⁰.

Считается, что в своем главном труде, «Множестве тщетностей человеческой науки и об истине христианского учения», написанном после 1510 г. и опубликованном в 1520 г., Джанфранческо впервые полноценно и открыто использовал наследие Секста Эмпирика¹¹. Попытка Джанфранческо пересмотреть и зачастую попросту отбросить привычные представления о природе и науках, ее изучающих¹², быстро нашла продолжателей и сторонников. Самым известным из них был Корнелий Агриппа Неттесгеймский, который в 1530 г. опубликовал похожий по направленности труд «О неточности и тщете всех наук и искусств»¹³, где в том числе обрушивался с критикой на астрологию и магию. Интересно, что спустя всего несколько лет после этого он опубликовал свой знаменитый трактат «Об оккультной философии», над

⁷ Как указывает Э. Скисто, Савонарола отправил эпистолы жене Джанфранческо Джованне Карафа, его сестре Магдалене и отцу Галеотто I: *Schisto E. Introduzione*. P. 15.

⁸ *Ibid.* P. 14. О Микеле Савонароле: Michele Savonarola. *Medicina e cultura di corte* / A cura di C. Crisciani and G. Zuccolin. Firenze, 2011.

⁹ *Schisto E. Introduzione*. P. 16.

¹⁰ О философских интересах Джованни Нези: *Celenza C. Piety and Pythagoras in Renaissance Florence. The Symbolum Nesianum*. Leiden; Boston; Köln, 2001, особенно P. 34–52.

¹¹ *Popkin R. The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle*. P. 6–7.

¹² Поставленная цель предполагала нападки на учение Аристотеля, который и стал главным объектом критики Джанфранческо Пико. Именно этим определяется заглавие книги Шмитта, который преимущественно анализировал этот трактат.

¹³ Существует итальянское издание этого труда: *Agrippa von Nettesheim H.C. Dell'incertitudine e della vanità delle scienze* / A cura di T. Provvidera. Torino, 2004. О том, что Агриппа использовал текст Джанфранческо Пико: *Zambelli P. White Magic, Black Magic in the European Renaissance*. P. 134. О скептицизме Агриппы: *Perrone Compagni V. Tutius ignorare quam scire: Cornelius Agrippa and Scepticism // Renaissance Scepticisms* / Ed. G. Paganini and J.R. Maia Neto. Dordrecht, 2009. P. 91–110.

которым работал многие годы¹⁴. Такие видимые противоречия до сих пор ставят в тупик исследователей, хотя убедительным мне кажется мнение, что нелогичной на первый взгляд публикацией трактата «Об оккультной философии» Агриппа лишь хотел указать на то, против чего он действительно выступает.

Но в самом деле влияние скептицизма обнаруживается в более ранних трудах Джанфранческо Пико¹⁵. Прежде всего, я имею в виду трактаты «О предзнании вещей» и «Вопрос о ложности астрологии». Несмотря на то, что в первом из них Секст Эмпирик не упоминается вовсе, а во втором — лишь мельком, философская основа его размышлений не вызывает сомнений. Можно смело сказать, что Джанфранческо объединил наследие позднего Пико и Савонаролы, двух своих главных учителей, со скептической традицией, которую в полной мере сам открыл для западного мира.

В начале своего сочинения «О предзнании вещей» Джанфранческо препарирует термин «предзнание». По его мнению, *praenotio* синонимична, с одной стороны, *cognitio*, с другой — *prognosis* и *divinatio*¹⁶. Замечая, что *praenotio* стала темой множества философских сочинений, Джанфранческо тем самым связывает «предзнание» с формами ложного знания, прежде всего, с дивинацией, оракулами и демонами¹⁷. Главной своей мишенью Джанфранческо избирает Аристотеля, во «Второй аналитике» которого речь идет о *praexistens cognitio*; по мнению Джанфранческо, этот термин полностью соответствует *praenotio* и, следовательно, должен быть отвергнут — Аристотель же этого не сделал¹⁸. Более того, от него термин перешел к Цицерону и далее фигурировал как *praesumptio* и *notitia communis*. Несмотря на это, Джанфран-

¹⁴ Известно, что первый вариант трактата «Об оккультной философии» был готов еще в 1510 г. Однако на протяжении долгого времени Агриппа не решался отдать его в печать. Окончательный текст увидел свет только в 1533 г. На данный момент с текстом трактата можно познакомиться по качественному критическому изданию, правда, лишенному перевода: *Cornelius Agrippa. De occulta philosophia Libri tres* / Ed. V. Perrone Compagni. Leiden; N.Y., 1992. Об этом сочинении и той атмосфере, в которой оно создавалось: *Zambelli P. White Magic, Black Magic in the European Renaissance*. P. 138–182.

¹⁵ *Cao G.M. Inter alias philosophorum gentium sectas, et humani, et mites*: Gianfrancesco Pico and the Sceptics // *Renaissance Scepticisms*. P. 127–128.

¹⁶ “*Praenotionis nomen compositum est ex praepositione ipsa prae et notione quae idem est atque cognitio*” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem*. Argentorati, 1507. I. I. P. 5.

¹⁷ *Ibid.* I. II. P. 6–8.

¹⁸ *Cicero. De natura deorum*. I. I. I. О некоторых аспектах рецепции *praenotio* у Аристотеля и Цицерона в ренессансной медицине: *Pomata G. Praxis Historialis: the Uses of Historia in Early Modern Medicine* // *Historia. Empiricism and Erudition in Early Modern Europe* / Ed. G. Pomata and N.G. Siraisi. Cambridge, MA, 2005. P. 105–146, особенно P. 119.

чески относится к Цицерону с видимой симпатией. Причиной тому послужил, вероятно, трактат «О дивинации», где Цицерон выступает против предсказательных практик. Аристотелю повезло меньше — его Джанфранческо выделяет как вершину языческой, нехристианской философии, не отвергнувшей интерес к оккультному знанию.

Джанфранческо не обходит стороной Платона и платоников. В рамках платонической философии термин *praenotio* был разработан Боэцием, который перевел «идею» как *praenotio* и *praecognitio*. По Боэцию, эманация содержит в самой себе предзнание, поскольку исходит от Бога. Спустя некоторое время термин *praenotio* проникает в средневековое христианское богословие, на этот раз в контексте дискуссий о свободе воли и предопределении¹⁹.

Наконец, *praenotio* как латинский перевод важного термина *prolepsis* проявилась в философии Эпикура. Правда, самый значительный случай подобной терминологической трансформации не имеет отношения к Джанфранческо Пико и его трактату: Пьер Гассенди в своих сочинениях выступал против аристотелевской и схоластической интерпретации *praenotio*. Кроме того, этот термин обнаруживается у Фрэнсиса Бэкона²⁰. Таким образом, Джанфранческо оказывается не одинок в своем анализе *praenotio*.

Praenotio, в которой погрязли многочисленные философы, Джанфранческо противопоставляет *propheta*. По его словам, не стоит ни в коем случае путать эти понятия, поскольку «пророчества» имеют принципиально другую природу²¹. Тем не менее, Пико указывает на то, что философы, среди которых снова выделяется Аристотель и его последователи, пытались сблизить «предзнание» с «пророчеством» и таким образом смешать свои не самые благородные устремления с богоугодной формой знания²².

Кроме философов, которые оказываются под огнем критики Джанфранческо Пико, необходимо обратить внимание на упомина-

¹⁹ Hamesse J. *Idea chez les auteurs philosophiques des XII et XIIIe siècles* // *Idea. Atti del VI Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale Europeo (5–7 gennaio 1989)* / A cura di M. Fattori e M.L. Bianchi. Roma, 1990. P. 99–135.

²⁰ О Гассенди и его интерпретации эпикурейского *prolepsis*: Spruit L. *Species intelligibilis. From Perception to Knowledge. Vol. 2. Renaissance Controversies, Later Scholasticism, and the Elimination of the Intelligible Species in Modern Philosophy*. Leiden; N.Y.; Köln, 1995. P. 413–414. См. также: Bacon F. *The New Organon* / Ed. L. Jardine and M. Silverthorne. Cambridge, 2000. I. CIX. P. 85–86.

²¹ “Prophaetia autem esse non potest nisi praenotio sit. Praedici enim quomodo possunt quae praenota non fuerint” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. I. III. P. 9.*

²² “Perlegant quaeso commentaria Averrois de somno et intelligent absurdum minime putari debere ut praenoscantur praeterita nec remotum esse quin ea quae praesentis et praeteriti temporis sunt praesciantur in somnis modo ignota ea apud nos fuerint. Apud Aristotelem quoque in Rhetoricis me legisse memini divinationem quoque de praeteritis dici tamen sub ipsa praenotione perinde ac ipsa propheta concluditur” // *Ibid.*

ние представителей других народов — индийцев и эфиопов, которые склонны, по его словам, к предсказаниям²³. Джанфранческо Пико считает, что с древнейших времен суеверный человек легко подвергается пагубному влиянию любопытства, заставляющего его прибегать к необдуманному решению, в том числе связанным с дивинацией. Неудивительно, что в этом, подобно своему дяде, он видит проявление культур дохристианской эры, однако, в отличие от Джованни Пико, племянник объединяет под термином «языческая древность» весь возможный спектр мнений. Здесь встречаются как те народы, которых во Флоренции не так давно возносили, так и отдельные мыслители. Присутствие в этом перечне арабов и египтян не выглядит удивительным, принимая во внимание радикализм Джанфранческо²⁴. Интересно упоминание ассирийцев, которые в это время считались близкими к халдеям: в частности, переводя «Египетские мистерии» Ямвлиха, Марсилио Фичино в заглавии добавил к египтянам халдеев и ассирийцев²⁵. Это означает, что уже в начале XVI в. структура «древних теологов», которая сперва была предложена Георгием Гемистом, а затем доведена до ума Фичино, переживала существенные изменения. Ренессансные историографы позволяли себе отбрасывать одни народы и добавлять к списку предшественников христианства новые; например, в чрезвычайно влиятельном трактате Агостино Стеуко «О вечной философии» «древними теологами» оказались армяне²⁶.

Однако у Джанфранческо в числе языческих древних мыслителей упоминаются израильяне, которые, по словам графа Мирандолы, вместо того, чтобы слушать своих пророков, занимались магией²⁷. Назидательная мотивация подобной формулировки понятна, однако, даже несмотря на нее, позиция Джанфранческо кажется довольно резкой с учетом того, что совсем недавно его ближайший родственник постарался изменить отношение христианского Запада к еврейской мистике. На этом фоне неудивительным кажется то, что Джанфран-

²³ “Verum Indi quoque et aethiopes praenotionem non solum futurorum credebant esse sed ipsi praenoscebant multa” // Ibid. I. II. P. 7.

²⁴ “Apud assyrios ariolorum consulta et traiectiones motusque stellarum observatos multifariam invenimus praenoscenti cupidine. Eisdem astrorum praecognitionibus chaldei et aegyptii pariter incubuere cuius vanitatis inventum ex caria legimus” // Ibid. I. VII. P. 16. См. также: Ibid. P. 18.

²⁵ *Iamblichus. De Mysteriis Aegyptiorum, Chaldaeorum, Assyriorum* Marsilio Ficino interprete.

²⁶ *Muccillo M. Platonismo, ermetismo e prisca theologia. Ricerche di storiografia filosofica rinascimentale.* Firenze, 1996. P. 17–19.

²⁷ “Tanta enim praenotionis cupidine humanum genus ab ipsa antiquitate estuavit ut quibus veri prophetae deerant israeliticum populo peculiariter dati demonum oracula consulenda placuerit. Sed divinationem aliunde sibi multifariam procuravere” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem.* I. VII. P. 16.

чески вновь обрушивается на философов. Интересно, что в одном из пассажей, где он упоминает Татиана, укорявшего римлян за следование снам и прочим формам предсказательной магии, он упоминает поддерживавшего эту точку зрения христианского апологета «блаженного Иеронима из Флоренции», несомненно, имея в виду своего наставника Савонаролу²⁸.

Племянник Джованни Пико прямо заявляет об основной цели своего труда — очистить религию от вредоносного налета не имеющих с ней ничего общего суеверий, дивинации и прочих опасных спекуляций. Разумеется, в их числе оказывается астрология (ей полностью посвящена пятая книга трактата), магия (седьмая книга), а также некоторые прочие формы предсказаний, вроде хиромантии и физиогномики, критика которых обнаруживается преимущественно в шестой книге. Естественно, нельзя обойти вниманием и другие части этого сочинения, однако ядро интересующих нас вопросов сосредоточено в указанных фрагментах.

Джанфранческо не скрывает, на чей труд он в основном ориентируется: его задача — суммировать и представить в одной книге то, чему его дядя посвятил целых двенадцать²⁹. При этом младший Пико отдает должное изяществу слога и глубине познаний старшего, но не может упустить возможности указать на заблуждения юности своего знаменитого родственника. Так, Джанфранческо упоминает, что в «Апологии» и «Изящной речи», предназначенной для римского диспута, Джованни Пико не отрицал ценности астрологии и даже использовал некоторые ее положения³⁰. Интересно, что он никоим образом не ссылается на главное сочинение дяди — «900 тезисов», которое, напомним, в изданное им собрание сочинений так и не вошло. Можно допустить, что Джанфранческо так и не смог простить своему дяде некоторую догматическую вольность, почти приведшую к печальным последствиям. Но после этого, по словам Джанфранческо, старший Пико «обратился» на верный путь; более того, племянник уверен, что переломным моментом для этого «превращения» стала работа над комментированием Псалтири³¹ — «Гептапл», главное экзегетическое сочинение Джованни Пико, он не упоминает вовсе. Можно предположить, что Джанфранческо, нелицеприятно высказывавшегося о еврейской традиции, по-прежнему волновал интерес дяди к нехристианской культуре.

²⁸ Ibid. I. VII. P. 17.

²⁹ Ibid. V. I. P. 100.

³⁰ “In primis autem queque non moveat Picum ipsum patrum et quaestionum apologia et in eleganti illa oratione quam Romae fuerat habiturus Astrologiam non confutasse atque etiam quandoque testimoniis usum quoniam valde diversum est si aliud agens quispiam alienum dogma proferat in medium” // Ibid. P. 100–101.

³¹ “Iterum conversurus operam ad illius cum in Psalmos commentaria” // Ibid. P. 100.

В сравнении с Джованни Пико, Джанфранческо по-иному строит свои рассуждения. Он идет от противного: сначала указывает на доводы астрологов, которыми они стремятся объяснить ценность своего учения, а затем последовательно эти доводы испровергает.

Ответственность за философское обоснование суеверий Джанфранческо возлагает на Аристотеля, который, по его мнению, определил прямую связь между явлениями высшего и низшего порядка, тем самым поставив вторые во власть первых³². По мнению Джанфранческо, своим особенным положением среди философов Аристотель легитимизировал астрологические спекуляции, а его последователи получили возможность ссылаться на мнение крупнейшего авторитета. Далее он, сообразно с тем, что Джованни Пико делал в «Рассуждениях», перечисляет те основные сферы применения астрологии, которые находятся в прямой зависимости от природных факторов — сельское хозяйство, водные путешествия, землетрясения и прочие. А вот вина за распространение догм астрологии на человека, по его мнению, лежит на Птолемеи³³.

На все попытки астрологов (и, как мы видим, философов) оправдать свою доктрину Джанфранческо отвечает несколькими основными доводами, которые он позаимствовал у своего дяди. Первый из них касается вопроса о казуальности: племянник, как и дядя, уверен, что универсальная причина, коей может считаться небо, не может определять явления частного порядка³⁴. Кроме того, Джанфранческо уверен, что астрологи не могут считаться специалистами в собственном предмете, поскольку они либо расходятся в его основных положениях, либо не слишком в нем разбираются.

Приводя второе доказательство ложности астрологических предсказаний, Джанфранческо вновь обращается к третьей книге «Рассуждений против прорицательной астрологии», откуда заимствует мысль о том, что единственным реальным влиянием на подлунный мир обладают Солнце и Луна, а все прочие слова астрологов о действительности знаков Зодиака или прочих небесных тел и планет — не более чем измышление. В данном случае он пользуется уже опробованными дядей доводами о свете и тепле, но в целом концентрируется на вопросе о том, что смена времен года и происходящие вместе с этим трансформации природных явлений определяются не астрологическими данными, а естественными процессами³⁵. Показательно, что вслед за Джованни Пико, он опровергает влияние Луны на приливы и отливы, вновь ссылаясь на некоего Аделанда, которого он называет учеником

³² “Peripateticorum princeps Aristoteles in primo meteororum libro scribat necesse esse mundum hunc inferiorum superioribus lationibus esse contiguum ut omnis eius virtus inde gubernetur” // Ibid. V. II. P. 101.

³³ Ibid. P. 102.

³⁴ Ibid. V. III. P. 103.

³⁵ Ibid. V. IV. P. 106–113.

и последователем Аммония³⁶. Установить, какого именно мыслителя поздней Античности Джанфранческо имеет в виду, не представляется возможным, и нельзя сказать, что предоставленная информация помогает нам в идентификации этого таинственного адепта астрологии. Видимо, по-прежнему нет причин пересмотреть позицию Гарэна, который усматривал в имени «Аделанда» ошибку, повлекшую за собой этот казус. Кроме того, как и дядя, Джанфранческо упоминает и критикует других астрологов, прежде всего, Альпетрагия — за описание движения сфер согласно их природе — и Роджера Бэкона, упоминавшего о влиянии лунного света³⁷.

По мнению младшего Пико, Луна, разумеется, имеет некоторое значение, но астрологи порой придают ей чрезмерное влияние. В качестве примера он приводит медицину: по его словам, некоторые медики, прежде всего, Гален и его последователи, среди которых он выделяет Петра из Аيي, считали, что основополагающим для определения критических дней болезни является положение Луны, хотя в частности эти мыслители расходились³⁸. Все эти расчеты, в которых Джанфранческо видит ошибки и откровенные недостатки, приводят его к мысли, что астрология не может претендовать даже на относительную точность, а расхождения в вопросе между ведущими авторитетами только укрепляют в нем эту веру.

Не меньшее сомнение у Джанфранческо вызывает желание астрологов приписать каждому знаку Зодиака его собственную природу и характерные черты³⁹. В этом стремлении соотнести небесные тела с четырьмя природами, четырьмя видами желчи, а заодно вписать в нужные и наиболее действенные геометрические сочетания Джанфранческо видит не только условность — по его мнению, астрологи во

³⁶ “Estus autem maris et fluxus refluxusque in aliam causam quam in lunam referunt non nulli quod si lunae ipsa quoque reciprocatio feratur accepta nihil minus inde Astrologia iuvabitur. Adelandus quem discipulum Ammonii fuisse opinor causam reciprocationis putat quod partes maris quas terra dirimit in unum confluere locum et se contingere properent quae obiectu terrenae molis repulsae iterum quo naturalis impellit motus revocentur, et confirmari vel hac ratione Adelandi opinio potest cum partes elementi ad suam integritatem ad locum proprium atque congenitum naturali propensione ferantur” // Ibid. P. 107.

³⁷ “Alpetragius in motum diurnum eam rettulit quo movent omnia sed inferiora minus, ita ignis spheram rotari in orbem, in aere autem inordinatum nec omnino circularem gigni motum qui in aqua desinat finiatque in accessum atque recessum <...> Rogerius Baccon ex lunae lumine id voluit conjicere quam opinionem multis validisque rationibus Pico patruus confutavit atque vanam omnino ridiculamque monstravit” // Ibid. Об ал-Битруджи, известном на Западе как Альпетрагий, у Пико и Коперника см.: Акоюн О.Л. От споров об астрологии к новой астрономии? К вопросу об одной историографической проблеме. С. 631–632.

³⁸ *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. V. IV. P. 108–109.*

³⁹ Этому вопросу посвящена пятая глава пятой книги трактата: Ibid. V. V. P. 113–122.

всех своих начинаниях либо допускают существенные ошибки, либо противоречат друг другу. И, как итог, применение этих расчетов не может дать никакого положительного результата во всех трех основных сферах их возможного действия — медицине, сельском хозяйстве и путешествиях. Неудивительно, что в тех местах, где он говорит о претензиях астрологов на объяснение природных явлений, Джанфранческо выступает не только против самих прорицателей, но и против философов: неудивительно, что при упоминании четырех основных элементов, использованных затем астрологами в их спекуляциях, Пико неоднократно подчеркивает роль Платона, Аристотеля и их последователей в разработке этого учения.

В шестой главе своего труда Джанфранческо обращается к поиску авторитетов, поддерживавших его точку зрения. Разумеется, учитывая предшествующие пассажи, где он выступает против философов, племянник Джованни Пико оказывается в сложной ситуации: с одной стороны, он не собирается противоречить сказанному в первой книге «Рассуждений против прорицательной астрологии», а с другой, — он пытается избежать противоречий между сказанным им самим о Платоне, Аристотеле и их последователях, и тем, что писал о них старший Пико.

Вначале Джанфранческо практически не отходит от своего основного источника. Он, почти слово в слово, вслед за дядей упоминает среди противников астрологии Пифагора, Диогена Лаэртского, Плутарха и Феодорита⁴⁰. Кроме того, он ссылается на тот же самый фрагмент, позволяющий оценить мнение об астрологии Демокрита, который использовал в «Рассуждениях» Джованни Пико, а затем и Савонарола⁴¹. Далее среди тех, кто высмеивал и опровергал астрологию, он называет стоика Панетия, которого не обошел вниманием и старший Пико, и Сенеку, в «Рассуждениях» в аналогичных обстоятельствах не упоминавшегося⁴².

Но затем, когда речь заходит об Аристотеле и Платоне, Джанфранческо все же отказывается идти вразрез с мнением своего дяди. По словам племянника, который противоречит в этом сам себе, крупнейшие философы никогда не были сторонниками астрологии. Он призывает тщательно изучить труды Платона и Аристотеля, дабы понять, что для обоих столпов античной философии астрология оставалась запретной темой: первый будто бы четко разделял необходимость и фатум, а

⁴⁰ "Alii nec dignam putaverunt de qua verbum aliquando facerent silentio eam magis quam non nulli verbis condemnantes Pythagoram Astrologiae fidem non praestasse ex Diogene Laertio et Plutarcho et Theodereto compertum est" // Ibid. V. VI. P. 122.

⁴¹ "Democriti illud vulgatum est: Quod ante pedes nemo spectat coeli scrutantur plagas" // Ibid. Cp.: *Pico della Mirandola G. Disputationes*. 1. I. P. 46–48; *Savonarola G. Contro gli astrologi*. 2. I. P. 54.

⁴² "Astrologia tametsi universae magiae putetur magistra quam et irridet et confutat Panetius Stoicus et illam ipsam incessuit ex eadem porticu Seneca cuius paulo ante fecimus mentionem" // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem*. V. VI. P. 122.

второй посвящал себя изучению явлений природы⁴³. Также Джанфранческо не забывает указать, что, несмотря на то, что Платон находился некоторое время на Востоке⁴⁴, он не подпал под влияние астрологов⁴⁵. Интересно, что сразу после Платона и Аристотеля он довольно неожиданно упоминает Северина Боэция⁴⁶. Примечательно, что в подобном контексте в «Рассуждениях» «последний римлянин» не упоминался. Кроме того, ссылка на Боэция доказывает, что перед Джанфранческо не стояло вопроса, к какой культуре следует отнести автора «Утешения философией» — для него он, несомненно, языческий автор.

Как уже пытался сделать его дядя, Джанфранческо стремится показать, что астрология не находила поддержки ни в одной философской школе. Он вновь упоминает Порфирия, рассказывавшего о том, что Плотин, овладев обширными познаниями в астрологии, тем не менее, пришел к выводу о ложности этой науки. Не забывает Джанфранческо и о Фирмике Матерне, негативно высказывавшемся о Плотине, и о том, как Порфирий стремился защитить учителя от подобных нападок⁴⁷. В отличие от Джованни Пико, он приписывает неприятие астро-

⁴³“Didicisses profecto Platonem inter adrastiam necessitatem et fatum distinxisse et unum ab alio dirimisse. Didicisses Aristotelem et eius expositores praesertim inter graecos praestantiores non aliter de fato quam de natura loqui consuesse” // Ibid.

⁴⁴ При этом Джанфранческо указывает не только на то, что Платон отправился в путешествие в Египет, о котором хорошо известно, но о влиянии на него вавилонцев.

⁴⁵ Интересно, что в этом пассаже Джанфранческо Пико вновь вспоминает Биона и Окелла Лукана, на мнение которых ссылался Джованни Пико. Цитаты из «Рассуждений» приведены практически слово в слово: “Nunc ab Astrologica vanitate conterenda nunc divertamus cui magnopere quidem sapiens Bion infensus fuit de qua nec verbum Plato quidem usque foecit. Facere autem maxime in Timaeo si apud eum quicque habebat pensi debuisset, ubi rerum ab eo universitas pertractatur verum nec ibi nec alibi. Siluit enim exemplo Timei Pythagorei summi, ut ipse inquit philosophi et astronomi qui in suo de natura libro quem Plato praecipue est aemulatus indignam putavit de qua sermonem esset habiturus. Pari eam silentio damnaverat Ocellus Leucanus in libro de mundo testimonio ipsius Platonis in philosophia eminentissimus. An forte haec ignoravit et in Aegypto Babiloniaque versatus Plato non potuit haec intelligere decantata apud hos populos et cuique etiam de medio nota” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. V. VI. P. 122–123.*

⁴⁶“Didicisses et ipsum Severinum Boetium cum plura de fato loqueretur dixisse illud rebus mobilibus inherere et illud quoque subinde hausisses naturae auctorem nec naturam ipsam nec eius operationes proprias demoliri solere” // Ibid. P. 122.

⁴⁷“Si Plotinum consulamus inprimis respondebit intermedio Porphyrio se cum diligentem operam astrologiae dedisset et comperisset tandem artis vanitatem falsitatemque praedictionum omnem astrologiae fidem abrogasse. Respondebit et illud non contentum se videlicet astrologiam sprevisse, ut aliis id quoque persuaderet faciendum dicato libro cui titulus de stellarum efficientia astrologorum dogmata et risisse et confutasse cui si Maternus opponat suppraessisse de eo propter ea coelum poenas. Insurgeret Porphyrius eius discipulus et mentitum Maternum in praeceptoris vita monstrabit quam et mores simul et mortem et causam discessus ab urbe plane fideliterque describit” // Ibid. P. 123. Cp.: *Pico della Mirandola G. Disputationes. I. I. P. 52–54.*

логии еще одному виднейшему неоплатонику — Проклу⁴⁸. Среди противников предсказаний по-прежнему фигурируют Карнеад и Цицерон, а статус Эпикура, столь низко оцененного дядей, остается на том же уровне, хотя Джанфранческо признает, что и он, при всех своих недостатках, не видел в астрологии ничего ценного. В схожем с «Рассуждениями» контексте упоминается Александр Афродисийский⁴⁹. На основе этих данных автор трактата «О предзнании вещей» выражает уверенность, что против прорицаний выступали все основные философские школы Античности.

Кроме того, Джанфранческо никоим образом не отходит от заветов своего дяди и относит к числу противников астрологии всех остальных значимых мыслителей. Среди них — Аверроэс, «знаменитый комментатор Аристотеля и первый среди арабов, кто ругал, осуждал и порицал астрологию»⁵⁰, и Авиценна⁵¹; не забывает младший Пико и об Оригене⁵² и Евдоксе из Книды, который вновь фигурирует как крупный специалист в данном вопросе⁵³. Отдельно он указывает на тех, кого Джованни Пико в «Рассуждениях» называл *moderni*: на страницах трактата «О предзнании вещей» вновь всплывает Николай Орем, «проницательнейший философ и искуснейший математик»⁵⁴; из других фрагментов «Рассуждений» он извлекает имена Иоанна Катона, Генриха Гессенского и Вильгельма Парижского⁵⁵. Джанфранческо не может не вспомнить современников своего дяди: он упоминает Паоло Тосканелли, Джо-

⁴⁸ “Quem annumerare Platonis vel hac de causa hoc in negotio placuit quod ipse illius nosterque hostis Porphyrius fatetur assecutum eum omnia sensa Platonis Proclus platonis quanque omnis mathematicae studiosissimus fatetur multa in coelo fingi quae ibi non sunt” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. V. VI. P. 123.*

⁴⁹ *Ibid.* P. 123–124.

⁵⁰ “Averrois in Aristotelis philosophia ceber explananda et inter Arabes primus ubique Astrologiam lacerat, damnat, insectatur” // *Ibid.* P. 124.

⁵¹ “In commentariis vero canticae Avicennae contrariam esse philosophiae testatur et falsa omnia astrologorum dogmata praedicat. In libris praeterea adversus Algazelis destructiones artificiosas astrologorum imagines asseverat” // *Ibid.* P. 125. Ср.: *Pico della Mirandola G. Disputationes. I. I. P. 56.*

⁵² “Origenes Adamantius in omnibus disciplinis praecellens etiam gentium testimonio multis rationibus astrologicam vanitatem sugillavit” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. V. VI. P. 123.* Ср.: *Pico della Mirandola G. Disputationes. I. I. P. 54.*

⁵³ *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. V. VI. P. 125.*

⁵⁴ “Nicolaus Oresinus philosophus accutissimus et peritissimus mathematicus astrologiam peculiari commentario damnavit” // *Ibid.* Надо заметить, что Джанфранческо не совсем верно воспроизводит имя Николая.

⁵⁵ “Guilielmus Arvernus episcopus Parisiensis, Ioannes Caton Henricus ex Sasia et alii viri celebres eam ipsam infestarunt” // *Ibid.*

ванни Марлиани и неидентифицируемого Лукина⁵⁶. Важно заметить, что два наиболее важных мыслителя, которые были включены в соответствующий фрагмент «Рассуждений», в сочинении «О предзнании вещей» обойдены стороной: я имею в виду Марсилио Фичино и Анджело Полициано. Найти этому какое-то убедительное объяснение достаточно трудно. Возможно, это связано с тем, что племянник мог недолюбливать ближайших товарищей своего дяди и даже, позволю себе предположить, обвинял их в том, что они разделяли не совсем благочестивые, по его мнению, увлечения юности его знаменитого родственника. Однако, разумеется, в данном случае мы находимся лишь в области догадок, никаких доказательств подобной точки зрения найти не представляется возможным.

К стану своих основных противников Джанфранческо не добавляет новых лиц: как и в «Рассуждениях», в соответствующем разделе по-прежнему присутствуют Птолемей и его восточные комментаторы, а также античные астрологи и некоторые христианские мыслители. На общем фоне он, как и его главный источник, выделяет Клавдия Птолемея и приводит идентичную цитату из «Альмагеста», где античный астроном стремится интерпретировать Аристотеля⁵⁷. Еще один топос, взятый из «Рассуждений», касается Абу Машара: Джанфранческо повторяет, что восточный астролог даже не смог верно идентифицировать Птолемея, посчитав его потомком царского рода⁵⁸. Не забывает Пико и о Фирмике Матерне и Манилии⁵⁹. Интересно, что даже в самом имени второго он полностью идет за автором «Рассуждений», несколько ошибочно называя его *Mallius poeta*. Кроме того, как и дядя, он указывает на то, что некоторые астрологические труды ошибочно приписывались известным философам и теологам⁶⁰. Как видно уже из этого простого перечисления имен, Джанфранческо практически во всем следует за своим дядей. Это заставляет Джанфранческо лавировать, и, надо сказать, не всегда умело, между собственным неприятием философов, прежде всего, Аристотеля и Платона, и необходимостью, понимаемой практически кровно, следовать за словом Джованни Пико. В этом отношении Джанфранческо оказывается заложником ситуации, поскольку хочет каким-либо образом связать религиозную риторику Савонаролы, отрицавшего ощутимое влияние философии, с мнением старшего Пико.

⁵⁶ Ibid. P. 125–126.

⁵⁷ Ibid. P. 127. Почти весь этот пассаж в точности повторяет сказанное в «Рассуждениях».

⁵⁸ “Primus fere ab eo habetur Albumasar. Is nec philosophus nec dialecticus fuit et in mathematicis imperitus qui grammaticae artis et historiae scribendae professor ab eis ad astrologiam se convertit non minus falsa quem in historiis dicturus in quibus scripserat Ptolemaeum astrologum ex regibus fuisse Ptolemaeis Alexandro successerunt” // Ibid. P. 128. Ср.: *Pico della Mirandola G. Disputationes*. I. I. P. 72.

⁵⁹ *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem*. V. VI. P. 128–129.

⁶⁰ Ibid. P. 127.

Возможно, следующий раздел трактата «О предзнании вещей» не заставил его ломать голову над решением этой проблемы: в седьмой главе своего труда Джанфранческо стремится опровергнуть астрологию при помощи теологии и законов — как церковных, так и гражданских⁶¹. Разумеется, многие доводы, которые он приводит, иногда совершенно дословно повторяют «Рассуждения», но не покидает ощущение, что в этом «материале» Джанфранческо чувствует себя намного комфортнее. Он вновь перечисляет тех Отцов Церкви, которые осуждали астрологию и считали ее вредной, хотя невозможно не увидеть, что в сравнении с предыдущим разделом Джанфранческо работает с источниками свободнее — он позволяет себе переносить отдельные фрагменты в более, по его мнению, соответствующее им место и иногда добавлять что-то от себя. Многие цитаты из Священного Писания, которые приводил в «Рассуждениях» старший Пико, переключались в сочинение «О предзнании вещей». Не забывает он и тех христианских авторов, которые пошли вразрез с традицией и постарались использовать данные астрологии в религиозных целях: звучат очередные обвинения в адрес не только астрологов, вроде Гвидо Бонатти, но и заслуженных теологов — Петра из Айи и Роджера Бэкона.

Имена двух последних всплывают в седьмой книге трактата «О предзнании вещей», где Джанфранческо выступает против магии. Этот фрагмент представляет несомненный интерес еще и потому, что в нем он явно или скрыто ссылается не только на труды своего дяди, но и на труды Марсилио Фичино, в первую очередь на сочинение «О христианской религии». Прежде всего, Джанфранческо дает определение того, что он понимает под магией. Для него магия является формой идолопоклонства, набором нечистых заклинаний, связанных с призыванием демонов⁶². Кроме того, Джанфранческо четко дает понять, каково происхождение магии: по его мнению, оккультные представления возникли на Востоке, в первую очередь среди персов, и только затем распространились в Египте, Вавилоне и Греции⁶³. Интерес-

⁶¹ Глава с характерным названием *Quod divina lex eiusque interpretes theologi lex item pontifica et lex civilis astrologiam damnarint* является одной из самых больших в интересующем нас разделе: Ibid. V. VII. P. 129–139.

⁶² “*Servata est magia ut Septimo hoc libro confutaretur cuius cultores et foedus cum daemone quandoque pepigerunt ut divinent quod in evocationibus umbrarum inferiorumque colloquiis in controversum est et eo etiam non vocato id satagunt pro noscendis occultis ex aliis compluribus aere, aqua quae supra cum divinandi vanitate reprobavimus*” // Ibid. VII. I. P. 187.

⁶³ “*Magiae nomen sua moneta latium non percussit ut magus quasi magnus dicatur sicuti Horatiano placuit interpreti non a magis particula deducitur non Graecum, non Chaldaicum, non Aegyptium sed Persicum est. Magorum nomine apud Persas auctore Porphyrio divinorum interpretes et cultores indicabantur: apud alios scriptum invenimus eos a Persis magos appellari qui elementis numen tribuerent*” // Ibid.

но, что, говоря о том, как магия понималась в древних культурах, Джанфранческо приводит ту же цитату из Порфирия, при помощи которой в «Речи о достоинстве человека» Джованни Пико оправдывал занятия разнообразными магическими штудиями⁶⁴. После этого Джанфранческо заявляет, что в этих культурах маги именовались по-разному, хотя под этими названиями подразумеваются люди со схожими функциями. В этом фрагменте он приводит скрытую цитату из трактата «О христианской религии» Фичино⁶⁵. Однако, в отличие от флорентийского философа, Джанфранческо не только не восхваляет единокровные «древних теологов», но, наоборот, видит в этом их общий порок. Младший Пико преобразовывает «древнюю теологию» в «древнюю ересь» (*prisca haeresis*) и тем самым радикально переосмысливает ценность дохристианского знания. Истинные христиане, по Джанфранческо Пико, должны отбросить прочь вредоносную философию и теологию древних, которые лишь подпитывают магию и прочие оккультные штудии.

Несмотря на то, что его современники чаще всего указывали на двойственный характер магии⁶⁶, автор сочинения «О предзнании вещей» различает три ее вида: два из них берут начало в Персии, но только один получил распространение за ее пределами, не только среди восточных, но и среди западных народов, и получил название «натуральной магии», а другой так и остался только внутри самой Персии⁶⁷.

⁶⁴ *Pico della Mirandola G. De hominis dignitate*. P. 148.

⁶⁵ “Alii Persas eo nomine suos intelligi voluisse sapientes quemadmodum Egyptii et Hebraei sacerdotum prophetarumque nomine significabant qui divina nossent et Graeci philosophorum nomenclatura quod sapientiae vacassent, et Aethiopes Gymnosophistas et Assyrii chaldeos et Indi Brachamanas et Galli druidas” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem*. VII. I. P. 187. Ср.: “Philosophi a Persis, quia sacris praeerant, magi, hoc est, sacerdotes, sunt appellati. Indi Brachmanas de rerum natura simul, atque animorum expiationibus consulebant. Apud Aegyptios Mathematici et Metaphysici sacerdotio fungebantur et regno. Apud Aethiopas gymnosophistae philosophiae simul magistri erant ac religionis antistites” // Marsilii Ficini Florentini de Christiana religione liber, ad Laurentium Medicem Patriae servatorem. Prooemium // Marsilii Ficini opera. I. P. 1.

⁶⁶ О двойственной магии Ренессанса см.: *Zambelli P. Le problème de la magie naturelle à la Renaissance // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento*. Wrocław, 1974. P. 48–82; *Eadem. L'apprendista stregone. Astrologia, cabala e arte lulliana in Pico della Mirandola e seguaci*. Venezia, 1995.

⁶⁷ “Hinc triplex magia suborta: prima quae Persarum esset peculiaris et in Perside nata: hec auctorem habuit Ormacem et Zoroastrem, sed non eum fortasse qui vulgo etiam doctioribus persuasus, sed alium Oromasi filium hanc postea Thraicius Zamolxis excoluit. Secunda quam incantatores venefici necromantes profitentur. Teriam quam naturalem vocaverunt cuiusmodi haberetur prima illa Persarum Magia persicis monumentis minime nobis constitit” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem*. VII. II. P. 188.

Не очень понятно, почему Джанфранческо вообще ввел это разделение, если речь идет о некоем виде магии единого «территориального» происхождения. Возможно, он имеет в виду, что «натуральная магия» персов была дополнена магами других стран и уже в таком виде дошла до его времени. Третий вид — «черная магия», имеющая дело с предсказаниями, колдовством и некромантией. Понятно, что Джанфранческо интересуется «натуральная магия», поскольку именно она получила легитимный статус благодаря, помимо прочего, творчеству его дяди; а, кроме того, эта разновидность магии более остальных претендовала на то, чтобы считаться «помощницей богословия». Джанфранческо приводит примеры того, как европейцы познакомились с разными формами магии: по его словам, древние греки во многом овладели ею в результате войн с персами⁶⁸. Римляне же соприкоснулись с магией в Галлии, где в роли магов выступали друиды; а затем наследники Ромула и Рема, по мнению графа Мирандолы, неоднократно прибегали к помощи разнообразных прорицателей — авгуров, гаруспиков и толкователей снов⁶⁹.

Но рассуждения Джанфранческо были бы не совсем полными, если бы он не сослался на своего знаменитого родственника. Для того, чтобы показать развитие магических представлений с древности до момента формирования крупных философских школ Античности, Джанфранческо обращается к идее своего дяди, согласно которой халдейская магия постепенно дошла до Платона и его учеников⁷⁰. Интересно, что в данном контексте Джанфранческо не критикует прямо Джованни Пико, отводя ему роль своеобразного «историографа» магии; хотя, с другой стороны, без сомнения, он вновь следует за «Речью о достоинстве человека», т.е. за сочинением, основные идеи которого он все-таки осуждал. По словам Джанфранческо, магия пустила свои корни не только в древней истории, но и в более поздние эпохи, хотя христианские авторитеты, в первую очередь Августин, Иоанн Златоуст и Ориген, выступали против оккультизма. Вслед за своим дядей, среди адептов магических спекуляций Джанфранческо упоминает ал-Кинди, Роджера Бэкона и Вильгельма Парижского. Но, в отличие от того, что Пико говорил об этих авторах в «Речи о достоинстве человека», где они тоже упоминаются вместе, Джанфранческо придает своим словам негативный характер⁷¹. Специально против ал-Кинди

⁶⁸ «Primus qui de ea comentatus sit Hostanes traditur is qui in Xerxis graeciae bellum inferentis comitatu fuerit tam et si diligentiores Zoroastrem alium Proconnesium ponunt vires caepit in peregrinatione, aucta enim plurimum usque ad Alexandri tempora quibus secundus Hostanes auctoritatem cumulavit Magiae, ita in scelestissimam aliam Magiae speciem declinatam est a multis qui veneficiis incantationibus necromanciae ab hominandisque sacrificiis vacantes adusque imolationem humanae hostiae devenerunt” // Ibid. P. 188–189.

⁶⁹ Ibid. P. 189.

⁷⁰ Ibid. P. 189–190.

⁷¹ Ibid. P. 197–199.

и Роджера Бэкона племянник Джованни Пико пишет две небольшие главы, в которых обвиняет их в использовании ложного знания в философских и теологических спекуляциях⁷². Кроме них, особенное внимание Джанфранческо обращает на «магию платоника Прокла», видимо, в данном случае выступая не столько против самого Прокла, сколько против Марсилио Фичино, который перевел трактат позднеантичного мыслителя «О жертвоприношении и магии» и присовокупил к латинскому варианту этого сочинения небольшой комментарий⁷³. Также объектом его критики ожидаемо становятся «древние теологи» — индийцы, брахманы и гимнософисты из Эфиопии⁷⁴ — и «еврейские маги», под которыми он понимает не столько каббалистов (это название в соответствующей главе не упоминается вовсе), сколько талмудистов, т.е. тех, кто пытается, по его словам, использовать тексты Священного Писания для каких-либо магических интерпретаций⁷⁵.

Однако вернемся к пятой книге. В оставшихся фрагментах этого раздела, посвященных в основном теоретическим и практическим элементам астрологии, Джанфранческо продолжает ориентироваться на «Рассуждения против прорицательной астрологии». Это ярко проявляется при анализе (или точнее повторении) вопроса о количестве небесных сфер, по которому между астрологами велись жаркие и долгие споры. Как и для Джованни Пико, для его племянника сам этот факт служит прекрасной иллюстрацией ложности астрологических предсказаний⁷⁶. Кроме того, он упоминает разнообразные астрологические практики, например, связанные с выбором времени для начала какого-либо дела, или расхождения между предсказателями в вопросе о том, какой элемент относится к какому небесному телу. В конце концов Джанфранческо приходит к уже озвученному в «Рассуждениях» выводу, что человеческая жизнь не подвержена влиянию небесных конфигураций, а естественные, природные процессы никоим образом не воздействуют на существование или формирование индивида. Правда, порой Джанфранческо позволяет себе вернуться к спору с философами: например, ссылаясь на Прокла, он утверждает, что крупнейший неоплатоник видел в фортуне демоническое начало;

⁷² Это 6 и 7 главы VII книги.

⁷³ Речь идет о 5 главе VII книги. Джанфранческо не мог знать других сочинений Прокла кроме тех, которые перевел и опубликовал Фичино. Это позволяет прийти к выводу, что, критикуя Прокла, он опирается именно на вышеназванный трактат.

⁷⁴ Об этом Джанфранческо рассуждает в 9 главе VII книги своего трактата.

⁷⁵ Этому посвящена 8 глава. О критике талмудической традиции он упоминает: *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. VII. VIII. P. 212.*

⁷⁶ Этому вопросу Джанфранческо посвятил 11 главу V книги.

а в другом фрагменте указывает на приверженность перипатетиков идее фатума⁷⁷.

Трактат «О предзнании вещей» не был единственным актом борьбы Джанфранческо против прорицателей. В 1510 г. он составил небольшое сочинение, которое получило название «Вопрос о ложности астрологии»⁷⁸. Правда, при жизни Джанфранческо «Вопрос» не был опубликован и не получил никакого распространения. Единственная рукопись этого трактата сохранилась в кодексе XVII в., происходившем из Феррары, и некоторое время хранилась в Библиотеке Строщи, после чего оказалась в Шекспировской библиотеке Фолджера в Вашингтоне⁷⁹.

По справедливому замечанию В. Кавини, открывшего и издавшего этот текст, «Вопрос о ложности астрологии» следует рассматривать как эпитому к пятой книге трактата «О предзнании вещей», и соответственно и здесь Джанфранческо не обошелся без отсылок к «Рассуждениям против прорицательной астрологии» своего дяди⁸⁰. Кроме того, именно в «Вопросе» Джанфранческо впервые напрямую цитирует Секста Эмпирика, что делает этот текст важным для понимания истории скептической традиции в ренессансной Европе.

«Вопрос о ложности астрологии» адресован одному из наставников Джанфранческо Джованни Майнарди, который принимал активное участие в публикации собрания сочинений Джованни Пико, увидевшего свет в 1496 г. Фигура Майнарди интересна не только тем, что он помогал молодому Джанфранческо разбирать бумаги Джованни Пико, но и тем, что он, как и его соратник и коллега, занимал непримиримую позицию в отношении астрологии⁸¹. Неудивительно, что Джанфранческо посвящает свое сочинение именно ему: в борьбе с астрологией, начало которой положило издание «Рассуждений», он видит их совместную задачу. Этим объясняется то, что Джанфранческо указывает не только на собственный трактат против суеверий, опубликованный всего тремя годами ранее, но и на «Рассуждения» — главный источник как своих спекуляций по этому вопросу, так и суждений Майнарди.

⁷⁷ “Proclus Platonicus in commentariis in Timaeum definivit fortunam esse daemoniacam potestatem congregantem invicem causas inter se divulsas. Nec differt a peripateticis decernentibus fortunam causam esse in electionem humana et ob id secernitur a casu causam inquam aliquid efficientem sed ex accidenti” // *Pico della Mirandola G.F. Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. V. VIII. P. 140.*

⁷⁸ *Cavini W. Un inedito di Giovan Francesco Pico della Mirandola. La Quaestio de falsitate astrologiae // Rinascimento. 1973. Vol. 13. P. 133–171.*

⁷⁹ *Ibid. P. 134.*

⁸⁰ *Ibid. P. 135–136.*

⁸¹ Не стоит путать Джованни Майнарди с каббалистом Пьетро Майнарди, который стал объектом интереса той же исследовательницы в кн.: *Zambelli P. L'apprendista stregone. Astrologia, cabala e arte lulliana in Pico della Mirandola e seguaci. Venezia, 1995. P. 74–122.*

Как и в трактате «О предзнании вещей», в «Вопросе» мы встречаем радикальное осуждение астрологии, хотя в определенных вопросах Джанфранческо по-прежнему предпочитает полумеры. Прежде всего, племянник Джованни Пико повторяет, что астрология является формой оккультных спекуляций, распространенной в восточных, нехристианских обществах и противоречащей Священному Писанию и трудам Отцов Церкви⁸². Более того, даже в вопросах составления гороскопов и прочих прикладных элементах своих спекуляций астрологи противоречат друг другу и в действительности не разбираются в своем предмете⁸³: Джанфранческо вновь приводит пример с количеством сфер, напоминает о расхождении прорицателей по вопросам о расположении и движении сфер и по-прежнему выступает против того, чтобы приписывать планетам какие-либо конкретные свойства и характеристики⁸⁴. Не меньшее возмущение Джанфранческо вызывает стремление астрологов определить важнейшие исторические события при помощи «великих конъюнкций»⁸⁵. А основными авторами, которых он пытается опровергнуть, все так же выступают философские школы Античности⁸⁶, Птолемей и восточные астрологи. Им он противопоставляет Августина, Фому Аквинского, мнение которых подкрепляет цитатами из Священного Писания.

Однако в тот момент, когда ему необходимо доказать, что все истинные авторитеты выступали против астрологии, он, как и в трактате «О предзнании вещей», вступает на довольно противоречивый и скользкий путь, привлекая на свою сторону тех, против кого недавно боролся. Вновь мы встречаем тех же философов, теологов и юристов, которые упоминались еще в «Рассуждениях против прорицательной астрологии». Но, как и раньше, видимое противоречие в собственных словах не мешает ему прийти к уже ранее сделанному выводу, что во всех основных видах возможного применения астрология не может играть никакой полезной роли.

Отношение Джанфранческо к астрологии и магии, равно как и к другим формам оккультизма — хиромантии, геомантии и другим, — не вызывает никаких сомнений: он является их ярким противником. Однако в том, как он выступает против магико-астрологических авторитетов, нетрудно увидеть некоторую двойственность. С одной стороны, он выглядит безусловным противником любых философских спекуляций, которые, по его мнению, служат неплохим подспорьем

⁸² Cavini W. Un inedito di Giovan Francesco Pico della Mirandola. P. 138–140.

⁸³ “Primo, omnis qui ignorat principia scientie alicuius propria, ipsam artem et scientiam proprie nescit” // Ibid. P. 141.

⁸⁴ Ibid. P. 143–147.

⁸⁵ Ibid. P. 149.

⁸⁶ Хотя Джанфранческо вновь напоминает, что никто из крупных философов никогда не поддерживал астрологию, он не забывает сказать, что авторитет Платона и Аристотеля нередко служил весомым аргументом в пользу ее истинности, а многие мыслители, в том числе Апулей, Прокл и некоторые другие, упоминаются как адепты предсказаний.

для развития оккультизма. В этом отношении свою роль, несомненно, сыграли знакомство Джанфранческо с Джироламо Савонаролой и работа над трудами Секста Эмпирика. Однако, с другой стороны, в тех случаях, когда опровержение философов входит в противоречие с мнением его знаменитого родственника Джованни Пико делла Мирандола, Джанфранческо зачастую отступает назад и скорее пересказывает представления автора «Рассуждений против прорицательной астрологии», чем держится своей точки зрения. В этой позиции отражается не только непоследовательность автора конкретного трактата, но, если угодно, экзистенциальная драма Джанфранческо: находясь под влиянием двух ярчайших и дорогих ему фигур — Савонаролы и старшего Пико, Джанфранческо был вынужден выбирать между ними. А как следует из сочинения «О предзнании вещей», любая попытка соединить их мнения в нечто единое и целостное попросту не могла дать однозначно положительный результат.

ГЛАВА III

С «латинянами» против «латинского нечестия»: Максим Грек и рецепция астрологических споров на Руси

Публикация «Рассуждений» стала событием не только в Италии, но породила дискуссии о статусе астрологии за пределами Апеннин¹. Если обсуждение такого рода идей в европейских интеллектуальных кругах вполне естественно, то отголоски споров об астрологии в России первой половины XVI в. кажутся весьма неожиданными.

Хорошо известно, что на протяжении долгого времени в России отсутствовал постоянный интерес к европейской культуре². До середины XVII столетия примеры рецепции текстов и идей, просочившихся в Россию через западную границу, единичны. Так, У. Райан убедительно показал, какая судьба на русской почве была уготована знаменитой «Тайной тайных»³. Происхождение этого трактата неизвестно: греческий оригинал не сохранился, хотя в самом тексте трактата говорится, что с греческого это сочинение было сперва переведено на сирийского, а затем с сирийского — на арабский⁴. Никаких следов греческого и сирийского вариантов до сего времени обнаружить не удалось. Современные исследователи традиционно считают, что время составления оригинального арабского текста — середина X в. В XII в. было составлено сразу два латинских перевода «Тайной тайных» — Иоанна Севильского и Филиппа Триполитанского. Кроме того, «Тайная тайных» была доступна на других языках — существовало по меньшей мере два перевода на персидский язык, версии на турецком и древне-

¹ *Vanden Broecke S. The Limits of Influence: Pico, Louvain, and the Crisis of Renaissance Astrology.*

² Здесь и далее речь идет об интересующем нас периоде конца XV–XVI вв. и культуре Западной Европы.

³ *Ryan W. The Old Russian Version of the Pseudo-Aristotelian *Secreta Secretorum* // The Slavonic and East European Review. 1978. Vol. 56. № 2. P. 242–260; *Idem. Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia // Pseudo-Aristotle in the Middle Ages: The Theology and Other Texts / Ed. J. Krayer, W.F. Ryan and C. Schmitt. L., 1986. P. 97–109; Idem. The Bathhouse at Midnight. An Historical Survey of Magic and Divination in Russia. University Park, Pennsylvania, 1999. P. 359–372.**

⁴ В целом, об этом тексте см.: *Williams S. The Secret of Secrets: the Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Middle Ages. Ann Arbor, 2003.*

еврейском. Популярность этого трактата в Средние века (сохранилось несколько сот рукописей только в Западной Европе) была связана не только с тем, что он представлял собой внушительный компендиум по разного рода оккультным наукам. В «Тайную тайных» анонимный автор включил письма, будто бы написанные Аристотелем его великому ученику, Александру Македонскому. Впоследствии эти апокрифы сыграли важную роль в формировании средневековой литературы об Александре. Но, кроме того, ложное авторство писем, приписанное Аристотелю, было перенесено на весь остальной трактат, что для средневековых мыслителей осватило его содержание.

На Руси «Тайная тайных» была переведена в среде «жидовствующих» — движения, которое сформировалось в конце XV в. в Новгороде. Происхождение перевода объясняет его особенности: он составлен с сокращенной древнееврейской версии. «Тайная тайных» быстро стала важным источником для медицинских и магических спекуляций, но уже в XVI столетии вместе с самим движением «жидовствующих» она подверглась осуждению. Кроме того, этот трактат, который нередко фигурировал под названием «Аристотелевы врата»⁵, способствовал не слишком позитивной оценке фигуры Аристотеля⁶. Наряду с «Тайной тайных», были переведены некоторые другие магические, астрологические и медицинские сочинения, в частности, тексты Маймонида, «Сфера» Иоанна Сакробоско⁷. В этой же среде Федор Курицын составил свое «Лаодикийское послание»⁸.

Исследования, раскрывающие, как в Россию XVI–XVII вв. проникали астрологические идеи, лишь доказывают, что этот процесс не был

⁵ «Вратами» в средневековой арабской, а затем и европейской литературе, называли главы сочинения.

⁶ Ryan W. Aristotle in Old Russian Literature // The Modern Language Review. 1968. Vol. 63. № 3. P. 650–658, особенно P. 651–652; Чумакова Т.В. Рецепция Аристотеля в древнерусской культуре // Человек. 2005. № 2. С. 58–69.

⁷ Зубов В.П. Неизвестный русский перевод «Трактата о сфере Иоанна Сакробоско» // Историко-астрономические исследования / Под ред. П.Г. Куликовского. М., 1962. С. 209–221; Ryan W. Maimonides in Muscovy: Medical Texts and Terminology // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1988. Vol. 51. P. 43–65; Тауб М. Послесловие к «Логическим терминам» Маймонида и ересь жидовствующих // In memoriam: Сборник памяти Я.С. Лурье / Сост. Н.М. Ботвинник и Е.И. Ванеева. СПб., 1997. С. 239–246.

⁸ Разные точки зрения о сущности этого текста см. в: Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV–начала XVI в. М.;Л., 1955. С. 265–276; Fine J. Fedor Kuritsyn's *Laodikijskoe poslanie* and the Heresy of the Judaizers // Speculum. 1966. Vol. 41. P. 500–504; Haney J. The *Laodicean Epistle*: Some Possible Sources // Slavic Review. 1971. Vol. 30. № 4. P. 832–842; Von Lilienfeld F. Die "Häresie" des Fedor Kuricyn // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1978. Bd. 24. S. 39–64; Тауб М. The Poem on the Soul in the *Laodicean Epistle* and the Literature of the Judaizers // Rhetoric of the Medieval Slavic World. 1995. P. 671–685.

систематическим⁹. Сходные тенденции обнаруживаются в искусстве: несмотря то, что в строительстве кремлевских соборов принимали участие итальянские архитекторы, в искусстве до середины XVII в. западноевропейские элементы единичны¹⁰. Очевидно, правление Алексея Михайловича, а затем, без сомнения, Петра I стало переломным моментом: только со второй половины XVII в. российская культура начинает проявлять устойчивый интерес к европейским интеллектуальным и художественным новинкам¹¹.

В такой ситуации личность Максима Грека, одной из наиболее любопытных фигур в русской интеллектуальной культуре первой половины XVI в., привлекает особое внимание. Спустя примерно 30 лет после публикации «Рассуждений» Максим Грек, заставший в Италии болонское издание 1496 г., составил свои «Послания против астрологов», где он резко выступил против пропаганды астрологических воззрений при дворе великого князя и адресовал свою критику «латинянам». Ни разу не упоминая ни Савонаролу, ни Джованни Пико, труды которых он должен был знать, Максим называет астрологию «латинским нечестием» и обрушивается на ту культуру, что он застал в Италии в конце XV в. Правда, как будет показано ниже, столь критическое отношение к «латинянам» не помешало ему использовать их тексты в борьбе против астрологических идей¹².

⁹ Кроме вышеуказанных исследований, см. также: *Collis R. Magic, Medicine and Authority in Mid-Seventeenth-Century Muscovy: Andreas Engelhardt (d. 1683) and the Role of the Western Physician at the Court of Tsar Aleksei Mikhailovich, 1656–1666* // *Russian History*. 2013. Vol. 40. P. 399–427.

¹⁰ *Подъяпольский С.С.* К вопросу о своеобразии архитектуры московского Успенского собора // *Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования* / Под ред. Э.С. Смирновой. М., 1985. С. 24–51; *Он же.* Итальянские мастера в России XV–XVI вв. // *Россия и Италия. Встреча культур*. М., 2000. Т. 4. С. 28–53; *Баталов А.Л.* Судьбы ренессансной традиции в средневековой культуре: итальянские формы в русской архитектуре XVI в. // *Искусство христианского мира* / Отв. ред. А.А. Воронова. М., 2001. Т. 5. С. 135–142; *Матасова Т.А.* О статусе и правах итальянских архитекторов в России в последней четверти XV–первой половине XVI в. // *Собирательство и меценатство в эпоху Возрождения* / Под ред. А.В. Доронина и О.Ф. Кудрявцева. М., 2015. С. 57–70; *Дмитриева М.Э.* Италия в Сарматии. Пути Ренессанса в Восточной Европе. М., 2015.

¹¹ Об этом, в частности, см. хорошую книгу: *Киселева М.С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII в.: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011.

¹² О критике прорицаний в трудах Максима Грека и ее итальянских источниках см. две мои статьи: *Акопян О.Л.* Максим Грек, Савонарола и борьба с астрологией // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории*. 2013. № 42. С. 91–103; *Акопян О.* With “Latins” Against “Latin Vice”: Savonarola, Saint Maximus the Greek, and Astrology // *Rinascimento*. 2013. Vol. 53. P. 269–279. Расширенная и улучшенная версия последней работы выйдет в свет в сборнике “Cultural Encounters: Tensions and Polarities of Transmission from the Late Middle Ages to the Enlightenment”, который готовит издательство “De Gruyter”.

Не лишним будет напомнить некоторые хронологические данные о пребывании Максима Грека, а точнее Михаила Триволиса, ведь в то время он еще не принял постриг, в Италии¹³. Он родился в 1470 или 1475 г. в небольшом городке Арта в Греции. В возрасте около 20 лет Михаил последовал примеру многих своих соотечественников, в поисках лучшей жизни отправлявшихся в Италию: впервые он оказался на Аппенинском полуострове в 1492 г. как ученик гуманиста Иоанна Ласкариса. С этого момента Михаил в течение двенадцати лет путешествовал по Италии — Болонья, Венеция, Падуя, Феррара, конечно, Флоренция — и познакомился с видными гуманистами и учеными своего времени. Очевидно, что Михаил Триволис не мог не находиться под определенным влиянием тех мыслителей, в постоянном контакте с которыми он был. Это была, прежде всего, группа интеллектуалов, после падения Медичи образовавшаяся вокруг нового властителя дум Джироламо Савонаролы. Нам хорошо известно, что Михаил Триволис был знаком с Анджело Полициано, о котором впоследствии отзывался чрезвычайно нелицеприятно, и через него, по всей видимости, мог знать Джованни Пико делла Мирандола, хотя точных данных об этом нет. Михаил имел возможность слышать пламенные проповеди Савонаролы, о котором затем вспоминал с большим уважением. После казни Савонаролы он был секретарем у Джанфранческо Пико делла Мирандола. Около 1499–1500 г. Михаил провел некоторое время в Венеции, где работал в типографии Альда Мануция. В нашем распоряжении есть несколько писем самого Михаила, отправленных из Мирандолы и дома «господина Альда Венецианца»¹⁴. Уже находясь в Москве, Максим Грек составил небольшое сочинение о типографии Мануция¹⁵. Наконец, в 1502 г. он стал noviceм доминиканского ордена и вступил во флорентийский монастырь Сан Марко, настоятелем которого некогда был «феррарский пророк»¹⁶. Поэтому с уверенностью можно сказать, что Михаил Триволис находился в гуще политических и интеллектуальных событий сложного для Италии и Флоренции периода рубежа XV и XVI вв.

В 1504 г. Михаил распрощался с Италией и отправился на Афон, где принял постриг. Через десять лет по указанию настоятелей святогорских

¹³ Наиболее полно и точно хронология итальянских приключений Михаила Триволиса представлена в: *Синицына Н.В.* Новые данные об итальянском периоде жизни преподобного Максима Грека // *Вестник церковной истории*. 2006. № 1. С. 193–199; *Она же.* Максим Грек. М., 2008. С. 21–89. См. также другие биографии Максима Грека, которые по-прежнему представляют интерес: *Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, 1915; *Denisoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. P.; Louvain, 1943.

¹⁴ *Преподобный Максим Грек.* Сочинения / Под ред. Н.В. Синицыной. М., 2008. Т. 1. С. 86–97.

¹⁵ Там же. С. 345–347.

¹⁶ *Синицына Н.В.* Максим Грек. С. 76–82.

обитателей он уехал в Россию на службу к великому князю Василию III¹⁷. Уже находясь здесь, Максим Грек составил несколько посланий против астрологии. Два из них посвящены более общим вопросам, касающимся действительности предсказаний, и были написаны до 1524 г.¹⁸ А третье, наоборот, было приурочено к несостоявшемуся наводнению 1524 г., которое, по мнению астрологов, должно было стать вторым Великим Потопом¹⁹. Именно эти три труда в полной мере позволяют понять истинное отношение Максима Грека к астрологии и — шире — ренессансной культуре, а также осознать, какие полемические приемы он использует в своей критике предсказателей.

Сама риторика греческого монаха, прибывшего в Москву по приглашению великого князя Василия III, неукорененность астрологии на Руси и характерное наименование ее как «латинского нечестия» позволяют думать, что он познакомился с этой сферой на Западе и скорее всего во Флоренции, где как раз, в годы его пребывания, астрологическая тематика стала одной из доминирующих. В качестве рабочей гипотезы было бы правомерно предположить, что Максим Грек использовал сочинения своих предшественников, но, по всей видимости, тщательно это скрыл.

Все три послания адресованы Федору Карпову, одному из виднейших дипломатов и интеллектуалов того времени, и направлены против Николая Булёва (или Бюлова), также именуемого Немчиным. Об этом интересном персонаже известно немного. Судя по одному из прозвищ (Любчанин), он был родом из Любека. В первой половине 1480-х гг. Николай учился в Ростове. После получения степени он некоторое время проживал в Новгороде, откуда в 1504 г. переехал в Рим, где поступил на службу к папе Юлию II. Чуть позже он вернулся в Россию, ко двору великого князя Василия III, где исполнял обязанности придворного лекаря²⁰. В Москве Николай пытался всячески популяризировать европейские науки, в частности, астрологию. Для этого он, например, перевел астрологический альманах Иоганна Штёфлера о будто бы грядущем в 1524 г. Великом Потопе. Кроме того, Николай составил первую медицинскую энциклопедию на Руси — «Благопрохладный вертоград»; основой для этого текста стали переведенные с немецкого травники и прочие медицинские сочинения²¹. Противники Николая

¹⁷ О русском периоде жизни Максима Грека см.: *Синицына Н.В.* Максим Грек в России. М., 1977.

¹⁸ *Преподобный Максим Грек.* Сочинения. Т. 1. С. 256–294; 311–334.

¹⁹ Там же. С. 359–372. Я не буду подробно касаться данного аспекта в настоящем исследовании, поэтому отсылаю интересующегося читателя к работе: *Collis R.* Maxim the Greek, Astrology and the Great Conjunction of 1524 // *The Slavonic and East European Review.* 2010. Vol. 88. № 4. P. 601–623.

²⁰ *Чумакова Т.В.* Немецкие влияния в культуре допетровской Руси. Медицина // *Русско-немецкие связи в биологии и медицине.* СПб., 2002. Т. 4. С. 5–14.

²¹ *Исаченко Т.А.* Является ли Харьковский список Травника 1534 г. автографом перевода Николая Бюлова // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики.* 2009. № 2. С. 97–109.

не забывали напоминать о том, что он католик; в его активной деятельности при дворе великого князя видели желание склонить Василия III к католицизму. Нам неизвестно, действительно ли Николай предпринимал такие попытки, или подобные обвинения были лишь частью придворной полемики и борьбы²²; но факт заключается в том, что одним из наиболее рьяных оппонентов Николая стал бывший новиций доминиканского ордена Максим Грек. Более того, «Послания против астрологов» — лишь часть более масштабной атаки Максима Грека против европейской, «латинской» учености.

Позиция Максима Грека становится понятной, когда он говорит о применении астрологических расчетов в политике. Хотя адресатом «Посланий» выступает Федор Карпов, в ряде случаев, несомненно, Максим обращается напрямую к великому князю Василию, как будто предостерегая его от каких-либо симпатий к астрологии. Так, говоря о моральной деградации «латинян», Максим приводит несколько примеров. Он противопоставляет римский, т.е. языческий, обычай использовать магию, в частности, предсказывать исход войн, «великим» примерам из прошлого²³; по его мнению, Константин Великий, Моисей и другие поистине выдающиеся фигуры в своих делах опирались не на мифические астрологические данные, но лишь на одного Бога²⁴. В подтверждение своих слов он вспоминает недавнюю историю московского государства: так, согласно Максиму, перед битвой на Куликовом поле Мамай будто бы обращался к совету астрологов, в то время как князь Дмитрий Донской сохранил верность христианству и отказался от их помощи²⁵. Кроме того, для пущей убедительности Максим рассказывает о нелегкой судьбе миланского герцога Лодовико Моро, который прислушивался к мнению астрологов, обещавших ему успех и покровительство фортуны, хотя вскоре был разбит французскими войсками и кончил свои дни в плену у короля²⁶. Подводя итог этим примерам, Максим замечает, что распространение магии и астрологии связано с религиозным кризисом среди «латинян», который выразился в их отказе от истинной христианской веры и ее замене языческой философией и прочими спекуляциями. Для обозначения этих процессов Максим избирает два термина: «латинское нечестие», связанное с астрологией, и

²² «Въ Москвѣ царствующемѣ градѣ всеа Русии живуци ми в 700 и 31-е лѣто при царствѣ благовѣрнеишаго царя всеа Руси великаго князя Василя Ивановича дана ми бысть бумага нѣмчина нѣкоего родом, учениемъ же и вѣроу латынина, а астрологии яже о зрѣнии рожениихъ несытно прилѣпляющагося и бѣсобо-язнѣишее сию дѣйствующаго и чяние нестерпимо о будущихъ предпознании стяжавающаго» // *Преподобный Максим Грек. Сочинения. С. 268; Синоцина Н.В. Максим Грек. С. 149–150.*

²³ *Преподобный Максим Грек. Сочинения. С. 318–319.*

²⁴ Там же. С. 267, 321.

²⁵ Там же. С. 320.

²⁶ Там же. С. 288–291, 309–310.

«еллинская прелесть», которым он клеймит возрождение античной философии²⁷.

Порой в литературе высказывается мнение, что Максим Грек никогда не выступал против гуманизма²⁸. Однако если под «гуманизмом» понимать весь спектр знаний, распространенных в Европе начала XVI в., а не только пресловутую антропологию в духе комментаторов XX в., то, несомненно, Максим был одним из наиболее ярых противников *studia humanitatis*. Кроме того, что он резко критикует знакомых ему гуманистов Никколò Лелио Космико да Феррара, Агостино Нифо и уже упомянутого выше Полициано²⁹, Максим некоторым образом суммировал свои доводы против европейской учености в «Словесах против Иоанна Людовика Вивеса»³⁰. Составленные около 1530 г., «Словеса» представляют собой критику комментария крупного испанского гуманиста Хуана Луиса Вивеса на трактат Августина «О Граде Божьем». Надо сказать, что Вивес закончил свой комментарий уже после того, как Максим обосновался в России. Установить рукопись сочинения Вивеса, которая могла быть в распоряжении Максима, когда он работал над «Словесами», пока не удалось. Кроме того, по ряду признаков можно предположить, что Максим в действительности никогда не читал Вивеса: так, он обвиняет своего оппонента в следовании заветам астрологии, хотя известно, что Вивес был одним из серьезнейших и принципиальнейших противников предсказательных практик³¹. Вполне возможно, Максим узнал о существовании подобного сочинения от кого-то из своих товарищей, например, от Дмитрия Герасимова, который находился в Италии в середине 1520-х гг. и мог познакомиться с трактатом Вивеса или хотя бы услышать о нем³². Но, очевидно, целью Максима было не опровергнуть доводы испанского гуманиста, но убедить свою московскую аудиторию в порочности католицизма и моральном падении «латинян». Гуманистическим интерпретациям священных текстов он противопоставляет пример настоящего религиозного мыслителя, который, по мнению Максима, в своих пропове-

²⁷ Например, в: *Преподобный Максим Грек. Слово обличительно на еллинскую прелесть // Он же. Сочинения / Под ред. Н.В. Сеницыной. М., 2014. Т. 2. С. 71–77.*

²⁸ Этой точки зрения придерживается крупнейший исследователь творчества Максима Грека: *Сеницына Н.В. Обрушился ли преподобный Максим Грек в Москве на итальянский гуманизм // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время. Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина / Отв. ред. В.Л. Янин и В.Д. Назаров. М., 2010. С. 15–34.*

²⁹ *Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. С. 362–363.*

³⁰ *Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Новосибирск, 2011. Т. 2. С. 259–272.*

³¹ *Del Nero V. A Philosophical Treatise on the Soul: De anima et vita in the Context of Vives's Opus // A Companion to Juan Luis Vives / Ed. C. Fantazzi. Leiden; Boston, 2008. P. 277–314, особенно P. 299–302.*

³² *Кудрявцев О.Ф. Павел Йовий // Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Под ред. О.Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 218–219.*

дях руководствовался Духом — им довольно неожиданно оказывается Савонарола³³.

В своей критике астрологии как «латинского нечестия» Максим Грек не был одинок. Хорошо известно, что астрология явилась одной из тем послания псковского старца Филофея к Мисюрю Мунехину, того самого текста, где была изложена ставшая впоследствии популярной политической доктрина «Москва — Третий Рим»³⁴. Это письмо, известное как «Послание против астрологии» или «Послание против звездочетцев и латин», было направлено против того же Николая Немчина, влияние которого на великого князя Василия своими текстами пытался нивелировать Максим Грек. Обращаясь к широко известному образу колеса Фортуны, Максим Грек указывал, что доверять важные государственные дела астрологическим предсказаниям, суть которых в ограничении Божьей власти, попросту опасно³⁵. Из этого можно сделать вывод, что в первой половине XVI в. в России астрология воспринималась как важный политический инструмент, а стремление оградить государя от якобы вредных иноземных влияний было связано с оппозицией католическим проповедникам. Это, правда, никак не повлияло на то, что на протяжении XVI и XVII вв. российские государи неоднократно прибегали к услугам астрологов³⁶.

Несмотря на резко отрицательное отношение к «латинскому нечестию», в ряде случаев Максим обращается к традиции, против которой выступает. Так, прежде всего, заслуживает внимания то, что все три автора упоминают вполне конкретный вид астрологии, именуемый «прорицательной» — *divinatrix*. Использование этого термина в трудах Джованни Пико и Савонаролы понятно: речь идет еще о средневековом делении астрологии на непосредственно предсказательную практику и на астрономию. Об этом Джованни Пико писал в своих «Рассуждениях против прорицательной астрологии»: «Но первое ме-

³³ Максим составил «Повесть о Савонароле», выдержанную в традиции агиографической литературы: *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Т. 2. С. 249–256.

³⁴ О Филофее и его трудах: *Малинин В.Н.* Старец Елеазарова монастыря Филорей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901. Малинин опубликовал «Послание»: Там же. С. 37–47. О судьбе самой доктрины: *Синицына Н.В.* Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998; *Garzaniti M.* Библия и экзегеза в России XVI в. Новая интерпретация «Послания» старца Елеазаровского монастыря Филофея дьяку Мисюрю Григорьевичу Мунехину // *Библейские цитаты в церковнославянской литературе*. Пиза, 2003. С. 6–17; *Ostrowski D.* “Moscow the Third Rome” as Historical Ghost // *Byzantium: Faith and Power (1261–1557): Perspectives on Late Byzantine Art and Culture* / Ed. S.T. Brooks. N.Y., 2006. P. 170–179; *Золотухина Н.М.* Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев круг». М., 2015.

³⁵ *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. Т. 2. С. 303–306.

³⁶ Например: *Робинсон А.Н.* Симеон Полоцкий — астролог // *Проблемы изучения культурного наследия*. М., 1985. С. 176–183.

сто среди них [суеверий — О.А.] занимает астрология, которая заслуженно считается как корнем, так и плодом суеверий. Говоря про астрологию, я не имею в виду ту, которая измеряет при помощи математики величину и движение небесных светил, правдивую и благородную науку, достойную величайшего уважения за ее заслуги и в полной мере одобренную авторитетом ученых мужей. Под астрологией я подразумеваю ту, которая по светилам предсказывает будущее; ложь, оплаченную деньгами, запрещенную гражданскими и церковными законами, поддерживаемую человеческим любопытством, осмеянную философами, почитаемую шарлатанами, вызывающую подозрения у самых разумных и лучших. Ее учителя по своему происхождению именовались халдеями, или, по названию их занятия, составителями гороскопов. Позднее, чтобы облагородить название своего сообщества, они назвали себя математиками и астрологами, как будто это было одно из свободных искусств, разумно рассказывающее о светилах и отличавшееся от настоящей математики лишь тем, что именовалось астрономией, другое — астрологией, с огромным усердием стремясь овладеть чужим названием, поскольку астрология означает совершенно иное³⁷. Сходные мысли встречаются в трактате Савонаролы. В случае же Максима Грека важным кажется то, что он прямо указывает на «предрицательный» характер того знания, против которого он выступает. На Руси, по всей видимости, такого двойственного восприятия астрологии не существовало, поэтому вполне вероятно, что сама идея критиковать ее прорицательность была навеяна заглавиями и общими рассуждениями Джованни Пико и Савонаролы.

Далее можно заметить, что в отличие от Джованни Пико и Савонаролы, которые критикуют астрологию «по всем фронтам» и никоим образом не ограничиваются богословием, в своих «Посланиях к Карпову» Максим Грек полностью отказывается от остальных составляющих критики. На мой взгляд, причины, по которым Максим Грек не упоминает антиастрологические доводы натуральной философии, вполне понятны: он предпочитает избежать совершенно неизвестных

³⁷ “Sed in primis hunc sibi titulum vendicavit astrologia, sicut et inter ipsas superstitiones, quarum mater alumnaque merito existimatur, obtinet principatum. Astrologiam vero cum dico, non eam intelligo quae siderum moles et motus mathematica ratione metitur, artem certam et nobilem et suis meritis honestissimam auctoritateque hominum doctissimorum maxime comprobata; sed quae de sideribus eventura pronunciat, fraudem mercenariae mendacitatis, legibus interdictam et civilibus et pontificiis, humana curiositate retentam, irrisam a philosophis, cultam a circulatoribus, optimo cuique prudentissimoque suspectam, cuius olim professores gentilicio vocabulo Chaldaei, vel ab ipsa professione genethliaci dicebantur; mox, ut nominis communione honestarentur, mathematicos se dixerunt et astrologos, quasi haec quoque de liberalibus disciplinis una foret, quae de sideribus cum ratione loqueretur, hoc se tantum discrimine separans ab illa vera mathematica, ut illi astronomiae, ipsi astrologiae nomen daretur, nimis improbo zelo alieni tituli invadendi, siquidem astrologia alterius artis nomen” // *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. Prooemium. P. 38–40.*

на Руси имен Авраама ибн Эзры или Роджера Бэкона и таким образом просто опускает физическую составляющую полемики, суть которой на Руси была неизвестна и вне зависимости от усилий Максима Грека так и осталась бы *terra incognita*. Поэтому не стоит удивляться тому, что в основном Максим Грек ограничился лишь богословским подходом.

Как совершенно верно показала Н.В. Сеницына, основной темой «Посланий к Карпову» стала идея о том, что свобода человеческой воли как Божественный дар противоречит основному постулату прорицаний, согласно которому судьба детерминирована. Далее Н.В. Сеницына, а вслед за ней и Р. Коллис, предполагают, что Максим Грек, долгое время проработавший при дворе Джанфранческо Пико делла Мирандола, мог таким образом перенести на русскую почву идеи Джованни Пико делла Мирандола, изложенные в «Речи о достоинстве человека»³⁸. В таком контексте Максим Грек выглядел бы не просто современником, но и участником философских диспутов, разворачивавшихся на Западе. Н.В. Сеницына указывает на сходство в рассуждениях о свободе воли Максима Грека и Эразма Роттердамского, который примерно в те же годы написал «Диатрибу о свободе воли»³⁹. Несмотря на соблазнительность такого подхода, принять его довольно сложно.

Доводы против астрологии, высказанные Максимом, более чем традиционны. Он уверен, что устремления астрологов суть попытка ограничить всемогущество Бога. Никаких признаков будто бы специфической «ренессансной антропологии» в «Посланиях» в действительности нет — подобные аргументы на протяжении столетий приводили практически все противники астрологических спекуляций. Кроме того, как уже было показано выше, ни сам Джованни Пико, ни его современники не воспринимали «Речь о достоинстве человека» как манифест ренессансной идеи человека — эта точка зрения стала господствовать на рубеже XIX и XX в. Наконец, в поисках доводов против астрологии Максим Грек вероятнее обратился бы к полноценному антиастрологическому трактату Джованни Пико, «Рассуждениям против прорицательной астрологии», чем к любопытной, но маргинальной в данном контексте «Речи».

Преимущественно обращаясь к богословской литературе, Максим Грек стремится доказать дьявольский характер астрологических предсказаний. Кроме того, поскольку открыто декларируемым объектом нападок Максима оказывается католический проповедник Николай Немчин, «Послания» приобретают явный конфессиональный подтекст. Учитывая подобную антилатинскую ориентацию этих сочинений, неудивительно, что Максим Грек преимущественно использует отрывки из Священного Писания и труды Отцов восточной Церкви.

³⁸ Сеницына Н.В. Максим Грек. С. 148–158.

³⁹ Там же. С. 151.

Поэтому легко можно было бы прийти к выводу, что перед нами антиастрологические сочинения православного христианина, который не слишком знаком с западной полемикой о легитимности науки о предсказаниях по звездам. Однако в двух местах, не желая того, Максим показывает, что работы Савонаролы и, возможно, Джованни Пико делла Мирандола ему известны. В первом случае Максим ссылается на Августина — единственного западного Отца Церкви, упоминаемого в «Посланиях»; в другом — ненароком касается философских оснований критики астрологии.

В первом «Послании к Карпову» он цитирует фрагмент из далеко не самого известного на Руси произведения Августина «О книги Бытия, буквально»⁴⁰, при этом допуская ошибку, говоря, что приводимая цитата встречается в первой главе трактата⁴¹. Отсылка к такому сочинению кажется немного странной и не слишком характерной для Максима, однако, как это ни удивительно, подобный пассаж, практически слово в слово, повторяется у Савонаролы, который, по правде говоря, указывает точное место и приводит более полную цитату⁴². Можно предположить, что поскольку упомянутый фрагмент находится в самом начале сочинения Савонаролы, Максим Грек мог вполне запомнить его и затем в неполном виде передать в своем «Послании». Вполне вероятно, что нечто подобное произошло и с тем отрывком из первого «Послания к Карпову», где греческий монах ссылается на античную философию. Он заявляет следующее: «И воистину суетни и неизвѣстни, и лжа всякиа и льсти исполнени, не имѣють бо Бога, устроившаго ся, но душетлѣтельныа бѣси, ниже пророки Бога Живаго, Духом Святымъ возглашаемыхъ, свидѣтельствующихъ благочестивое и спасительное, но пифоньскаго духа служителии челоувѣковъ скверныхъ и всякого злодѣяния предстателии, халѣдеов, и вавилонянъ, и египтянъ, и аравлянъ, и финиковъ, изначала въ нечестии просивъших, и от еллинъ елици послѣдоваша прелести Епикура и Диагора, нареченнаго безбожнаго за нечестие. Ниже бо Сократъ, ниже Платонъ, ниже Аристотель, мнящеися честнѣишии и истиннолюбезнейшей еллинскихъ философвъ, сложишася когда звѣздозрительной прелести, якоже от списании ихъ явѣственъ является. Отнюду же якоже видится, и Аристотель, уразумѣвъ леств сию, яко вотѣще себѣ мнить предрицательное художество, и осудивъ ю зазрѣниемъ им лжею, нѣгдѣ

⁴⁰ «А яко сатанискими въдохновении звѣздоблюстителное бѣсоучение съдѣиствуется и состоится, свидѣтель неотмѣтаемъ есть священный Августинъ Иппоненьский, въ первой главѣ Толковании миру бытия сице глаголя: “Яко астролозѣ убо многажды о будущихъ истинна предвозвѣщаютъ, обаче не толико от небесныхъ знамении, елико от неявленънаго сатаниньскаго совѣщания, еже бо челоувѣческыа разумы нѣкогда и не очющающу терпят, и сице вкупѣ сими предрицании сложения всяко со диаволомъ бывають” // Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. С. 282.

⁴¹ *Augustinus Hipponensis. De Genesi ad litteram. II. 17 // PL. T. 34. Col. 278.*

⁴² *Savonarola G. Contro gli astrologi. I. II. P. 43.*

глаголетъ въ своихъ списании о имѣющихъ збытися, нѣсть укончаннаа истинна и яко о сицевыхъ нѣсть ниже вѣдѣние, ниже художество»⁴³. Этот отрывок интересен тем, что Максим причисляет к сторонникам астрологии видных греческих философов. Его интенции в данном случае не вполне понятны: возможно, он хочет показать ложность и неуместность древней философии, поддерживающей суеверия и тем самым угрожающей религии, и тогда Максим будет прямым продолжателем Савонаролы, который выступал против языческого наследия, особенно против Аристотеля, что не мешало ему ценить Стагирита больше остальных античных мыслителей. Если мы принимаем такую точку зрения, то становится понятным, почему у Максима Аристотель предстает исключением из правил. Однако здесь мы, тем не менее, находимся в области загадок и предположений. В не меньшей степени интересно, что к адептам астрологии Максим причисляет Эпикура, «Диагора», которого, видимо, стоит идентифицировать как Пифагора, Сократа и Платона. Упоминание этих имен в одном контексте может лишь доказывать, что Максим недостаточно хорошо знал или помнил первую книгу «Рассуждений против прорицательной астрологии». Как мы помним, в начале своего труда Джованни Пико последовательно указывает на то, что виднейшие мыслители древности были ярыми противниками астрологии: это касается Пифагора, Платона и даже Эпикура, о котором итальянский философ отзывается весьма пренебрежительно: «И если сумасшествие, овладевшее Орестом, превосходит все безумства, то каким же безумством должна быть астрология, которую не смог поддержать даже Эпикур, говоривший столько вздора»⁴⁴. Наконец, тот факт, что Максим как двух независимых друг от друга мыслителей упоминает одновременно Сократа и Платона, вызывает сомнения в том, насколько он сведущ в философии.

Но интересное совпадение между Джованни Пико, Савонаролой и Максимом обнаруживается в оценке фигуры Аристотеля. Пико утверждает, что «Платон [! — О.А.] и Аристотель, главнейшие философы, считали ее [астрологию — О.А.] недостойной упоминания в своих трудах, осудив ее молчанием больше, чем другие — словами и писаниями»⁴⁵. Савонарола вторит ему в самом начале второй книги своего трактата⁴⁶. И почти идентичную формулировку мы встречаем у Максима Грека. На основании этого сходства можно сделать вывод — Максим, скорее всего, не был хорошо знаком с «Рассуждениями против прорицательной астрологии», иначе вряд ли допустил бы выше-названные неточности. Видимо, он действительно в большей степени

⁴³ *Преподобный Максим Грек. Сочинения. Т. 1. С. 281.*

⁴⁴ *Pico della Mirandola G. Disputationes. 1. I. P. 48.*

⁴⁵ *Ibid.*

⁴⁶ «E però non è verisimile che Aristotele, principe delli filosofi, el quale si sforzò di trattare di tutte le cose naturali, avessi questa parte in tanto pretermessa che non ne avessi fatto qualche menzione» // *Savonarola G. Contro gli astrologi. 2. I. P. 53–54.*

ориентировался на антиастрологический трактат Савонаролы, и оба приведенных фрагмента — об Августине и античной философии — навеяны этим. Косвенным аргументом в пользу такого вывода может служить тот факт, что эти отрывки находятся соответственно в самом начале первой и второй книг труда доминиканского проповедника, что сильно упрощает их запоминание.

Трактаты Максима Грека — произведения яркой антилатинской полемики, направленные против специфического западного нечестия, способного осквернить чистоту православной духовности. Эти «Послания» отличаются значительной самостоятельностью в подходе, остротой стиля и блестящим знанием Писания и восточных Отцов Церкви. Однако в тех областях, в которых знания Михаила не были, по всей видимости, слишком широки, он прибегает к «услугам» тех, как это ни парадоксально, западных авторов, которые одними из первых поставили под сомнение ценность астрологических предсказаний и начали серьезную борьбу против них.

ГЛАВА IV

Отвечая по пунктам: Лучо Белланти и «христианская астрология»

Надо сказать, что далеко не все коллеги Джованни Пико единодушно восприняли его нападки на астрологию. Как уже было показано выше, многие задавались вопросом, насколько «Рассуждения» аутентичны; других смущали дружеские (насколько это было возможно) отношения Джованни Пико с Джироламо Савонаролой. Наконец, для некоторых астрология по-прежнему оставалась привлекательной дисциплиной. В этой главе речь пойдет о двух мыслителях, которые не поддержали Джованни Пико дела Мирандола, но, напротив, выступили против него.

Одним из наиболее принципиальных оппонентов Пико стал уже упоминавшийся выше сиенец Лучо Белланти. О нем нам известно совсем немного¹; правда, эти скудные биографические данные позволяют понять, почему он написал свою «Защиту против астрологии». По всей видимости, он происходил из знатной сиенской семьи, но установить дату его рождения не представляется возможным. Об уровне его образования можно судить только по тому, что сам он называл себя «магистром искусств и медицины» — другие подробности его интеллектуального формирования нам неизвестны. Первые сведения о нем появляются в источниках 1483 г., когда он принимает активное участие в политических баталиях в своем родном городе; когда его «партия» потерпела неудачу, Белланти был вынужден покинуть Сиену. Правда, ссылка длилась недолго; в 1487 г. Белланти вновь оказывается в Сиене, где установился благоприятный для его семьи режим, в рамках которого одну из ведущих должностей занял брат Лучо Леонардо Белланти. В течение последующих лет Лучо был втянут в многообразные политические процессы, связанные с сохранением независимости Сиены от более мощной Флоренции и с внутренней борьбой, которая в основном развернулась между ним и будущим правителем Сиены Пандольфо Петруччи. После победы последнего Белланти уехал из родного города, и хотя его брат пытался уговорить Петруччи проявить милость (судя по всему, правитель не был против), Лучо в Сиену больше не вернулся.

¹ Vasoli C. Lucio Bellanti // Dizionario biografico degli italiani. Roma, 1965. Vol. 7. P. 597–599.

В 1495 г. он ненадолго оказался во Флоренции, где принял участие в спорах вокруг «Рассуждений против прорицательной астрологии». Дело в том, что согласно преданию, Белланти точно предсказал, сколько лет проживет Джованни Пико делла Мирандола; это точное прорицание сделало его известным среди ренессансных астрологов, поэтому не стоит удивляться тому, что узнав о возможной публикации трактата Джованни Пико людьми из круга ненавистного ему Савонаролы, Белланти выступил против хулителей близкого ему знания.

В историографии долгое время существовала путаница относительно того, когда Белланти опубликовал свою апологию астрологии². Поскольку Белланти оказался во Флоренции в 1495 г., еще в XVIII в. сложилось твердое убеждение, что свои «Возражения на “Рассуждения против астрологов” Джованни Пико делла Мирандолы» он отдал в печать в это же время, правда, в Болонье. Однако среди печатных книг конца XV в. такой текст обнаружить не удалось. Самой ранней из публикаций труда Белланти была книга, изданная во Флоренции 9 мая 1498 г., т.е. за 4 дня до отлучения Савонаролы и за 14 дней до его публичной казни, что неизбежно заставляет нас повторить тезис об антисавонаролианском характере сочинения. Через 4 года, в 1502 г., уже после таинственной смерти Белланти, в Венеции выходят в свет два его труда, посвященных астрологии, — «Защита астрологии против Джованни Пико делла Мирандола. Книга об истинности астрологии и возражения против “Рассуждений против астрологов” Джованни Пико». Спустя несколько десятилетий, в 1554 г., в Базеле под третьим названием снова выходит то же опровержение Пико («В защиту астрологии против Джованни Пико делла Мирандола»), а заодно и под вторым известным титулом — «Книга вопросов об истинности астрологии»³.

Оба текста представляют большой интерес в связи с теми спорами об астрологии, которые велись в ренессансной Италии конца XV–начала XVI в. Однако только в одном из них Белланти непосредственно выступает против Пико; «Книгу об истинности астрологии» следует использовать как любопытный, но все же второстепенный материал. Нельзя пройти мимо того, как сиенский медик выстраивает свою аргументацию. Структура обоих трактатов доказывает, что Белланти не стоит причислять к сторонникам новой, гуманистической культуры: приводя доводы в защиту астрологии, он изъясняется предельно сжато и на более простой латыни, чем Пико. «Книга об истинности астрологии» состоит из двадцати «вопросов», что уже говорит о попытке следовать форме средневековых философских диспутов. Итоговый объем (около 170 страниц печатного текста) отнюдь не поража-

² *Pompeo Faracovi O. In difesa dell'astrologia: risposte a Pico in Bellanti e Pontano. P. 47.*

³ Я пользовался следующим изданием: *Defensio astrologiae contra Ioannem Picum Mirandulam. Lucii Bellantii Senensis mathematici ac physici liber de astrologica veritate. Et in disputationes Ioannis Pici adversus astrologos responsiones. Venetiae, 1502.*

ет воображения, а в некоторых главах сиенец осознанно сдерживает себя, не позволяя себе подробно расписывать положительные аспекты предсказательных практик. Второй трактат, направленный против Пико и Савонаролы, также построен интересным образом: сочинение разделено на 12 частей в соответствии с 12 книгами «Рассуждений против прорицательной астрологии». Используя такой подход, Белланти стремится последовательно опровергнуть основные аргументы Пико, а заодно наглядно показать своему читателю, в чем конкретно граф Мирандолы был не прав. В этом тоже легко усмотреть влияние средневековых трактатов, построенных на опровержениях какого-либо мнения с последующим выводом самого автора. То, в какой форме Белланти пытается обосновать истинность астрологии, лишь доказывает его бóльшую приверженность средневековой культуре, нежели гуманистической. Подобные предварительные наблюдения находят подтверждение в тексте его сочинений.

Поскольку речь идет о заочной полемике между Белланти и Пико справедливо будет начать с трактата «В защиту астрологии», направленного специально против «Рассуждений против прорицательной астрологии». Особенности работы Белланти с текстом «Рассуждений» обнаруживаются с первых строк. Сиенец начинает свой труд с попытки доказать, что мнения тех авторов, которых Пико избирает себе в «союзники» для борьбы с астрологией, не столь однозначны. Подобно своему оппоненту, Белланти первым делом упоминает Гомера и Цецилия, которые, как уже говорил Пико, считали злейшими врагами тех, кто обманывает человека в обличье его друзей. Точно так же Белланти отсылает читателя к библейской цитате о волках в овечьих шкурах⁴. Но далее сиенец не продолжает риторику Пико, а резко меняет направление своих рассуждений, обрушиваясь с критикой на тех, кто под видом добродетелей смущает народ и, в том числе, возводит хулу на астрологию. По его словам, только люди, несведущие в этом вопросе, могут приводить подобные доводы о том, что астрология традиционно была противна как гражданским, так и церковным законам⁵. Кроме того, Белланти высказывает сомнение, что астрология бесполезна в медицине и прочих областях своего возможного применения⁶.

Далее сиенец прибегает к довольно интересной манере ведения спора: он стремится доказать, что первоначально Джованни Пико

⁴ Ibid. Proemium. P. 176.

⁵ “Eos presertim intelligendo qui sub religionis obtentu indoctis illudentes (quum cunctas scientias profiteantur quo facilius ab imperitus dictis eorum maior fides adhibeatur) quae aio conceperint pernitiōsa licet religioni adversantia primum ordiri deinde texere possint. Siquidem hoc genus inimicorum est quod nec averti nec everti facile possint quando quidem ignara plebs non hos superare sed ultro occurrere exosculari simibri ac tangere contendit” // Ibid.

⁶ Ibid. P. 178.

придерживался иной точки зрения, и только с течением времени менял ее на кардинально противоположную. Для этого он обращается к «Апологии», адресованной Лоренцо Медичи, и «Речи к кардиналам», которые осудили «900 тезисов», где, по мнению Белланти, Пико в целом выступал как сторонник астрологии. После этого сиенец выражает удивление, почему за столь короткое время, отделяющее «Апологию» и «Рассуждения против прорицательной астрологии», Пико из адепта предсказаний превратился в их яростного противника. Неудивительно, что в этом повороте во взглядах Пико Белланти видит влияние Савонаролы⁷. Подобный оборот лишь подтверждает, что сочинение Белланти направлено не столько против графа Мирандолы, сколько против Савонаролы, адаптировавшего «Рассуждения» и сделавшего доводы против астрологии доступными простому народу.

Поскольку Белланти поставил себе задачу последовательно опровергнуть все нападки Пико на астрологию, прежде всего, он рассматривает наследие тех авторов, которые, по словам графа Мирандолы, были противниками предсказаний. При этом Белланти не слишком заботится о том, чтобы достоверно следовать хронологии: его интересует стремление Пико приписать всем «ученым философам» отрицательное отношение к астрологии. Потому он сразу же упоминает двух главных философов древности — Платона и Аристотеля, — полное игнорирование которыми прорицательных практик Белланти трактует прямо противоположным образом, чем это делал Пико. Во-первых, Белланти признает, что действительно астрология, подобно целому ряду других важных занятий, у Платона не упоминается вовсе, а, во-вторых, он высказывает мнение, что для обоих философов астрология никоим образом не отличалась от астрономии и фигурировала в их трудах под этим весьма почетным названием⁸. В отношении прочих мыслителей Античности Белланти действует схожим образом: например, он признает, что Пифагор и Демокрит не одобряли астрологию (как о том говорил Пико); однако он добавляет, что именно они

⁷ “Primum omnium scire lectorem volo quanta sit Pico in detestata ab eo astrologia fides adhibenda quippe facile potest unusquisque cognoscere si ea que paulo ante mortem in Apologia ad Laurentium Medicem et in oratione ad Cardinales diligenter inspexerit. Ibi quidem comperiet quantum virtuti caelorum tribuat, multa quoque cognoscet quae huius libri dictis penitus adversantur. Mirum autem est ut tam brevi temporis spatio astrologiam falsam abiciendamque deprehenderit nisi forte veri luminis particeps factus ab eo (quem sepiissime consulebat) fratre Hieronymo Savonarola omnem veritatem sit complexus cuius suasu hoc opus scripsisse credendum est cum eiusdem consilio impressum fuerit tum quoniam vulgari sermone non doctis sed populis (quos seducere studebant) libellum edidit” // Ibid. I. P. 178–179. Обращает на себя начало этого пассажа: такой же фразой — *primum omnium scire lectorem volo* — открывается первая книга «Рассуждений» Джованни Пико.

⁸ Ibid. P. 179.

стали первооткрывателями магических штудий⁹. По его словам, несмотря на то, что Сенека был противником астрологии, он, как яркий представитель стоицизма, не мог остаться в стороне от рассуждений о фатуме¹⁰; а Цицерон, по Белланти, выступал не столько против самой астрологии, сколько против астрологов¹¹. Точно так же Белланти призывает пересмотреть представления об астрологии Плотина, предлагая в большей степени довериться Матерну и Порфирию, чем Пико¹². Сиенец не проходит мимо аристотелевской традиции, указывая на то, что ведущие последователи Стагирита — Александр Афродисийский и Аверроэс — не были противниками предсказаний, пусть последнего из них Белланти довольно неумело пытается оправдать за теорию о едином интеллекте¹³. При этом важно отметить, что Белланти никоим образом не поддерживает мнение о низком уровне философствований Птолемея, интерпретировавшего Аристотеля. Сиенцу общий ход мысли античного астронома представляется верным¹⁴.

Особенно интересным выглядит перечень флорентийских гуманистов и ученых, большинство из которых сначала Джованни Пико, а затем и Джанфранческо, сделали жупелом борьбы с астрологией. Кроме Лукина, Белланти упоминает Тосканелли, который, по его справедливому замечанию, был профессиональным астрологом и делал предсказания для представителей семейства Медичи, и Леона Баттисту Альберти, будто бы положительно высказывавшегося об астрологии в своих «Книгах об архитектуре»¹⁵. Белланти не забывает о Марсилио Фичино, чьи «Три книги о жизни» он интерпретирует как образец медицинской астрологии; и таким же образом расценивает медицинские трактаты Николò Леоничено¹⁶. Наконец, последний из современников,

⁹ “Deinde quoniam complures philosophos adducit in medium quorum nullus astrologiae scientiae credidisse dicit Pythagoram et Democritum et alios a quo queratur an caeterorum philosophorum sententiis Democritus adhereret aut Pythagoras aliorum, quare quanvis quisque alterius philosophiam spreverit non ob eam causam spernendam esse concludit, ita nec astrologiam velle suum cuique est. Verum quo nam pacto Pythagoras et Democritus astrologiam damnare potuerunt quum ipsi non modo inter magicos connumerentur sed magicae artis inventores ab antiquis scriptoribus habiti sint” // Ibid.

¹⁰ “Seneca quantum astrologiae detrudere possit quisque consideret quum stoicus praeceteris sui temporis fuerit, nosque semper fatis agi dicat fatisque credendum” // Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. P. 180.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 180–181.

¹⁵ Ibid. P. 180.

¹⁶ “Marsilius Ficinus Platonicus cuidam amico meo eius inspecta genitura quoddam futura affirmavit, nihilque adversus astrologiam scripsisse audivim at sepe intentu legimus in libro de triplici vita quem iam plures sunt anni edidit pro astrologica facultate ubi non modo de astrologia sed medica quod maius est diffuse tractat <...> Nicholaum Leonicenum astrologiae detraxisse non creditur tum quam falso quinque testimonia citant tum quam si astronomia tam preclara scientia est (sicut ipse testatur) circulatores reddere non poterat” // Ibid.

позицию которого в отношении астрологии Белланти не был в состоянии полностью опровергнуть, Анджеоло Полициано, становится жертвой своего филологического образования: сиенец напоминает, что в силу своих основных занятий Полициано был далек от астрономии и астрологии — видимо, Белланти считает, что такая фраза сможет посеять определенные сомнения читателя относительно познаний Анджеоло Полициано в данном вопросе¹⁷.

Учитывая манеру ведения спора Белланти, не стоит удивляться, что он не только высоко ценит признанных астрологов Античности и Средневековья — Манилия, Бонатти, Петра из Айи и других, — но и, вслед за некоторыми средневековыми мыслителями, настаивает на отсутствии противоречий между высказанной ими точкой зрения и христианством. Кроме того, Белланти настаивает на том, что церковные постановления никогда не запрещали занятия астрологией, а лишь ставили преграды прочим, не столь благообразным магическим практикам¹⁸. Неудивительно, что благодаря подобной апологии астрологии с псевдо-христианских позиций Белланти получает возможность апеллировать к мнению раннехристианских и средневековых теологов, как будто придерживавшихся сходных с ним взглядов. В результате таких ухищрений, использовав доводы Пико против него самого, сиенский медик полностью меняет «историографическую» составляющую спора: те авторитеты, которых автор «Рассуждений» считал противниками астрологии, у Белланти приобрели принципиально иной статус. Теперь, создав необходимый ему историко-философский фон, противник Джованни Пико с полным правом может обратиться к доказательству истинности астрологии, как с теоретической, так и с практической стороны.

В статье, посвященной Белланти, О. Помпео Фаракови указывает на то, что основополагающее влияние на астрологические воззрения сиенца оказала «аристотелезированная астрология»; в ее основе лежит четкое разграничение двух понятий: судьбы, предопределенность которой отрицалась, и цепи физических причин, складывающихся в единое целое и формирующих некоторое событие¹⁹. Представление о последнем явлении, достаточно близкое к философии стоиков, получило развитие в трудах как древнегреческих, так и арабских перипатетиков. По мнению итальянской исследовательницы, принимая эту точку зрения, Белланти ориентировался, прежде всего, на уже упомянутый выше трактат «О судьбе» Александра Афродисийского. Неудивительно, что О. Помпео Фаракови прослеживает далее эту «аристотелевскую» линию

¹⁷ “Politianus vero vir quidem litteratus neque astrologiae neque eius quam astronomiam appellant partem ullam didicerat sed paulo ante mortem complures apud se habebat huius scientiae peritos a quibus aliquid intelligere sperabat” // Ibid.

¹⁸ Ibid. P. 183.

¹⁹ *Pompeo Faracovi O. In difesa dell'astrologia: risposte a Pico in Bellanti e Pontano.* P. 52–53.

вплоть до средневековых схоластов, в том числе Фомы Аквинского и Иоанна Дунс Скота, которые сходным образом, по ее мнению, понимали понятие судьбы.

С одной стороны, предположение крупнейшего современного специалиста по истории астрологии верно: влияние перипатетической традиции, прежде всего, в ее радикальном, арабизированном варианте, на Белланти и на многих других адептов астрологии не вызывает никаких сомнений. С другой стороны, отдельные мысли, высказанные О. Помпео Фаракови, мне видятся не совсем верными. В первую очередь, на основе тех фрагментов из трактата Белланти, на которые она ссылается, достаточно проблематично понять, насколько центральным следует считать влияние на Белланти Александра Афродисийского. Как и в «Рассуждениях» Пико, так и в трактате «В защиту астрологии» в указанном ею контексте перечисление тех или иных имен вряд ли репрезентативно, ведь цель авторов — привлечь на свою сторону наиболее выдающихся мыслителей прошлого. Итальянская исследовательница же, обращая столь пристальное внимание на Александра Афродисийского, почти сразу же сталкивается с фигурой Оригена, не вписывающегося в эту схему, но упоминающегося в одном ряду с перипатетиками. Разумеется, О. Помпео Фаракови понимает это²⁰, но желание увидеть те философские причины, которые заставили Белланти выступить против Пико, в итоге, как кажется, превалирует над анализом самого текста. Не подвергая ревизии выводы Помпео Фаракови, я могу лишь сказать, что исследовательница, на мой взгляд, не проявила должного интереса к деталям и контексту.

Прежде всего, нельзя пройти мимо того, что действительно в тех пассажах, где Белланти рассуждает о действительности астрологических предсказаний, а не просто называет важных для него авторитетов, имена Платона и неоплатоников встречаются крайне редко. Позволю себе предположить, что сиенец был мало знаком с той традицией, на возрождение которой множество лет потратил Марсилио Фичино. Те случаи, когда на страницах трактата «В защиту астрологии» возникают представители Академии, чаще всего обусловлены тем, что в схожих ситуациях эти же мыслители упоминались в «Рассуждениях». По-иному обстоит дело с перипатетической традицией, к которой у сиенца естественным образом примыкают Птолемей и средневековые схоласты; при этом, в отличие от Джованни Пико, Белланти не игнорирует арабских комментаторов: при необходимости Аверроэс становится полноправным авторитетом.

Структура самого трактата позволяет нам понять ход мыслей Белланти: отвечая на обвинения Пико, он в соответствующей главе приводит свое суждение по тому или иному вопросу. Опустив технические аспекты полемики, когда Белланти указывает на неточности в расчетах Пико, можно заметить, что им двигали благородные мотивы. Согласно

²⁰ Ibid. P. 54–55.

средневековой традиции «христианской астрологии», Белланти видел несомненную ценность в предсказаниях, по его мнению, лишь подтверждающих истинность христианской догматики.

Интенции автора прослеживаются уже во введении к трактату, где отказ от использования магии связывается с попыткой «волков в овечьих шкурах» ввести простых людей в заблуждение²¹. Следуя этой логике, перед Белланти стоит двойная задача: доказать, что астрология имеет право на существование с физической и с богословской точек зрения. В отличие от «Рассуждений», где по объему теологическая составляющая незначительна и может считаться более или менее традиционной, в трактате «В защиту астрологии» Белланти стремится найти умеренный баланс между натуральной философией и богословием. Неудивительно, что для решения первой проблемы он избирает своими авторитетами Аристотеля и Птолемея; во втором же случае в основном следуют цитаты на Фому Аквинского и Иоанна Дунс Скота.

Первым делом Белланти стремится опровергнуть ключевой тезис Пико о том, что небо, являющееся универсальной причиной, не может одновременно определять частности. Напомню, что на основании этого довода Пико отрицал все причинно-следственные связи, которыми оперируют астрологи. Белланти же предпочел ответить Пико, используя стратегию оппонента: в качестве авторитета, который будто бы высказывает противоположную точку зрения, в трактате «В защиту астрологии» выступает Стагирит. Ссылаясь на Аристотеля, сиенец высказывает два предположения.

Во-первых, он заявляет, что небесные тела содержат в себе собственные им качества и производят разнообразные эффекты. Из этого следует, что каждая планета влияет на подлунный мир характерным только для нее образом; разумеется, все эти процессы порождаются перводвигателем, создающим нужное движение небесных тел. Интересно, что, по мнению Белланти, схожей точки зрения придерживался Фома Аквинский²². Однако одновременно с этим Белланти не ставит под сомнение, что небесные тела обладают некими общими характеристиками. Например, он указывает, что не только Луна или Солнце могут излучать тепло или свет; наоборот, такая возможность присутствует в природе каждой звезды. Как и чуть выше, Белланти сразу же пытается убедить своего читателя, что подобное мнение было присуще не только одному Аристотелю; в данном случае сторонником этой

²¹ *Bellantius L.* In disputationes Ioannis Pici adversus astrologos responsiones. P. 176.

²² “*Quamlibet stellam virtute continere sublunarem regionem. Siquidem una stella profector est altera. Et cum hoc sublunaris regio quocumque stella improfectior sit. Sed re vera caeli non parum deficiunt ab angelica profectionem. Ideo exemplum de scientiis variis in angelis unitis non est ad propositum, sunt igitur stellarum vires diversae diversis effectibus producendis deservientes. Cuncta corpora alterantes et disponentes quomodo (cum Aristoteles et Thomas) primus motus est causa omnis motus*” // *Ibid.* P. 197.

точки зрения выступает Птолемей²³. Это лишний раз доказывает, что сиенец не считал убедительной критику философских построений Птолемея, изложенную в «Рассуждениях». Продолжая ход своей мысли, Белланти обрушивается на один из важных тезисов Пико, согласно которому действительными планетами могут считаться лишь Солнце и Луна. Сиенец возражает своему оппоненту, прибегая, как и некогда Пико, к сравнению размеров разнообразных небесных тел. Правда, в отличие от своего оппонента, Белланти недоумевает, по какой причине автор «Рассуждений» считает мощной планетой Луну, а Сатурну и Юпитеру, в несколько сотен раз превышающих размеры Луны и некоторых звезд, отказывает в каком-либо ощутимом воздействии²⁴.

Второй вывод, к которому приходит Белланти, естественным образом вытекает из первого. Как я уже указывал выше, Джованни Пико делла Мирандола обвинял астрологов в стремлении объяснить события дольного мира влияниями горнего. Именно по этому пути пошел Лучо Белланти, и первостепенный вопрос, который он ставит перед собой, заключается в том, чтобы пересмотреть представление Джованни Пико о трансформации небесных влияний при проникновении в материю. Сиенский медик уверен, что в действительности небо определяет как всеобщие, так и частные явления жизни, и в этом высшей причине ничто не может помешать, в том числе и материя²⁵. Для убедительности своих взглядов он несколько раз призывает обратиться к трудам Аристотеля, в основном упоминая «Метеорологику». С его точки зрения, универсальный порядок стоит выше любых преград и не может сводиться только к случайному или обязательному, частному или всеобщему. Интересно, что говоря в данном фрагменте «о безвредной силе звезд», подчиненных этой причине, он ссылается на Аверроэса, правда, сказать, насколько аристотелизм Белланти было пропитан влиянием Комментатора, проблематично.

Однако, кроме арабского перипатетика, в подтверждение своих слов о соотношении причин и свойств горнего и дольного миров он дополнительно цитирует Фому Аквинского и Иоанна Дунс Скота²⁶. Упоминание двух великих схоластических докторов имеет две цели: во-первых, это позволяет Белланти перейти к теологическим доказательствам ценности астрологических предсказаний; во-вторых, как я уже говорил выше, в середине 1480-х гг. в рамках «900 тезисов», наравне с Платоном и Аристотелем и Аверроэсом и Авиценной, Джованни Пико предполагал «примирить» Фому Аквинского и Иоанна Дунс Скота. После римского скандала Пико ни разу не возвращался к этой идее,

²³ “Primum lunam esse calidam nihil aliud significare quod caliditatis esse per se productiva quam per accidens frigiditas caliditatem generat et quam qualitates istas virtute tum in stellis contineri secundum Aristotelem et Ptolemaeum diximus” // Ibid.

²⁴ Ibid. P. 191.

²⁵ Ibid. P. 195.

²⁶ Ibid. P. 196.

а имя знаменитого францисканского доктора в трудах графа Мирандолы больше не упоминалось. Нет никаких сомнений, что Белланти знал об этой попытке Пико. В трактате «В защиту астрологии» сиенский медик неоднократно говорит о двух схоластах так, как будто в их воззрениях не было никаких противоречий, а по основным вопросам они были согласны друг с другом. Сложно сказать, насколько это была сознательная позиция Белланти, но можно вполне допустить, что подобная стратегия была избрана оппонентом Пико неслучайно.

Приступая к теологическим доказательствам того, что астрология может быть полезной, Белланти сразу же использует цитату из Фомы Аквинского. Вслед за доминиканским теологом, сиенец утверждает, что небо является естественной причиной, ведущей человека к Богу²⁷. Но Белланти не останавливается на этом: из данной фразы он предлагает сделать вывод, что человек «согласно своему телу» зависит от расположения небесных тел, воли и замысла Бога и ангелов, этими телами управляющими²⁸. Таким же образом действия человека определяются взаимодействием с этими высшими сущностями²⁹. Неоднократно указывая, на то, что его мысли находят отражение в трудах Фомы Аквинского, в конце концов сиенский медик подходит к своему главному богословскому тезису. Исходя из максимы о подобии между двумя мирами — горним и дольным, — он заключает, что наиболее точный образ отношений между небом и человеком — микрокосм³⁰. Этот традиционный топос, хорошо известный в Средние века, позволяет Белланти свести воедино две линии — философскую и богословскую. Кроме того, использование подобной системы доказательств не оставляет никаких сомнений в философской ориентации Белланти и его конечных намерениях. При помощи классических аристотелевых и схоластических аргументов он стремится придать астрологии легитимный статус помощницы богословия.

Похожие мысли мы встречаем в другом труде Белланти — «Книге об истинности астрологии»³¹. Как уже было сказано выше, по форме этот трактат является неплохим примером средневековых философ-

²⁷ “Thome Aquinatis III contra Gentiles dicentis caelum esse causam naturalem quae tendit ad unum” // Ibid. P. 198.

²⁸ “Igitur homo sit ordinatus secundum corpus sub corporibus caelestibus secundum intellectum vero sub angelis, secundum voluntatem sub deo potest contingere aliquid propter intentionem hominis quod tamen est secundum ordinem caelestium corporum vel dispositionem angelorum vel etiam Dei” // Ibid. P. 198–199.

²⁹ “Sic ergo aliquid fortuitum bonum vel malum potest contingere homini et per cooperationem ad caelestia corpora et per cooperationem ad angelos non autem per cooperationem ad Deum” // Ibid. P. 199.

³⁰ Ibid. P. 201.

³¹ *Bellantius L. Lucii Bellantii Senensis mathematici ac physici liber de astrologica veritate // Idem. Defensio astrologiae contra Ioannem Picum Mirandulam. Lucii Bellantii Senensis mathematici ac physici liber de astrologica veritate. Et in disputationes Ioannis Pici adversus astrologos responsiones. Venetiae, 1502.*

ских сочинений. Однако не менее характерным выглядит содержание. Называя астрологию наукой, поскольку она изучает естественные причины небесных воздействий³², Белланти подтверждает свое суждение теми же примерами: в VII и VIII главах второго «вопроса» он вновь указывает на подобие низшего и высшего миров³³. Целью же астрологических предсказаний, основанных на математических данных и потому достаточно точных на практике³⁴, он считает познание божественного замысла, что позволит человеку избежать фатальных ошибок³⁵.

Таким образом, в двух своих трактатах Лучо Белланти предстает ярким защитником средневекового представления о «христианской астрологии». Опираясь на труды Аристотеля, Птолемея и схоластических докторов, прежде Фомы Аквинского и Иоанна Дунс Скота, он стремится восстановить высокий статус астрологии как помощницы богословии, который пошатнулся в результате нападок Джованни Пико делла Мирандола и Джироламо Савонаролы.

³² Ibid. I. I. P. 8.

³³ Ibid. II. VII–VIII. P. 35–39.

³⁴ Ibid. I. III. P. 16–17.

³⁵ Ibid. I. IV. P. 21.

ГЛАВА V

Переводчик, поэт, политик: Джованни Понтано против Джованни Пико делла Мирандола

В отличие от Лучо Белланти, другой оппонент Джованни Пико, Джованни Джовиано Понтано, вряд ли нуждается в представлении¹. Крупнейший неаполитанский мыслитель второй половины XV в., Понтано оказал большое влияние на гуманистическую культуру Италии и всей Европы. Будучи самым известным членом и главой неаполитанской Академии, сперва известной как *Porticus Antonianus*, а затем, в честь руководителя, названной *Accademia Pontaniana*, Понтано играл важную роль в культурной политике неаполитанских правителей из арагонской династии. Хотя Понтано родился в Умбрии, он никогда не ассоциировался с гуманистическими кругами севера Италии. Когда в 1447 г. войска неаполитанского короля Альфонса I собирались атаковать Флоренцию, в Тоскане оказался сопровождавший своего патрона гуманист Антонио Беккаделли, известный как Панормита. Уже к тому времени подававший большие надежды поклонник творчества Панормиты Понтано был представлен ко двору Альфонса, а Панормита, разглядевший в молодом человеке большой талант, взял его под свое покровительство. Их дружба, продолжавшаяся более 20 лет, оборвалась лишь со смертью Панормиты в 1471 г., после чего титул ведущего гуманиста юга Италии перешел к Понтано. Созданный Антонио Беккаделли *Porticus Antonianus* был спешно переименован в *Porticus Pontanianus*, что лишь подчеркивает высокий статус Понтано при дворе, где он стал отвечать за культурную политику арагонской династии. Спустя некоторое время Понтано получил повышение и оказался вовлечен в настоящую политику: в 1487 г. его назначили первым секретарем короля, что соответствует, если пользоваться современной терминологией, должности премьер-министра. На новом посту обязанности Понтано не ограничивались культурой — он отвечал за дипломатические контакты с итальянскими и европейскими государствами, ведал вопросами армии и флота, руководил финансами Неаполитанского королевства. Вполне возможно, что слава Понтано как астролога способствовала его продвижению по

¹ Подробную биографию Понтано см.: *Kidwell C. Pontano. Poet and Prime Minister. L., 1991.*

службе — хорошо известно, что ренессансные правители нередко привлекали астрологов к управлению государством.

Список сочинений Понтано впечатляет. В их число входят трактаты о моральной философии и политике, литературные сочинения, философские диалоги. Астрология занимает особое место в наследии Понтано: он не только посвятил ей несколько поэм и трактатов, но и перевел и откомментировал несколько влиятельных античных астрологических текстов². О судьбе «Стослова» Псевдо-Птолемея мы говорили чуть выше. Вторым важнейшим проектом Понтано-комментатора стал астрологический трактат «Матезис» или «В защиту астрологии» Фирмика Матерна.

Пожалуй, судьба была благосклонна к этому сочинению — в отличие от множества собратьев по жанру, оно не было забыто в Средние века. Итальянский исследователь М. Ринальди предполагает, что первые свидетельства о распространении трактата Мирмика во Франции и Англии относятся к XI–XII вв.³ В качестве доказательства он приводит фразу из сочинения английского средневекового историка Уильяма Малмсберийского о том, что трактат Фирмика читал Герберт Орильякский, в будущем ставший папой Сильвестром II⁴. Несмотря на то, что труды Уильяма справедливо считают одними из наиболее точных и достоверных нарративных источников по средневековой истории Англии, его фраза вызывает некоторые вопросы. Хорошо известно, что Герберт Орильякский имел дурную репутацию, злые языки неоднократно обвиняли его в занятиях черной магией и разных нечестиях; образ Герберта как чернокнижника впоследствии был востребован в литературе⁵. В связи с этим разумно было бы поставить вопрос, не была ли фраза Уильяма Малмсберийского о том, что Герберт изучал астрологию по Фирмику Матерну, еще одним доказательством легендарного статуса будущего папы Римского. Разумеется, в данном случае Уильям относится к подобным увлечениям крайне отрицательно. Тем не менее, уже в середине XI в. интерес к тексту Фирмика обнаруживается как в Англии, так и во Франции. Наконец, столетием спустя «В защиту астрологию» начинают цитировать: отсылки к нему встречаются в трудах англий-

² О месте Понтано среди других «гуманистов-астрологов» см.: *Rinaldi M. L'astrologia degli umanisti // Il linguaggio dei cieli. Astri e simboli nel Rinascimento. P. 73–89.*

³ *Idem. Sic itur ad astra. Giovanni Pontano e la sua opera astrologica nel quadro della tradizione manoscritta della Mathesis di Giulio Firmico Materno. Napoli, 2002. P. 31–37.*

⁴ *William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum / Ed. R.A.B. Mynors et al. Oxford, 1988. Vol. 1. P. 280.*

⁵ О Герберте см., в частности: *Darlington O. Gerbert, the Teacher // The American Historical Review. 1947. Vol. 52. № 3. P. 456–476; Truitt E.R. Celestial Divination and Arabic Science in Twelfth-Century England: The History of Gerbert of Aurillac's Talking Head // The Journal of the History of Ideas. 2012. Vol. 73. № 2. P. 201–222.* Образ Герберта был использован в романе «Избранник» Томаса Манна. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» Воланд приезжает в Москву для того, что поработать с рукописями Герберта.

ского астронома Даниила из Морли; чуть позже труд Фирмика используется в сочинениях французских схоластов, в том числе относящихся к т.н. «Шартрской школе». Начиная уже с этого времени, «Матезис» получает статус одного из наиболее полных и влиятельных описаний астрологических практик. Правда, проникновение на Запад знаний с Востока и конкуренция с другими астрологическими трактатами, преимущественно арабского происхождения, негативно сказались на популярности Фирмика в дальнейшем. Одним из показателей подобной тенденции может служить малое число рукописей трактата «В защиту астрологии», которые сохранились от XIII в. (четыре манускрипта) и особенно от XIV в. (всего один)⁶. Данный факт повлиял на то, что в философских, равно как и астрологических, трудах этих столетий отсылки к Фирмику Матерну носят эпизодический характер. Тем не менее, это не помешало «Матезису», по всей вероятности, стать одним из источников для иконографической программы Палаццо делла Раджоне в Падуе⁷. Кроме того, хорошо известно, что на Фирмика Матерна в разных своих сочинениях неоднократно ссылался Петрарка⁸. В 1429 г. знаменитый гуманист и собиратель рукописей Поджо Браччолини обнаружил в библиотеке монастыря в Монте Кассино копию сочинения «В защиту астрологии», о чем сообщил своему другу, не менее заядлому антиквару Никколò Никколи⁹. Правда, к сожалению, кодекс, в котором Поджо нашел текст Фирмика Матерна, сохранился до наших дней в неполном виде: собственно, «В защиту астрологии» в нем больше нет. Когда и по какой причине это произошло, неизвестно; тем не менее, нам доступна часть кодекса, содержащая сочинение Секста Юлия Фронтиня «Об акведуках», переписанное, судя по всему, Петром Дьяконом в XII в. Это позволяет предположить, что Петр Дьякон был также переписчиком «Матезиса». Дополнительно в пользу этой точки зрения говорит то, что в своей автобиографии в перечне скопированных им книг Петр упоминает некое сочинение об «астрономии»¹⁰. Тем не менее, говорить о разрешении этого вопроса пока преждевременно¹¹. И если судьба рукописи из Монте Кассино покрыта туманом, то

⁶ Rinaldi M. *Sic itur ad astra*. P. 37.

⁷ Federici Vescovini G. Pietro d'Abano e gli affreschi astrologici del Palazzo della Ragione di Padova // *Labyrinthos. Studi e ricerche sulle arti dal Medioevo al Barocco*. 1986. № 9. P. 50–75; Ginzburg D. Giotto's Sky: The Fresco Paintings of the First Floor Salone of the Palazzo della Ragione, Padua, Italy // *Journal for the Study of Religion, Nature and Culture*. 2013. Vol. 7. № 4. P. 407–433.

⁸ Petrarca F. *Le familiari* / A cura di V. Rossi. Firenze, 1933–1942. Vol. 2. P. 168–169. Петрарке принадлежал манускрипт с текстом Фирмика Матерна: Rinaldi M. *Sic itur ad astra*. P. 42–49.

⁹ Bracciolini P. *Lettere* // *Lettere a Niccolò Niccoli* / A cura di H. Harth. Firenze, 1984. Vol. 1. P. 210.

¹⁰ Rinaldi M. *Sic itur ad astra*. P. 58.

¹¹ Meyvaert P. The Autographs of Peter the Deacon // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1955. Vol. 38. P. 114–138, особенно P. 125; Rinaldi M. *Sic itur ad astra*. P. 60–62.

нам, напротив, хорошо известно, что ряд манускриптов «Матезиса» проходил через руки других видных ренессансных гуманистов и ученых: среди них были Гварино из Вероны, Витторино из Фельтре, Региомонтан, Антонио Панормита¹². Наконец, интерес к тексту Фирмика Матерна ярче всего проявился у Понтано. Как показал М. Ринальди, рука Понтано четко видна на полях рукописи V A 17, происходящей из личной библиотеки гуманиста и ныне хранящейся в Национальной библиотеке Неаполя. Вполне обоснованно предположение, что в последующих своих работах Понтано использовал отдельные фрагменты из трактата «В защиту астрологии», которые отметил для себя в указанной рукописи¹³. Наконец, в 1499 г. «В защиту астрологии» был напечатан в типографии Альда Мануция.

Понтано особенно привлекали античные астрологические поэмы, прежде всего, «Астрономика» Манилия и «Явления» Арата Солийского, по лекалам которых он составил два собственных поэтических сочинения — «Уранию» и «О метеорах», где на изощренной латыни создал величественную картину звездного неба, тесно переплетенную с античной мифологией¹⁴. Неудивительно, что Понтано, столь увлеченный астрологической тематикой, посчитал нужным ответить на «Рассуждения против прорицательной астрологии». Кроме того, вероятно, Понтано был уязвлен словами Джованни Пико о плохом переводе «Стослова» — выступая против графа Мирандолы, Понтано тем самым защищал от нападок самого себя.

Астрологические воззрения Понтано, несомненно, заслуживают отдельного и обстоятельного исследования, по объему претендующего на еще одну книгу. Поскольку такой возможности у нас нет, то в этой работе я ограничусь только теми вопросами, которые непосредственно касаются интересующей нас полемики вокруг астрологии, а также постараюсь вкратце показать, при помощи каких доводов Понтано объяснял ценность предсказательных практик. Трудно не согласиться с мнением Б. Сольдати, который указывал, что все творчество Понтано, а не только трактат «О небесных явлениях», можно считать опровержением «Рассуждений» Джованни Пико — слишком разными были эти два видных мыслителя второй половины XV в.¹⁵ Тем не менее, в двух текстах — «О небесных явлениях» и «О фортуне» — Понтано суммировал свои доводы в защиту астрологии и против нападок Джованни Пико.

Понтано начал работать над трактатом «О небесных явлениях» в середине 1470-х гг.¹⁶ По всей видимости, Понтано подразумевал, что это сочинение станет своеобразной суммой астрологии в прозе — одно-

¹² Rinaldi M. *Sic itur ad astra*. P. 73.

¹³ Ibid. P. 109 и далее.

¹⁴ De Nichilo M. *I poemi astrologici di Giovanni Pontano: storia del testo*. Bari, 1975.

¹⁵ Soldati B. *La poesia astrologica nel Quattrocento. Ricerche e studi*. Firenze, 1906. P. 231.

¹⁶ Pontano G.G. *Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII*. Basileae, 1530.

временно он трудился над поэмой «Уrania». Обратим также внимание на то, что название трактата Понтано пересекается с заглавием поэмы еще одного адепта астрологии и, по совместительству, знаменитого поэта раннего Возрождения — Лоренцо Бонинконтри, который стоял у истоков возрождения «Астрономики» Манилия, сильно повлиявшей на самого Понтано¹⁷.

После того как «Рассуждения» начали распространяться по Италии, Понтано решил дополнить основной текст трактата «О небесных явлениях» специальной главкой, содержащей его возражения¹⁸. Вероятно, Понтано читал «Рассуждения» в рукописи: судя по некоторым данным, он закончил эту небольшую вставку в 1495 г., т.е. до болонского издания оставался еще один год. Двенадцатая глава, всецело посвященная Джованни Пико и его «Рассуждениям», получилась довольно короткой, особенно в сравнении с остальными частями масштабного трактата. Было бы несколько наивно ожидать, что в одном фрагменте трактата Понтано сможет изложить все доводы в пользу астрологии. Но надо отметить, что в двенадцатой главе своего сочинения Понтано рассматривает центральный момент «Рассуждений», в котором Пико указал на противоречие между природными причинами, действительно определяющими естественные процессы в подлунном мире, и измышлениями астрологов по этому поводу. Понтано оставляет без внимания как критику практической стороны астрологии, так и вопрос об ее философских и теологических истоках. Краткость Понтано кажется легко объяснимой: выступая против основной мысли своего оппонента и отбрасывая ее, он не считает нужным опровергать прочие положения, при помощи которых Джованни Пико критиковал предсказания. Если сама суть претензий Пико ложна, то Понтано нет никакого смысла касаться более частных проблем — остальное содержание трактата «О небесных явлениях» убедит читателя в том, что автор прав, а астрология ценна. Однако форма опровержения оставляет желать лучшего; как будет показано ниже, Понтано повинен в этом лишь отчасти.

Глава посвящена Паоло Кортезио, другу многих ведущих мыслителей ренессансной Флоренции и крупному меценату. Кортезио некогда способствовал освобождению Пико из римской тюрьмы после провалившегося римского диспута и его переезду во Флоренцию. Кроме того, из сочинений самого Кортезио известно, что он высоко ценил Пико и называл его «образованнейшим из латинян» и «источником знания»¹⁹. Кажется, что близкие отношения Кортезио и Пико вынуждают Понтано соблюдать такт. Признавая многочисленные таланты Джованни

¹⁷ Field A. Lorenzo Bonincontri and the First Public Lectures on Manilius (Florence, ca. 1475–1478) // *Rinascimento*. 1996. Vol. 36. P. 207–225.

¹⁸ Pontano G.G. Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII. XII. P. 337–346.

¹⁹ D'Amico J. Paolo Cortesi's Rehabilitation of Giovanni Pico della Mirandola // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1982. Vol. 44. P. 37–51.

Пико, Понтано, тем не менее, замечает, что не видит ничего зазорного в том, чтобы критиковать Пико, пусть уже и мертвого²⁰. Неаполитанский гуманист высказывает мнение, что для выдающихся философов и раторов было свойственно выступать против тех, кто трудился в той же области: в качестве доказательств он приводит «грамматика Присциана», обрушивавшегося на своих предшественников, или Лоренцо Валлу, который не принимал многое из философии, изящной словесности и даже теологии²¹. Не забывает Понтано упомянуть о философских спорах, прежде всего, между платониками и аристотеликами²². Таким образом, глава неаполитанской Академии призывает не избегать споров и стремиться к разрешению накопившихся сомнений, ведь астрология, по его мнению, теснейшим образом связана с изучением свойств природы и вещей. Именно вопросу о причинно-следственных отношениях между небесным и подлунным мирами и пользе практического применения астрологических предсказаний Понтано посвятил фрагмент своего трактата, направленный против автора «Рассуждений против прорицательной астрологии». Правда, нетрудно заметить, что за исключением нескольких тактичных оборотов в адрес Пико в самом начале главы Понтано больше ни разу его не упоминает. Причиной этого стало намеренное искажение оригинального текста трактата, которое произошло уже после смерти Понтано.

Полный текст «О небесных явлениях» был впервые опубликован только в 1512 г. Собрание сочинений Понтано, куда, кроме интересующего нас трактата, входили другие тексты неаполитанца, готовил Пьетро Суммонте, который в некоторых случаях позволил себе изменить оригинальный текст и вычеркнуть наиболее спорные пассажи²³. Из сохранившегося автографа трактата «О небесных явлениях» видно, что адресат двенадцатой главы был изменен; предположительно, Понтано собирался посвятить дополнительную главу другому человеку. Кроме того, он попросту отбросил внушительный фрагмент текста, где Пон-

²⁰ "Ioannes Picus, vir summa nobilitate, maximo etiam ingenio, Paule Cortesi, dum et nobilitati plurimum et ingenio suo non iniuria tribuit, in astrologiam acriter est inventus. Verum enim qui viventem illum ego laudandis extollendisque ingenii eius viribus honestaverim, insecter ne increpando mortuum?" // Pontano G.G. Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII. XII. P. 337.

²¹ "Priscianus grammaticae artis professor et doctor egregius, veteres adversus Grammaticos multa quidem et sensit acute et contra eos disseruit <...> Nuper Laurentius Vallensis multa adversus Priscianum, non pauca adversus Ciceronem cum disseruisset, nam contra Aristotelem pleno quidem locutus est ore, nec minore quidem vehementia in quibusdam adversus Theologos nostros locis" // Ibid. P. 337–338.

²² Ibid. P. 338.

²³ Trinkaus C. The Astrological Cosmos and Rhetorical Culture of Giovanni Giovinno Pontano // Renaissance Quarterly. 1985. Vol. 38. № 3. P. 349; Desantis G. Pico, Pontano e la polemica astrologica. Appunti sul libro XII del *De Rebus Coelestibus* di G. Pontano // Annali della facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Bari. 1986. Vol. 29. P. 151–191.

тано обвиняет Джованни Пико в том, что последний в ранних своих сочинениях придерживался еретических взглядов, а после переезда во Флоренцию оказался под влиянием Савонаролы. На этом Суммонте не остановился: ту же самую операцию он проделал, готовя к печати другой трактат Понтано — «О фортуне»²⁴.

Темы судьбы и фортуны играли важную роль в ренессансной мысли XV и XVI вв. С одной стороны, этому способствовала богатая средневековая традиция; с другой — в указанный период возрождается интерес к стоической философии, трудам Александра Афродисийского. Наконец, вопрос о судьбе оказался теснейшим образом связан с теологическими диспутами первой половины XVI в.: в частности, модифицированное учение Августина о свободе воли легло в основу кальвинистской концепции о божественном предопределении.

Надо сказать, что Понтано в целом оставался чужд новым философским или богословским веяниям. Несмотря на то, что идеи и тексты Фичино проникали в Неаполь, платоническая философия так и осталась на обочине интеллектуальных интересов *Porticus Pontanianus*²⁵. Пожалуй, ответственность за это лежит на Понтано. С одной стороны, постулируя свое восхищение античной философией, астрологией и литературой, с другой, Понтано стремился оставаться в рамках уже сложившейся аристотелевой и птолемеевской парадигмы. Как мне кажется, трактат «О фортуне» прекрасно иллюстрирует это желание. Здесь Понтано соединяет традиционную астрологическую интерпретацию судьбы с философией Аристотеля и отсылками к Фоме Аквинскому и Иоанну Дунс Скоту. Это причудливый союз проясняет его конечную цель: при помощи философских и теологических аргументов раскрыть недетерминированность судьбы и доказать совместимость астрологии с теологией.

Остается не совсем понятным, насколько цитируя одновременно Иоанна Дунс Скота и Фому Аквинского, Понтано намекает на неудачную попытку сочетать двух схоластов, которую Джованни Пико делла Мирандола предпринял в рамках «900 тезисов». Тем не менее, частое упоминание Иоанна Дунс Скота вряд ли выглядит случайным²⁶. Отчасти этим, а также самой попыткой согласовать античное и астрологическое прочтение фортуны с христианским богословием была вызвана резкая критика, которой впоследствии подвергся сам Понтано. Пожалуй, самым принципиальным его оппонентом оказался Эгидий из Витербо, отношения которого с Понтано всегда были сложными²⁷.

²⁴ Pontano G. *La fortuna* / A cura di F. Tateo. Napoli, 2012.

²⁵ Soranzo M. Reading Marsilio Ficino in Renaissance Italy. The Case of Aragonese Naples // *Quaderni d'italianistica*. 2012. Vol. 33. № 1. P. 27–46.

²⁶ Tateo F. Introduzione // *Pontano G. La fortuna*. P. 35–36, 52–53.

²⁷ О спорах между Понтано и Эгидием из Витербо: *Idem. Umanesimo etico di Giovanni Pontano*. Lecce, 1972. P. 189–210.

«О фортуне» — не только философский, но, прежде всего, политический текст. В XV в. Понтано был известен как один из ведущих политических теоретиков; его перу принадлежит трактат «О государе»²⁸. Нет ничего удивительного в том, что он придал сочинению о судьбе политический подтекст. Его намерения раскрываются уже в посвящении. Сперва оно было обращено к Антонио Геваре, графу Потенцы и одному из ближайших сподвижников короля Альфонса Великодушного, патрона самого Понтано. Однако ввиду политической неопределенности, которая наступила в Неаполе с началом Итальянских войн, Понтано начал поиски более надежного и влиятельного адресата. В конце концов, его выбор пал на Консальво из Кордовы²⁹. Командир испанских войск в южной Италии, назначенный на высокую должность лично Фердинандом Арагонским и его женой Изабеллой Кастильской, Консальво быстро стал реальным правителем Неаполя. Обращение к нему со страниц трактата «О фортуне» — явный запрос на высокое покровительство, которого добивался Понтано. После смерти Ферранте Арагонского и отречения в 1494 г. Альфонса II, Понтано некоторое время был секретарем Феррандино Арагонского и предпринимал усилия для того, чтобы не допустить вторжения французов в Неаполь³⁰. Эти попытки потерпели крах — со вступлением французской армии в Неаполь политическая карьера Понтано фактически завершилась. Он торжественно передал ключи от города французскому королю Карлу VIII в обмен на гарантии, что город не будет разрушен или подвергнут разграблению. Франческо Гвиччардини указывает, что Понтано не только приветствовал Карла VIII, но даже произнес ему панегирик. Хотя подобное свидетельство, видимо, не лишено некоторого преувеличения, по возвращении испанских войск в Неаполь Понтано, дабы не прослыть коллаборационистом, пришлось спешно восстанавливать свою репутацию. При помощи же подобного посвящения Консальво, ставленнику и представителю знаменитой королевской четы, Понтано, который к этому времени был уже пожилым человеком (ему было за 60 лет), пытался защитить себя от возможных преследований и обвинений, а заодно подтвердить свою лояльность испанской короне. Это объясняет целый ряд пассажей, как во введении-посвящении, так и в основной части трактата, где Понтано рассматривает благоприятное влияние фортуны на великих античных политических деятелей: намек на испанских властителей, поступками которых движут фортуна и Бог, находится на поверхности. Философские же аргументы, в основе которых лежит стоицизм вкупе с Аристотелем и средневековыми схоластами, лишь обосновывают причины политического успеха Фердинанда и Изабеллы. Поэтому решение Суммонте вырезать все пассажи,

²⁸ Понтано Дж. Государь / Пер. Н.А. Федорова // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век). С. 290–307.

²⁹ Pontano G. La fortuna. P. 76–80.

³⁰ Bentley J.H. Politics and Culture in Renaissance Naples. Princeton, 1987. P. 130.

касающиеся критики Джованни Пико, получают иное обоснование: посмертное издание трудов Понтано, в частности, «О фортуне», должно было способствовать его реабилитации в глазах современников, и резкая критика одного из известнейших мыслителей эпохи вряд ли помогла бы этому.

Таким образом, в трактате «О фортуне» Понтано соединяет философские и политические доводы для того, чтобы объяснить испанское завоевание Южной Италии. Понтано, несомненно, был хорошо знаком с дискуссиями о фортуне — в свое время этому вопросу свои авторитетные сочинения посвятили Колуччо Салютати и Поджо Браччолини. После того как Ренессанс вновь открыл Цицерона и, в целом, античный стоицизм, тема человеческой судьбы получила новое звучание³¹. Так, Петрарка и Салютати восторгались стоической философией и стремились применить отдельные ее элементы в христианской экзегезе. Подобные попытки определили новое прочтение фортуны в моральной и политической философии итальянского Кваттроченто. Наиболее ярким примером стал трактат «О судьбе» Салютати³². На момент написания данного труда еще не были вновь открыты неоплатонические тексты, поэтому рассуждения Салютати все еще находятся в традиции средневековой моральной философии, в значительной степени ориентированной на богословскую литературу и Аристотеля. Этим объясняются попытки решить указанную дилемму между необходимостью и случаем, в том числе ссылаясь на классические тексты незыблемых авторитетов — Аристотеля и Фомы Аквинского. Салютати не сомневается, что обе противоположности имеют своим началом Бога. Через Него осуществляется божественное Предопределение, которое Салютати называет «абсолютной необходимостью». К Нему также восходят те явления, которые простые люди воспринимают как случайность, но, тем не менее, они — часть той самой «абсолютной необходимости». В данном случае решение проблемы в целом совпадает с богословским объяснением сочетаемости свободной воли человека и Провидения, которое дал Августин в трактате «О Граде Божьем» и которое затем встречается в большинстве теологических текстов западного Средневековья.

Несмотря на то, что стоицизм встретил серьезную оппозицию, в частности, в трудах Лоренцо Валлы и Марсилио Фичино, христианская интерпретация возрожденной философии получила широкую поддержку. *Virtù* в ее моральном измерении сочетается с христианским

³¹ Общие сведения о стоицизме в эпоху Возрождения в: *Kraye J. Stoicism in the Philosophy of the Italian Renaissance // The Routledge Handbook of the Stoic Tradition / Ed. J. Sellars. L., 2016. P. 132–144.*

³² *Salutati C. De fato et fortuna / A cura di C. Bianca. Firenze, 1985.* Анализ критики детерминизма у Салютати см. в: *Trinkaus C. Coluccio Salutati's Critique of Astrology in the Context of His Natural Philosophy // Speculum. 1989. Vol. 64. № 1. P. 46–68.*

представлением о фортуне у Поджо³³. Человеку следует принимать любое воздействие судьбы, как положительное, так и негативное; этим он являет свое смирение перед Богом, всемильность и всеисилие Которого не ставятся под сомнение. Тем же, кто ведет добродетельную жизнь, Бог дарует плоды своей безграничной любви и милости. В то время, как Салютати касается вопроса о том, насколько фортуна сочетается с астрологией, Поджо, прежде всего, акцентирует свое внимание на *virtus moralis* как *virtus politicus*. Эта интерпретация *virtus* была весьма распространена в политической мысли итальянского Ренессанса³⁴.

Сохраняя верность христианизированному прочтению фортуны, Понтано дополняет его астрологическим элементом. Несомненно, обращаясь к своим испанским патронам, Понтано замечает, что судьба благоволит безгрешным и великим правителям. По его мнению, никакого противоречия между фортуной и свободной волей не существует, поскольку человек, наделенный интеллектом, совершенно свободен и действует исходя исключительно из собственных интересов. Провидение решает, будет ли то или иное воздействие позитивным либо отрицательным; однако даже если влияние небес принесет человеку горе, это испытание имеет некую цель, ведь все находится в руках всемогущего и всезнающего Господа³⁵. Понтано добавляет, что фортуна благосклонна к тем, кто в своих деяниях проявляет моральное совершенство. В подтверждение этого Понтано вспоминает множество политических фигур, поднявшихся с самых низов до заоблачных высот благодаря *virtus moralis*³⁶.

Философские аргументы Понтано кажутся вполне традиционными: он совмещает представление стоиков о цепи причин с учением Августина о свободе воли и божественном предопределении³⁷. Для доказательства того, что нерушимая цепь неизбежных причин установлена в соответствии с Божьим замыслом и тем самым определяет события на земле, Понтано обыкновенно обращается к двум источникам — античным философам и средневековой схоластике. Правда, можно заметить, что отсылки к Платону, платоникам, перипатетикам и большинству других философских школ — всего лишь дань традиции; они не играют практически никакой функциональной роли. В целом, оставаясь в рамках римского стоицизма, основные сведения о котором он почерпнул из сочинений Цицерона, Понтано добавляет к этому остову множество свидетельств, второстепенных с точки зрения философской аргументации. Однако касаясь совместимости

³³ Bracciolini P. De infelicitate principum / A cura di D. Canfora. Roma, 1998; Le Pogge. Les ruines de Rome: De varietate fortunae. Livre I / Éd. J.-Y. Boriaud. P., 1999.

³⁴ Hankins J. Machiavelli, Civic Humanism, and the Humanist Politics of Virtue // Italian Culture. 2014. Vol. 34. № 2. P. 98–109.

³⁵ Pontano G. La fortuna. P. 88–90, 94.

³⁶ Ibid. P. 96–98.

³⁷ Ibid. P. 300–302.

фортуны с астрологией, Понтано обращается к другому источнику, тем самым расширяя рамки идеи, предложенной Салютати и Поджо. Со ссылкой на средневековую схоластику и, прежде всего, на Иоанна Дунс Скота он вводит термин *impetus* («импульс»). Хотя теория импетуса традиционно связывается со средневековой физикой и динамикой³⁸, Понтано придает ей теологическое измерение. Он замечает, что судьба, будучи проявлением воли Бога, принадлежит небесным сферам, из которых она при помощи астрологических влияний изливается и рассеивается по дольному миру и посредством исходящего свыше импульса производит земные события³⁹. Интересно, что несмотря на декларируемое восхищение античной традицией, стержневой теологический аргумент своего трактата Понтано позаимствовал у средневековых схоластов: подтверждением тому служат регулярные отсылки к Фоме Аквинскому и Иоанну Дунс Скоту; философская составляющая, стоицизм в традиции Цицерона, столь же не нова.

Представления Понтано об астрологии и фортуне очевидным образом противоречат взглядам Джованни Пико делла Мирандола. Неудивительно, что трактат «О фортуне» должен был стать частью ответа Понтано на антиастрологический пафос «Рассуждений против прорицательной астрологии». Фрагмент, в котором Понтано критикует Джованни Пико, сохранился в двух манускриптах, Vat. Lat. 2841 и Marc. Lat. VI, 233. Кроме того, что этот пассаж важен в контексте астрологических дискуссий, он проливает свет на то, как Пико воспринимали за пределами Тосканы; замечу вкратце, что слова Понтано следует рассматривать как важное доказательство скептических увлечений его оппонента. К моменту написания трактата «О фортуне» Понтано, по всей видимости, уже знал и даже читал «Возражения» Лучо Белланти, «человека, известного своими глубокими познаниями со всех наук»⁴⁰. По этой причине Понтано практически не касается аргументов Пико против астрологии — он оставляет этот вопрос на откуп Белланти, заявляя, что сиенец полностью восстановил статус астрологии. Хотя Понтано признает «великую славу, талант и познания» Пико, он замечает, что на позднем этапе своего творчества граф Мирандолы ориентировался на трех авторитетов: Пирро-

³⁸ Общие сведения об импетусе см.: Sarnowsky J. Concepts of Impetus and the History of Mechanics // *Mechanics and Natural Philosophy before the Scientific Revolution* / Ed. W.R. Laird and S. Roux. Boston, 2007. P. 121–145.

³⁹ Pontano G. La fortuna. P. 308–314.

⁴⁰ “Nec nos deterrebit Ioannes Picus magna tum nobilitate, tum etiam ingenio ac doctrina vir, qui nuper diruere prorsus sideralem conatus est disciplinam. Cui quominus ipsi respondeamus, labore eo nos omni liberavit vir in omni disciplinae genere clarus ac perquam acutus Lucius Bellantius, cui aetas nostra multum profecto debet, debituri autem longe amplius posteris, ne ad eos maledicentia perinvidentis hominis penetraret” // *Ibid.* P. 288–290.

на, Лоренцо Валлу и Савонаролу⁴¹. То, что в этом ряду Понтано упоминает Валлу, кажется неожиданным. Никаких свидетельств того, что Джованни Пико испытал какое-то влияние Валлы, у нас до сих пор нет. Вполне вероятно, что в творческом сознании самого Понтано фигура Валлы ассоциировалась с «перегибами» гуманистической учености. Так, далеко не все современники Валлы восторженно отзывались о его библейских штудиях⁴². С точки зрения своих религиозных ориентиров Понтано выглядит традиционалистом; можно допустить, что критическое замечание в адрес Валлы связано с этим. Правда, в данном вопросе мы вступаем в область зыбких и сложнодоказуемых гипотез. Имя же Пиррона доказывает следующее — современники Пико были неплохо осведомлены о его интересе к скептической философской традиции. Понтано говорит, что именно Пиррон определил решение Пико выступить против астрологии как важной части натуральной и моральной философии: очевидно, в данном случае под «Пирроном» он подразумевает уже упомянутый выше трактат Секста Эмпирика «Против математиков», где астрология отвергается наравне со всеми другими областями знания. Кроме того, этот фрагмент показывает, что современники видели в Сексте Эмпирике источник и причину для трансформации философских взглядов Пико. Наконец, по мнению Понтано, еще одним фактором, который определил столь резкое изменение философских ориентиров графа Мирандолы, стало знакомство с Савонаролой. Понтано осуждает и Пико, и Савонаролу за их попытки ввести новые элементы в традиционное христианское учение. Он добавляет, что в случае с Пико это привело к обвинению в ереси, а вся история не закончилась публичной казнью лишь благодаря милости папы Иннокентия VIII⁴³. Очевидно, в несостоявшемся римском диспуте Понтано поддерживает позицию церковных властей и в действиях Пико видит лишь самоуправство дерзкого молодого человека. Савонаролу же он

⁴¹ “Videlicet Picus noster (voco eum nostrum, quia magna mecum benevolentia coniunctus fuit, quodque doctissimum quenque maxime mihi familiarem atque amicum stato) tractus ipse quidem exemplo est aut Pyrronis, qui physicam et moralem omnem doctrinam evertere conatus est olim, aut Laurentii Vallensis, qui nuper vel decem praedicamentorum seriem, ne dialecticam dicam omnem, ut subverteret, quid non tentavit?” // Ibid. P. 290.

⁴² См., например: *Monfasani J. Criticism of Biblical Humanism in Quattrocento Italy // Biblical Humanism and Scholasticism in the Age of Erasmus / Ed. E. Rummel. Leiden; Boston, 2008. P. 15–38.*

⁴³ “Iniit comitatem studiorum cum fratre Hieronymo, qui multos annos in re publica florentina primarium tenebat locum, eiusque suasu in astrologiam accerime illatus est. Uterque enim tentabat mova quaedam christiana in re moliri; facileque sacerdos versutissimus inter alia persuaserat eum, et quidem haud multo post obitum resurrectionum. Nam et Picus parum abfuit quo minus Romae ab Innocentio octavo haereseos damnaretur; sed praevaluit laenissimum apud Pontificem nobilitatis respectus atque humanitatis ratio” // *Pontano G. La fortuna. P. 292.*

изображает совершенным злом и лжецом, который мечтал, чтобы его принимали за святого. Понтано даже замечает, что сенат и народ Флоренции⁴⁴ выпустили специальное постановление о прославлении Савонаролы⁴⁵. Именно этот «лжец» будто бы убедил Джованни Пико написать «Рассуждения против прорицательной астрологии». Кроме того, по словам Понтано, составляя свой трактат, Джованни Пико руководствовался еще одним, более личным мотивом. Пико знал, что некий астролог предсказал ему скорую смерть; таким образом, выступая против астрологии, он старался убедить всякого, но в первую очередь самого себя, что это предсказание не сбудется⁴⁶. Этой ремаркой Понтано отсылает своего читателю к известному эпизоду из биографии другого оппонента Пико — Лучо Белланти, — которого удачное предсказание прославило. Понтано добавляет, что попытка Пико бежать от собственной судьбы закончилась неудачей: расчеты астролога оказались верными.

Сходные возражения против позиции Пико встречаются во фрагменте трактата «О небесных явлениях», вырезанном Пьетро Суммонте перед публикацией окончательной версии текста. Понтано замечает, что истоки атаки на астрологию, предпринятой Пико в «Рассуждениях», следует искать в его еретических воззрениях времен римского диспута 1486 г. Предложив новую интерпретацию устоявшихся философских идей и богословских догматов, Пико допустил множество ошибок. Нет ничего удивительного, что папа Иннокентий VIII запретил проводить диспут, поскольку «Тезисы» Пико «не имели практически ничего общего с христианской религией»⁴⁷. То, что Пико отрицает астрологию — дисциплину, полезную как для христианского вероучения, так и в практических целях, — убеждает Понтано: его оппонент не отказался от своих еретических взглядов. Более того, под влиянием Савонаролы Пико в них только утвердился.

Защищая астрологические расчеты, неаполитанский гуманист упоминает традиционные области человеческой деятельности, где прорицания могут сослужить полезную службу: это медицина, земледелие,

⁴⁴ *Senatus populi que florentini* у Понтано — явная отсылка на известную римскую формулу *senatus populusque Romanus*.

⁴⁵ “Qualis autem esse debuerit Hieronymi suasio docere eventus ipse rerum eius potest: decreto enim senatus populi que florentini, cui multos annos sanctitatis opinione praescripserat, severissimo maximoque infami supplicii affectus est genere” // *Pontano G. La fortuna*. P. 292.

⁴⁶ “Eidem etiam mathematicum consulenti Pico responsum cum esset brevioris eum vitae functurum muneribus, tulit ipse adeo indigne (volebat enim concanescere invitis astris), ut, quod astrologorum maxime opservatione niteretur, inopservabile cumprimis vellet quod a stellis portenderetur ostendere, et ipse quidem aliquot annos in eo laboravit” // *Ibid.*

⁴⁷ *Desantis G. Pico, Pontano e la polemica astrologica. Appunti sul libro XII del De Rebus Coelestibus di G. Pontano*. P. 184–185.

навигация, государственное управление и военное дело⁴⁸. Как мы уже видели, подобный краткий список вполне характерен для тех мыслителей, кто когда-либо посвящал свои труды астрологическим практикам. Как и прочие сторонники предсказаний, Понтано уверен, что схожей точки зрения придерживались многие знаменитые ученые древности: в данном случае он упоминает известных философов (включая Платона и Аристотеля), а также античных и средневековых медиков⁴⁹. Свое предположение, что эти авторы выступали в поддержку астрологии, Понтано поясняет достаточно просто: поскольку данные астрологии могут быть применены на пользу человеку, было бы нелепо думать, что кто-либо выступит против этого.

Чтобы объяснить, почему частные события могут быть определены заранее, Понтано прибегает к авторитету Птолемея⁵⁰. Он, как некогда Джованни Пико делла Мирандола, правда, ровно для противоположных целей, использует все то же положение античного астронома о сложности предсказаний, при составлении которых необходимо учитывать всю совокупность факторов. Один и тот же текст одного и того же авторитета трактуется диаметрально противоположным образом, и это само по себе может служить наилучшей иллюстрацией противоречивости аргументации, к которой прибегали ведущие ренессансные мыслители.

⁴⁸ “At coniecturalis maxima est ex parte medicina, signa enim sequitur et quae prognostica dicuntur: coniecturalis est item Astrologia. Nullus igitur merit medicinae usus, nulla eius cognitio, quod ea ipsa vel saepissime ad sanitatem non perducatur, vel quod medicum prisci maxime, tum etiam recentes sint in longe plurimis ac maximis rebus alius ab alio differentientes? Videlicet in moderanda republica, in gubernandis regnis, quod praeter eorum qui ea moderantur consilia, evenire multa consuevere, nulla idcirco existimanda est regendae reipublicae administratio, nulla rectorum sapientia, nullum administrationis eius existimandum studium, nulla administratoribus ipsis adhibenda autoritas au fides? Nulla item navigandi aut gerendi belli ratio, quod gubernatores, quo duces sentiant quandoque controversa?” // Pontano G.G. Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII. XII. P. 338–339. О земледелии см.: Ibid. P. 341.

⁴⁹ “Mirum igitur, si coelestium scriptores rerum inter se alius ab alio diversa sentiunt? Quasi non et Democritus et Empedocles et Aristoteles et Plato sentiant invicem in physicis et dicant omnino contraria; in curationibus vero et morborum perscrutationibus Herasistratus, Hippocrates, Asclepiades, Galenus, Avicenna” // Ibid. P. 339.

⁵⁰ “Quo effectum est, ut in universum modo spectare rerum cognitio et ea quae proprio nomine scientia dicitur, a peritis iudicetur existimatoribus. Quocirca Ptolemaeus coelestium significationum diligentissimus observator, atque inspector bene acutus, particularem futurorum praedicationem ad numine afflatus relegavit, qui Graeco sunt nomine sive ἔνθεοι, sive δαμονιακοί. Motus enim ipse, cui mundus hic rerumque natura omnis paret ac subiecta est, ita quidem agitat, convertitque elementa, ac rerum omnium semina” // Ibid. P. 340. В данном случае Понтано ссылается на фрагмент из «Стослова», дополнительно подкрепляя свои рассуждения положениями, взятыми из других трудов Птолемея.

Вслед за автором «Четверокнижия» Понтано подчеркивает, что точное предсказание возможно только в случае, если астролог заранее осведомлен не только о расположении звезд, но и о свойствах среды, внутренних характеристиках вещей, а также о тех потенциальных эффектах, которые могут возникнуть в результате небесного воздействия⁵¹. По Понтано, для того, чтобы обрести это знание, у астролога есть два пути: либо опыт, либо вдохновение и удача.

Переводя разговор в практическую плоскость, Понтано приводит в пример медицину⁵² и особенно сельское хозяйство, где невнимательность к малейшим деталям способна погубить урожай⁵³. Действительная польза знаний о том, когда необходимо начинать то или иное дело и какие факторы следует, прежде всего, принимать во внимание, кажется Понтано достаточным основанием, чтобы считать астрономию/астрологию точной наукой: ведь благоприятные расположения звезд и планет хорошо известны, а их воздействие уже было доказано опытным путем. Наконец, Понтано замечает, что астрологические предсказания могут с тем же успехом применяться в других случаях: выступая против мнения Пико делла Мирандола о том, что астрологи в городе или при дворах правителей вредны и опасны, глава неаполитанской Академии обозначает те ситуации, когда верное толкование небесных конфигураций приводит к положительным результатам⁵⁴. Несомнен-

⁵¹ Сходные пассажи встречаются в другом трактате Понтано: *Ioannis Ioviani Pontani commentariorum in centum Claudii Ptolemaei sententias, libri duo. Basileae, 1531. I. I. P. 4.*

⁵² “*Infinatae pene seminum sunt inter se temperationes ac rerum, infinitae quoque stellarum vires atque efficaciae. Quis igitur ut has, aut illas, aut utrasque simul minutatim comprehendat, et quasi in sinu complicatas habeat? Fatentur medici, declaratque res ipsa, morbos quosdam arte nulla curabiles, videlicet ob eorum ignoratas causas atque ignorata remedia*” // *Pontano G.G. Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII. XII. P. 340.*

⁵³ “*Dierum, mensium, annorum, aetatum, seculorum inconstantia ac diversitas, non ne ipsae palam faciunt, quod de stellarum effectioibus, rerumque seminibus nunc dicimus? Queruntur agricolae terram iam consenuisse. At nec terra tamen consenescit, ut ipsa tandem inereat perinde ut animantia quae ab ea aluntur: quamvis mutantur suis quibusdam temporibus regionum situs ac qualitates, multoque minus quam terra ipsa coelum senescit*” // *Ibid.*

⁵⁴ “*Ac mihi quidem videtur Ioannes Picus ad ea quae adversus illos disseruit, potissimum tractus, quod videret Romae quosdam, aut Bononiae, in aliis Italiae urbibus, Philosophiam ac Medicinam profitentes, salarioque a civibus conductos, annis singulis facta stellarum ac coeli conversione de universo terrarum orbis statu, urbiumque ac regum eventis tum in universum praedicere, tum etiam per partes et quidem minutatim. Rem sane non absurdam modo, verumetiam edictis publicis coercendam. Nec coelum profecto, nec stellae naves aedificant, quibus merces transportentur, nec securae quibus facinorosi percutiantur cives, nec lanam omnino curant, nec linum, ex quibus panni texantur, nec item poenas statuunt aut suplicia, quibus puniantur sotes ac malefici homines, nec regna constituunt aut praefecturas: quae quidem cuncta homines ipsi, ob vitae maiorem usum ac commoditatem publice ac privatim initio sibi constituere et pro tempo re etiam constituent*” // *Ibid. P. 341.*

но, в данном случае Понтано ссылается на собственный опыт придворного астролога-первого министра.

Как мы видим, доводы Понтано выглядят вполне традиционно. Для доказательства своих воззрений он использует хорошо известные аргументы, взятые в первую очередь из трудов Птолемея. Нельзя не обратить внимание и на то, что среди всех авторитетов, названных в этой небольшой главе, только Авиценна, упомянутый вскользь, не относится к античной культуре. Это наблюдение позволит нам понять основной мотив астрологических произведений Понтано.

Второго подхода к познанию астрологии — через вдохновение — Понтано касался во многих своих сочинениях. Пожалуй, наиболее четко он высказался по этому вопросу в «Комментарии на “Стослов” Птолемея». Принципиально важными мне видятся пояснения Понтано к первому афоризму Псевдо-Птолемея, в котором речь идет о возможности предсказывать общие и частные события⁵⁵. Неаполитанец ставит знание о небе на один уровень с медициной и моральной философией⁵⁶ и замечает, что различаются два вида астрологических предсказаний. К одному из них, связанному с демоническими силами, по мнению Понтано, прибегают только безумные или фанатики⁵⁷. Второй же тип прорицаний, основанный на математических исчислениях и тщательном наблюдении за небесными конфигурациями, уходит корнями в древность, прежде всего, в римские времена⁵⁸. В подтверждение легитимности подобных практик Понтано напоминает, что эти занятия одобряли видные античные мыслители; гуманист приводит ссылку на Манилия⁵⁹. Наконец, Понтано приходит к важному выводу: поскольку

⁵⁵ В переводе Понтано афоризм звучит следующим образом: “A te et a scientia. Fieri enim nequit, ut qui sciens est, particulares rerum formas pronunciet: sicuti nec sensus particularem, sed generalem quandam suscipit sensibilis rei formam: oportetque tractantem haec rerum coniectura uti. Soli autem numine afflati praedicunt particularia”.

⁵⁶ “Nec medici, nec moralis philosophi sola est cognitio, sed quaedam etiam operatio: et medici quidem curatio, moralis autem philosophi actio, eaque et honesta et secundum virtutem rectamque videtur rationem esse. Idem etiam de astrologo dicimus: siquidem non modo coelestium corporum cognitio, sed eorum quoque quae ab illis portendantur, praedictio ad eum pertinet” // Ioannis Ioviani Pontani commentariorum in centum Claudii Ptolemaei sententias, libri duo. I. I. P. 2.

⁵⁷ “Quocirca duplex videtur esse futurorum praedictio: altera ad vim quandam homini insitam, atque ad naturales quosdam eius motus solutos ac liberos, omni carentes arte, referenda: altera ad disciplinam, quae ratione constet atque observatione. Et prior illa videtur a stellis excitari, nulla eorum quae dicantur, quaeque coelestibus motibus indicentur, habita ratione aut consilio. Hos motus inconsultos, ac nulla humana arte rationeque temperatos, appellare solemus fanaticos: et eos ipsos qui sic moveantur, tum fanaticos, tum lymphatos dicimus: quidam etiam daemonicos, vulgus spiritatos appellat” // Ibid.

⁵⁸ Ibid. P. 3.

⁵⁹ “Quod etiam Manilius in carmine suo confirmat, quum ait: Hoc quoque fatorum est, leges edicere fati” // Ibid.

для совершения подлинных прорицаний необходимо божественное вмешательство, при помощи которого открываются все будущие события, астрология и поэзия, также невозможная без вдохновения, сущностно идентичны⁶⁰. М. Соранцо высказывает мнение, что подобной трактовкой поэтического дара Понтано дал своеобразный астрологический ответ на идею Марсилио Фичино о «божественном неистовстве»⁶¹.

Так или иначе, слова Понтано раскрывают его намерения: использовать поэтические методы в изучении и описании астрологии. Подтверждение этому мы находим все в том же трактате «О небесных явлениях». Во второй книге своего труда неаполитанский гуманист утверждает, что поэзия является неотъемлемой частью не только теологии или моральной философии, но и астрологии. По его мнению, поэт обязан руководствоваться расположением светил при выборе того или иного жанра, в котором он собирается творить в конкретный момент времени⁶².

Неудивительно, что для решения поставленной задачи Понтано ориентируется на лучшие образцы Античности, прежде всего, на «Астрономику» Манилия, Фирмика Матерна и «Явления» Арата. Кроме того, заинтересованный читатель обратит внимание на отсутствие в трудах Понтано двух характерных компонентов. Во-первых, практически полностью за скобками остаются любые арабские астрологи или комментаторы Птолемея. Даже напрашивающийся комментарий на «Стослов» Ахмада ибн Юсуфа Ал-Мишри, традиционно приписывавшийся Хали ибн Ридвану, обойден вниманием. Пожалуй, справедливо было бы считать, что таким образом Понтано стремился очистить античную астрономию (прежде всего, столь ценимого им Птолемея) от любых восточных напластований.

Во-вторых, в трудах Понтано сложно обнаружить следы «новых» веяний: Платон и неоплатоники как будто остались ему неизвестны. С одной стороны, это можно объяснить тем, что большую часть своих астрологических трудов Понтано подготовил еще в 1470-х гг., когда

⁶⁰ “Sed ut bonos poetas ars sola non efficit, plurimumque in iis natura valet, sic neque sola disciplina mathematicum perficit, in quo, quum coelestium significationum interpret sit, multo etiam magis quam in poeta necesse est, uti natura ipsa vires suas exerceat, quando medicum quoque et imperatorem asseverent fortunatum esse oportere” // Ibid.

⁶¹ Soranzo M. Giovanni Gioviano Pontano (1429–1503) on Astrology and Poetic Authority // *Aries*. 2011. Vol. 11. № 1. P. 23–52.

⁶² “Nec vero semper Poetae arbitrii ac iuris est carmen ipsum fundere, quin expectandus motus est, qui humores illos, seminaque ipsa concitet, a quibus visa ipsa, quae phantasmata dicuntur, veluti e somno expergiscantur, pro quorum etiam qualitate ac temperatione alius Lyricum pangit, alius Elegiacum, ille Iambicum sequitur, hic Heroicum, ut nihil prorsus nisi bellicum personet, adeo seminum ipsorum diversae sunt qualitates ac naturae, quae quidem neque in animo solo, neque in hominibus singulis fata perspiciuntur, sed in misturis corporum et in hominibus quam paucissimis” // Pontano G.G. Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII. II. II. P. 67.

Марсилио Фичино только собирался опубликовать Платоновский корпус. С другой, некоторые трактаты, как, например, «О небесных явлениях», были доработаны уже после 1484 г., но, тем не менее, это никоим образом не сказалось на их содержании. В тех случаях, когда Понтано все же цитирует или упоминает Платона, он неизменно ссылается на те диалоги и комментарии, которые были известны еще до переводов Марсилио Фичино, например, на «Тимея» и на комментарий к нему Халкидия. То, что Понтано целенаправленно и полностью игнорирует работу своего коллеги, заставляет предполагать, что такое решение было хорошо продумано. Его поэтическая астрология, насыщенная принципиально иными источниками, резко противоречит всему тому, что было столь дорого его флорентийским современникам.

Наконец, необходимо указать на те гуманистические методы, которыми Понтано пользовался при утверждении своей «поэтической астрологии». На примере диалога «Эгидий» и трактата «О небесных явлениях» Ч. Тринкаус показал, как Понтано стремился «гуманизировать небо и его воздействия на человеческую жизнь»⁶³. Хотя статья американского ученого вряд ли может считаться образцовой с точки зрения методологии и терминологии, с его выводами сложно не согласиться: в обоих сочинениях Понтано указывает на те функции планет и небесных конфигураций, которые, прежде всего, определяют те или иные качества человека. Кроме того, вслед за античной астрологической мифологией, подробно изложенной в «Астрономике», Понтано в ряде своих поэтических трудов подчеркивает «человечность» самих небесных тел. Однако нас больше интересует филологическое оформление идей Понтано.

Общий принцип, которым руководствовался неаполитанский гуманист, состоит в следующем. В тех случаях, когда того требует содержание, его отправной точкой всегда становится греческий оригинал — это может относиться как к конкретному термину, так и к какому-либо явлению. В качестве примера можно обратиться к одному из афоризмов Псевдо-Птолемея, где речь идет о деканах и *paranattellonta*⁶⁴. Заочно отвечая на претензии Джованни Пико делла Мирандола, Понтано подробно объясняет своему читателю разницу между этими двумя понятиями⁶⁵, после чего переходит к анализу сущности данной астрологической практики. Интересно заметить, что вместо дословного перевода указанных терминов неаполитанец предпочел слово *decuria*, равным образом применимое и к деканам, и к *paranattellonta*⁶⁶.

⁶³ *Trinkaus C.* The Astrological Cosmos and Rhetorical Culture of Giovanni Gioviano Pontano. P. 470.

⁶⁴ Это уже упомянутый выше 95-й тезис: “Κίνδυνεύει τὰ παρανατέλλοντα ἐκάστῳ δεκανῶ δηλοῦν τὴν προαίρεσιν τοῦ γεννωμένου καὶ τὴν τέχνην ἣν μετέρχεται” // *Ptolemaeus*. Καρπός. 95.

⁶⁵ *Ioannis Ioviani Pontani commentariorum in centum Claudii Ptolemaei sententias, libri duo. II. XCV. P. 157.*

⁶⁶ “Quae cum singulis oriuntur decuriis, ea nati voluntatem ad artem quam tractant comprobant”.

Не менее показательны многие главы из трактата «О небесных явлениях». В тех разделах, где Понтано касается не общеизвестных основ астрологии, описанных в многочисленных текстах, а неизвестных дотоле практик, он предпочитает начинать пояснения с греческого термина. Особенно это заметно при чтении заключительных книг его труда. Например, IV и VIII главы одиннадцатой книги, посвященные слоновой болезни и водянке соответственно, открываются экскурсом в греческую науку, из которой так или иначе черпаются способы лечения названных болезней: весьма кстати неаполитанский гуманист обращается к наследию авторитетных античных грекоязычных медиков⁶⁷. Похожие ситуации нередко возникают тогда, когда Понтано заводит разговор о физических недостатках людей и прочих недугах. Тем не менее, Понтано никоим образом не может быть отнесен как к лагерю сторонников греческой культуры и словесности, так и к числу их латинских противников: в своих астрологических трудах глава неаполитанской Академии постарался представить античную культуру во всей ее полноте, используя гуманистические, филологические методы и равным образом обращаясь к высочайшим примерам из поэзии и науки древности и подражая им.

Подводя итог, стоит сказать, что Понтано, без сомнения, мыслил себя продолжателем античной астрологической поэзии, а на формирование такой концепции — здесь нельзя не согласиться с Б. Солдати — существенное влияние оказал Лоренцо Бонинконтри, заглавие главной поэмы которого Понтано позже столь явно использовал. Задача, которую Понтано поставил перед собой, была амбициозной. Возрождая высокие образцы античной мысли, он стремился связать их с традиционным христианским учением. По всей видимости, нововведения, предложенные его флорентийскими современниками, претили ему. Выступая против концепции «божественного неистовства», предложенной Фичино, Понтано де-факто оппонировал всему комплексу идей флорентийского платонизма, включая теорию «древней теологии». Отсутствие каких-либо признаков неоплатонических, каббалистических или герметических влияний на творчество Понтано весьма красноречиво. Поэтическая астрология у Понтано оказывается теснейшим образом связанной с христианской интерпретацией стоической философии; в центре размышлений Понтано находятся два важнейших понятия — судьба и добродетель, — которые, вкупе с представлением о поэтическом вдохновении, сформировали его взгляды на астрологию. Таким образом, как и другой оппонент Джованни Пико, Лучо Белланти, Понтано возрождал «христианскую астрологию»; правда, для этого он избрал иной путь.

⁶⁷ Pontano G. G. Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII. X. IV. P. 289; X. VIII. P. 295.

Заключение

Несмотря на то, что традиционно эпоха Возрождения ассоциируется с расцветом разума и отказом от средневековых суеверий, в действительности, в этот период, в значительной степени под влиянием эсхатологических настроений, астрология получила большое распространение, в том числе среди наиболее выдающихся гуманистов и философов.

Нетрудно заметить, что споры об астрологии, которые развернулись преимущественно в Италии во второй половине XV–начале XVI в., были теснейшим образом связаны с философскими и теологическими поисками. Это заставляет воспринимать полемику о месте астрологии и магии в системе ренессансного знания не как частную и малозначительную проблему, но как фактор первостепенной важности. Многообразие подходов для решения этого вопроса, к которым прибегали мыслители эпохи Возрождения, служит этому лучшим доказательством. Неудивительно, что и после начала реформационного движения в Германии и распространения новых веяний в Италии острота диспутов об астрологии не уменьшилась. На протяжении всего XVI в. астрология оставалась привлекательной формой интеллектуальных спекуляций: достаточно напомнить, что ею продолжали интересоваться Джироламо Кардано и Томмазо Кампанелла. Не меньше сторонников у астрологии было и за пределами Апеннинского полуострова. Пожалуй, только открытие гелиоцентрической системы нанесло астрологии, казалось, окончательный и сокрушительный удар.

По этой причине «Рассуждения против прорицательной астрологии» Джованни Пико делла Мирандола стали важным документом эпохи. С одной стороны, в них отразилась эволюция одного из самых влиятельных и крупных мыслителей итальянского Ренессанса конца XV в. В «Рассуждениях» Джованни Пико существенно пересмотрел свои прежние взгляды — и не только касательно астрологии. Нередко приходится слышать, что стимулом для этого стало знакомство с Джироламо Савонаролой. Как мне кажется, причины, побудившие Джованни Пико написать «Рассуждения», куда сложнее. Правда, кроме извечной демонизации Савонаролы, особенно в широком общественном сознании, понять интенции Джованни Пико препятствует другой штамп — что главной темой творчества Пико стало «достоинство человека». В «Рассуждениях против прорицательной астрологии» действительно легко обнаружить следы основных тенденций ренессансной интеллектуальной культуры рубежа XV и XVI вв., но «достоинство человека», очевидно, не входит в их число. Деконструкция

будто бы единой философской или астрологической «традиции», радикальный отказ от теории «древней теологии», столь милой сердцу Марсилио Фичино и — некогда — самого Пико, и, наконец, проблема согласования Платона и Аристотеля — именно эти вопросы были в центре внимания автора «Рассуждений», который шел к их решению на протяжении всей своей насыщенной, но короткой жизни. Кроме того, разные этапы философского пути Джованни Пико отмечены его живым интересом к новым источникам; и если в случае с неоплатонизмом он лишь стремился оспорить авторитет Фичино как единственного заслуживающего доверия интерпретатора Платона и всей платонической традиции, то к становлению «христианской каббалы» и возрождению скептической традиции Джованни Пико имел самое непосредственное отношение.

С другой стороны, в «Рассуждениях против прорицательной астрологии» легитимность астрологии впервые была поставлена под сомнение не только с религиозной, но и с физико-философской точки зрения. Все прежние попытки сделать это не имели подобного успеха. В «Рассуждениях» Джованни Пико дела Мирандола, еще при жизни считавшийся уникальным мыслителем и потому обладавший большим авторитетом не только в Италии, но и за ее пределами, сделал важный шаг в сторону низвержения астрологии и постепенного отделения настоящей науки — астрономии — от оккультных примесей. Доказательством того эффекта, который произвели «Рассуждения», может служить то, что в XVI в. сторонники астрологических спекуляций, в том числе в академической среде, стремились найти точки соприкосновения между столь увлекавшей их астрологией и критическими замечаниями в ее адрес со стороны Пико. Наконец, определенное воздействие этих астрологических споров испытали великие ученые XVI и XVII вв.: Коперник, Кеплер и Галилей не прошли мимо сочинений Джованни Пико, в том числе обосновывая положения новой физической модели Вселенной. Эти факты позволяют думать, что полемика об астрологии второй половины XV–начала XVI в. заслуженно занимает важное место в духовной, интеллектуальной и научной истории европейского Ренессанса.

Библиография

Источники

- Abraham ibn Ezra*. Liber nativitatum et revolutionum in Abrahe Avenaris Judei Astrologi peritissimi in re iudiciali opera. Venetiae, 1507.
- Abu Ma'shar*. The Abbreviation of the Introduction to Astrology. Together with the Medieval Latin translation of Adelard of Bath / Ed. C. Burnett, M. Yano and K. Yamamoto. Leiden, 1994.
- Abū Ma'šar al-Balhī [Albumasar]*. Kitāb al-madkhal al kabīr ilā 'ilm aḥkām al nujūm. Liber introductorii maioris ad scientiam iudiciorum astrorum / Ed. R. Lemay. Napoli, 1995–1996. Vol. 1–9.
- Abū Ma'šar*. On Historical Astrology. The Book of Religions and Dynasties (On the Great Conjunctions) / Ed. K. Yamamoto and C. Burnett. Leiden;Boston;Köln, 2000. Vol. 1–2.
- Agrippa von Nettesheim H.C.* Dell'incertitudine e della vanità delle scienze / A cura di T. Provvidera. Torino, 2004.
- Albohazen Haly filii Abenragel*. Libri de iudiciis astrorum. Basileae, 1551.
- Alexander of Aphrodisias*. De Fato / Ed. and trans. R.W. Sharples. L., 1983.
- Alexandre d'Aphrodise*. De fato ad imperatores. Version de Guillaume de Moerbeke / Éd. P. Thillet. P., 1963.
- Alighieri D.* The Divine Comedy / Ed. R. Durling. Oxford;N.Y., 1997. Vol. 1.
- Aristotle*. Metaphysics / Trans. H. Tredennick. Cambridge,MA; L., 1933–1935. Vol. 1–2.
- Bacon F.* The New Organon / Ed. L. Jardine and M. Silverthorne. Cambridge, 2000.
- Bacones R.* Opera hactenus inedita Rogeri Baconi / Nunc primum ed. R. Steele. L., 1905. Vol. 1.
- Basilio Bessarione*. Contro il calunniatore di Platone / A cura di E. del Soldato. Roma, 2014.
- Bracciolini P.* Lettere // Lettere a Niccolo Niccoli / A cura di H. Harth. Firenze, 1984. Vol. 1.
- Bracciolini P.* De infelicitate principum / A cura di D. Canfora. Roma, 1998.
- Cicero*. De senectute. De amicitia. De divinatione / Ed. and trans. W.A. Falconer. Cambridge,MA, 1979.
- Cicero*. De natura deorum libri tres / Ed. J.B. Mayor and J.H. Swainson. Cambridge, 2010. Vol. 1–3.
- Ciceronian Controversies* / Ed. J. Dellaneva, trans. B. Duvick. Cambridge,MA;L., 2007.
- Claudio Tolomeo*. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos) / A cura di S. Feraboli. Milano, 1985.
- Codex Iustinianus // Corpus Iuris Civilis* / Recognovit et retractavit P. Krueger. Berolini, 1954. Vol. 2.
- Collectanea Trapezuntiana: Texts, Documents, and Bibliographies of George of Trebizond* / Ed. J. Monfasani. Binghamton, 1984.
- Cornelius Agrippa*. De occulta philosophia Libri tres / Ed. V. Perrone Compagni. Leiden; N.Y., 1992.
- Defensio astrologiae contra Ioannem Picum Mirandulam. Lucii Bellantii Senensis mathematici ac physici liber de astrologica veritate. Et in disputationes Ioannis Pici adversus astrologos responsiones*. Venetiae, 1502.
- Ficino M.* De vita libri tres / A cura di A. Biondi e G. Pisani. Pordenone, 1991.

- Ficino M.* Sulla vita / Introduzione, traduzione, note e apparati di A. Tarabochia Canavero. Milano, 1995.
- Ficino M.* Three Books on Life / Ed. C.V. Kaske and J.R. Clark. Tempe, AZ, 1998.
- Ficino M.* Scritti sull'astrologia / A cura di O. Pompeo Faracovi. Milano, 1999.
- Ficino M.* Platonic theology / Trans. M.J.B. Allen with J. Warden. Latin text ed. J. Hankins with W. Bowen. Cambridge, MA; L., 2001–2006. Vol. 1–6.
- Ficino M.* Commentaries on Plato / Ed. and trans. M. Vanhaelen. Cambridge, MA; L., 2012. Vol. 2. Parmenides.
- Georgii Trapezuntii in Claudii Ptolemaei centum Aphorismos Commentarius. Coloniae, 1540.
- Giamblico. I misteri egiziani / A cura di A.R. Sodano. Milano, 2013.
- Guidonis Bonatius Foroliviensis.* De astronomia tractatus X universum quod ad iudicium rationem nativitatum, aëris, tempestatum, attinet, comprehendentes. Basileae, 1550.
- Iamblichus.* De mysteriis / Ed. E.C. Clarke, J.M. Dillon and J.P. Hershbell. Atlanta, 2003.
- In Claudio Ptolemaei Quadripartitum Enarrator ignoti nominis, quem tamen Proclum fuisse quidam existimant item. Basileae, 1559.
- Ioannis Ioviani Pontani commentariorum in centum Claudii Ptolemaei sententias, libri duo. Basileae, 1531.
- Julius Firmicus Maternus.* Matheseos libri VIII / Ed. W. Kroll et F. Skutsch. Lipsiae, 1968. Vol. I–II.
- La condamnation parisienne de 1277 / Texte latin, traduction, introduction et commentaire par D. Piché. P., 1999.
- La demeure de l'être. Autour d'un anonyme. Étude et traduction du *Liber de Causis* / Éd. P. Magnard, O. Boulnois et al. P., 1990.
- Le Pogge.* Les ruines de Rome: De varietate fortunae. Livre I / Éd. J.-Y. Boriaud. P., 1999.
- Macrobius.* Saturnalia / Ed. R.A. Kaster. Cambridge, MA; L., 2011. Vol. 1–3.
- Marsilii Ficini florentini, insignis philosophi platonici, medici atque theologi clarissimi opera. Basileae, 1576.
- Marsilio Ficino / Ed. A. Voss. Berkeley, 2006.
- Mithridates F.* Sermo de passione Domini / Ed. C. Wirszubski. Jerusalem, 1963.
- Nicolai Leonicensi Vicentini, philosophi et medici clarissimi, opuscula. Basileae, 1532.
- Petrarca F.* Le familiari / A cura di V. Rossi. Firenze, 1933–1942. Vol. 1–4.
- Pic de la Mirandole J.* 900 conclusions philosophiques, cabalistiques et théologiques / Éd. B. Schefer. P., 2006.
- Pico della Mirandola G.* Opera omnia Ioannis Pici Mirandulae concordiaeque comitis. Basileae, 1557.
- Pico della Mirandola G.* Conclusiones sive theses DCCCC Romae anno 1486 publice disputandae, sed non admissae. Texte établi d'après le MS. d'Erlangen (E) et l'éditio princeps (P), collationné avec les manuscrits de Vienne (V et W) et de Munich (M) / Éd. B. Kieszkowski. Genève, 1973.
- Pico della Mirandola G.* Conclusiones nongentae: le novecento tesi dell'anno 1486 / A cura di A. Biondi. Firenze, 1995.
- Pico della Mirandola G.* Ioannis Pici Mirandulae expositiones in Psalmos / A cura di A. Raspani. Firenze, 1997.
- Pico della Mirandola G.* Discorso sulla dignità dell'uomo / A cura di F. Bausi. Parma, 2003.
- Pico della Mirandola G.* De hominis dignitate, Heptaplus, De ente et uno e scritti vari / A cura di E. Garin. Torino, 2004.
- Pico della Mirandola G.* Disputationes adversus astrologiam divinatricem / A cura di E. Garin. Torino, 2004. Vol. 1–2.
- Pico della Mirandola G.* Dell'Ente e dell'Uno / A cura di R. Ebgi con la collaborazione di F. Bacchelli. Milano, 2010.

- Pico della Mirandola G.* Apologia. L'autodifesa di Pico di fronte al Tribunale dell'Inquisizione / A cura di P.E. Fornaciari. Firenze, 2010.
- Pico della Mirandola G.* Oration on the Dignity of Man: a New Translation and Commentary / Ed. F. Borghesi et al. Cambridge, 2012.
- Pico della Mirandola G.F.* Ioannis Francisci Pici Mirandulae domini et Concordiae comitis de rerum praenotione libri novem. Argentorati, 1507.
- Pico della Mirandola G.F.* Ioannis Pici Mirandulae viri omni disciplinarum genere consumatissimi vita per Ioannem Franciscum illustris principis Galeotti Pici filium conscripta. Modena, 1994.
- Pico della Mirandola G.F.* Vita Hieronymi Savonarolae / A cura di E. Schisto. Firenze, 1999.
- Plotini Opera omnia. Cum latina Marsilii Ficini interpretatione et commentatione. Fac-similé de l'édition de Bâle, Pietro Perna, 1580 / Éd. S. Toussaint. Villiers-sur-Marne, 2005.
- Plotini opera / Ed. P. Henry and H.-R. Schwyzer. P.;Bruxelles;Leiden, 1951–1973. Vol. 1–3.
- Poliziano A.* Lamia. Text, Translation, and Introductory Studies / Ed. C. Celenza. Leiden; Boston, 2008.
- Pomponazzi P.* Il fato, il libero arbitrio e la predestinazione / A cura di V. Perrone Compagni. Torino, 2004. Vol. 1–2.
- Pomponazzi P.* De incantationibus / A cura di V. Perrone Compagni. Firenze, 2011.
- Pontano G. G.* Ioannis Ioviani Pontani de rebus coelestibus libri XIII. Basileae, 1530.
- Pontano G.* La fortuna / A cura di F. Tateo. Napoli, 2012.
- Prosatori latini del Quattrocento / A cura di E. Garin. Milano;Napoli, 1952.
- Ptolemaeus.* Syntaxis mathematica / Ed. J.L. Heiberg. Lipsiae, 1898–1903. Vol. 1–2.
- Ptolemaeus.* Opera quae exstant omnia / Ed. J.L. Heiberg. Lipsiae, 1952. Vol. 1–3.
- Raimondo Moncada G.* The Great Parchment: Flavius Mithridates' Latin Translation, the Hebrew Text, and an English Version / Ed. G. Busi, S. Bondoni and S. Campanini. Torino, 2004.
- Saint Thomas Aquinas.* Commentary on the *Metaphysics* of Aristotle / Trans. J.P. Rowan. Chicago, 1961. Vol. 1–2.
- Salutati C.* De fato et fortuna / A cura di C. Bianca. Firenze, 1985.
- Savonarola G.* Contro gli astrologi / A cura di C. Gigante. Roma, 2000.
- The Book of Bahir: Flavius Mithridates' Latin Translation, the Hebrew Text, and an English Version / Ed. S. Campanini. Torino, 2005.
- The Complete Works of St. Thomas More / Ed. A.S.G. Edwards, K. Rodgers and C.H. Miller. New Haven;L., 1997. Vol. 1.
- The Gate of Heaven: Flavius Mithridates' Latin Translation, the Hebrew Text, and an English Version / Ed. S. Jurgan and S. Campanini. Torino, 2012.
- The Pseudo-Ovidian *De vetula* / Ed. D. Robathan. Amsterdam, 1968.
- Thorndike L.* The *Sphere* of Sacrobosco and Its Commentators. Chicago, 1949.
- Toomer G.J.* Ptolemy's *Almagest*. Princeton, 1998.
- William of Malmesbury.* Gesta Regum Anglorum / Ed. R.A.B. Mynors et al. Oxford, 1988.
- Авл Геллий.* Аттические ночи / Пер. с лат. под общей ред. А.Я. Тыжова и А.П. Бехтер. СПб., 2007–2008. Т. 1–2.
- Аристотель. Сочинения в 4-х томах. М., 1976–1983.
- Бэкон Р.* Избранное / Под ред. И.В. Лупандина. М., 2005.
- Галилей Г.* Диалог о двух главнейших системах мира, Птолемеевой и Коперниковой / Пер. А.И. Долгова. М.;Л., 1948.
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. М.Л. Гаспарова. М., 1986.
- Клавдий Птолемей.* Альмагест или Математическое сочинение в тринадцать книг / Пер. с древнегреч. И.Н. Веселовского. М., 1998.
- Марк Туллий Цицерон.* Философские трактаты / Под ред. Г.Г. Майорова. М., 1985.

- Парижское осуждение 1277 г. / Вступ. ст. и пер. О. Л. Акопяна // *Inter Esse*. 2011–2012. №1 (осень-зима). С. 117–127.
- Пико делла Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека / Пер. Л.М. Брагиной // *Эстетика Ренессанса* / Под ред. В.П. Шестакова. М., 1981. Т. 1. С. 248–265.
- Пико делла Мирандола Дж.* Комментарий к «Канцоне о любви» Дж. Бенивьени / Пер. Л.М. Брагиной // Там же. С. 266–299.
- Пико делла Мирандола Дж.* Джованни Пико делла Мирандола приветствует своего Эрмолао Барбаро / Пер. Ю.А. Шичалина // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)* / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 254–262.
- Пико делла Мирандола Дж.* О Сущем и Едином к Анджело Полициано / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Там же. С. 263–280.
- Пико делла Мирандола Дж.* Рассуждения против прорицательной астрологии. Введение и Первая книга / Пер. О.Л. Акопяна // *Русская антропологическая школа. Труды*. 14 / Под ред. С.О. Зотова. М., 2016. С. 328–360.
- Понтано Дж.* Государь / Пер. Н.А. Федорова // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)* / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985. С. 290–307.
- Преподобный Максим Грек.* Сочинения / Под ред. Н.В. Сеницыной. М., 2008–2014. Т. 1–2.
- Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы* / Под ред. О.Ф. Кудрявцева. М., 1997.
- Святой Фома Аквинский.* Сумма теологии / Под ред. Н. Лобковица и А.В. Апполонова, пер. А.В. Апполонова. М., 2007. Т. 2. Часть 1. Вопросы 65–119.
- Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)* / Под ред. Л.М. Брагиной. М., 1985.
- Фичино М.* Комментарий на «Пир» Платона, о Любви / Пер. А.Х. Горфункеля, В.Н. Мажуги, И.Х. Черняка // *Эстетика Ренессанса* / Под ред. В.П. Шестакова. М., 1981. Т. 1. С. 144–241.
- Фичино М.* Книга о Солнце к великодушному Пьеро де' Медичи // *Он же.* О звезде волхвов. О Солнце / Пер. О.Л. Акопяна // *Платоновские исследования*. 2014. № 1. С. 455–485.
- Фичино М.* О звезде волхвов / Пер. О.Л. Акопяна // *Платоновские исследования*. 2014. № 1. С. 448–453.
- Ямвлих.* О египетских мистериях / Пер., коммент. и пред. И.Ю. Мельниковой. М., 2004.

Литература

- A Companion to Astrology in the Renaissance* / Ed. B. Dooley. Leiden; Boston, 2014.
- Ackermann Smoller L.* History, Prophecy, and the Stars: the Christian Astrology of Pierre d'Ailly (1350–1420). Princeton, 1994.
- Adamson P.* Arabic Plotinus: a Philosophical Study of the *Theology of Aristotle*. L., 2002.
- Акопян О.* With “Latins” Against “Latin Vice”: Savonarola, Saint Maximus the Greek, and Astrology // *Rinascimento*. 2013. Vol. 53. P. 269–279.
- Акопян О.* The Architecture of the Sky: Giovanni Pico della Mirandola on Celestial Spheres // *Bruniano & Campanelliana*. 2015. № II. P. 265–272.
- Allen M.J.B.* The Second Ficino-Pico Controversy: Parmenidean Poetry, Eristic, and the One // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti* / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 2. P. 417–455.
- Allen M.J.B.* Synoptic Art. Marsilio Ficino on the History of Platonic Interpretation. Firenze, 1998.
- Anagnine E.* Giovanni Pico della Mirandola: sincretismo filosofico-religioso. Bari, 1937.
- Bacchelli F.* Pico della Mirandola traduttore di Ibn Tufayl // *Giornale critico della filosofia italiana*. 1993. Vol. 13. № 1. P. 1–25.
- Bächli-Hinz A.* Monotheismus und neuplatonische Philosophie. Eine Untersuchung zum pseudo-aristotelischen *Liber de causis* und dessen Rezeption durch Albert den Großen. Frankfurt, 2003.

- Baron H.* Willensfreiheit und Astrologie bei Marsilio Ficino und Pico della Mirandola // Kultur und Universalgeschichte. Festschrift für Walter Goetz. Leipzig, 1927. S. 145–170.
- Bentley J.H.* Politics and Culture in Renaissance Naples. Princeton, 1987.
- Bertozzi M.* Astri d'Oriente: fato, divina Provvidenza e oroscopo delle religioni nelle *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* di Giovanni Pico della Mirandola // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 143–160.
- Bertozzi M.* Il fatale ritmo della storia. La teoria delle grandi congiunzioni astrali tra XV e XVI secoli // I castelli di Yale. 1996. Vol. 1. P. 29–49.
- Bertozzi M.* La tirannia degli astri. Gli affreschi astrologici di Palazzo Schifanoia. Livorno, 1999.
- Bettinzoli A.* La lucerna di Cleante. Poliziano tra Ficino e Pico. Firenze, 2009.
- Bianchi L.* Il vescovo e i filosofi. La condanna parigina del 1277 e l'evoluzione dell'aristotelismo scolastico. Bergamo, 1990.
- Black C.* Pico's *Heptaplus* and Biblical Hermeneutics. Boston;Leiden, 2006.
- Blum W.* Sigismondo Pandolfo Malatesta (1417–1468): Stadtherr von Rimini, Neuheide und Verehrer Plethons // Georgios Gemistos Plethon. The Byzantine and the Latin Renaissance / Ed. J. Matula and P. Blum. Olomouc, 2014. P. 11–38.
- Boll. F.* Studien über Claudius Ptolemaüs: ein Beitrag zur Geschichte der griechischen Philosophie und Astrologie. Leipzig, 1894.
- Boll F.* Sphaera. Neue griechische Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Sternbilder. Leipzig, 1903.
- Bonelli F., Russo L.* The Origin of Modern Astronomical Theories of Tides: Chrisogono, de Dominis and Their Sources // The British Journal for the History of Science. 1996. Vol. 29. P. 385–401.
- Boner P.* Kepler's Cosmological Synthesis: Astrology, Mechanism and the Soul. Leiden; Boston, 2013.
- Bouché-Leclercq A.* L'astrologie grecque. P., 1899.
- Boudet J.-P.* Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l'Occident médiéval (XII–XV siècle). P., 2006.
- Bourne E.* The Messianic Prophecy in Vergil's Fourth Eclogue // The Classical Journal. 1916. Vol. 11. № 7. P. 390–400.
- Breen Q.* Giovanni Pico della Mirandola on the Conflict of Philosophy and Rhetoric // Journal of the History of Ideas. 1952. Vol. 13. № 3. P. 384–412.
- Bullard M.M.* The Inward Zodiac: a Development in Ficino's Thought on Astrology // Renaissance Quarterly. 1990. Vol. 43. № 4. P. 687–708.
- Burnett C.* Adelard of Bath: an English Scientist and Arabist of the Early Twelfth Century. L., 1987.
- Burnett C.* Magic and Divination in the Middle Ages: Texts and Techniques in the Islamic and Christian Worlds. Aldershot, 1996.
- Busi G.* L'enigma dell'ebraico nel Rinascimento. Torino, 2007.
- Cao G.M.* The Prehistory of Modern Scepticism: Sextus Empiricus in Fifteenth-Century Italy // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 2001. Vol. 64. P. 229–280.
- Cao G.M.* *Inter alia philosophorum gentium sectas, et humani, et mites*: Gianfrancesco Pico and the Sceptics // Renaissance Scepticisms / Ed. G. Paganini and J.R. Maia Neto. Dordrecht, 2009. P. 127–147.
- Cao G.M.* Scepticism and Orthodoxy. Gianfrancesco Pico as a Reader of Sextus Empiricus. With a Facing Text of Pico's Quotations from Sextus // Bruniana & Campanelliana. 2007. Vol. 13. № 1. P. 263–366.
- Caroti S.* La critica contro l'astrologia di Nicole Oresme e la sua influenza nel Medioevo e nel Rinascimento // Atti della Accademia Nazionale dei Lincei. 1979. Vol. 23. № 6. P. 545–685.
- Caroti S.* Note sulle fonti medievali di Pico della Mirandola // Giornale critico della filosofia italiana. 2005. Vol. 84. P. 60–92.

- Caroti S. Le fonti medievali delle *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 67–93.
- Cassirer E. Giovanni Pico della Mirandola: a Study in the History of Renaissance Ideas // Journal of the History of Ideas. 1942. Vol. 3. № 2–3. P. 123–144, 319–344.
- Cavini W. Un inedito di Giovan Francesco Pico della Mirandola. La *Quaestio de falsitate astrologiae* // Rinascimento. 1973. Vol. 13. P. 133–171.
- Celenza C. Pythagoras in the Renaissance: The Case of Marsilio Ficino // Renaissance Quarterly. 1999. Vol. 52. № 3. P. 667–711.
- Celenza C. Piety and Pythagoras in Renaissance Florence. The *Symbolum Nesianum*. Leiden; Boston; Köln, 2001.
- Cesarini Martinelli L. Sesto Empirico e una dispersa enciclopedia delle arti e delle scienze di Angelo Poliziano // Rinascimento. 1980. Vol. 20. P. 327–358.
- Clagett M. Giovanni Marliani and Late Medieval Physics. N.Y., 1941.
- Collis R. Maxim the Greek, Astrology and the Great Conjunction of 1524 // The Slavonic and East European Review. 2010. Vol. 88. № 4. P. 601–623.
- Collis R. Magic, Medicine and Authority in Mid-Seventeenth-Century Muscovy: Andreas Engelhardt (d. 1683) and the Role of the Western Physician at the Court of Tsar Aleksei Mikhailovich, 1656–1666 // Russian History. 2013. Vol. 40. P. 399–427.
- Cooper G. Approaches to the Critical Days in Late Medieval and Renaissance Thinkers // Early Science and Medicine. 2013. Vol. 18. № 6. P. 536–565.
- Copenhaver B. Lefèvre d'Étaples, Symphorien Champier, and the Secret Names of God // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1977. Vol. 40. P. 189–211.
- Copenhaver B. Renaissance Magic and Neoplatonic Philosophy: *Ennead* 4.3–5 in Ficino's *De vita coelitus comparanda* // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 2. P. 351–369.
- Copenhaver B. L'occulto in Pico // Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994) / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1997. Vol. 1. P. 213–236.
- Copenhaver B. Number, Shape, and Meaning in Pico's Christian Cabala: the Upright *tsade*, the Closed Man, and the Gaping Jaws of Azazel // Natural Particulars: Nature and the Disciplines in Renaissance Europe / Ed. A. Grafton and N. Siraisi. Cambridge, MA; L., 1999. P. 25–76.
- Copenhaver B. Magic and the Dignity of Man: De-Kanting Pico's *Oration* // The Italian Renaissance in the Twentieth Century. Acts of an International Conference. Florence, Villa I Tatti, June 9–11, 1999 / Ed. A.J. Grieco, M. Rocke, F.G. Superbi. Firenze, 2002. P. 295–320.
- Copenhaver B. Secret of Pico's *Oratio*: Cabala and Renaissance Philosophy // Midwest Studies in Philosophy. 2002. Vol. 26. P. 56–81.
- Copenhaver B. Studied as an *Oration*: Readers of Pico's Letters, Ancient and Modern // *Laus Platonicus Philosophi. Marsilio Ficino and His Influence* / Ed. S. Clucas, P.J. Forshaw and V. Rees. Leiden; Boston, 2011. P. 155–198.
- Cranz E. The Prefaces to the Greek Editions and Latin Translations of Alexander of Aphrodisias, 1450 to 1575 // Proceedings of the American Philosophical Society. 1958. Vol. 102. № 5. P. 510–546.
- Craven W. Giovanni Pico della Mirandola. The Symbol of His Age: Modern Interpretations of a Renaissance Philosopher. Genève, 1981.
- Crouzel H. Une controverse sur Origène à la Renaissance: Jean Pic de la Mirandole et Pierre Garcia. P., 1977.
- D'Alverny M.-T. La connaissance de l'Islam dans l'occident médiéval / Ed. C. Burnett. Aldershot, 1994.
- D'Amico J. Paolo Cortesi's Rehabilitation of Giovanni Pico della Mirandola // *Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance*. 1982. Vol. 44. P. 37–51.

- Dagens J.* Humanisme et évangélisme chez Lefevre d'Étapes // Courants religieux et humanisme à la fin du XVe et au début du XVIe siècle. P., 1959. P. 121–134.
- Dannenfeldt K.* The Pseudo-Zoroastrian Oracles in the Renaissance // Studies in the Renaissance. 1957. Vol. 4. P. 7–30.
- Darlington O.* Gerbert, the Teacher // The American Historical Review. 1947. Vol. 52. № 3. P. 456–476.
- De Nichilo M.* I poemi astrologici di Giovanni Pontano: Storia del testo. Bari, 1975.
- De Pace A.* La sepsi, il sapere e l'anima. Dissonanze nella cerchia laurenziana. Milano, 2002.
- Del Nero V.* A Philosophical Treatise on the Soul: *De anima et vita* in the Context of Vives's Opus // A Companion to Juan Luis Vives / Ed. C. Fantazzi. Leiden; Boston, 2008. P. 277–314.
- Della Torre A.* Storia dell'Accademia platonica di Firenze. Firenze, 1902.
- Denisoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. P.; Louven, 1943.
- DePalma Digeser E.* Religion, Law and the Roman Polity: The Era of the Great Prosecution // Religion and Law in Classical and Christian Rome / Ed. C. Ando and J. Rüpke. Stuttgart, 2006. P. 68–84.
- Deparis V., Legros H., Souchay J.* Investigations of Tides from the Antiquity to Laplace // Tides in Astronomy and Astrophysics / Ed. J. Souchay, S. Mathis and T. Tokieda. Berlin; Heidelberg, 2013. P. 31–82.
- Desantis G.* Pico, Pontano e la polemica astrologica. Appunti sul libro XII del *De Rebus Coelestibus* di G. Pontano // Annali della facoltà di lettere e filosofia dell'Università di Bari. 1986. Vol. 29. P. 151–191.
- Di Napoli G.* Giovanni Pico della Mirandola e la problematica dottrinale del suo tempo. Roma, 1965.
- Dobbs B.J.T.* The Foundations of Newton's Alchemy or "The Hunting of the Greene Lyon". Cambridge, 1975.
- Dorez L.* Lettres inédites de Jean Pic de la Mirandole // Giornale storico della letteratura italiana. 1895. Vol. 25. P. 353–359.
- Dorez L., Thuasne L.* Pic de la Mirandole en France (1485–1488). P., 1897.
- Dulles A.* Princeps Concordiae: Pico della Mirandola and the Scholastic Tradition. Cambridge, MA, 1941.
- Edelheit A.* Ficino, Pico, and Savonarola: The Evolution of Humanist Theology. 1461/2–1498. Leiden; Boston, 2008.
- Engel M.* Elijah del Medigo and Paduan Aristotelianism: Investigating the Human Intellect. L., 2016.
- Euler W.A.* *Pia philosophia et docta religio*: Theologie und Religion bei Marsilio Ficino und Giovanni Pico della Mirandola. München, 1998.
- Farmer S.A.* Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486): the Evolution of Traditional Religious and Philosophical Systems. Tempe, 1998.
- Federici Vescovini G.* Pietro d'Abano e gli affreschi astrologici del Palazzo della Ragione di Padova // Labyrinthos. Studi e ricerche sulle arti dal Medioevo al Barocco. 1986. № 9. P. 50–75.
- Federici Vescovini G.* Michel Scot et la Theorica Planetarum Gerardi // Early Modern Science and Medicine. 1996. Vol. I. № 2. P. 272–282.
- Federici Vescovini G.* I programmi degli insegnamenti del Collegio di medicina, filosofia e astrologia, dello statuto dell'Università di Bologna // Roma, magistra mundi: itineraria culturae mediovalis. Mélanges offerts au Père L.E. Boyle à l'occasion de son anniversaire / Éd. J. Hamesse. Louvain, 1998. P. 193–223.
- Federici Vescovini G.* Medioevo magico: la magia tra religione e scienza nei secoli XIII e XIV. Torino, 2008.
- Field A.* Lorenzo Bonincontri and the First Public Lectures on Manilius (Florence, ca. 1475–1478) // Rinascimento. 1996. Vol. 36. P. 207–225.

- Field A.* The Platonic Academy of Florence // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. M.J.B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 359–376.
- Figala K.* Newton's Alchemy // The Cambridge Companion to Newton / Ed. I.B. Cohen and G.E. Smith. Cambridge, 2004. P. 370–386.
- Finamore J.F.* Iamblichus on Light and the Transparent // The Divine Iamblichus. Philosopher and Man of Gods / Ed. H.J. Blumenthal and E.G. Clark. Bristol, 1993. P. 55–64.
- Fine J.* Fedor Kuritsyn's *Laodikijskoe poslanie* and the Heresy of the Judaizers // *Speculum*. 1966. Vol. 41. P. 500–504.
- Fioravanti G.* Pico e l'ambiente ferrarese // Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994) / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1997. Vol. 1. P. 157–172.
- Floridi L.* The Diffusion of Sextus Empiricus's Works in the Renaissance // *Journal of the History of Ideas*. 1995. Vol. 56. № 1. P. 63–85.
- Förstel C.* Marsilio Ficino e il Parigino greco 1816 di Plotino // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma, 2006. P. 65–88.
- Fubini R.* L'umanesimo italiano. Problemi e studi di ieri e di oggi // *Studi francesi*. 2007. Vol. 51. № 3. P. 504–515.
- Fubini R.* Politica e pensiero politico nell'Italia del Rinascimento. Dallo Stato territoriale al Machiavelli. Firenze, 2009.
- Fubini R.* Profezia e riforma nel pensiero di Girolamo Savonarola // *Studi slavistici*. 2010. Vol. 7. P. 299–311.
- Gabrieli V.* Giovanni Pico and Thomas More // *Moreana*. 1967. Vol. 15–16. P. 43–57.
- Garfagnini G.C.* Pico e Savonarola // Pico, Poliziano e l'Umanesimo di fine Quattrocento / A cura di P. Viti. Firenze, 1994. P. 149–157.
- Garfagnini G.C.* La questione astrologica tra Savonarola, Giovanni e Gianfrancesco Pico // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 117–137.
- Garin E.* Pico della Mirandola. Vita e dottrina. Firenze, 1937.
- Garin E.* La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Firenze, 1979.
- Garin E.* Lo zodiaco della vita. La polemica sull'astrologia dal Trecento al Cinquecento. Roma; Bari, 2007.
- Garzaniti M.* Библия и экзегеза в России XVI в. Новая интерпретация «Послания» старца Елеазаровского монастыря Филофея дьяку Мисюрю Григорьевичу Мунехину // Библийские цитаты в церковнославянской литературе. Пиза, 2003. С. 6–17.
- Gentile S.* Pico filologo // Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994) / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1997. Vol. 2. P. 465–490.
- Gilson S.* Tradition and Innovation in Cristoforo Landino's Glosses on Astrology in His *Comento sopra la Comedia* (1481) // *Italian Studies*. 2003. Vol. 58. P. 48–74.
- Ginzburg D.* Giotto's Sky: The Fresco Paintings of the First Floor Salone of the Palazzo della Ragione, Padua, Italy // *Journal for the Study of Religion, Nature and Culture*. 2013. Vol. 7. № 4. P. 407–433.
- Giovanni e Gianfrancesco Pico: l'opera e la fortuna dei due studenti ferraresi / A cura di P. Castelli. Firenze, 1998.
- Giovanni Pico della Mirandola e la cabballà / A cura di F. Lelli. Firenze, 2014.
- Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994) / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1997.
- Grafton A.* Commerce with the Classics: Ancient Books and Renaissance Readers. Ann Arbor, 1997.
- Grafton A.* Cardano's Cosmos. The Worlds and Works of a Renaissance Astrologer. Cambridge, MA, 1999.

- Grant E. Planets, Stars, and Orbs. The Medieval Cosmos, 1200–1687. Cambridge, 1996. Vol. 1–2.
- Gray H. Renaissance Humanism: the Pursuit of Eloquence // Journal of the History of Ideas. 1963. Vol. 24. № 4. P. 497–514.
- Hamesse J. *Idea chez les auteurs philosophiques des XII et XIIIe siècles* // Idea. Atti del VI Colloquio Internazionale del Lessico Intellettuale Europeo (5–7 gennaio 1989) / A cura di M. Fattori e M.L. Bianchi. Roma, 1990. P. 99–135.
- Hankins J. The Myth of the Platonic Academy of Florence // Renaissance Quarterly. 1991. Vol. 44. № 3. P. 429–475.
- Hankins J. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Roma. 2003–2004. Vol. 1–2.
- Hankins J. Machiavelli, Civic Humanism, and the Humanist Politics of Virtue // Italian Culture. 2014. Vol. 34. № 2. P. 98–109.
- Haney J. The *Laodicean Epistle*: Some Possible Sources // Slavic Review. 1971. Vol. 30. № 4. P. 832–842.
- Haskins C. The Sicilian Translators of the Twelfth Century and the First Latin Version of Ptolemy's *Almagest* // Harvard Studies in Classical Philology. 1910. Vol. 21. P. 75–102.
- Haskins C. The Renaissance of the Twelfth Century. Cambridge, MA, 1927.
- Hasse D.N. Success and Suppression. Arabic Sciences and Philosophy in the Renaissance. Cambridge, MA; L., 2016.
- Hebrew to Latin, Latin to Hebrew: the Mirroring of Two Cultures in the Age of Humanism / Ed. G. Busi. Torino, 2006.
- Hendrix S. How Albert the Great's *Speculum astronomiae* was Interpreted and Used by Four Centuries of Readers: a Study in Late Medieval Medicine, Astronomy and Astrology. Lewiston, 2010.
- Hirai H. Concepts of Seeds and Nature in Marsilio Ficino // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. M.J.B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 257–284.
- Hirai H. Le concept de semence dans les théories de la matière à la Renaissance: de Marsile Ficin à Pierre Gassendi. Turnhout, 2005.
- Hirai H. Medical Humanism and Natural Philosophy. Renaissance Debates on Matter, Life and the Soul. Leiden, 2011.
- Hladký V. The Philosophy of Gemistos Plethon: Platonism in Late Byzantium, between Hellenism and Orthodoxy. Farnham, 2014.
- Hübner W. The Culture of Astrology from Ancient to Renaissance // A Companion to Astrology in the Renaissance / Ed. B. Dooley. Leiden; Boston, 2014. P. 17–58.
- Idel M. *Prisca theologia* in Marsilio Ficino and in Some Jewish Treatments // Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. M.J.B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln, 2002. P. 137–158.
- Il linguaggio dei cieli. Astri e simboli nel Rinascimento / A cura di G. Ernst and G. Giglioini. Roma, 2012.
- Kibre P. The Library of Pico della Mirandola. N.Y., 1936.
- Kidwell C. Pontano. Poet and Prime Minister. L., 1991.
- Klibansky R., Panofsky E., Saxl F. Saturn and Melancholy: Studies in the History of Natural Philosophy, Religion and Art. L., 1964.
- Klustein I. Marsile Ficin et la théologie ancienne. Oracles Chaldaïques, Hymnes Orphiques, Hymnes de Proclus. Firenze, 1987.
- Kraye J. Stoicism in the Philosophy of the Italian Renaissance // The Routledge Handbook of the Stoic Tradition / Ed. J. Sellars. L., 2016. P. 132–144.
- Kristeller P.O. Supplementum Ficinianum. Firenze, 1937. Vol. 1–2.
- Kristeller P.O. Marsilio Ficino and His Work after Five Hundred Years // Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 1. P. 15–196.

- Kristeller P.O.* Studies in Renaissance Thought and Letters. Roma, 1956–1996. Vol. 1–4.
Kristeller P.O. Il pensiero filosofico di Marsilio Ficino. Firenze, 2005.
 L'opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'Umanesimo. Firenze, 1965. Vol. 1–2.
Lemay R. Abu Ma'shar and Latin Aristotelianism in the Twelfth Century: The Recovery of Aristotle's Natural Philosophy through Arabic Astrology. Beirut, 1962.
Lemay R. Origin and Success of the *Kitab Thamara* of Abu Ja'far ibn Yusuf ibn Ibrahim: From the Tenth to the Seventeenth Century in the World of Islam and the Latin West // Proceedings of the First International Symposium for the History of Arabic Science. Aleppo, 1976. Vol. 2. P. 91–107.
Lerner M.-P. Le monde des spheres. P., 1996–1997. Vol. 1–2.
Lines D. Aristotle's Ethics in the Italian Renaissance (ca. 1300–1650): the Universities and the Problem of Moral Education. Leiden, 2002.
Mahoney E. Giovanni Pico della Mirandola and Elia del Medigo, Nicoletto Vernia and Agostino Nifo // Giovanni Pico della Mirandola. Convegno internazionale di studi nel cinquecentesimo anniversario della morte (1494–1994) / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1997. Vol. 1. P. 127–156.
Mandonnet P. Roger Bacon et le *Speculum Astronomiae* (1277) // Revue néoscholastique de philosophie. 1910. Vol. 17. P. 313–335.
Mandosio J.-M. Filosofia, arti e scienze: l'enciclopedismo di Angelo Poliziano // Poliziano nel suo tempo. Atti del VI convegno internazionale (Chianciano-Montepulciano, 18–21 luglio 1994) / A cura di L. Tarugi Secchi. Firenze, 1996. P. 135–164.
Mandosio J.-M. Les sources antiques de la classification des sciences et des arts à la Renaissance // Les voies de la science grecque / Éd. D. Jacquart. Genève, 1997. P. 331–390.
Marcel R. Marsile Ficin (1433–1499). P., 1958.
Marcel R. La fortune d'Hermès Trismégiste à la Renaissance // L'humanisme français au début de la Renaissance / Éd. A. Stegmann. P., 1973. P. 137–154.
Marrone D. Tassonomia umanistica nel *Panepistemon* di Angelo Poliziano: la *divinatio* nella classificazione delle discipline // Platonismus und Esoterik in byzantinischem Mittelalter und italienischer Renaissance / Hrsg. von H. Seng. Heidelberg, 2013. S. 129–148.
 Marsilio Ficino e il ritorno di Platone / A cura di S. Gentile, S. Niccoli e P. Viti. Firenze, 1984.
 Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 1–2.
 Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma, 2006.
 Marsilio Ficino: His Theology, His Philosophy, His Legacy / Ed. M.J.B. Allen and V. Rees with M. Davies. Leiden; Boston; Köln, 2002.
Martines L. Fire in the City. Savonarola and the Struggle for Renaissance Florence. Oxford, 2006.
Masai F. Pléthon et le platonisme de Mistra. P., 1956.
Masour-Matusevich Y. Le siècle d'or de la mystique française. De Jean Gerson à Jacques Lefèvre d'Étaples. P., Milan, 2004.
Meyvaert P. The Autographs of Peter the Deacon // Bulletin of the John Rylands Library. 1955. Vol. 38. P. 114–138.
 Michele Savonarola. Medicina e cultura di corte / A cura di C. Crisciani and G. Zuccolin. Firenze, 2011.
Monfasani J. Criticism of Biblical Humanism in Quattrocento Italy // Biblical Humanism and Scholasticism in the Age of Erasmus / Ed. E. Rummel. Leiden; Boston, 2008. P. 15–38.
Monfasani J. George of Trebizond: a Biography and a Study of His Rhetoric and Logic. Leiden, 1976.
Monfasani J. Il Perotti e la controversia tra platonici ed aristotelici // Res Publica Litterarum. 1981. Vol. 4. P. 195–231.

- Monfasani J.* Pletho's Date of Death And the Burning of His Laws // *Byzantinische Zeitschrift*. 2006. Vol. 98. S. 93–97.
- Monfasani J.* The Pre- and Post-History of Cardinal Bessarion's 1469 *In Calumniatorem Platonis* // *Inter graecos latinissimus, inter latinos graecissimus: Bessarion zwischen den Kulturen* / Hrsg. von C. Märkl, C. Kaiser, T. Ricklin. Berlin, 2013. S. 347–366.
- Muccillo M.* Platonismo, ermetismo e *prisca theologia*. Ricerche di storiografia filosofica rinascimentale. Firenze, 1996.
- Mugnai Carrara D.* La biblioteca di Nicolò Leonicensio. Tra Aristotele e Galeno: cultura e libri di un medico umanista. Firenze, 1991.
- Mugnai Carrara D.* Profilo di Nicolò Leonicensio // *Interpres*. 1979. Vol. 2. P. 169–212.
- Nardi B.* Saggi sull'aristotelismo padovano dal secolo XIV a XVI. Firenze, 1958.
- Naylor R.* Galileo, Copernicanism and the Origins of the New Science of Motion // *The British Journal for the History of Science*. 2003. Vol. 36. № 2. P. 151–181.
- Naylor R.* Galileo's Tidal Theory // *Isis*. 2007. Vol. 98. № 1. P. 1–22.
- Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008.
- Ogilvie B.* The Science of Describing. Natural History in Renaissance Europe. Chicago, 2006.
- Ogren B.* Renaissance and Rebirth. Reincarnation in Early Modern Italian Kabbalah. Leiden; Boston, 2009.
- Ogren B.* The Forty-Nine Gates of Wisdom as Forty-Nine Ways to Christ: Giovanni Pico della Mirandola's *Heptaplus* and Nahmanidean Kabbalah // *Rinascimento*. 2009. Vol. 49. P. 27–43.
- Oosterhoff R.J.* A Book, a Pen, and the *Sphere*: Reading Sacrobosco in the Renaissance // *History of Universities*. 2015. Vol. 28. № 2. P. 1–54.
- Ostrowski D.* "Moscow the Third Rome" as Historical Ghost // *Byzantium: Faith and Power (1261–1557): Perspectives on Late Byzantine Art and Culture* / Ed. S.T. Brooks. N.Y., 2006. P. 170–179.
- Panizza L.* Pico della Mirandola et *Il Genere Dicendi Philosophorum* del 1485: L' encomio paradossale dei "Barbari" e la loro parodia // *I Tatti Studies: Essays in the Renaissance*. 1999. Vol. 8. P. 69–103.
- Paravicini Bagliani A.* Le *Speculum Astronomiae*, une énigme? Enquête sur les manuscrits. Firenze, 2001.
- Parke H.W.* Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity. L.; N.Y., 1988.
- Pedersen O.* A Survey of the *Almagest* / Ed. A. Jones. N.Y.; Dordrecht, 2011.
- Pennuto C.* The Debate on Critical Days in Renaissance Italy // *Astro-Medicine: Astrology and Medicine, East and West* / Ed. A. Akasoy, C. Burnett and R. Yoeli-Tlalim. Firenze, 2008. P. 75–98.
- Perrone Compagni V.* Pico sulla magia: problemi di causalità // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 95–115.
- Perrone Compagni V.* *Tutius ignorare quam scire*: Cornelius Agrippa and Scepticism // *Renaissance Scepticisms* / Ed. G. Paganini and J.R. Maia Neto. Dordrecht, 2009. P. 91–110.
- Piemontese A.M.* Il Corano latino di Ficino e i Corani arabi di Pico e Monchates // *Rinascimento*. 1996. Vol. 36. P. 227–273.
- Pingree D.* The Indian Iconography of the Decans and Horâs // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1963. Vol. 26. № 3–4. P. 223–254.
- Pingree D.* The Diffusion of Arabic Magical Texts in Western Europe // *La diffusione delle scienze islamiche nel Medio evo europeo* / A cura di B. Scarcia Amoretti. Roma, 1987. P. 57–98.

- Pingree D. Indian Planetary Images and the Tradition of Astral Magic // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1989. Vol. 52. P. 1–13.
- Polichetti A. La cultura tardoantica nelle *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* di Pico della Mirandola // Giovanni e Gianfrancesco Pico: l'opera e la fortuna dei due studenti ferraresi / A cura di P. Castelli. Firenze, 1998. P. 121–136.
- Pomata G. *Praxis Historialis: the Uses of Historia in Early Modern Medicine // Historia. Empiricism and Erudition in Early Modern Europe* / Ed. G. Pomata and N.G. Siraisi. Cambridge, MA, 2005. P. 105–146.
- Pompeo Faracovi O. Scritto negli astri: l'astrologia nella cultura dell'Occidente. Venezia, 1996.
- Pompeo Faracovi O. Gli oroscopi di Cristo. Venezia, 1999.
- Pompeo Faracovi O. Destino e fato nelle pagine astrologiche di Marsilio Ficino // Nella luce degli astri: l'astrologia nella cultura del Rinascimento / A cura di O. Pompeo Faracovi. Sarzana, 2004. P. 1–24.
- Pompeo Faracovi O. In difesa dell'astrologia: risposte a Pico in Bellanti e Pontano // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze, 2008. P. 47–66.
- Pompeo Faracovi O. Girolamo Cardano e il ritorno a Tolomeo // Il linguaggio dei cieli. Astri e simboli nel Rinascimento / A cura di G. Ernst and G. Gigliani. Roma, 2012. P. 125–138.
- Popkin R. *The History of Scepticism: From Savonarola to Bayle*. Oxford; N.Y., 2003.
- Rabassini A. La concezione del Sole secondo Marsilio Ficino: note sul *Liber de Sole* // *Momus*. 1997. Vol. 5. № 7–8. P. 115–133.
- Rabassini A. L'analogia platonica tra il Sole e il Bene nell'interpretazione di Marsilio Ficino // *Rivista di storia della filosofia*. 2005. Vol. 60. P. 609–630.
- Rabassini A. *Amicus lucis: Considerazioni sul tema della luce in Marsilio Ficino* // Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma, 2006. P. 255–294.
- Rabin S. Pico on Magic and Astrology // Pico della Mirandola. *New Essays* / Ed. M.V. Dougherty. Cambridge, 2008. P. 152–178.
- Renaissance Scepticisms* / Ed. G. Paganini and J. R. Maia Neto. Dordrecht, 2009.
- Renaudet A. *Préréforme et humanisme à Paris pendant les premières guerres d'Italie: 1494–1517*. Genève, 1981.
- Rice E., Jr. Humanist Aristotelianism in France. Jacques Lefèvre d'Étaples and His Circle // *Humanism in France at the End of the Middle Ages and in the Early Renaissance* / Ed. A.H.T. Levi. Manchester, 1970. P. 132–149.
- Ridolfi R. *Vita di Girolamo Savonarola*. Roma, 1952. Vol. 1–2.
- Rigo A. Bessarione, Giovanni Regiomontano e i loro studi su Tolomeo a Venezia e Roma (1462–1464) // *Studi veneziani*. 1991. Vol. 21. P. 49–110.
- Rinaldi M. Pontano, Trapezunzio ed il *Graecus Interpretes* del *Centiloquio* pseudotolemaico // *Atti dell'Accademia Pontaniana*. 1999. Vol. 48. P. 125–171.
- Rinaldi M. *Sic itur ad astra*. Giovanni Pontano e la sua opera astrologica nel quadro della tradizione manoscritta della *Mathesis* di Giulio Firmico Materno. Napoli, 2002.
- Rinaldi M. L'astrologia degli umanisti // *Il linguaggio dei cieli. Astri e simboli nel Rinascimento* / A cura di G. Ernst e G. Gigliani. Roma, 2012. P. 73–89.
- Roulier F. Jean Pic de la Mirandole (1463–1494). *Humaniste, philosophe et théologien*. Genève, 1989.
- Ruderman D.B. Giovanni Mercurio da Correggio's Appearance in Italy as Seen through the Eyes of an Italian Jew // *Renaissance Quarterly*. 1975. Vol. 28. P. 309–322.
- Russo L. *Flussi e riflussi. Indagine sull'origine di una teoria scientifica*. Milano, 2003.
- Rutkin D. *Astrology, Natural Philosophy and the History of Science, c. 1250–1700: Studies toward an Interpretation of Giovanni Pico della Mirandola's Disputationes adversus astrologiam divinatricem*. Ph. D. dissertation, Indiana University, 2002.

- Rutkin D. Galileo Astrologer: Astrology and Mathematical Practice in the Late-Sixteenth and Early-Seventeenth Centuries // *Galilaeana. Journal of Galilean Studies*. 2005. Vol. 2. P. 107–143.
- Rutkin D. *Magia, cabala, vera astrologia. Le prime considerazioni sull'astrologia di Giovanni Pico della Mirandola* // *Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le Disputationes contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi*. Firenze, 2008. P. 31–45.
- Ryan W. Aristotle in Old Russian Literature // *The Modern Language Review*. 1968. Vol. 63. № 3. P. 650–658.
- Ryan W. The Old Russian Version of the Pseudo-Aristotelian *Secreta Secretorum* // *The Slavonic and East European Review*. 1978. Vol. 6. № 2. P. 242–260.
- Ryan W. Aristotle and Pseudo-Aristotle in Kievan and Muscovite Russia // *Pseudo-Aristotle in the Middle Ages: The Theology and Other Texts / Ed. J. Krayer, W.F. Ryan and C. Schmitt*. L., 1986. P. 97–109.
- Ryan W. Maimonides in Muscovy: Medical Texts and Terminology // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1988. Vol. 51. P. 43–65.
- Ryan W. *The Bathhouse at Midnight. An Historical Survey of Magic and Divination in Russia*. University Park, Pennsylvania, 1999.
- Saffrey H.D. Florence, 1492: The Reappearance of Plotinus // *Renaissance Quarterly*. 1996. Vol. 49. № 3. P. 488–508.
- Saif L. *The Arabic Influences on Early Modern Philosophy*. Basingstoke; N.Y., 2015.
- Sarnowsky J. Concepts of Impetus and the History of Mechanics // *Mechanics and Natural Philosophy before the Scientific Revolution / Ed. W.R. Laird and S. Roux*. Boston, 2007. P. 121–145.
- Septicism from the Renaissance to the Enlightenment / Ed. R.H. Popkin and C.B. Schmitt. Wiesbaden, 1987.
- Schmidt-Biggemann W. *Philosophia perennis. Historical Outlines of Western Spirituality in Ancient, Medieval and Early Modern Thought*. Dordrecht, 2004.
- Schmitt C. Gianfrancesco Pico's Attitude toward His Uncle // *L'opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'Umanesimo*. Firenze, 1965. Vol. 2. P. 305–313.
- Schmitt C. Perennial Philosophy from Agostino Steuco to Leibniz // *Journal of the History of Ideas*. 1966. Vol. 27. P. 505–532.
- Schmitt C. Gianfrancesco Pico della Mirandola (1469–1533) and His Critique of Aristotle. The Hague, 1967.
- Schmitt C. *Prisca Theologia e Philosophia Perennis: due temi del Rinascimento italiano e la loro fortuna* // *Il pensiero italiano del Rinascimento e il tempo nostro / A cura di G. Tarugi*. Firenze, 1970. P. 211–236.
- Secret F. Nouvelles précisions sur Flavius Mithridates, maître de Pico della Mirandola et traducteur de commentaires de Kabbale // *L'opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'Umanesimo*. Firenze, 1965. Vol. 2. P. 169–187.
- Secret F. *I cabbalisti cristiani del Rinascimento*. Roma, 2001.
- Seymore J. The life of Ibn Ridwān and His Commentary on Ptolemy's *Tetrabiblos*. Ph. D. dissertation. Columbia University, 2001.
- Sharples R.W. Alexander of Aphrodisias, *De Fato*: Some Parallels // *The Classical Quarterly*. 1978. Vol. 28. № 2. P. 243–266.
- Soldati B. *La poesia astrologica nel Quattrocento. Ricerche e studi*. Firenze, 1906.
- Soranzo M. Giovanni Gioviano Pontano (1429–1503) on Astrology and Poetic Authority // *Aries*. 2011. Vol. 11. № 1. P. 23–52.
- Soranzo M. Reading Marsilio Ficino in Renaissance Italy. The Case of Aragonese Naples // *Quaderni d'italianistica*. 2012. Vol. 23. № 1. P. 27–46.

- Spruit L.* Species intelligibilis. From Perception to Knowledge. Vol. 2. Renaissance Controversies, Later Scholasticism, and the Elimination of the Intelligible Species in Modern Philosophy. Leiden;N.Y.;Köln, 1995.
- Tambrun B.* Marsile Ficin et le Commentaire de Pléthon sur les *Oracles Chaldaïques* // Accademia (Revue de la Société Marsile Ficin). 1999. Vol. 1. P. 9–48.
- Tambrun B.* Ficin, Pléthon et les mages disciples de Zoroastre // Marsile Ficin: les platonismes à la Renaissance / Éd. P. Magnard. P., 2001.
- Tambrun B.* Pléthon. Le retour de Platon. P., 2006.
- Tateo F.* Umanesimo etico di Giovanni Pontano. Lecce, 1972.
- Taub M.* The *Poem on the Soul* in the *Laodicean Epistle* and the Literature of the Judaizers // Rhetoric of the Medieval Slavic World. 1995. P. 671–685.
- Tester J.* A History of Western Astrology. L., 1999.
- Thoren V.* The Lord of Uraniborg: A Biography of Tycho Brahe. Cambridge, 1990.
- Thorndike L.* A History of Magic and Experimental Science. N.Y., 1923–1958. Vol. 1–8.
- Thorndike L.* The True Place of Astrology in the History of Science // *Isis*. 1955. Vol. 46. № 3. P. 273–278.
- Thorndike L.* Michael Scot. L., 1965.
- Todd R.* The Manuscripts of the Pseudo-Proclan *Sphaera* // Revue d'histoire des textes. 1993. Vol. 23. P. 57–71.
- Toussaint S.* Giovanni Pico e il Picus: un mito per la teologia poetica // Giovanni e Gianfrancesco Pico: L'opera e la fortuna di due studenti ferraresi / A cura di P. Castelli. Firenze, 1998. P. 3–15.
- Toussaint S.* L'esprit du Quattrocento. Le *De Ente et Uno* de Pic de la Mirandole. P., 1995.
- Trinkaus C.* The Astrological Cosmos and Rhetorical Culture of Giovanni Gioviano Pontano // Renaissance Quarterly. 1985. Vol. 38. № 3. P. 446–472.
- Trinkaus C.* Coluccio Salutati's Critique of Astrology in the Context of His Natural Philosophy // *Speculum*. 1989. Vol. 64. № 1. P. 46–68.
- Tromboni L.* Girolamo Savonarola lettore di Platone: edizione e commento del *De doctrina Platoniorum* // Rinascimento. 2006. Vol. 46. P. 133–213.
- Tromboni L.* *Inter omnes Plato et Aristoteles*. Gli appunti filosofici di Girolamo Savonarola. Porto, 2012.
- Trovato S.* Il giorno della morte di Pletone (26 giugno): una *imitatio Iuliani*? // *Byzantinische Zeitschrift*. 2013. Vol. 106. № 1. S. 163–173.
- Truitt E.R.* Celestial Divination and Arabic Science in Twelfth-Century England: The History of Gerbert of Aurillac's Talking Head // *The Journal of the History of Ideas*. 2012. Vol. 73. № 2. P. 201–222.
- Valcke L.* I *Calculatores*, Ermolao Barbaro e Giovanni Pico della Mirandola // L'edicazione e la formazione intellettuale nell'età dell'Umanesimo / A cura di L. Rotondi Secchi Tarugi. Milano, 1992. P. 275–284.
- Valcke L.* Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique. P., 2005.
- Vanden Broecke S.* The Limits of Influence: Pico, Louvain, and the Crisis of Renaissance Astrology. Leiden;Boston, 2003.
- Vanhaelen M.* The Pico-Ficino Controversy: New Evidence in Ficino's Commentary on Plato's *Parmenides* // Rinascimento. 2009. Vol. 49. P. 1–39.
- Vanhaelen M.* L'entreprise de traduction et d'exégèse de Ficin dans les années 1486–1489: demons et prophétie à l'aube de l'ère savonarolienne // *Humanistica*. 2010. Vol. 4. № 1. P. 125–136.
- Vanhaelen M.* Ficino and Savonarola on Prophecy: an Anti-Savonarolan Reading of St Paul's First Epistle to the Romans (1497) // *The Rebirth of the Platonic Theology* / Ed. J. Hankins and F. Meri. Firenze, 2013. P. 205–233.
- Vasoli C.* Lucio Bellanti // *Dizionario biografico degli italiani*. Roma, 1965. Vol. 7. P. 597–599.

- Vasoli C. Studi della cultura del Rinascimento. Manduria, 1968.
- Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // *Magia, astrologia e religione nel Rinascimento*. Wrocław, 1974. P. 16–29.
- Vasoli C. Dalla pace religiosa alla *prisca theologia* // *Firenze e il Concilio del 1439* / A cura di P. Viti. Firenze, 1994. P. 3–25.
- Vasoli C. *Prisca theologia* e scienze occulte nell'umanesimo fiorentino // *Storia d'Italia. Annali 25: Esoterismo* / A cura di G.M. Cazzaniga. Torino, 2010. P. 175–205.
- Vickers B. Critical Reactions to the Occult Sciences during the Renaissance // *The Scientific Enterprise. The Bar-Hillel Colloquium: Studies in History, Philosophy, and Sociology of Science*. Vol. 4 / Ed. E. Ullmann-Margalit. Dordrecht, 1992. P. 43–92.
- Viti P. Ficino, Platone e Savonarola // *Marsilio Ficino: fonti, testi, fortuna* / A cura di S. Toussaint e S. Gentile. Roma, 2006. P. 295–318.
- Von Lilienfeld F. Die "Häresie" des Fedor Kuricyn // *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte*. 1978. Bd. 24. S. 39–64.
- Walker D. P. The *Prisca Theologia* in France // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1954. Vol. 17. № 3–4. P. 204–259.
- Walker D. *The Ancient Theology: Studies in Christian Platonism from the Fifteenth to the Eighteenth Century*. L., 1972.
- Walker D.P. Ficino and Astrology // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti* / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 2. P. 341–349.
- Walker D.P. *Spiritual and Demonic Magic from Ficino to Campanella*. University Park, Pennsylvania, 2000.
- Weil E. La philosophie de Pietro Pomponazzi. Pic de la Mirandole et la critique de l'astrologie. P., 1985.
- Weill-Parot N. Les "images astrologiques" au Moyen Âge et à la Renaissance. Spéculations intellectuelles et pratiques magiques (XII–XV siècles). P., 2002.
- Westman R.S. *The Copernican Question. Prognostication, Skepticism, and Celestial Order*. Berkeley; Los Angeles; L., 2011.
- Wilkinson R.J. *Tetragrammaton: Western Christians and the Hebrew Name of God*. Leiden; Boston, 2015.
- Williams S. *The Secret of Secrets: the Scholarly Career of a Pseudo-Aristotelian Text in the Middle Ages*. Ann Arbor, 2003.
- Wind E. The Revival of Origen // *Studies in Art and Literature for Belle da Costa Greene* / Ed. D. Miner. Princeton, 1954. P. 412–424.
- Wirszubski C. Giovanni Pico's Book of Job // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 1969. Vol. 32. P. 171–199.
- Wirszubski C. *Pico della Mirandola's Encounter with Jewish Mysticism*. Cambridge, MA, 1989.
- Wolters A.M. The First Draft of Ficino's Translation of Plotinus // *Marsilio Ficino e il ritorno di Platone. Studi e documenti* / A cura di G.C. Garfagnini. Firenze, 1986. Vol. 1. P. 305–329.
- Woodhouse C. *George Gemistos Plethon: the Last of the Hellenes*. Oxford, 1986.
- Yates F.A. *Giordano Bruno and the Hermetic Tradition*. L., 1964.
- Zambelli P. Giovanni Mainardi e la polemica sull'astrologia // *L'opera e il pensiero di Giovanni Pico della Mirandola nella storia dell'Umanesimo*. Firenze, 1965. Vol. 2. P. 205–279.
- Zambelli P. Le problème de la magie naturelle à la Renaissance // *Magia, astrologia e religione nel Rinascimento*. Wrocław, 1974. P. 48–82.
- Zambelli P. *The Speculum astronomiae and Its Enigma: Astrology, Theology and Science in Albertus Magnus and His Contemporaries*. Dordrecht; Boston; L., 1992.

- Zambelli P. L'apprendista stregone. Astrologia, cabala e arte lulliana in Pico della Mirandola e seguaci. Venezia, 1995.
- Zambelli P. White Magic, Black Magic in the European Renaissance. Leiden; Boston, 2007.
- Zanier G. Il problema astrologico nelle prime opere di Giovanni Pico della Mirandola // La Cultura. 1970. Vol. 8. P. 524–551.
- Zanier G. Struttura e significato delle *Disputationes pichiane* // Giornale critico della filosofia italiana. 1981. Vol. 1. № 1. P. 54–86.
- Акопян О.Л. Максим Грек, Савонарола и борьба с астрологией // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2013. № 42. С. 91–103.
- Акопян О.Л. Платон и Ренессанс: «древняя теология» и примирение с Аристотелем // Платоновский сборник (Приложение к Вестнику Русской христианской гуманитарной академии) / Под ред. И.А. Протопоповой и др. М.; СПб., 2013. Т. 2. С. 320–340.
- Акопян О.Л. Что такое «гуманизм»? От Ренессанса к современности // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. № 45. С. 117–130.
- Акопян О.Л. Астрология Марсилио Фичино и средневековая традиция // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2014. № 49. С. 66–88.
- Акопян О.Л. От споров об астрологии к новой астрономии? К вопросу об одной историографической проблеме // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. № 4. С. 625–641.
- Акопян О.Л. Ренессансная магия как духовное явление (на примере текстов конца XV–начала XVI в.) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2016. № 57. С. 76–92.
- Баталов А.Л. Судьбы ренессансной традиции в средневековой культуре: итальянские формы в русской архитектуре XVI в. // Искусство христианского мира / Отв. ред. А.А. Воронова. М., 2001. Т. 5. С. 135–142.
- Варбург А. Великое переселение образов / Пер. Е. Козиной и др. СПб., 2008.
- Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. М., 2002.
- Виноградов К.П. Приписываемый Роберту Гроссетесту трактат о приливах // Историко-астрономические исследования. 2005. № 30. С. 227–257.
- Де Либера А. Средневековое мышление / Пер. О.В. Головой и А.М. Руткевича. М., 2004.
- Дмитриева М.Э. Италия в Сарматии. Пути Ренессанса в Восточной Европе. М., 2015.
- Журова Л.И. Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиция. Новосибирск, 2008–2011. Т. I–II.
- Зверева В.В. «Изобретение» естественной истории в интеллектуальных сообществах натуралистов XVI в. // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2011. № 36. С. 9–34.
- Золотухина Н.М. Политико-правовая мысль России XVI в.: Филофей и «Филофеев круг». М., 2015.
- Зубов В.П. Неизвестный русский перевод «Трактата о сфере Иоанна Сакробоско» // Историко-астрономические исследования / Под ред. П.Г. Куликовского. М., 1962. С. 209–221.
- Йейтс Ф.А. Джордано Бруно и герметическая традиция / Пер. Г.М. Дашевского. М., 2000.
- Иконников В.С. Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев, 1915.
- Исаченко Т.А. Является ли Харьковский список Травника 1534 г. автографом перевода Николая Бюлова // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2009. № 2. С. 97–109.

- Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV–начала XVI в. М.;Л., 1955.
- Кассирер Э. Индивид и космос в философии Возрождения. М., 2000.
- Каталог палеонтологов из собрания Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета / Под ред. А.Х. Горфункеля. Л., 1977.
- Киселева М.С. Интеллектуальный выбор России второй половины XVII–начала XVIII в.: от древнерусской книжности к европейской учености. М., 2011.
- Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М., 2008.
- Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
- Малинин В.Н. Старец Елеазарова монастыря Филорей и его послания. Историко-литературное исследование. Киев, 1901.
- Матасова Т.А. О статусе и правах итальянских архитекторов в России в последней четверти XV–первой половине XVI в. // Собирачество и меценатство в эпоху Возрождения / Под ред. А.В. Доронина и О.Ф. Кудрявцева. М., 2015. С. 57–70.
- Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.
- Подъяпольский С.С. К вопросу о своеобразии архитектуры московского Успенского собора // Успенский собор Московского Кремля. Материалы и исследования / Под ред. Э.С. Смирновой. М., 1985. С. 24–51.
- Подъяпольский С.С. Итальянские мастера в России XV–XVI вв. // Россия и Италия. Встреча культур. М., 2000. Т. IV. С. 28–53.
- Пузино И.В. О религиозно-философских воззрениях М. Фичино // Исторические известия. 1917. № 2. С. 91–111.
- Робинсон А.Н. Симеон Полоцкий — астролог // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 176–183.
- Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977.
- Синицына Н.В. Третий Рим. Истоки и эволюция русской средневековой концепции (XV–XVI вв.). М., 1998.
- Синицына Н.В. Новые данные об итальянском периоде жизни преподобного Максима Грека // Вестник церковной истории. 2006. № 1. С. 193–199.
- Синицына Н.В. Максим Грек. М., 2008.
- Синицына Н.В. Обрушился ли преподобный Максим Грек в Москве на итальянский гуманизм // Словесия, институты и государственная власть в России: Средние века и раннее Новое время. Сб. ст. памяти академика Л.В. Черепнина / Отв. ред. В.Л. Янин и В.Д. Назаров. М., 2010. С. 15–34.
- Тауб М. Послесловие к «Логическим терминам» Маймонида и ересь жидовствующих // In memoriam: Сборник памяти Я.С. Лурье / Сост. Н.М. Ботвинник и Е.И. Ванеева. СПб., 1997. С. 239–246.
- Чумакова Т.В. Немецкие влияния в культуре допетровской Руси. Медицина // Русско-немецкие связи в биологии и медицине. СПб., 2002. Т. 4. С. 5–14.
- Чумакова Т.В. Рецепция Аристотеля в древнерусской культуре // Человек. 2005. № 2. С. 58–69.

Указатель имен

- Абозар (Абу Машар) – 94
Абу Бакр ал-Хасан ибн ал-Касиб – 94
Абу Бакр Мухаммад ибн Туфайл – 95
Абу Машар (Альбумазар) – 72, 85–86, 89–91, 93–94, 101–102, 131–132, 141, 146, 164, 179
Абубатер – 94
Абулафия, Авраам – 138
Абуназар (Абу Наср Мухаммад ибн Мухаммад ал-Фараби) – 94
Августин Гиппонский, св. – 63–64, 66, 104–105, 111, 113, 133, 150, 159, 182, 185, 193, 197, 199, 217, 219
Аверроэс – 51, 57, 125, 161, 178, 204, 208
Авиценна – 51, 57, 59–60, 161, 178, 208, 226
Авл Геллий – 53
Авраам – 102–103, 140–141
Авраам Еврей (Авраам Бар Хийя Ха-Нази) – 95
Агриппа Неттесгеймский, Корнелий – 169–170
Адам – 98, 101–102, 139–140
Аделард Батский (Аделанд) – 89–90, 132, 174–175
Адриан, император – 94
Александр VI, папа Римский – 153
Александр Афродисийский – 54–55, 178, 204–206, 217
Александр Македонский – 93, 188
Алексей Михайлович, царь – 189
ал-Кабиси – 95
ал-Кинди – 31, 89, 91, 95, 182
Альберт Великий – 78, 96, 104–108, 113, 164
Альберти, Леон Баттиста – 204
Альпетрагий – 175
Альфонс I, король Неаполя – 81, 211, 218
Альфонс II, король Неаполя – 218
Альфонс Кастильский (Мудрый) – 77–78, 96, 102, 146
Амвросий Медиоланский, св. – 64, 160
Аммоний – 57, 175
Антон Мария Пико дела Мирандола – 15
Антонин Пий, император – 94
Антонио Беккаделли (Панормита) – 211, 214
Антонио Гевара, граф Потенцы – 218
Апостол Павел – 99, 106, 108
Апулей – 161
Арат Солийский – 214, 227
Аристотель – 17, 19–20, 38–39, 41–42, 51, 54–56, 60–61, 69–71, 76, 90, 104–105, 107, 110–111, 113–116, 120, 122–128, 133, 137, 146, 149, 161–164, 170–171, 174, 176–179, 188, 197–198, 203–204, 207–208, 210, 217–219, 224, 231
Арнольд из Виллановы – 92, 96, 119
Артефий – 107
Ауриспа, Джованни – 149
Ахмад ибн Юсуф ал-Мишри – 80, 227
Барбаро, Эрмолао – 18, 22, 139
Бардезан – 65
Беда Достопочтенный – 36, 103
Белланти, Леонардо – 200
Белланти, Лучо – 48–49, 95, 155, 165, 200–211, 221, 223, 229
Бембо, Пьетро – 168
Бенивьени, Джироламо – 21–24, 27, 34, 36, 39–40, 51, 76, 80
Бернардино, Пьетро – 169
Бойардо, Джулия – 15–16
Бойардо, Маттео Мариа – 15
Бонатти, Гвидо – 79, 96–97, 101, 180, 205
Бонинконтри, Лоренцо – 215, 229
Боттичелли, Сандро – 9, 157
Боэций – 171, 177
Браге, Тихо – 8
Браччолини, Поджо – 213, 219–221
Булёв (Бюлов, Немчин), Николай – 191–192, 194, 196
Бьянка Мария д'Эсте – 167–168
Бэкон, Роджер – 8, 31, 96–98, 101, 104, 106–108, 136, 175, 180, 182–183, 196
Бэкон, Фрэнсис – 171
Валла, Лоренцо – 216, 219, 222
Вальк, Луи – 20, 67
Василий III, великий князь – 191–192, 194
Василий Великий, св. – 64, 160
Вейль-Паро, Никола – 105
Вергилий – 134
Веспуччи, Джорджо Антонио – 149
Вивес, Хуан Луис – 193
Вильгельм из Мербеке – 55, 113
Вильгельм Парижский – 178, 182
Виржубски, Хаим – 27–28
Виссарион, кардинал – 71, 149
Витторино из Фельтре – 214

- Гален – 60, 130, 175
 Галеотто (сын Лодовико Пико и Франчески Тривульцио) – 168
 Галеотто Пико делла Мирандола – 15, 167
 Галилей, Галилео – 8, 130–131, 231
 Гарэн, Эудженио – 19, 156, 175
 Гассенди, Пьер – 171
 Гварино из Вероны – 214
 Гвиччардини, Франческо – 218
 Гемин – 74
 Генрих Гессенский – 58, 161, 178
 Георгий Гемист (Плифон) – 16, 135, 172
 Георгий Трапезундский – 70–71, 80–81, 109
 Герард Кремонский – 69–70, 113
 Герасимов, Дмитрий – 193
 Герберт Орильякский (Сильвестр II) – 212
 Германн из Каринтии – 90
 Гермес Трисмегист – 30, 33, 35, 52–53, 133, 135, 143
 Гермипп – 31
 Гомер – 202
 Горфункель, Александр – 155–156
 Грациан – 160
 Григорий Великий, св. – 160
 Гуарико, Лука – 49
 д'Эсте, герцоги – 16, 167, 169
 Давид – 103
 Даллес, Эвери – 15
 Даниил из Морли – 213
 Данте – 147
 Де Либера, Ален – 113
 Дель Медико, Элиа – 17
 Демокрит – 31, 53, 138, 142, 161, 176, 203
 Джан Джакомо Тривульцио – 168
 Джанфранческо I Пико делла Мирандола – 15
 Джанфранческо Пико делла Мирандола – 15, 30, 45, 47–49, 51, 134, 139–140, 143–144, 146, 148–149, 153, 155–157, 161, 165, 167–186, 190, 196, 204
 Джентиле, Джованни – 30
 Джованни Пико делла Мирандола – 10–11, 13, 15–43, 45–70, 72–89, 91–117, 120–134, 137–150, 153–158, 160–168, 170, 172–186, 189–190, 194–198, 200–211, 214–217, 219, 221–225, 228–231
 Джултини, Франческо – 49
 Дзамбелли, Паола – 105, 108
 Дзаньер, Джанкарло – 19
 Дзордзи, Франческо – 137
 Диагор (см. Пифагор)
 Дидим Слепой – 65
 Диоген Лаэртский – 53, 176
 Дмитрий Донской, князь – 192
 Евдокс из Книда – 57, 142, 144, 161, 178
 Евсевий Кесарийский – 64–65, 102
 Зороастр – 30, 33, 35, 52–53, 133, 135
 Иафет – 141
 Ибн Эзра (Авраам Испанец, Авеназра), Авраам – 36–37, 88, 91, 95, 139, 196
 Иеремия, пророк – 103
 Иероним, св. – 104, 141, 160
 Изабелла Кастильская – 218
 Иннокентий VIII, папа Римский – 28, 153, 222–223
 Иоанн Дунс Скот – 51, 105, 206–208, 210, 217, 221
 Иоанн Златоуст, св. – 64, 160, 182
 Иоанн из Севильи (Иоанн Севильский) – 90, 187
 Иоанн Сакробоско – 74, 188
 Ионик – 140–141
 Иосиф Флавий – 141
 Исаак из Нарбонны – 36
 Йейтс, Френсис А. – 19
 Кавини, Вальтер – 184
 Камерарий, Иоахим – 81
 Кампано из Новары, Джованни – 78, 105
 Кардано, Джироламо – 8, 72, 81, 99, 109, 230
 Карл VIII, король Франции – 18, 153, 218
 Карнеад – 53, 178
 Кароти, Стефано – 155–156
 Карпов, Федор – 191–192, 195–197
 Кассиодор – 97
 Кассирер, Эрнст – 30
 Катон, Иоанн – 178
 Кеплер, Иоганн – 8, 231
 Коллис, Роберт – 196
 Консальво из Кордовы – 218
 Константин Великий – 15, 192
 Копенхейвер, Брайан – 20, 49
 Коперник, Николай – 8, 155, 175, 231
 Корнео, Андреа – 23
 Кортезио, Паоло – 215
 Космико да Феррара, Никколò Лелио – 193
 Кричито, Пьетро – 165
 Курицын, Федор – 188
 Лактанций – 24
 Ласкарис, Иоанн – 190
 Лев, папа Римский – 160
 Леви бен Гершон – 77
 Леоничено, Николò – 59–60, 204

- Леопольд Австрийский, средневековый астролог – 78
 Лефевр д'Этапль, Жак – 154
 Лодовико Моро – 192
 Лодовико Пико – 168
 Лосев, Алексей – 10
 Лукин (личность не установлена) – 58, 179, 204
 Майнарди, Джованни – 47–48, 184
 Максим Грек (Михаил Триволис) – 187, 189–199
 Малатеста, Сиджизмондо – 135
 Мамай – 192
 Манилий – 179, 205, 214–215, 226–227
 Мануций, Альд – 117, 190, 214
 Маргарита – 22–23
 Марлиани, Джованни – 58, 179
 Маша'аллах – 89, 91
 Медичи, Джулиано Мариотто – 22
 Медичи, Козимо – 16
 Медичи, Лоренцо – 22, 28, 138, 156, 203
 Медичи, Пьеро – 117
 Медичи, семья – 17, 168, 190, 204
 Меланхтон, Филипп – 81
 Менахем бен Реканати – 138
 Меркурий из Корреджо, Джованни – 9
 Мерула, Георгий – 17
 Мефодий – 140–141
 Митридат, царь – 154
 Михаил Скот – 146
 Моисей – 26, 91, 138, 192
 Мор, Томас – 29–30, 148
 Моше бен Рахман (Нахманид) – 138
 Мунехин, Мисюрь – 194
 Нарди, Бруно – 15
 Нези, Джованни – 169
 Никколи, Никколò – 213
 Николай V, папа Римский – 70
 Нифо, Агостино – 193
 Ной – 140–141
 Ньютон, Исаак – 8
 Овидий – 107
 Оккам, Уильям – 17
 Омар (Умар), астролог – 95
 Орем, Николай – 58, 155–156, 178
 Ориген – 57–58, 160, 178, 182, 206
 Орфей – 33, 53, 135, 165
 Панетий – 53, 176
 Паравичини Бальяни, Агостино – 105, 108
 Перотти, Никколò – 71
 Петр I – 189
 Петр Дьякон – 213
 Петр из Айи – 8, 67, 96–102, 104, 108, 136, 175, 180, 205
 Петр Коместор – 141
 Петрарка, Франческо – 213, 219
 Петруччи, Пандольфо – 200
 Пиррон – 221–222
 Пифагор – 31, 52–53, 138, 142, 161, 176, 198, 203
 Плагон – 9, 19–20, 23, 25, 27, 31, 35, 38–39, 42, 51, 54–57, 71, 76, 104, 116–117, 133, 136, 138, 142, 144, 149, 161–162, 171, 176–177, 179, 182, 185, 198, 203, 206, 208, 220, 224, 227–228, 231
 Плиний – 60
 Плотин – 9–10, 24–25, 31, 38, 54–56, 62, 113, 116, 119, 125, 145, 161, 177, 204
 Плутарх – 53, 176
 Пойербах, Георг – 71
 Полициано, Анджело – 16–17, 38, 51, 59–62, 150, 154, 157, 165–166
 Помпео Фаракови, Орнелла – 205–206
 Помпонацци, Пьетро – 163–164
 Понтано, Джованни Джовиано – 72, 81, 211–212, 214–229
 Порфирий – 31, 55–56, 145–146, 177, 181, 204
 Присциан – 216
 Прокл (также Псевдо-Прокл) – 56, 73–75, 77, 113, 116, 178, 183, 185
 Псевдо-Дионисий Ареопагит – 160
 Птоlemeи, царский род – 93
 Птоlemeй, Клавдий (также Псевдо-Птоlemeй) – 67–78, 80–82, 84–89, 92–93, 95, 104, 109, 114, 129, 140–141, 145–146, 164, 174, 179, 185, 204, 206–208, 210, 212, 224, 226–228
 Пузино, Иван – 10
 Рабан Мавр – 103
 Райан, Уильям – 187
 Раткин, Даррел – 20–21
 Региомонтан – 71
 Рейхлин, Иоганн – 137
 Ретик, Иоахим – 155
 Ринальди, Микеле – 212, 214
 Ромул и Рем – 182
 Рулье, Фернан – 45
 Савонарола, Джироламо – 9–10, 29, 38, 41, 47–49, 96, 133, 140, 144, 148–149, 153–170, 173, 176, 179, 186, 189–190, 194–195, 197–203, 210, 217, 222–223, 230

- Савонарола, Микеле – 169
 Салютати, Колюччо – 219–221
 Севериан – 97
 Северы, императорский род – 55
 Секст Эмпирик – 149–150, 161, 169–170, 184, 186, 222
 Секст Юлий Фронтин – 213
 Сенека – 176, 204
 Сидоний Аполлинарий – 65
 Сим – 141
 Синицына, Нина – 196
 Сольдати, Бенедетто – 214
 Соранцо, Маттео – 227
 Стеуко, Агостино – 172
 Страбон – 36
 Суммонте, Пьетро – 216–218, 223
 Тампье, Стефан, епископ – 136
 Татиан – 173
 Теон Александрийский – 71
 Тертуллиан – 64
 Торндайк, Линн – 7–8
 Тосканелли, Паоло – 58, 178
 Тривульцио, Франческа – 168
 Тринкаус, Чарлз – 228
 Уильям Малмсберийский – 212
 Уокер, Дэниел – 19, 61, 155
 Фаворин – 53, 161
 Фалес Милетский – 143, 145
 Феодорит Киррский – 53, 64, 176
 Фердинанд Арагонский – 218
 Феррандино Арагонский – 218
 Ферранте Арагонский – 218
 Филельфо, Франческо – 149
 Филипп Триполитанский – 187
 Филон Александрийский – 141
 Филофей – 194
 Фирмик Матерн – 55–56, 85, 177, 179, 204, 212–214, 227
 Фичино, Марсилио – 9–10, 16–17, 19–21, 23–25, 35, 39, 41, 51–53, 59–62, 99, 108, 116–120, 135–137, 145, 150, 154–155, 157, 165, 172, 179–181, 183, 204, 206, 217, 219, 227–229, 231
 Флавий Митридат – 27–28, 138
 Фома Аквинский – 51, 64, 66, 96, 104–105, 108, 111, 113, 122, 133, 156, 159, 162–163, 185, 206–210, 217, 219, 221
 Фридрих II – 146–147
 Фубини, Риккардо – 159
 Хали Абенрагель – 75–76, 95
 Хали ибн Ридван (Авенродан) – 81, 86, 95, 164, 227
 Халкидий – 228
 Хам – 141
 Хендрикс, Скотт – 106
 Цецилий – 202
 Цицерон – 24, 40, 53, 150, 170–171, 178, 204, 219–221
 Чекко д'Асколи – 99
 Читтадини, Антонио – 51
 Шёнер, Иоханнес – 155–156
 Штёфлер, Иоганн – 191
 Эгидий из Витербо – 138, 217
 Эмпедокл – 138
 Эпикур – 53, 171, 178, 198
 Эразм Роттердамский – 196
 Этик – 107
 Юлий II – 167, 191
 Юстиниан – 65, 160
 Яков из Сан Кассиано (Яков Кремонский) – 70
 Ямвлих – 56, 116–117, 120, 133, 145, 172

Summary

This study is devoted to the astrological debates in Renaissance Italy in the late fifteenth and early sixteenth centuries. These episodes are often considered to be important for the reconsideration of the status of astrology in the Renaissance. Yet, the texts that form the basis for these debates have not received the attention they deserve. I argue that in the *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* the Italian scholar Giovanni Pico della Mirandola questioned the compatibility of astrology with religion and philosophy, on the one hand, and astronomy as astrology's theoretical basis, on the other. Without going into reforming astronomy or modifying obsolete mathematical calculations, Pico put forward the problem of astrology within Renaissance intellectual culture.

The *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* has been referred to as 'the most extensive and incisive attack on astrology that the world had yet seen'. The text was never completed due to Giovanni Pico's sudden death in 1494 and was published posthumously by his nephew Gianfrancesco Pico della Mirandola in 1496. The treatise consists of twelve stylistically heterogeneous books. Even a cursory analysis of the language and structure of the *Disputationes* indicates that Giovanni Pico had no time to edit his text. There is a lack of cohesion between the two halves of the work: the first six books are well-structured and uniform in terms of both stylistic features and content. The rest of the treatise, from the seventh to the twelfth book, consists primarily of notes on practical aspects of astrology. Nonetheless, Giovanni Pico's line of argument against astrology as a dangerous superstition is clearly reflected through the whole work.

Girolamo Savonarola and Giovanni Pico's nephew, Gianfrancesco Pico della Mirandola, both close to Giovanni Pico at the late stage of his career, evolved Pico's attack on astrology. It is important to note that since the posthumous publication of the *Disputationes* in 1496, Giovanni Pico's anti-astrological treatise has been suspected to be a forgery; even Pico's contemporaries and, in particular, his opponents believed that Gianfrancesco Pico della Mirandola and his collaborator Giovanni Mainardi had altered the original text to serve the interest of their spiritual mentor Girolamo Savonarola. But this study will show that there is no clear sign of any textual modification of the *Disputationes*, although both Savonarola and Gianfrancesco Pico appropriated Giovanni Pico's arguments against astrology, thus distorting the core of his attack: from that moment on, the *Disputationes* was often considered not a comprehensive and multi-faceted critique of astrology, but a religiously motivated invective.

Giovanni Pico's ideas received support beyond Italy: Maximus the Greek, an Orthodox monk who in the late fifteenth-century had become a novice of the Dominican order at San Marco in Florence and served as Gianfrancesco Pico's secretary, criticised astrology in his *Epistles against Astrology* composed already in Muscovy. Written by Maximus about 1524, the *Epistles* are a perfect example of anti-Latin polemics in medieval Russia. Their author, who had earlier intended to become a Catholic monk, turned into an ardent opponent of Catholicism and, in general, of the Western mode of thinking. Having based his attack on astrology, considered as a 'Latin vice', on the Bible and on the works of Greek Holy Fathers, he tried to underline the gap between the true Christian religion and the Catholic Church stuck in superstitions, false faith, and heresies. To show his orientation towards Orthodox theological tradition and to substantiate the doctrines of human free will and God's omnipotence, which, according to him, contradict the grounds of astrological speculations, he quoted Greek Fathers, while among Latin Fathers he mentioned but Augustine. Unlike his Italian predecessors, Maximus the Greek limited his anti-astrological polemics to theological aspects, all but omitting philosophical and natural arguments against predictions. Nevertheless, in some situations, when he needed to quote Latin Fathers or ancient philosophers like Aristotle, he referred to the works of Savonarola and Giovanni Pico della Mirandola without mentioning their names. Thus, Maximus' wish to discredit astrological ideas in Russia forced him to appeal to the legacy, which in fact he fought against.

At the same time, several scholars opposed Giovanni Pico's *Disputationes*. These include Lucio Bellanti and Giovanni Pontano. Both read the *Disputationes* before its publication in 1496. Their reaction to Giovanni Pico's treatise was immediate, which allows us to place their writings into the context of anti-astrological polemics without taking into consideration the subsequent political, philosophical, or scientific interpretations. Despite the difference of their arguments against Pico's attack on astrology, in their writings both Bellanti and Pontano intended to restore the high position of the so-called "Christian astrology".

Thus, this book will provide for the first time a comprehensive study of Giovanni Pico's *Disputationes* and its immediate reception.

Contents

Introduction	7
Part I. <i>Scientia naturalis</i>, Kabbalah, and Celestial Spheres:	
Giovanni Pico della Mirandola on Astrology (1486–1493)	13
§ 1. The <i>Commento alla canzona d'amore di Girolamo Benivieni</i>	22
§ 2. The <i>Trilogy</i>	27
§ 3. The <i>Heptaplus</i> and the <i>Expositiones in Psalmos</i>	35
Part II. From Recognition to Criticism:	
Giovanni Pico della Mirandola versus Astrology	43
Chapter I. The <i>Disputationes adversus astrologiam divinatricem</i> : Structure and Features	45
Chapter II. Reading Texts: Giovanni Pico della Mirandola and His Sources	50
Chapter III. <i>Optimus malorum</i> : Ptolemy and the “Astrological Tradition” in the <i>Disputationes adversus astrologiam divinatricem</i>	67
§ 1. Giovanni Pico’s Criticism of Astrological Practices	73
§ 2. Pseudo-Ptolemy’s <i>Centiloquium</i> in the <i>Disputationes</i> <i>adversus astrologiam divinatricem</i>	80
§ 3. The “Great Conjunctions”, Abu Ma’shar, and “Other” Astrologers	89
§ 4. Astrology in the Service of Religion?	95
Chapter IV. Back to Aristotle? Natural Philosophy in the <i>Disputationes adversus astrologiam divinatricem</i>	110
Chapter V. The Sins of Youth: Giovanni Pico della Mirandola versus <i>prisca theologia</i>	134
Part III. Astrology after the <i>Disputationes adversus astrologiam divinatricem</i>:	
<i>pro and contra</i>	151
Chapter I. Public Theology: Girolamo Savonarola and His <i>Contro gli astrologi</i>	153
Chapter II. <i>Praenotio</i> , <i>prisca haeresis</i> , and Astrology: Gianfrancesco Pico della Mirandola between Savonarola and Giovanni Pico	167
Chapter III. With “Latins” against “Latin Vice”: Maximus the Greek and the Reception of Astrological Debates in Sixteenth-Century Muscovy	187
Chapter IV. Replying Point by Point: Lucio Bellanti and the “Christian Astrology”	200
Chapter V. Translator, Poet, Courtier: Giovanni Pontano versus Giovanni Pico della Mirandola	211
Conclusion	230
Bibliography	232
Index of names	249
Summary	253
Contents	255

Научное издание
Акопян Ованес Львович
**Волки в овечьих шкурах:
«Рассуждения против прорицательной астрологии»
и ренессансная мысль Италии
конца XV–начала XVI в.**

Макет и оформление Я.В. Быстрова

Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать
на электронный адрес серии: medieval.books@mail.com

Подписано в печать 10.07.2018. Формат 70×100/16. Заказ № 389.
Тираж 500 экз. 18,6 уч.-изд. л.

Отпечатано в Акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

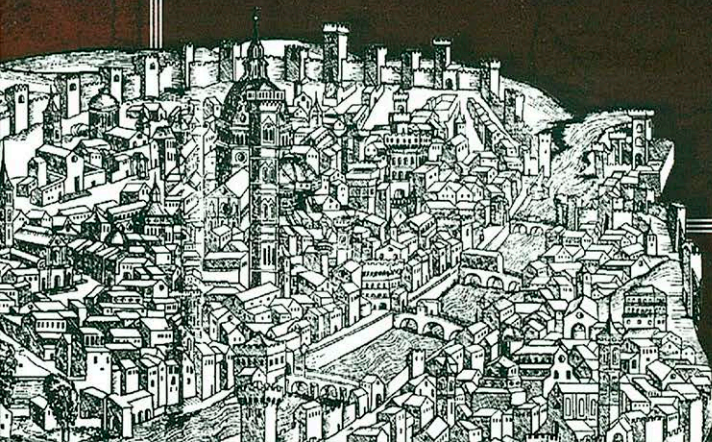

О.Л. Акопян

Волки в овечьих шкурах

«Рассуждения против
прорицательной астрологии»
и ренессансная мысль Италии
конца XV–начала XVI в.

В книге рассматриваются споры о статусе астрологии, которые развернулись в ренессансной Италии конца XV–начала XVI в. Причиной дискуссии послужила публикация в 1496 г. последнего трактата Джованни Пико делла Мирандола (1463–1494) «Рассуждения против прорицательной астрологии». Выделявшийся образованностью и широтой интересов даже на фоне своих современников и еще при жизни ставший легендой, Джованни Пико подверг астрологию сокрушительной критике. Его поддержали Джироламо Савонарола и племянник Джованни Пико Джанфранческо Пико делла Мирандола, после смерти дяди готовивший «Рассуждения» к печати. Правда, публикация трактата встретила столь же сильную оппозицию, в частности, со стороны главы неаполитанской Академии Джованни Понтано. Наконец, отголоски полемики донесли до Руси, где против астрологических прорицаний выступил Максим Грек, в момент публикации «Рассуждений» находившийся в Италии и поддерживавший тесную связь с Джанфранческо Пико и Савонаролой.

9 785987 128350